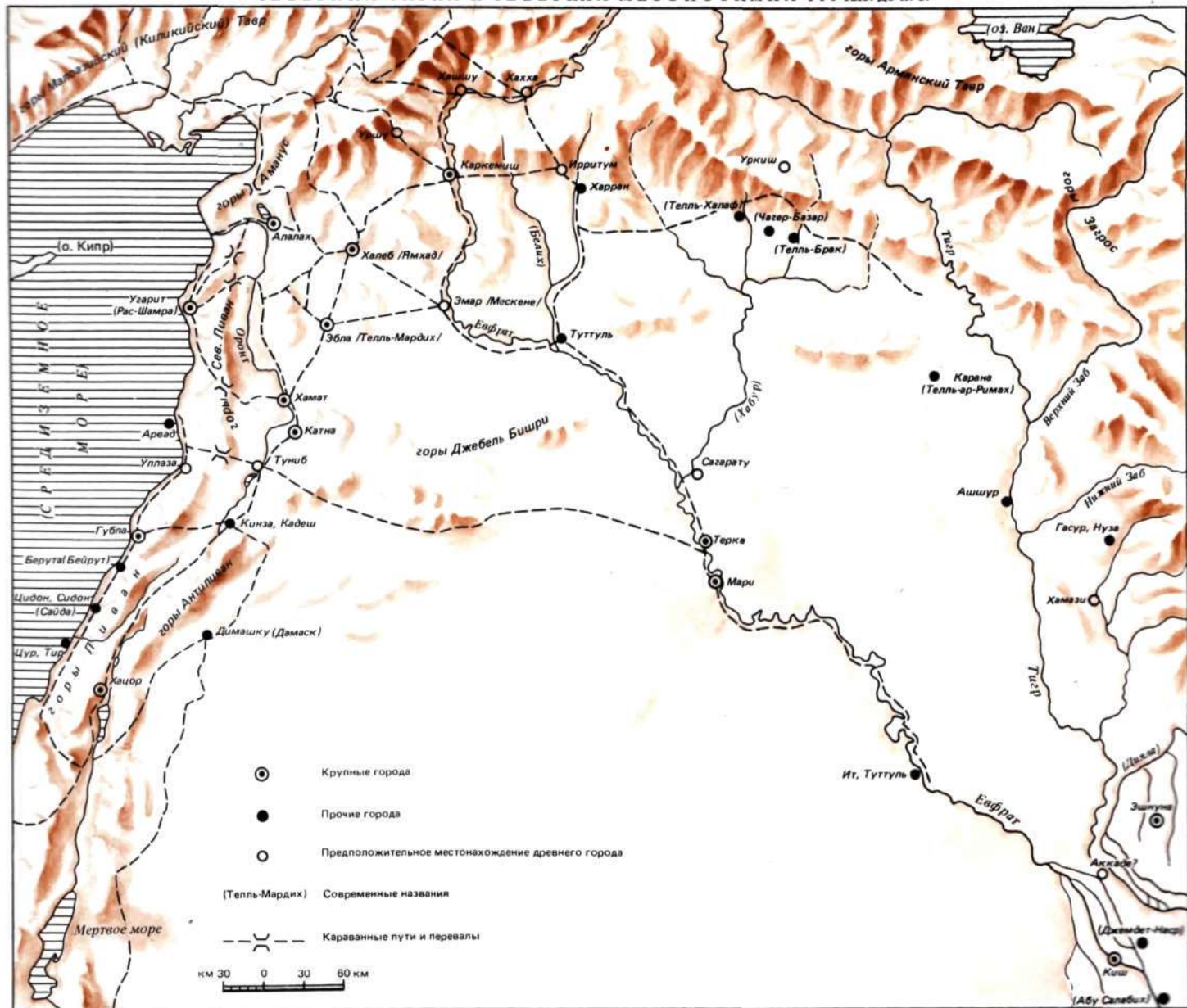

СЕВЕРНАЯ СИРИЯ И СЕВЕРНАЯ МЕСОПОТАМИЯ III тыс. до н. э.

ДРЕВНЯЯ ЭБЛА

(Раскопки в Сирии)

Составление и введение П. Маттиэ

*Общая редакция и заключительная статья
И. М. Дьяконова*

МОСКВА • ПРОГРЕСС

1985

Переводы с английского, итальянского, немецкого
и французского языков

Рецензенты доктора филологических наук
Вяч. Вс. Иванов и В. П. Нерознак

Редактор *В. Д. Мазо*

Крупнейшим открытием в области филологии, археологии и истории древнего мира за послевоенный период является обнаружение итальянскими и сирийскими археологами царства и города Эблы в Сирии, где было найдено множество клинописных документов. Настоящий сборник построен на основе докладов, прочитанных учеными разных стран на симпозиуме по проблемам Эблы в Риме 27—29 мая 1980 г., а также работ, опубликованных в журнале «Studi Eblaïti». Введение написано специально для настоящего сборника его составителем итальянским ученым Паоло Маттиэ.

Сборник рассчитан на историков, археологов, лингвистов, а также всех интересующихся проблемами Древнего Востока.

© Составление, введение, заключительная статья, перевод на русский язык —
издательство «Прогресс», 1985

Д $\frac{460200000-266}{006(01)-85}$ 64-85

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство «Прогресс» предлагает вниманию советских читателей сборник статей, посвященных историко-культурным памятникам цивилизации Эблы — древнего города, открытого итальянской археологической миссией в Сирии под холмом Мардих. Громадный архив документов административно-хозяйственного, дипломатического, правового, мифологического и словарного характера, найденный в царском дворце Эблы, относится к III тысячелетию до н. э. — времени, которое ранее для Сирии считалось бесписьменным. Проблематикой, связанной с археологией, историей и ранее не известным языком древней Эблы, занимаются специалисты по древнему Востоку разных специальностей в разных странах мира. Это объясняется исключительным значением памятников Эблы для социальной и этнической истории древней Передней Азии.

В предлагаемом сборнике, составленном итальянским ученым — главой итальянской археологической миссии в Сирии профессором Паоло Маттиэ, представлены виднейшие специалисты из Европы и США.

ВВЕДЕНИЕ

РАСКОПКИ ЭБЛЫ 1964—1982 гг.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 1960 г., всего за несколько лет до начала раскопок в Тель-Мардихе (древней Эбле, в 55 км к югу от Халеба), выдающийся американский археолог Р. Дж. Брейдвуд выразил удивление по поводу отсутствия в Верхней Сирии каких-либо остатков развитой городской культуры III тысячелетия до н. э. В 1961 г. В. фон Зоден заметил, что написать историю Анатолии и Сирии III тысячелетия до н. э. невозможно, потому что эти районы в то время не знали письменности. В 1966 г. Дж. Меллаарт констатировал, что только Египет и Месопотамия создали в период Ранней бронзы цивилизации, обладавшие письменностью. Но он надеялся, что будущие раскопки в Сирии дадут более точные данные о местной традиции и ее особенностях. Однако, когда в 1955 г. были опубликованы результаты раскопок в Тель-Атчане/Алалахе (в районе Антиохии), осуществленных Ч. Л. Вулли, пришлось частично пересмотреть прежние воззрения, что оказалось весьма плодотворным. С одной стороны, Б. Хроуда (еще в 1958 г.) установил, что в Алалахе было не 18 слоев, а 14 и что слои XIV—VIII (а не XVIII—VIII, как называли их раньше) целиком укладываются в промежуток не более двух веков в начале II тысячелетия до н. э. С другой стороны, У. Моортгат-Корренс, Х. Дж. Кантор и Э. Порада извлекли из богатого материала глиптики Алалаха VII, относящейся к периоду 1750—1650 гг. до н. э., данные, необходимые для пересмотра хронологии цилиндрических печатей, которые затем были впервые названы древнесирийскими. В те же годы А. Франкфорт, проявив большую проницательность, указал на особую важность культуры Алалаха VII. По его мнению, здесь открылись оригинальные, типично сирийские элементы, которые следует рассматривать как исторически предшествующие дальнейшей сирийской традиции. Оценив в 1962 г. важное значение этого критического пересмотра ранее господствовавших мнений, я приступил к более глубокому изучению вопросов, касающихся самостоятельности и преемственности

развитой старосирийской культуры. Отказ от широко признанной теории преемственности иноземных влияний как основного элемента исторического развития материальной культуры II тысячелетия до н. э. в Сирии позволил представить в совершенно новом свете проблеме возникновения этой культуры, которую мы называем развитой старосирийской культурой XVIII—XVII вв. до н. э., из культуры архаического старосирийского периода 2000—1800 гг. до н. э.

Важность решения исторической проблемы возникновения и развития старосирийской культуры привела к раскопкам в Телль-Мардихе, которые были начаты в 1964 г. итальянской археологической экспедицией, направленной в Сирию Римским университетом. Я счел Телль-Мардих наиболее подходящим местом по трем причинам, на которых остановлюсь здесь вкратце. Во-первых, керамический подъемный материал бесспорно свидетельствовал о том, что поселение, находившееся на месте Телль-Мардиха, имело большое значение как раз между концом периода РБ¹ III и концом СБ² II, то есть приблизительно между 2500 и 1500 гг. до н. э. Во-вторых, это поселение площадью 56 гектаров было вторым по размерам из числа бегло обследованных во Внутренней Сирии в 20-е годы Р. Мениль дю Бюиссоном, уступая только городищу Мишриффе (древняя Катна); это создавало уверенность в том, что данный городской центр играл первостепенную роль в свой период. В-третьих, на поверхности телля по счастливой случайности был найден большой и тяжелый резной таз; его сначала ошибочно датировали началом I тысячелетия до н. э., тогда как на самом деле он восходит к XIX в. до н. э.; этот предмет привлек внимание к тому факту, что в указанный период город имел сложившуюся дворцовую производственную структуру и располагал мастерскими, работавшими на высоком художественном уровне. Приведенные соображения побудили меня избрать Телль-Мардих в качестве места, где следовало приступить к систематическим изысканиям, имевшим целью дополнить и расширить весьма предварительные данные, которые до тех пор поступали преимущественно из Телль-Атчаны/Алалаха, а также с городищ Амука и Хамы. Таким образом, мы уже могли сделать попытку реконструировать развитие культуры Сирии в период между концом РБ III и концом СБ II. Еще до итальянских раскопок, в 1928 г., крестьяне рассказывали У. Ф. Олбрайту, совершавшему путешествие из Иерусалима в Багдад, о крупном телле в районе Телль-Афиса. Это был, несомненно, Телль-Мардих, но Олбрайт не знал его наименования и не посещал его. В 30-х годах, будучи руководителем раскопок в Хаме, Х. Ингхольт посетил Телль-Мардих.

¹ Ранней бронзы.— *Прим. ред.*

² Средней бронзы.— *Прим. ред.*

В 60-х годах, когда начинались раскопки Телль-Чузры, побывал там и А. Моортгат. Но никто из них не оставил каких-либо данных об этих посещениях.

Во время первого десятилетия работы в Телль-Мардихе (1964—1973 гг.) ход раскопок соответствовал порядку, принятому при исследовании городищ СБ I—II, периода аморейских династий в Месопотамии и Сирии, соответствующих старосирийской культуре времени ее расцвета. На пятом году раскопок, в 1968 г., Телль-Мардих был отождествлен с древней Эблой. Нужно сказать, что бюст Иббит-Лима, эблаитского царевича, сына Игриш-Хепа, был найден за пределами слоя, к которому он должен относиться. Скульптуру следует датировать, по всей вероятности, началом архаического старосирийского периода. Бюст был посвящен богине Иштар, которую спустя годы после окончательного разрушения Эблы еще продолжали помнить в Ассирии как «Иштар Эблаитскую». После 1968 г. мы с возрастающим вниманием ожидали возможного обнаружения хорошо сохранившихся слоев РБ IV, когда Эбла, по свидетельству царских надписей династии Аккада, уже несомненно играла важную роль. Между тем раскопки сосредоточились на трех различных участках городища, имевших свою характерную топографию, а именно на участке мощной городской стены, большого кольцеобразного нижнего города и круглого центрального холма с акрополем.

Систематические и обширные изыскания первого десятилетия раскопок в Телль-Мардихе позволили получить сведения об Эбле — большом городском поселении, каким она была во время второй, и последней, фазы своего существования, приходящейся на архаический старосирийский, развитой старосирийский и поздний старосирийский периоды, или на период СБ I—II, соответствующий периоду аморейского преобладания и хурритской экспансии. Выявились два принципиально важных исторических события. Во-первых, перестройка города, осуществленная в начале второй фазы его существования, то есть в течение архаического старосирийского периода, в XX и начале XIX в. до н. э.; именно в этот период были сооружены большие земляные валы, величественные храмы и дворцовые здания. Во-вторых, полное разрушение Эблы, которое произошло в конце позднего старосирийского периода, незадолго до 1800 г. до н. э.; эта катастрофа, скорей всего, была связана с походом древнехеттского царя Мурсили I из Центральной Анатолии в Верхнюю Сирию. Первое десятилетие раскопок и затем последние годы работы нашей экспедиции начиная с 1978 г. дали картину древнесирийского города, которая вместе с тем является самой полной и выразительной картиной города периода СБ I—II вообще. Керамика Телль-Мардиха III A-B соответствует во Внутренней

Сирии Алалаху XII—VII, разрушенному за несколько лет до Эблы, а также Телль-Тукану A12 и Хаме Н, которые, очевидно, оказались в кризисном состоянии даже раньше, чем Алалах. Архитектура древнесирийской Эблы с ее укреплениями, городскими воротами, дворцами и храмами занимает свое определенное место в обширном сиро-палестинском единстве, в котором наряду с Эблой важную роль, несомненно, играли и другие северные центры — Катна, Алалах, Каркемиш, Халеб и Уршу, представлявшие собой соответствующие типологические модели. Искусство архаического старосирийского периода Эблы раскрывается в монументальных произведениях, которые позволяют говорить о существовании элиты, располагавшей внушительной политической властью; эти памятники указывают также на связи с анатолийскими городами-государствами времени староассирийских колоний. Только в глиптике древняя Эбла позднего этапа продолжает сохранять высокий уровень, но в ней уже отчетливо проявляются идейные и формальные достижения, характерные для дворцовой среды Ямхада³.

Данные из Телль-Мардиха III A-B, хотя они все еще не полны, будучи сопоставлены с более фрагментарными данными из таких центров, как Хама, Катна, Алалах, Каркемиш, Телль-Тукан, Тильмен-хююк, вынуждают нас радикально пересмотреть интерпретацию старосирийской культуры, предложенную А. Франкфортом. Теории Франкфорта, который связывал архаический период старосирийской культуры с египетской культурой Среднего царства, а ее развитой период — с культурой древнеавилонского царства и рассматривал старосирийскую культуру как провинциальную и периферийную, мы должны противопоставить представление о самостоятельной и непрерывно развивающейся старосирийской культуре. Гипотетически первая фаза этой культуры приходится на период Эблы, и, вероятно, именно Эбла осуществляла в этот период культурную гегемонию. Вторая фаза, бесспорно, относится к периоду политической гегемонии Халеба, причем не вызывает сомнения, что эта гегемония была не только политической. Часть интуитивных догадок Олбрайта, напротив, оказалась совершенно справедливой. Некоторые важные элементы культуры Палестины SB II B-C, несомненно, имеют северносирийское происхождение, однако мы не можем вслед за Олбрайтом считать их «гиксосскими». Для старосирийской городской культуры это неприемлемо даже в рамках военно-политической концепции самого Олбрайта, а в историографическом аспекте и вовсе не укладывается в трактовку, предлагаемую его школой. Старосирийская городская культура характери-

³ Царство Ямхад процветало в конце III — начале II тысячелетия до н. э. на месте современного города Халеба.— *Прим. ред.*

зуется большой плотностью поселений. Эта культура выросла на развалинах поздней раннесирийской культуры РБ IV B, по всей вероятности, в те же годы, когда в Вавилонии шло постепенное развитие ранней старовавилонской культуры династий Исмна и Ларсы, хотя оба процесса, несомненно, осуществлялись независимо друг от друга. Распространение говоров аморейского типа совпадает с распространением аморейской культуры в Верхней Сирии и происходило, вероятно, в течение XX в. до н. э. Однако весьма возможно, что архаический эблаитский язык имел относительно большее распространение и более длительное существование, чем можно было бы заключить, исходя из бесспорного факта исчезновения соответствующего типа керамики. Вполне вероятно, что это наблюдение касается также и элементов преемственности последних фаз РБ IV B как в области материальной, так и в области духовной культуры. То обстоятельство, что основы процветания были заложены уже в архаический период старосирийской культуры, подтверждается обширной и интенсивной урбанизацией, последовавшей за разрушением, положившим конец культуре РБ IV, однако характер этих основ все же остается для нас неясным. Тем не менее свидетельства о некоторых специфических культурных контактах с Анатолией и Верхней Месопотамией позволяют нам предположить существование интенсивных торговых связей между Верхней Сирией и Центральной Анатолией, а также между Верхней Сирией и Верхней Месопотамией, осуществлявшихся параллельно с общеизвестными торговыми отношениями между Ассирией и Анатолией. Абсолютную хронологию новой урбанизации в Верхней Сирии, и в частности в Эбле, установить пока не удается, так как отсутствуют бесспорные данные, однако вполне вероятно, что этот процесс уже происходил в XX в. до н. э. и стал более интенсивным в XIX в. до н. э.: в начале рассматриваемого архаического периода в Эбле царствовали, по всей вероятности, Игриш-Хеп и его сын Иббит-Лим. Эти цари известны по единственной пока монументальной вогивной надписи, обнаруженной в Эбле. К тому же архаическому периоду старосирийской культуры относится большая часть подразделений слоя Хамы H и слои Алалах XIV—IX. И те и другие содержат важные остатки значительных сооружений, но до сих пор еще должным образом не изучены. В соответствии с новейшим пересмотром абсолютной хронологии, предложенным У. Дж. Денером, именно на эти десятилетия приходится начало периода СБ II A в Палестине, а также восстановление старых поселений. Отнесение Р. Гофной, П. Беком и М. Кохави некоторых палестинских земляных укреплений на Саронской низменности к тому же периоду позволяет нам считать, что процесс новой урбанизации и укрепления поселений развивался в Сирии в те же десятилетия, что

и в Палестине. Впрочем, весьма возможно, что плотность и размеры городских поселений периода СБ I в Сирии были, как правило, большими, чем в современной им Палестине периода СБ II A.

В начале СБ I, в XX в. до н. э., внушительные валы Мардиха III A были глинобитными и выполнялись с применением *terre pisée* и «техники сэндвича», отождествленной Кэтлин Кенyon в Иерихоне. Эти валы имели в основании 40 метров и достигали высоты 20 метров. Их крутые наружные склоны были защищены у основания и выше по откосу крупными камнями. Большую часть земли для вала брали в непосредственной близости от наружного склона укреплений. Таким образом был создан круговой ров, увеличивавший относительную высоту всего укрепления. Согласно правильному наблюдению И. Ядина, земляные валы совершенствовались, с тем чтобы они могли противостоять ударам получавшего все большее распространение тарана. Возможно, описанные укрепления были самой древней системой обороны в период СБ I, хотя весьма вероятно, что их строители в какой-то мере следовали форме теллей, существовавших прежде; как бы то ни было, вопреки утверждению П. Дж. Парра для культуры архаического старосирийского периода это было новшеством. Земляная насыпь, которую возводили у наружной стороны стены, сложенной из необожженного кирпича, представляет собой более позднее и менее дорогостоящее нововведение в строительстве укреплений крупных городских центров периода СБ I, распространившееся от Верхней Сирии (например, цитадель Телль-Тукана) до Палестины (например, в Сихеме). Дальнейшее усовершенствование городских укреплений происходило, по-видимому, лишь в более поздней культуре СБ II C в Палестине и заключалось в облицовке городской стены камнем. Тип монументальных городских ворот с тремя парами контрфорсов и двумя воротами с боковыми помещениями функционально связан со значительной толщиной земляных валов и представлен юго-западными городскими воротами Мардиха III A-B. Этим классическим городским воротам Эблы предшествуют другие ворота, выдвинутые вперед, с двумя парами контрфорсов и двором между ними. Это прообраз аналогичных древних сооружений поздней Средней бронзы II A или начала Средней бронзы II B в Хащере и в Гезере, для которых характерны неглубокие боковые помещения. Городские ворота Эблы позволили впервые изучить систему запоров. Несомненно, что оба входа имели запоры с внутренней стороны дверей, но доступ к воротам непосредственно из города отсутствовал и был возможен только через помещение гарнизона, которому надлежало охранять стену. Городские ворота Алалаха VII, относящиеся к архаическому типу, северо-восточные и юго-восточные мегалитические городские ворота Телль-Тукана, как, вероятно,

и более поздние восточные и западные ворота Катны, а также Речные ворота Каркемиша, датировка которых вызывает сомнения, свидетельствуют о широком распространении описываемого типа сооружений в Верхней Сирии; некоторые из названных ворот имеют технические и пространственные характеристики, на основании которых они могут рассматриваться как предшествующие классическим палестинским образцам периода СБ II В-С в Сихеме, Хатцоре, южном Телль-Фар'а, Бет-Шемеше, Явне-Ям. Весьма возможно, что дальнейшие изыскания позволят обнаружить такие черты преемственности от архитектуры периода РБ IV, которых мы пока даже представить себе не можем. Что касается канонических элементов строительства классических старосирийских храмовых зданий, то они развивались на протяжении периода СБ I. Основная пространственная концепция храмового здания перешла затем к последующим культурам сиро-палестинского региона. В этом отношении представляют интерес эблаитские храмовые здания нижнего города, а именно храм В I и храм N, вероятно посвященные великим богам Рацафу и Шамашу, по святилищам которых получили свои названия два квартала города, относящегося к периоду РБ IV А. В технико-пространственном отношении каждый храм решен как одно продольное помещение («Langraum») с большой высотой стен и напоминает башню. Эти черты объединяют их с архитектурной традицией, засвидетельствованной в Палестине периода СБ II С, с монументальными храмами Сихема и Мегиддо VIII. Большой храм D акрополя, по всей вероятности, посвященный Ишгар, имеет аксиальную конструкцию и продольное деление на три части, которые стали типичными, хотя и не единственно возможными, планиметрическими элементами дворцовых святилищ в архитектурной традиции Верхней Сирии от Мардиха III А до Алаха VII и вплоть до великолепных монументальных сооружений Телль-Айн-Дары и Телль-Таината, относящихся к периодам Позднего железа I и Раннего железа II.

В урбанистическом и архитектурном аспекте Эбла периода СБ I—II уже во всех отношениях типична для старосирийской культуры. За последние пять лет, с 1978 по 1982 г., наши представления об эблаитской архитектуре значительно расширились. Это связано с раскопками большого дворца в западной части нижнего города, заложенного в период СБ I, а также с отождествлением царского некрополя СБ II и началом его систематических раскопок. Западный дворец занимал площадь около 7300 кв. метров и был далеко не единственным дворцовым зданием города в аморейский период; сама же царская резиденция, вероятно, находилась в царском дворце E, который был обнаружен на северной вершине акрополя и вскрыт лишь частично. В пространственном отношении он решен

как комплекс, состоящий из прямоугольных дворов, расположенных по кругу параллельно окружающим дворцом стенам, из больших помещений, ортогональных как по отношению к дворам, так и по отношению к окружающим стенам, с портиком со стороны южного фасада; здание состоит из отдельных, пристроенных друг к другу блоков, окружающих двор для аудиенций, и представляет собой архитектурное сооружение, лишенное какой бы то ни было симметрии. Следуя соображениям, высказанным А. Франкфортом, для реконструкции основных элементов первоначального вида старосирийской архитектуры можно опереться на аналогии с современными ей дворцами Алалаха VII, Тильмен-хююка и Катны. Что же касается ряда технических характеристик и пространственного решения комплекса помещений для аудиенций, то их специфический старосирийский тип определяется именно на основании эблитских данных. Мало того, весьма возможно, что оттиски поразительно совершенной по исполнению старосирийской цилиндрической печати, сохранившиеся на нескольких сосудах, найденных в слое развалин Западного дворца, содержат имя последнего царя Эблы, правившего в конце СБ II, некоего Индиллигура.

Отождествление царского некрополя представляет большой исторический интерес и имеет особое значение для археологии. Пока обнаружено восемь царских могил, но из них раскопаны только три. Район царских погребений связан с Западным дворцом, где размещались центральная администрация и представители царской власти, а также с храмом В1, посвященным, скорее всего, Рашафу, богу подземного мира, и, наконец, со святилищем В2, вероятно предназначавшимся для заупокойного культа. Это дает право думать, что представший перед нами совершенно необычный монументальный район Эблы является первым археологическим свидетельством культа *рефаимов* (гр'ит), прославленных и героических царственных предков всей городской общины. До сих пор наши знания о столь важном для старосирийского и старовавилонского миров религиозном представлении опирались главным образом на угаритские ритуальные тексты и тексты так называемой генеалогии Хаммурапи. Теперь выясняется, что это представление вполне могло быть получено в наследство от раннесирийской культуры. Очень богатый инвентарь двух изученных могил (одна из них оказалась поврежденной еще во время разрушения Западного дворца) свидетельствует о том, что они были, несомненно, царскими. Так, в наше распоряжение попал важнейший клад старосирийских украшений, сравнимый только с сокровищами современных ему царских могил Библа и с несколько более поздними кладами Тель-Аджжуля/Шарухена в районе Газы. Украшения из гробницы «царицы» и гробницы «Повелителя коз», судя по бусам, очень разнообразны и при-

надлежат к единой области, простирающейся от Шарухена в южном направлении до Мегиддо, Библа и Угарита. Однако эблайтские изделия нередко оказываются более высокого качества: среди них чаще встречается отливка вместоковки и заметно расширяется употребление зерна. Некоторые уникальные предметы из слоновой кости, обнаруженные в гробнице «Повелителя коз», которую почти наверняка можно считать царской, проливают совершенно особый свет на старосирийскую погребальную идеологию. Одна из двух сцен, изображенных на амулете из слоновой кости, представляет погребальный пир в честь покойного, а другая — адорацию быка двумя кинокефалами. Бык, несомненно, воплощает душу умершего после завершения погребального ритуала, в котором принимают участие старший сын и старшая дочь. Неожиданным образом обнаруживаются важные политические связи с современным Эбле Египтом: в гробнице «Повелителя коз» найдены остатки египетских украшений позднего Среднего царства, выполненные с исключительным искусством, а также церемониальный жезл неотожествленного фараона XIII династии, правившего около 1760 г. до н. э. и носившего необычный титул «Сына азиата».

Открытие в Телль-Мардихе/Эбле недавно побудили И. Е. Гельба заявить, что итальянские раскопки этого городища обнаружили «новую историю, новый язык и новую культуру» — имеются в виду открытия, которые были сделаны во время сезонов 1974—1978 гг. в районе царского дворца, принадлежавшего городу, разрушенному около 2300/2250 г. до н. э. Именно здесь археологами была обнаружена старосирийская культура конца третьей четверти III тысячелетия до н. э. В ходе раскопок вскрыта пока лишь незначительная часть царского дворца Мардиха II В1, который, по всей вероятности, занимал значительную часть акрополя, а также подножие юго-западного, южного и, возможно, юго-восточного склона холма, находившегося в центре поселения. До настоящего времени выявлены три сектора: центральный комплекс в южной части акрополя, административный комплекс с двором для аудиенций у подножия западного склона и южный комплекс, отождествленный в течение сезона раскопок 1982 г. Центральный комплекс был, наверное, весьма велик и включал сектора, различавшиеся по своей функции; нам известны пока только так называемый Монументальный проезд от главных ворот, представлявший собой главный проход к верхней части дворца, и часть южных складов. Административный комплекс представляет собой независимый сектор, расположенный ниже — к югу от Монументального проезда. Здесь хранились государственные архивы, а также наиболее ценное сырье и изделия шюземных ремесленников, полученные путем торговли, монополюю осуществлявшейся дворцом. Так, во внутреннем дворе с порти-

ками было найдено более 22 кг лазурита, доставленного из Афганистана, а также обнаружены диоритовые и алебастровые кубки эпохи фараонов, доставленные из Мемфиса. Из 17 050 глинописных табличек и фрагментов табличек из государственного архива большинство оказалось в помещении архива и в малом архивном хранилище ниже восточного входа во двор для аудиенций. Небольшая часть глинописных материалов найдена в вестибюле и во внутреннем складе административного квартала. Экономические, административные, словарные, юридические, литературные и эпистолярные тексты из государственного архива имеют совершенно исключительное значение, так как они представляют собой большое однородное собрание документов центральной администрации важного города-государства третьей четверти III тысячелетия до н. э., господствовавшего над значительной частью Верхней Сирии и Верхней Месопотамии. Невзирая на большие трудности, с которыми связана интерпретация этих текстов, они проливают свет на финансовую структуру доходов в золоте и в серебре, на организацию распределения изделий из ткани и металлических изделий, а также торговли ими, на систему выдачи рационов пищи и питья гонцам, на некоторые стороны разведения крупного рогатого скота и овец, получившего широкое распространение, на элементы централизованного контроля над земледелием, на систему дворцовых жертвоприношений богам и храмам в пределах территории, принадлежавшей Эбле, на деятельность царских судебных инстанций, на международные дипломатические отношения, на методы обучения писцов, а также на целый ряд других, менее важных сторон административной жизни. Тематика архивных документов дает нам возможность разобратся в основных функциях двора для аудиенций, представлявшего собой обширную прямоугольную городскую площадь, окруженную с трех сторон портиком, имевшим в северной части возвышение для царского трона. Здесь дворцу передавались доходы в золоте и серебре, здесь же собирали караваны для доставки изделий из ткани, выдавали пайки гонцам, которых посылали в чужие страны.

Южный комплекс — сектор, расположенный несколько ниже. Он был построен у подножия южного склона холма, на котором располагался акрополь, и состоял, кроме нескольких небольших помещений, из двора и помещения большей площади с прямоугольными столбами из необожженного кирпича. Здесь в 1982 г. были найдены три неповрежденные административные таблички, которые, очевидно, принадлежали к корпусу документов другого архива, отличного от главного государственного.

Материальная культура Мардиха II В1 параллельна Хаме J 8—6 на юге, Амуку I на северо-западе, Селенкахие II—III на вос-

токе. Многие городища Внутренней Сирии от Катны на юге и вплоть до Хан Шейхуна располагают большим количеством предметов этой культуры, относящейся к периоду РБ IV A. То же можно сказать о районе к северу от Нахр Кувейка и о бассейне озера Джеббуль, о территории между этой областью и Евфратом, о районе от Умм аль-Мары до Телль-Ахмара на севере и до Телль-Хадида и Телль-Свейхата в районе озера Ассад. По-видимому, Эбла была политическим и культурным центром однородной культурной области, простиравшейся от долин Бекаа и Габа до Евфрата. Ввиду того что город имел свои особые функции и что нам пока известен лишь узкий сектор его в административном комплексе царского дворца, утонченные произведения искусства культуры Мардих II VI не нашли себе параллелей в Верхней Сирии. Однако реалистический стиль изумительных деревянных резных изображений из царского дворца в Эбле является непосредственным предшественником синтетического реализма времени Маништусу и Нарам-Сина и, несомненно, относится к тому же времени, что и более поздние произведения аналитического реализма, датируемые в Месопотамии концом III Раннединастического периода (РД III) и первым поколением царей Аккада. Аналогичным образом и в исполнении других предметов, а также комбинированных панно можно заметить отдельные элементы, возможно оказавшие влияние на зрелое искусство царских мастерских Аккада; вместе с тем с полной очевидностью выступают иконографическая оригинальность и своеобразие символики, свойственные эблаитской культуре, равно как и утонченность формального выражения. И цилиндрические печати, которые удается реконструировать по оттискам на ряде глиняных булл, представляют большой интерес не только для характеристики административной деятельности; при сравнении с глиптикой Месопотамии они оказываются весьма близкими печатям времени Лугальбанды в Лагаше и Саргона Аккадского, в то же время оригинальность эблаитской трактовки в области символики выступает с поразительной очевидностью. Действительно, с одной стороны, изображения, подобные герою-Атланту, поддерживающему разделенный на четыре части космический символ, явно связаны с четырехчастной концепцией вселенной, которая может зависеть от четырехчастной топографии самой Эблы, рассматриваемой как микрокосм. Не исключено, что эта идея вдохновляла в Аккаде вселенскую трактовку царственности Нарам-Сина, первого царя, принявшего титул «царь четырех стран света». С другой стороны, изображения, подобные представленной в фас богине, укрощающей или убивающей львов и диких быков, являются, несомненно, чисто сирийским творением, которое благодаря выразительной иконографической трактовке прожило

долгую жизнь за пределами сирийского ареала и хронологических границ бронзового века.

Установить территориальные границы реальной политической власти старосирийской Эблы весьма трудно, но, вероятно, можно считать, что Эбла осуществляла непосредственный контроль над значительной частью Верхней Сирии вплоть до Евфрата и, может быть, даже вплоть до Белиха на востоке. Мало того, некоторые тексты, касающиеся текстильных изделий, и одна «годовая» формула дают основания полагать, что даже Мари на Среднем Евфрате находилось какое-то время под властью Эблы. Вместе с тем связи с некоторыми центрами на Тигре, такими, как Какму и Нагар, и частые сношения с городами по ту сторону Тигра, например с Хамази и Гасуром, указывают на весьма вероятные союзнические контакты с наиболее важными городами Верхней Месопотамии. Бесспорно, что расцвет старосирийской Эблы следует связывать с контролем, который она осуществляла над источниками снабжения лесом и серебром, находившимися в горах, простиравшихся к северу, в Антиливане и Ливане, а также в горах Амануса и Тавра. Не случайно в те далекие времена в Нижней Месопотамии эти горы многозначительно назывались «Горами кедров» и «Горами серебра». Вполне может быть, что под частичным контролем Сирии находились также области в горах Тавра и Южной Анатолии, откуда происходило как все аллювиальное золото, так и медь. Не исключено, что появление в Верхней Сирии развитого государственного новообразования, регулярных международных связей и систематического контроля над обеспечением основными сырьевыми материалами привело к росту благоприятных условий, позволивших Нижней Месопотамии регулярно получать лес, медь и серебро из «Верхней страны». Те же обстоятельства были, очевидно, причиной вторжения Саргона в Верхнюю Сирию. И действительно, в своей надписи Саргон ссылается на то, что Даган, бог Запада, дал ему «Верхнюю страну», от Мари до Эблы и до Ярмути; а Нарам-Син заявляет, что им руководил Нергал, бог войны. Очевидно, мы можем полагать, что Саргон, скорее всего, захватил на какое-то время пути, по которым шло снабжение, тогда как Нарам-Син, похвалившийся разрушением Эблы и Армана, «городов, которые никогда, с самого создания человечества, не были завоеваны до меня ни одним царем», покорил Эблу и сжег ее, разорвав сложную систему ее международных связей, и создал сильные аванпосты в Верхней Месопотамии, подобные Телль-Браку, городищу, раскопанному М. Маллованом.

Старосирийская Эбла добилась необычной гегемонии над Верхней Сирией и Верхней Месопотамией именно потому, что она оказалась в силах использовать свое расположение, благоприятное как с экологической, так и со стратегической точки зрения. Что

касается земледелия, то холмистая местность к западу, на границе с которой был построен город, обеспечивала условия для производства растительного масла и вина, а также разведения крупного рогатого скота, тогда как в Сирийской долине можно было возделывать злаки; степи к востоку от Эблы служили богатым пастбищем для овечьих стад. Если говорить о торговле, то расположение между горами и Евфратом позволило Эбле взять под свой контроль поставки сырья, которые были основой для технологии стран Южной Месопотамии — Аккада и Шумера. Экономика Эблы, расположенной к востоку от Левантинской гряды, всегда была связана с экономикой Нижней Месопотамии, подобно тому как экономика Библа, расположенного к западу от тех же гор, была связана с Египтом. Между Эблой и Нижней Месопотамией были тесные контакты, и это оказалось чрезвычайно существенно для развития эблаитской культуры на протяжении как доисторического периода, так и позднего периода РД и времени начала династии Аккада, когда культура «Верхней страны» как раз и могла влиять на Южную Месопотамию. В течение последних двух периодов самым главным центром страны Аккад был Киш; не случайно три первые царя Аккадской династии обычно называют себя царями Киша; к тому же Киш часто упоминается в текстах из архивов Эблы. Однако главным достижением раскопок Эблы, оказавшимся чреватым особо важными последствиями для будущих археологических изысканий, следует считать открытие густой сети контактов с Верхней Месопотамией, на территории которой крупными семитоязычными городскими центрами на западе и хурритоязычными на востоке были созданы государственные образования огромного исторического значения, простиравшиеся между Евфратом и Белихом и между Хабуром и Тигром. В свете этого открытия можно ожидать, что проводимые в настоящее время голландские раскопки М. Н. ван Лоона в Телль-Хаммам эль-Туркмени, немецкие раскопки У. Мооргат-Корренс и В. Орманна в Телль-Чуэре, английские раскопки Д. Оутса в Телль-Браке и американские — Х. Вейсса в Телль-Лейлане сделают решающий вклад в понимание исторической роли изучаемого района, а также его основополагающих контактов с Верхней Сирией и Нижней Месопотамией на протяжении различных периодов III тысячелетия до н. э.

В заключение следует сказать, что попытка подвести предварительные итоги археологических исследований в Телль-Мардихе/Эбле, всесторонне охватывающие проделанную работу, была бы пока слишком смелой, в особенности если учесть, что я не являюсь специалистом во всех затрагиваемых областях. Такая попытка оказалась бы в настоящее время более чем предварительной, поскольку раскопки все еще весьма далеки от завершения, а некоторые иссле-

дования, в частности геоморфологические и палеоботанические, еще только начинаются. Как бы то ни было, мне бы хотелось привлечь внимание читателей к некоторым важнейшим историческим проблемам, в решение которых результаты раскопок Эблы, смею надеяться, внесут существенный вклад.

Первая проблема, которая представляется фундаментальной,— это проблема хронологии, потому что, как правильно заметил Дюби, «история — это прежде всего строгая хронология». Особое географическое положение Эблы между Евфратом и Средиземным морем и выдающаяся политическая роль этого города на протяжении периодов РБ IV и СБ I—II создают оптимальные условия для получения дальнейшего материала, из которого, может быть, удастся извлечь синхронизмы для Сирии, Египта и Месопотамии. Данные, полученные до сих пор, не могут считаться решающими, но они являются беспрецедентными по той роли, которую им предстоит сыграть в хронологической координации всех трех названных районов, не говоря уже о значении находки в Эбле жезла египетского фараона Хетепибры для периода СБ II. Ар-Эннум, один из последних царей Эблы, является современником Иплул-Иля, царя Мари; Пиопи I в Египте был современником Ибби-Зикира, последнего царя Эблы, или правил несколько раньше его. Эти твердо установленные данные можно рассматривать на фоне практически достоверной гипотезы о том, что Ибби-Зикир был современником конца правления Саргона Аккадского или начала правления Нарам-Сина.

Вторая проблема, чрезвычайно важная с исторической точки зрения, касается выяснения социальной, административной и экономической структуры крупного городского центра Сирии в конце III тысячелетия до н. э. Обнаружение неожиданной и весьма богатой документации для более древнего периода позволяет нам надеяться, что по источникам, которые удастся найти в ходе дальнейших раскопок, мы сможем изучать эволюцию социальной системы Сирии в начале II тысячелетия до н. э. и экономические реальности, соответствующие археологической лакуне, которая все еще существует между эблантским и аморейским периодами. Чтобы установить, в какой мере социальное развитие Нижней Месопотамии соответствует социальному развитию Верхней Сирии, было бы очень важно проверить, имеют ли здесь место изменения социальной структуры, соответствующие тем, которые при помощи изучения системы рационов выявлены И. Е. Гельбом для общества Месопотамии начала II тысячелетия до н. э.

Третьей важной проблемой является изучение языкового развития Эблы в связи с историей семитских языков в Месопотамии и Сирии. Само по себе правдоподобное определение эблантского языка

Мардиха II В1 как очень архаичного семитского языка, весьма близкого староаккадскому, ставит некоторые деликатные проблемы, касающиеся формирования и автономности староаккадского языка, если бы — на основании сравнительного изучения ономастики — он был признан языком локальным, а не искусственным канцелярским. Трактовка эблаитского языка как языка, не прошедшего эволюции аморейского языка, побуждает нас верить, что — в плане археологическом — последний представляет собой инновацию более позднюю, чем Мардих II В1, или что — в плане географическом — это инновация, возникшая на другой территории. Как бы то ни было, мы вынуждены отвергнуть гипотезу М. Ливерани об аморейском языке как первоначальном языке городской культуры Внутренней Сирии в течение III тысячелетия до н. э. Однако самым проблематичным остается вопрос о предполагаемой связи между новой археологической культурой Средней бронзы I и аморейскими языковыми инновациями и соответственно об исторических и социальных мотивах этой связи, если бы она подтвердилась.

И наконец, последняя — это проблема преемственности культур сирийского ареала от момента формирования городской цивилизации до ее разрушения Ассирией в поздний период и роли, которая принадлежит Эбле в этом процессе. Результаты раскопок в Эбле предлагают более или менее исчерпывающее решение данной проблемы. Вопреки решительному отрицанию А. Франкфорта элементы преемственности подтверждаются с возрастающей очевидностью, и этому не могут помешать ни диалектика нарушенного и прерванного развития, ни отсутствие стабильности социальной ситуации. Преемственность касается и религиозных убеждений, и политической идеологии, и архитектурных концепций, и городских традиций. Роль Эблы в этом процессе была, несомненно, основополагающей, что связано с ее положением в качестве крупного культурного и политического центра развитого старосирийского периода, — периода, когда, как я уже отмечал в 1976 г., Эбла воистину была Аккадом запада.

П. Маттинз

1. АРХЕОЛОГИЯ

Дж. Меллаарт

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ МЕЖДУ СЕВЕРНОЙ СИРИЕЙ И АНАТОЛИЕЙ (4000—1500 гг. до н. э.)

Цель настоящей работы — предложить краткий обзор доступных в данный момент материалов, свидетельствующих о том, что городское население Сирии и Месопотамии, преимущественно аграрно-промышленное (в широком смысле), поддерживало со своими северо-западными соседями из Анатолии культурные контакты, обусловленные, на наш взгляд, главным образом потребностью в сырье.

Особое внимание мы намерены уделить эпохе Ранней бронзы — последней доисторической фазе в Анатолии — и началу Средней бронзы — периоду ассирийской колонизации, как его часто называют в Анатолии, который следует непосредственно за Ранней бронзой и подразделяется на две фазы, по традиции именуемые периодами каппадокийской торговли и торговли Мари (кагум Каниш II и Ib, см. ниже, с. 31).

Хронологически весь этот промежуток времени приблизительно соответствует периоду между 4000 и 1800 гг. до н. э., который я, учитывая решаемые здесь задачи, предлагаю подразделить на пять крупных фаз — для дальнейшей детализации необходимы более точные корреляции, но они пока еще не установлены. Вот эти фазы:

I. Урукский период, прибл. 4000—3250.

II. Варка III — Джеммет-Наср, прибл. 3250—3000.

III. Раннединастические периоды I—III, прибл. 3000—2500.

IV. Конец РД III B — конец III династии Ура, прибл. 2500—2050.

James Mellaart. Archaeological evidence for trade and trade routes between Syria and Mesopotamia and Anatolia, during the Early and the beginning of the Middle Bronze age. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

V. Средняя бронза I, пригл. 2050—1800 (на основе даты падения Вавилона, определяемой 1651 г. до н. э.) *.

Нельзя не признать, что если сомнительна абсолютная хронология рассматриваемого района, то еще меньше нам известно о точных границах между отдельными культурами в его пределах; говорить же просто об Анатолии, Сирии и Месопотамии значило бы чересчур упрощать проблему культурных контактов, лишая ее тем самым всякого смысла.

ПЕРИОД I. 4000—3250 гг. ДО Н. Э.

Хотя свидетельства торговой связи Сирии с Анатолией — а именно находки обсидиана в Сирии — восходят, как нетрудно показать, к эпипалеолитическим кебанской и натуйфийской культурам, и притом, что эта торговля, и не только сырьем, таким, как обсидиан, кремль, диабаз, печати, белая керамика, но, вероятно, также и зерном, семенами и домашними животными, глиняной посудой, тканями и т. д., с перерывами продолжалась на протяжении докерамического и керамического неолита и медного века, однако зачатки того, что можно уже более обоснованно называть постоянным и регулярным торговым обменом, появились только в первой фазе Раннебронзового века, в период от 4000 до 3250 г. до н. э. РБ I или сирийский период (Амук) F, урукский период в Месопотамии, РБ I в Западной Анатолии, эпоху Поздней меди в Центральной Анатолии, эпоху Поздней меди в районе Кебана в Восточной Анатолии ** или РБ I в Закавказье — таково поистине пугающее многообразие терминов для обозначения единственного периода, который был свидетелем первых ростков международной торговли на Ближнем Востоке.

Мы еще слишком мало знаем о происхождении и сущности ранне- и среднеурукской культуры и культуры Гавры, а также их западного эквивалента — сирийской F, равно как и родственных групп Библа и палестинской РБ I (или протогородской), чтобы оценивать характер торговых отношений. Мы можем лишь констатировать сам факт, что торговые отношения существовали и позволяли снабжать, к примеру, Египет уже с начала герзейско-негадского периода II такими экзотическими товарами, как лазурит из Бадахшана, обсидиан и серебро, вероятно, из Анатолии, а также сосудами со сливом, которые имеют аналогии в позднеурукской керамике. Лазурит до сих пор еще ни разу не попадался ни в Южной Месопотамии, ни

* Так называемая «длинная хронология»; по принятой у нас «средней хронологии», I: 3600—3000, II: 3000—2750, III: 2750—2300, IV: 2300—2000, V: 2000—1700 гг. до н. э.— *Прим. ред.*

** По принятой у нас терминологии — на Армянском нагорье.— *Прим. ред.*

в Эламе ранне- и среднеурукского периода, но он встречается в Тепе-Гавра в Ассирии, из чего можно заключить, что лазуритовый путь проходил в те времена на севере. Из Тепе-Гавра лазурит, вероятно, переправлялся на побережье Северной Сирии, откуда по морю шел прямо в Египет: ни в Библие, ни в Палестине он не найден. В Угарите материал сирийского периода F отсутствует, так что, где именно проходил торговый путь, точно неизвестно. Происхождение египетского обсидиана и серебра еще не изучено; если обсидиан был ванский, то и серебро, и сам обсидиан наверняка поступали из района Кебана «эпохи Поздней меди», где обнаружено обилие серебряных предметов в могильниках Коруджу-тепе. Убедительных доказательств в пользу происхождения обсидиана и серебра из более западных районов Анатолии нет. В библских и палестинских (Тель-Фар'а) могильниках этого периода серебро — довольно обычный компонент погребального инвентаря, однако более точной датировке эти могильники не поддаются; все же само наличие здесь серебра говорит о существовании сухопутных торговых путей, по которым оно попадало на юг. Единичные герзейские глиняные горшки и каменные сосуды — свидетельство того, что торговля Египта с Палестиной, начавшаяся в предшествующие герзейскому амратский и гассульский периоды, не прекращалась.

Однако лишь с момента основания шумерских колоний на сирийском отрезке Евфрата в позднеурукский период, точнее, с наступлением периода Урук IV А, начинает в полной мере сказываться влияние торговли с Нижней Месопотамией (прибл. 3400—3250 гг. до н. э.). Вплоть до малейших деталей, как в зеркале, отобразили южную цивилизацию шумеров города Хабуба-Кебира — Каннас и Джебель Аруда; дома, храмы, конусная мозаика, кирпич «Rietchen», керамические дренажные трубы, гончарные изделия, печати, буллы, зооморфные амулеты, числовые таблички, пустотелые шары со счетными «фишками» или «трехмерными значками» — все это наверняка могло прийти прямо из Варки, и только письмо пока еще не было заимствовано. Вряд ли можно сомневаться, что мы имеем здесь дело с переселенцами из самого Шумера; еще больше бросается в глаза отсутствие местной керамики сирийского периода F, а также необходимость строить фортификационные сооружения, возникшая в Хабуба-Кебуре после начальной фазы колонизации; быть может, это говорит о трениях с местным населением, которое переняло у шумеров также и принцип возведения крепостных стен вокруг своих городов*, как это было сделано, например, в Тель Абу-Данне.

* В Шумере возведение городских стен обычно датируют временем РД I—II, а не Урук IV.— *Прим. ред.*

Из гончарных изделий засвидетельствованы карасы со сливом и маленькие карасы с ручками-ушками — типы сосудов, дошедших до Египта, но миновавших Библию. Еще один характерный тип керамики — чаши со скошенным венчиком, которые распространились вверх по Евфрату в район Кебана и проникли до Арслан-тепе VII, Амука F — G, Хамы, Атчаны и т. д. Примечательна керамика типа Reserved Slip, характерная для Амука G, изготовлявшаяся, вероятно, не в Месопотамии, а в Сирии, но встречающаяся в Хабуба-Кебуре. В хронологическом отношении еще важнее тот факт, что в Хабубе и Аруде вместе с собственными урукскими печатями из слоя Урук IV найдены так называемые печати типа Джемдет-Наср; находка говорит о том, что эти печати восходят к более древним временам, чем предполагалось до сих пор. Эламские материалы из Суз и Чога-Миша подтверждают это наблюдение, существенное для хронологии Египта. Основываясь на привозных печатях «культуры Джемдет-Наср», Франкфорт датировал герзейский период по периоду Джемдет-Наср, я же полагаю, что знак равенства следует поставить между концом герзейского и концом урукского периода, датируя оба 3250 годом; это означает, что I династия в Египте соответствует по возрасту эпохе Джемдет-Наср, а не РД I в Месопотамии.

Открытие Хабуба-Кебуры и Джебель-Аруды имеет первостепенное значение, так как оно позволило установить по крайней мере три факта: а) колонизация дала Шумеру возможность вступить в торговые отношения с севером по Евфрату; б) это, вероятно, стимулировало развитие местной сирийской культуры и открыло доступ в Сирию шумерским культурным влияниям, замечательным свидетельством которых явились сенсационные находки в Эбле; в) это положило начало коммерческому соперничеству между северо-западной Сирией и Нижней Месопотамией, кульминацией которого явилось противоборство Эблы и Аккаде и разрушение Эблы Нарам-Суэном с его роковыми последствиями, оставившими неизгладимыми вплоть до новых времен.

Хотя основное внимание привлекали к себе, естественно, Хабуба-Кебура и Джебель Аруда, в Турции тоже проводились наблюдения и раскопки. Они привели к заключению, что культура «Урук IV» проникала вверх по Евфрату на Анатолийское плоскогорье, в район Кебана. Как далеко на север продвинулась шумерская колонизация, неизвестно, однако можно предположить, что ее распространение приостановилось недалеко от хребта Тавр (может быть, у Хассека?); воздействие же ее, несомненно, сказывалось и в более северных областях, и, по всей видимости, именно появление чужеземцев, желавших покупать металлы и другие товары, положило начало тому явлению, которое мы называем эпохой Ранней

бронзы в Анатолии. Трудно представить себе более правдоподобное и более логичное объяснение перехода Анатолии от Поздней меди к Ранней бронзе. Новые рынки сбыта металлов в сочетании с готовностью анатолийцев продавать металлы и секреты технологии их обработки преобразовали период Поздней меди с характерным для него неторопливым образом жизни в отмеченный преуспеванием и ростом прибылей Раннебронзовый век. Под храмом с мозанкой из каменных конусов периода Урук V обнаружены свидетельства обработки меди, а Нагель опубликовал описание находок серебряных сосудов из Урука, к сожалению не стратифицированных. Вместе с тем нет никаких свидетельств, которые бы говорили о проникновении шумеров дальше вдоль побережья Персидского залива, где они могли бы получать медь из Омана *, и, хотя не исключено, что какое-то количество меди могло поступать из-за гор Загра, положительные доводы в пользу такого предположения тоже отсутствуют. Шумеры урукского периода, видимо, целиком ориентировались на поставки из Анатолии, а торговый путь вверх по Евфрату приводил их прямо к эргани-маденским и близлежащим месторождениям как меди, так и серебра.

Используя иные торговые пути — вверх по Хабуру и Тигру, — Шумер, вероятно, способствовал развитию других центров торговли, таких, как Телль-Брак и Ниневия, через посредство которых можно было черпать из тех же анатолийских источников. И действительно, на Норшун-тепе близ Элязыга в «позднемедных» слоях этого периода обнаружены керамические оттиски печатей из Гавры, то есть из Ассирии, так что этот город, очевидно, избрал для своей торговли путь вниз по Тигру, в то время как его сосед имел контакты с поселениями на Евфрате. Через Телль-Брак, расположенный на реке Джаг-Джаг, по сухопутной дороге можно было без особых физических препятствий достичь района Эргани, который мог делать поставки и в Ассирию по суше, и в Шумер по Хабуру. Такова простая схема речных торговых путей по Евфрату, Хабуру и Тигру в сочетании с лазуритовой дорогой из Тепе-Гавра до побережья Сирии. Поселения на пересечениях этих путей, несомненно, процветали, но, к несчастью, мы еще не можем разгадать, где они находились в тот период, — за исключением городов Гавра, Ниневия, Брак, Телль-Чуэра и Хабуба-Кебира, занимавших стратегически или, вернее, коммерчески выгодное географическое положение.

* Новейшие французские раскопки в Омане обнаружили там цивилизацию, синхронную шумерской РД и, несомненно, подвергавшуюся ее влиянию.—
Прим. ред.

Разрушение Урука IV с его последующим восстановлением при полном изменении планировки еще не получило удовлетворительного объяснения. Это нарушение непрерывности могло, разумеется, быть следствием борьбы с соседними городами, например с Кишем или с Сузами, но перестройка крупного культового центра предполагала появление новых идей, источником которых могли быть новые этнические элементы. Мы не знаем, что конкретно произошло в Шумере в конце урукского периода, но, хотя культура Урука III—Джемдет-Наср и предшествующий ей период во многом составляют сплошную последовательность, сам Урук подвергся значительному преобразованию.

В Сирии города Хабуба-Кебира и Джебель-Аруда были разрушены и заброшены, хотя в Телль-Браке последовательность, пожалуй, не прерывалась. Торговля с Египтом после воцарения I династии внезапно обрывается, и предметы из Месопотамии там больше не встречаются.

Впервые появившаяся в предыдущей фазе керамика типа Reserved Slip, изготавливаемая с помощью гончарного круга, теперь доминирует в керамическом комплексе по всей территории северо-западной Сирии вплоть до хребта Тавр и за ним на равнине в районе городов Малатья (Арслан-тепе VI) и Элязыг (Тепеджик, Норшун-тепе—местная РБ I сирийской фации), а также, вероятно, уже и в Эльбистане. Юго-западнее, в слоях киликийской РБ I, эта обливная керамика тоже встречается — в сопровождении других изделий, попавших сюда из долины Коньи.

Такое распределение керамики говорит о сирийской экспансии (вероятно, коммерческой), которая позволяла Сирии контролировать все торговые пути в Анатолию, по всему полукругу от Халеба до Диярбакыра. Посуда из обливной керамики, будь она местная или привозная, за пределами долины Евфрата везде сопровождается изготовленными вручную изделиями различных традиций: восточноанатолийской — в районе Кебана, центральноанатолийской — у Малатья (и в Эльбистане?), типичных для долины Коньи — в Киликии. За рекой Муратсу один лишь Сакйоль Пулур не дал находок сирийской керамики; здесь была найдена только великолепная восточноанатолийская керамика с рельефными украшениями. Главным памятником этого периода на западе является храм с планом южного типа в Малатье (Арслан-тепе). Под храмом погребен целый арсенал, где находились наконечники копий с хвостовиками в виде кочерги и длинные кинжалы (или короткие мечи) самого совершенного типа;

это были первые образцы разнообразного оружия, которое впоследствии использовалось на протяжении всего III тысячелетия и которое, не оказавшись оно здесь точно стратифицировано, можно было бы по типологическим признакам отнести к саргонидскому периоду.

ПЕРИОД III, ОКОЛО 3000—2500 гг. ДО Н. Э.
АНАТОЛИЙСКАЯ РБ II

Сирийский исторический эпизод на Анатолийском плоскогорье подошел к концу около 3000 г. до н. э., а на Арслан-тепе, быть может, и раньше; центральноанатолийские элементы (Алишар Ia) также исчезли. Их заменила восточноанатолийская черно-лощенная керамика * ручной работы, иногда украшенная рельефами, которая, впрочем, западнее Евфрата встречается редко. Вторая характерная особенность — карасы с ручками в виде треугольных ушек, вскоре распространившиеся по всей Северной Сирии; но этот тип сосудов мог принадлежать к сирийскому субстрату F, и его не обязательно рассматривать как заимствованный с севера. С большей определенностью специфически восточноанатолийской можно назвать знаменитую керамику «Хирбет-Керак», которая вместе с сопутствующими ей другими характерными элементами, такими, как серые крышки с врезанным орнаментом, металлические подставки для дров и архитектурные особенности вроде встроенной мебели, неопровержимо свидетельствует о прибытии с востока новых этнических элементов в две наиболее плотно заселенные местности — Амук (фаза H) и Северную Палестину, где пришельцы каждый раз мирно селились среди местных жителей.

Эта красивая керамика встречается в целом ряде поселений от Тильмена до Иерихона, куда она ввозилась, но она ни разу не попадалась ни на Анатолийском плоскогорье, ни в Киликии, ни в районе Газиантепа. Последний производит свой собственный продукт — оранжевую керамику, которую вывозит в Киликию РБ II, Амук (H—I), район Халеба и даже в Арслан-тепе близ Малатьи и дальше на восток — в Тель-Брак на реке Джаг-Джаг.

По другую сторону Евфрата, на городище Тель-Чуэра, было найдено тулово тонкого глиняного сосуда, принадлежащего к типу твердой серо-черной или красной металлоидной керамики со спекшимся плотным черепком; фрагменту сопутствовала простая керамика и карасы ручной работы с треугольными выступами вместо ручек, господствовавшие в течение периодов РД I—III. Образцы таких гончарных изделий появляются также в районе Элязыга

* В советской литературе называется куро-араксской.— *Прим. ред.*

в местном слое РБ II (Коруджу, Норшун и др.) и в районе Самсата. Одна из разновидностей этой керамики северо-восточной Сирии преобладает в долине Евфрата от Каркемиша до Мари, и отнюдь не исключено, что простая керамика северо-восточной Сирии родственна керамике Амука G и H и что ее прямым потомком явилась калициформная керамика Эблы следующего периода, больше всего прославившаяся своими кубками. Карасы с треугольными ушками широко распространены также к западу от Евфрата, но металлоидной керамики там не знали на протяжении всей этой фазы. На Тель-Чузре теперь обнаружена расписная керамика из Восточной Анатолии. Белые или светло-зеленые сирийские чашки, сделанные на гончарном круге, доходят теперь до Киликии, в Чузре же найдены осколки киликийской керамики с врезанным орнаментом, заполненным белой массой, а горшок из керамики типа Reserved Slip киликийского (или сирийского) происхождения был обнаружен в погребении в Гизе, датируемом временем правления фараона Хеопса. В конце этого периода начинают появляться сирийские бутылки, как правило, из серого материала; один экспортный экземпляр, найденный в царском некрополе Ура в гробнице Пуаби (Шубад), можно датировать XXVII столетием (РД III A). Между Евфратом и хребтом Аманус такие бутылки особенно многочисленны, в районе Халеба их гораздо меньше. Существовали, должно быть, и контакты с прибрежными сирийскими культурами, однако документированы они пока весьма скудно, и внутри страны такие типичные изделия, как карасы с гребенчатым орнаментом и формы типа тарелок и блюд, — явление, как кажется, очень редкое.

Таким образом, первая половина III тысячелетия обнаруживает заметную интенсификацию торговых связей между различными группами культур на территории восточнее хребтов Аманус и Тавр, но данных в пользу контакта с Центральной Анатолией мало. Те торговые связи с западом, которые все-таки имели место, поддерживались, очевидно, главным образом с Киликией.

ПЕРИОД IV, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, ОКОЛО 2550—2050 гг. ДО Н. Э. АНАТОЛИЙСКАЯ РБ III

Это период, когда историю Шумера и Сирии, словно огнями рампы, ярко осветили первые исторические тексты и надписи, списки многочисленных шумерских династий Лагаша I, Ура I, Урука II и т. д., а также ряда сирийских династий Мари и Эблы, — списки, которые уходят в глубь веков вплоть до 2600 г. по «длинной хронологии» (РД III B) и согласно которым эблайтская династия,

будучи одного возраста с Энтеменой, пришла к власти около 2530 г. до н. э.*

В Анатолии гибель цветущей культуры РБ II в долине Конья наверняка способствовала возвышению, быть может, соперничающих центральноанатолийских культур в бассейне реки Галис: южной галисской культуры РБ III в Канише и северных культур Аладжа-хююк, Хороз-тепе и др. На юго-западе с Анатолией поддерживает контакты киликийская культура РБ III, которая, очевидно, также почувствовала избавление от господства могущественного соседа в долине Конья, стертого теперь с лица земли под натиском лувийского нашествия. Результатом, как мне представляется, было усиление Центральной Анатолии за счет своих соседей и, вероятно, смещение торговых путей к северу. В Канише РБ III мы впервые встречаем импортированные из Киликии элементы культуры: копии вздутых *depa*, изготовленные на гончарном круге тарелки и чашки, а также постройки по типу мегарона.

Уже в предыдущий период черно-красная керамика, типичная для культуры южного Галиса, появилась на Эльбистанской равнине, которую пересекали три важные торговые дороги, ведущие вниз к бассейну Евфрата на Малатью, Самсат и Газиантеп, а затем по боковой дороге в Восточную Киликию. Теперь почти повсюду до самого Каниша нам попадаются находки, неопровержимо свидетельствующие об импортной торговле с Сирией: гладкая, без узора керамика Амука I—J и посуда с размазанной обмазкой (*smearred wash*) с волнистым гребенчатым орнаментом. В районе Эльбистана наблюдается смешанный репертуар керамики: сюда ввозятся каппадокийские гончарные изделия с южного Галиса и изготавливаются собственные, псевдокаппадокийские, что выдает следы контактов с синхронной восточноанатолийской РБ III — с так называемой культурой малатья-элязыгской расписной керамики. Монохромная лощеная керамика ручной работы встречается бок о бок с местными изделиями, изготовленными на гончарном круге, производством которых, вероятно, стимулировала привозная сирийская керамика. Сирийские бутылки здесь пока не обнаружены, но чуть южнее, близ Мараша, они встречаются в изобилии; распространены они также во всех слоях РБ III в Канише; одна серебряная бутылка попала в северногалисской провинции у Эскияпана близ Аладжи.

Второй район, обнаруживающий тесные контакты с Сирией, — это область новой культуры РБ III в Киликии (лувийской). Киликийская керамика изобилует в кремационных могильниках Гедикли по ту сторону Амануса. Это приземистые чашки с двумя ручками

* По «средней хронологии» — около 2350 г. до н. э.— *Прим. ред.*

и выступающими венчиками, а также многочисленные *depara* классической ранней формы. Один такой сосуд попал даже в Селенкахие на Евфрате. Посуда типа *smeared wash*, сирийские бутылки (обеих фаз), кроме кубков поздней формы, и сирийские керамические оттиски печатей относятся, по-видимому, преимущественно к периоду РБ III В. Тем же периодом датируются *depara* на ножках, не имеющие узора и выполненные в виде кубков. Аналогичный сосуд происходит из Телль-Таината (Амук J). Есть данные о найденных в Негресе (Восточная Киликия) чашках Каркемишской равнины.

Если я не ошибаюсь, торговля Сирии с восточноанатолийской группой РБ III плохо документирована; один черный полированный осколок с врезанным орнаментом был найден близ Халеба и несколько крашенных черепков — близ Адымана. О размазанной обмазке (*smeared wash*) сообщений нет, зато несколько черепков из Каппадокии свидетельствуют о контактах с западом.

Таким образом, создается общее впечатление, что в течение этого периода основной поток товаров из Сирии идет через район Эльби-стан-Гёксун в Центральную Анатолию, чем и объясняются очевидные признаки процветания южногаллисской культуры и в еще большей мере — культуры северного Галиса (Аладжа-лююк, Хорозтепе, Манматлар, Гёллер, Эймаагач, Калинка, Эскипан, Хавза). Северный Галис контролировал полиметаллические месторождения в Понтийских горах, и здесь можно было позволить себе одаривать не только государей, но и простых общинников после их смерти богатым погребальным инвентарем, который изобиловал металлическими предметами, в том числе золотыми и железными, но, как это ни удивительно, не содержал лазурита. Оловянистая бронза стала обычным материалом, а олово предположительно поступало теперь с востока через Иран, Месопотамию и Сирию. Появление ярко окрашенной каппадокийской керамики южной провинции часто сопутствует торговле тканями, а так как позднее Ассирия вывозила олово и ткани преимущественно в обмен на серебро, то не исключено, что в Анатолии эпохи РБ III мы уже столкнулись с доисторическим вариантом такой торговли. Упоминания в зблантских текстах о Канише и Хатти* можно рассматривать как современное им подтверждение легенд (сирийского происхождения) о подвигах Саргона и Нарам-Сина в Анатолии и о сражениях с царями Каниша, Хатти и Пурусханды, которые были не просто городами-государствами, а могущественными царствами, где, возможно, уже преобладали три языковые группы — неситская в царстве Каниш, хаттская в северно-галлисской области и лувийская в царстве Пурусханда (и других, расположенных дальше на запад). Главными торговыми путями че-

* См. об этом в разделе «Географический кругозор». — *Прим. ред.*

рез район Эльбистан-Гёксун на Антитавр, вероятно, позднее пользовались и ассирийские купцы: северная дорога на Хаххум и южная — на Урс(а)ум (Уршу) пересекали Евфрат близ Самсата и Биреджика.

ПЕРИОД V, ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ I,
ОКОЛО 2050—ОКОЛО 1800 г. ДО Н. Э.

Крушение III династии Ура повело к воцарению ряда аморейских (т. е. сирийских) династий в Вавилонии и к восстановлению независимости Ассирии. В самой Сирии династии амореев подчинили себе в числе многих других населенных пунктов Эблу, а позднее Халеп (Ямхад), Каркемиш, Уршу и Мари. В Анатолии тоже произошли изменения: Тарсус в Киликии разрушен, и новая культура эпохи СБ несет на себе следы тесной близости с Сирией — северносирийская расписная керамика распространяется от Алалаха до Анамура. В районе Кебана начинает появляться новая, изготовлявшаяся на гончарном круге полированная керамика, которая восходит, видимо, к более ранним типам, но еще какое-то время продолжает существовать и старая расписная керамика эпохи РБ III. В Центральной Анатолии наблюдается аналогичная картина: новые изделия, изготовленные на гончарном круге, типа керамики северо-западного побережья Мраморного моря, появляются в переходный период IV—III в каруме * Кюль-тепе, а также в других местах, в частности в основанном новыми пришельцами Богазкёе. В культуре южного Галиса (Кюль-тепе) новые элементы смешиваются со старой каппадокийской керамикой; в районе северного Галиса (Аладжа и др.) события не так ясны, за исключением Икыз-тепе на Черном море, где наличие новой керамики, изготавливаемой с помощью гончарного круга, отражает эволюцию в более южных районах.

Обнаруживаются признаки мощного возрождения культуры в долине Коньи — та же западная керамика, изготавливаемая на гончарном круге, найдена и на Кара-хююке, и на Аджемкёе. Кроме того, по свидетельству ассирийских текстов из Кюль-тепе II, в течение ста лет в общем ряду с царствами Хатти, Каниш, Мама и Цальпа занимали место еще два важных царства — Вахшушана и Пурусхаттум (Парсуханда, Пурушханда). Именно с этими и с множеством других, менее крупных царств заключал ассирийский царь договоры и соглашения, способствовавшие торговым отношениям и гарантировавшие их безопасность, когда ассирийских торговцев

* Карум — самоуправляющаяся торговая фактория, в Кюль-тепе (Канише) созданная, по-видимому, в основном ашшурскими купцами. Богазкёй был построен ещё хаттами. — *Прим. ред.*

отправляли жить на запад, в Анатолию и Сирию, чтобы не допустить к делу посредников, из-за которых могли уменьшиться барыши *. Факты политического нажима не засвидетельствованы, взимание пошлины (10% вычисленной стоимости с каждого каравана) в пользу местных государей на территории между Ашшуром и ближайшими карумами ясно показывает, что ассирийский политический контроль едва простирался до Хабура.

Тексты из Кюль-тепе II (около 1940—1855 гг. до н. э.?) рассказывают о деятельности трех поколений ассирийских купцов, однако строительство огромных предместий вокруг города Канеса примерно в 2050 г., то есть за сто лет до этого, наводит на мысль, что торговля с Каппадокией началась раньше. Эта нигде не упоминаемая сотня лет так и осталась неосвещенной, зато сама может пролить свет на истоки столь высокого совершенства системы торговых связей, действовавшей в период Кюль-тепе II. Отсутствие текстов не означает отсутствия торговли.

Особый интерес представляет путь из Ашшура в Каниш; его первый участок, до Хабура, вероятно, проходил по территории, принадлежавшей Ассирии **, а второй участок, до Балиха, — через целый ряд мелких государств, неподвластных ассирийскому политическому контролю. Затем следовали первые карумы: Нехрия и Цальпа — к востоку от Евфрата, Хаххум и Уршум — на его западном берегу. Упоминаются также Абарна и wabartum *** Батна. Часто входила в контакт с ассирийскими купцами Лухуцатия в Восточной Киликии — в отличие от Каркемиша, Алалаха, Аписалля ****, Халеба и Эблы (провинция расписной керамики эпохи (Б I). Две дороги пересекали Антитавр: северный, Хаххумский путь и южный, Уршумский путь. На северном лежал карум Хурама, на южном — вабартум Мама. Обе дороги сходятся в районе Тимелькини, восточнее Каниша. Хурама поддерживала связи также с Лухуцатией в Восточной Киликии. Эти два главных пути, как мы видели, интенсивно использовались и раньше, причем небезынтересно, что контакты с районом Малатии были, видимо, минимальны; упоминаются Тегарама и вабартум у Самухи на Евфрате. Ресурсы этого района легче было извлекать через Абарну и Нехрию, расположенные южнее Тавра.

* Представление автора о том, будто бы с малоазийскими городами-государствами заключал договоры ассирийский царь, восходит к устаревшим гипотезам Ю. Левн и в настоящее время не принимается специалистами-ассириологами. — *Прим. ред.*

** Данных о политической власти г. Ашшура в таких широких пределах до времен империи Шамши-Адада (конец XIX в. до н. э., по «средней хронологии») нет. — *Прим. ред.*

*** Вабартум — торговый стан, фактория. — *Прим. ред.*

**** Уточненное чтение названия — Абарсаль. — *Прим. ред.*

Картина размещения центров ассирийской торговли в Центральной Анатолии в высшей степени показательна: от узлового пункта — царства и главного карума Каниш — дорога в бассейн Галиса вела на Васханию — вабартум и дорожный узел, — затем через Галис на царство и карум Хаттуса (с вабартумом Тавиния), на карум Дурхумит (с вабартумом Тухпия) и дальше на вабартум и царство Цальпа на берегу Черного моря.

В этой северногалисской провинции, которая в предыдущий период была центром художественной металлургии, можно локализовать следующие топонимы: вабартумы Карахна и, пожалуй, Ханакнак (Ханикку(н) — хаттское соответствие для Анкувы), Тилимра, Хабурнат и Таритара, что на реках, позднее называвшихся Куммесмаха и Марассантия. Все эти местности, вместе с Дурхумитом, Тухпией и Синахутумом, расположены в зоне Понтийских гор, богатых полиметаллическими залежами, и, вероятно, именно в этой зоне ассирийцы черпали основную массу своих серебряных запасов. Однако Ассирия не ограничивала область добычи ископаемых этой зоной. Почти столь же значительную роль играли еще два царства, лежащие к юго-западу от Галиса: царство Пурусхаттум (вероятно, Аджемкёй), правитель которого был единственным, кого называли «великий царь», и царство Вахшушана, расположенное, вероятно, еще западнее (Кара-хююк — Конья?). Дорога Каниш — Пурусхаттум шла через Васханию, Ненассу и Улламу (вабартум Пурусхаттума). Сам Пурусхаттум, как показали археологические исследования, являлся крупным центром обработки меди, но, так как поблизости медных залежей не было, металл приходилось доставлять издалека. С Пурусхаттумом были связаны Усса и Харциуна, находившиеся соответственно к востоку и к северо-западу от соленого озера Туз, а присутствие здесь ассирийских купцов говорит об интересе Ассирии к великому северо-западному торговому пути, ведущему к Мраморному морю и дальше в Европу. Что касается царства Вахшушана, которое я бы локализовал в долине Коньи, то такая заинтересованность вполне объяснима: на его восточной окраине расположены серебряные копи Болкара и Берекетли Мадена, добытая здесь руда обрабатывалась, по всей видимости, в вабартуме Салативар (вблизи Карамана?), подвластном Вахшушане. Царства Пурусхаттум и Вахшушана могли служить для ассирийцев связующим звеном между Ассирией и Западной Анатолией, но не основной сырьевой базой, так как металл предположительно поступал из зоны Понтийских гор в долину Галиса. Поскольку, согласно современным гипотезам, оба царства находились в лувийской области (будущей Арцаве), такого рода контакты могли играть большую роль в связях с лувийским западом Анатолии как альтернативным источником сырья, поставляемого в хаттскую Центральную Анатолию.

Необходимо особо остановиться еще на одном археологическом наблюдении. Мы уже обращали внимание на южную границу деятельности ассирийцев в Северной Сирии, которая, по всей видимости, не распространялась на сирийско-килийскую провинцию, производившую расписную керамику периода СБ I, если не считать контактов с Лухуцатией (без создания ассирийских колоний). Имеются свидетельства, что именно эту керамику везли с юга вверх по реке Гёксу в долину Коньи, в район Карамана (Салативар?). При раскопках в зоне Кара-хююк — Конья (Вахшущана?) найден ряд несомненно сирийских печатей, а сирийские типы гончарных изделий и сирийские светильники встречаются даже за пределами области ассирийской колонизации — в Бейджесултане V на Меандре. Иными словами, на лувийских территориях Южной Анатолии обнаруживаются свидетельства торговых связей с Сирией вне рамок ассирийских торговых факторий. Именно в таком контексте надлежит рассматривать и находки египетских предметов эпохи XII—XIII династий: область их распространения не ограничена Сирией, а простирается дальше, включая в себя Адау в Киликии, Кара-хююк — Конью, Аджемкёй, Кириккале, Аладжа-хююк и Каниш (Кюль-Тепе). Останавливаться подробнее на данной теме здесь не место.

В этом кратком очерке мы попытались проследить торговые связи в одной определенной части Ближнего Востока, а конкретнее — торговые связи Сирии с 4000 по 1850 г. до н. э., то есть до момента ее наивысшего развития. В обзорном сообщении такого рода многое пришлось опустить, ряд тем остались незатронутыми, другие рассмотрены лишь поверхностно, однако автор выражает надежду, что ему удалось пролить свет хотя бы на главные направления развития торговых отношений. От одного сообщения нельзя ожидать большего.

Примечание. Полную документацию с картами и иллюстрациями читатель сможет найти в моей книге «The later prehistoric and the early historic periods in the Near East», которая вскоре выйдет из печати в издательстве «Thames and Hudson», London.

П. Маттис

ЦАРСКИЙ ДВОРЕЦ G В ЭБЛЕ И ПРОТОСИРИЙСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

В связи с открытием архитектурных и художественных памятников в царском дворце Эблы третьей четверти III тысячелетия до н. э. перед нами возникла одна существеннейшая проблема — проблема исторической оценки отразившейся в них культуры пространственных и изобразительных решений. Однонаправленность, негибкость, ограниченность методов исследования легко могут привести к ошибочному пониманию сложного характера этой культуры. Разносторонность же подходов, напротив, поможет расширить аналитическую основу для выявления и точного определения ее специфических особенностей. Было бы неуместно претендовать здесь на полноту подвергнутой анализу документации, на безукоризненную систематичность использованных методов или на исчерпывающий характер совокупности разных подходов, но все же попытаемся показать, насколько широк круг проблем, с которыми сталкиваешься при попытках дать полностью обоснованную историческую оценку этой культуры. Не вдаваясь пока в подробности, я должен с самого начала предупредить, что архитектурные элементы буду рассматривать здесь в первую очередь в аспекте их пространственных и функциональных характеристик, а для интерпретации произведений искусства привлеку данные социологического, иконографического и формального анализа.

Царский дворец G Мардих II В1 представляет собой огромный архитектурный ансамбль, занимающий по меньшей мере всю южную зону акрополя Телль-Мардиха и подножия его юго-запад-

Paolo M a t t i a e. Architecture and Art of the Royal Palace G of Ebla: some historical and chronological considerations. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

ного и южного склонов. Не исключено также, что некоторыми верхними группами помещений сооружение захватывало и северную зону акрополя, — но это всего лишь догадка. Зато достаточно красноречивы признаки, которые дают понять, что некоторые нижние кварталы простирались не только вдоль юго-западного и южного, но и вдоль восточного склона холма. В настоящее время установлены, правда лишь частично, три сектора в периферийных зонах дворца. Первый из них, центральный комплекс, вероятно, представлял собой четко выраженное объединение зданий, дифференцированных по функциям. В центральный комплекс, бесспорно, входили минимум три больших подразделения, часто использовавшихся как жилые и в качестве складов, и, вероятно, еще несколько, быть может, не столь обширных групп помещений более специального назначения. Центральный комплекс весь целиком располагался на акрополе. Среди нижних комплексов пока исследованы лишь очень ограниченные участки трех периферийных групп помещений: главный вход на западной стороне, сторожевые службы — также на западной стороне — и склады на южной стороне. Главный вход, так называемые Монументальные ворота, по ступеням из базальтовых плит ведет в обширное пространство расположенного на западе двора для аудиенций; это, несомненно, были ворота общего пользования, через которые можно было пройти в верхние комплексы. Небольшая группа сторожевых помещений, несомненно, насчитывала всего лишь несколько комнат, выходящих на северную сторону лестницы Монументальных ворот; здесь, вероятно, располагался небольшой гарнизон, контролировавший доступ в верхний комплекс. Южные склады были идентифицированы в 1982 г. близ вершины южного склона акрополя; они состояли из нескольких помещений, где находились скамейки из сырцового кирпича для хранения карисов с провизией, другая глиняная посуда и несколько груд сырцовых кирпичей.

Второй из трех пока исследованных секторов включает в себя административный комплекс и двор для аудиенций. Этот основной отсек царского дворца был раскопан полностью, если не считать участков, где в начале Средней бронзы I его руины были разобраны при работах в нижнем городе. В начале Ранней бронзы IV A в этом районе по градостроительным соображениям углы древнейших стен акрополя были срезаны до глубины свыше 4,00 м, и у срезанного склона акрополя была воздвигнута мощная уступчатая стена из сырцового кирпича. Двор для аудиенций представляет собой обширный участок протяженностью более 60,00 м по оси юг — север и почти 35,00 м по оси восток — запад. С двух, а может быть, и с трех сторон его огибал портик с деревянной колоннадой, на юге же двор не был огорожен и выходил прямо в нижний город. Вдоль западной

стены двора для аудиенций, которая теперь включена в наружную стену Западного дворца эпохи Средней бронзы I—II, вероятно, было несколько складских помещений. Портик живописного северного фасада обрамляли крылья, выполнявшие функцию конгрессов, обеспечивающих устойчивость. У этого фасада было сооружено возвышение для царского трона — визуальный и функциональный центр площади. В северном фасаде, недалеко от возвышения, находилась дверь, ведущая в маленькую комнату и далее в расположенный за ней коридор со складами для временного, иногда очень краткосрочного хранения доставлявшихся царю товаров и продуктов. Дверь с восточной стороны открывалась на грандиозный прямоугольник Парадной лестницы с четырьмя маршами, которая была украшена инкрустацией из раковин в виде геометрического орнамента, напоминающего цветы; эта лестница была запасным ходом, который непосредственно соединял верхние жилые помещения Центрального комплекса с приемной зоной двора для аудиенций у северного фасада. В восточном фасаде этого большого двора, южнее Монументальных ворот, находился вход в административный комплекс. Под портиком были построены два важных помещения, разделенных тонкими стенками: хранилище архивов и наружный вестибюль. Внутренняя стена административного комплекса огибала небольшой двор с портиком вдоль всех четырех сторон. В этом внутреннем секторе, с северной стороны, находилась трапециевидная комната, в которой на скамейках хранили клинописные таблички, а также лестница в три или четыре марша, которая вела на верхний этаж. В южной стене здания со стороны внутреннего двора был дверной проем, ведущий в самое большое помещение административного комплекса, которое, несомненно, служило приемной. За этим помещением, как и за северным фасадом во дворе для аудиенций, было несколько складов. Подавляющее большинство материалов государственного архива было обнаружено в главном хранилище архивов в административном квартале, в малом хранилище архивов ниже восточного портика, в наружном вестибюле и во внутреннем трапециевидном помещении административного комплекса. Типология документов многое дает для понимания функций этого важного участка царского дворца. Например, из табличек, найденных в главном и малом архивах, выясняется, что двор для аудиенций был местом сбора дани, в том числе серебром и золотом, снаряжения караванов, в частности с грузами тканей, а также местом выдачи питья и продовольствия гонцам, отправляемым с миссией в чужие земли. Стены внутреннего двора административного комплекса, в особенности южная близ большой приемной, были украшены комбинированными панно с художественными композициями из дерева, золота, известняка и лазурита. Здесь, частично на

цокольном и частично на втором этаже, находились очень ценные материалы и предметы — от необработанного лазурита из Афганистана до диоритовых и алебастровых чаш египетского производства.

Третьим из идентифицированных к настоящему времени секторов дворца является южный комплекс, который, как и административный комплекс, был сооружен у подножия акрополя близ толстой и высокой уступчатой стены. Площадь раскопанных помещений южного комплекса слишком мала, чтобы можно было точно определить их функции. Тем не менее установлено, что здесь был протянувшийся с запада на восток ряд маленьких помещений с лестницей, двор и помещение побольше, где находилось какое-то сложное из сырцового кирпича возвышение или база пилястра. В течение сезона раскопок 1982 г. все эти помещения южного комплекса были вскрыты лишь частично. И все-таки в одном из них обнаружены три хозяйственные таблички, которые в сравнении с табличками большого государственного архива отражают административную деятельность иного рода, и вполне вероятно, что одно из помещений южного комплекса служило хранилищем архивных документов других секторов дворцовой администрации.

Результаты раскопок еще слишком фрагментарны, чтобы судить о памятнике в целом, но все же некоторые его пространственные характеристики уже достаточно ясны. Во-первых, в градостроительном аспекте большое дворцовое сооружение было решено не как замкнутый комплекс, полностью отделенный от самого города, а, напротив, как четкий по своей структуре и по своему плану организм, связанный с городом открытым пространством и сам входящий в городскую черту. Двор для аудиенций является функциональной частью дворцового комплекса, хотя в пространственном отношении он находится вне дворца. По существу, он служит связующим звеном между дворцом и городом, является частью того и другого, будучи весьма оригинально решен одновременно как городская площадь и как двор. Во-вторых, царский дворец Мардик II В1 не воздвигался как нечто целое по единому простому проекту; его строили, приспособляясь к исторически предшествовавшим топографическим особенностям акрополя и к последствиям ужасных разрушений самого акрополя у его подножий. Сложность архитектуры сооружения является следствием такого характера планировки. Его высота составляла минимум два этажа, не считая цокольного, в плане же обнаруживается целый ряд разнообразных пространственных решений, которые явно ни в чем не подчиняются типологическим схемам, а обусловлены необходимостью приспособляться к топографии местности. В-третьих, в замысле тех секторов, где существовавшие раньше условия пространства и окружающей среды не играли столь решающей роли, ясно ощущается

художественный вкус, проявляющийся в манере оформлять пространство и подчеркивать монументальность. Так, портик высокого северного фасада во дворе для аудиенций был снабжен боковыми крыльями, которые предназначались, конечно, для придания устойчивости всему сооружению, но вместе с тем давали тень и на углах прерывали однообразную ритмичность колоннады. Такой же высокий художественный вкус, разумеется уже без подчеркивания монументальности, виден в планировке внутреннего двора административного комплекса, где окаймляющий все четыре стороны маленький портик, соединенный контрфорсом, и полоса пилястров поддерживали лоджию, которая, несомненно, тянулась вдоль всех четырех сторон двора.

С градостроительной точки зрения обширное пространство двора для аудиенций, бесспорно, является ключевым пунктом в структуре города ввиду оригинальности его решения, которая заключалась в ясно выраженной многозначности этого двора: в одно и то же время он был внешней границей между дворцом и городом и внутренней территорией дворца. В этом смысле он представлял собой городскую территорию, которая тесно связана со специфической экономической, организационной и административной жизнью развитого раннесирийского города, и по своему характеру ничем не походит ни на дворцовый внутренний двор, ни на городскую рыночную площадь. Трудно усмотреть реальную почву для сопоставления с дворцом А в Кише, который к тому же более чем на сто лет старше дворца G в Эбле и включал в себя самое меньшее три блока, из которых сохранились только два. Эти блоки располагались вдоль минимум двух сторон открытого пространства, откуда шли входы в оба блока, а вдоль одной из сторон проходил портик с колоннами из сырцового кирпича. Кроме того, во дворце, в центре большего помещения самого крайнего блока, было четыре колонны, размещенные вдоль одной оси; такое расположение напоминает систему из двух колонн в большом помещении административного комплекса в Эбле. Оба блока дворца А в Кише, вне сомнения, воздвигались по единому простому проекту, что типично для архитектуры Месопотамии, но не было обычной строительной практикой в Эбле. Тем не менее вполне возможно, что в обоих названных центрах, пусть даже совсем по-разному, проявились следы древней традиции оформлять колоннами связанные с дворцовыми зданиями пространства, предназначенные для определенных целей. Если это так, то мы не вправе полностью отбрасывать гипотезу о переработке, пусть и радикальной, протонисторического наследия городской среды эпохи Урука.

Для решения общей проблемы распределения функций в царском дворце Эблы на основании найденных там клинописных табличек

из государственных архивов основополагающее значение имеет первоначальное место хранения документов. До настоящего времени открыто 17 050 табличек и фрагментов табличек, которые, за исключением двух малочисленных групп, были сосредоточены в четырех помещениях здания. В указанное общее число табличек входят также фрагменты с одной или несколькими строками текста. 2000 экземпляров — это целые или почти целые таблички различных размеров, начиная с табличек, содержащих всего несколько строк текста, и кончая редкими табличками, заполненными более чем 60 столбцами, в сумме составляющими почти 2000 строк. Чуть менее 15 000 экземпляров было найдено в главном архиве L. 2769 в наружном секторе административного комплекса; почти 900 экземпляров лежали в малом архиве L. 2712; около 655 экземпляров были разбросаны в наружном вестибюле L. 2875 административного комплекса; почти 535 экземпляров были разбросаны по полу в небольшом внутреннем трапециевидном хранилище L. 2764 административного комплекса. Две немногочисленные группы — 40 маленьких административных табличек и 23 большие таблички, типа месячных отчетов (по тканям), — были найдены соответственно на полу помещения L. 2586 в северо-западном крыле и во дворе для аудиенций на остатках обуглившихся деревянных настилов, которые, несомненно, служили столами для документов. Чуть более 100 фрагментов были разбросаны во внутреннем дворе и в вестибюле маленькой лестницы административного комплекса. В каждом помещении наблюдалась своя первоначальная система размещения табличек. В главном архиве квадратные документы среднего размера стояли в вертикальном положении горизонтальными рядами параллельно стенам, а маленькие круглые таблички, видимо, хранились в корзинах на полу или в горизонтальном положении на верхней полке. Подавляющее большинство словарных текстов помещалось на верхней полке вдоль северной стены. Находившиеся в главном архиве квадратные таблички, расположенные вертикальными рядами, были установлены таким образом, чтобы столбцы текста оказались в горизонтальном положении, а лицевая сторона всех без исключения табличек была обращена вперед, — это позволяло тут же на месте быстро получить нужную справку. В малом архиве таблички первоначально были уложены на две прикрепленные к стене полки, вероятно деревянные или глиняные, следы от которых хорошо видны на штукатурке. В наружном вестибюле больше всего табличек было в северных углах помещения рядом с небольшой скамейкой из сырцового кирпича и на самой скамейке, которая, видимо, использовалась одновременно как сиденье и как место, куда клали принадлежности для письма. В этом же помещении мы нашли несколько обломков костяных стилей, за-

остренных с одного конца, с помощью которых, вероятно, подготавливали таблички к записи текста, а также маленький ромбовидный стеатитовый инструмент, уже отполированный и готовый к употреблению, который, несомненно, служил для стирания ошибочных строк или столбцов с табличек. В трапециевидном хранилище таблички первоначально держали на высоких скамьях из сырцового кирпича, которые, по крайней мере частично, были закрыты деревянными дверцами, украшенными резными фигурками людей в полный рост или частями фигурок — один рельеф замечательной красоты, изображающий мужскую голову, сохранился почти полностью. Для хранения табличек предназначались только главный архив, малый архив и часть внутреннего трапециевидного хранилища. Но то, что документы были обнаружены и на деревянном настиле во дворе для аудиенций, что часть из них лежала на полу в одном из помещений северо-западного крыла, что таблички были небрежно брошены около скамейки во входном вестибюле административного комплекса, и, наконец, то, что в главном архиве, в единственном углу, где не было полок, найдено днище караса с подготовленными для письма кусками глины, — все сказанное неопровержимо свидетельствует, что архивные материалы царского дворца — это не коллекция оставшихся от далекого прошлого старинных документов, которые хранятся, но уже никого не интересуют, а документация, которой пользуются повседневно. Такое в высшей степени важное наблюдение снимает надуманную проблему мнимого хронологического расхождения между археологическими и эпиграфическими данными. В действительности последний царь Эблы, Ибби-Зикир, упоминаемый в архивных текстах, был современником разрушения своего дворца. Он, таким образом, сам пережил осаду Эблы, которая, видимо, застигла его врасплох и которая кончилась трагической гибелью Мардиха II VI. Не менее достоверно и то, что конечная фаза существования царского дворца G должна быть отнесена ко времени правления того же Ибби-Зикира.

Для оценки художественной культуры времен Ибби-Зикира чрезвычайно важно, чтобы остатки произведений искусства рассматривались в аспекте, учитывающем три момента: заказ, стимулировавший их создание, процесс изготовления, обеспечивавший выполнение заказа, и эффект, ради достижения которого они были заказаны. Из всех произведений искусства в царском дворце Эблы больше всего привлекают взор, конечно, комбинированные панно с горельефными изображениями мужских фигур, мозаичные фризы, на которых изображены животные, а также ряд других фигур, и несколько экземпляров круглой скульптуры — мужских и женских голов, которые первоначально, возможно, были не статуями, а лишь бюстами или комбинированными изваяниями. Основу панно,

несомненно, составляли деревянные плиты, на которых, видимо, были вырезаны рельефы, изображающие непокрытые части тела людей; вся одежда и все головные уборы были выполнены в высоком рельефе из известняка, а прически вырезаны на лазурите или стеатите. Каменные детали крепились к деревянной основе медными или деревянными колышками, которые плотно сидели в круглых отверстиях, пробурованных в сглаженной задней стенке каменных рельефов. Изображения обнаженных частей тела, вероятно, были покрыты кованным листовым золотом: обнаружены немногочисленные остатки золотого покрытия, которые до сих пор сохраняют форму этих рельефов. На мозаичных фризах фигуры были выполнены либо в технике интарсии, особенно в случае маломерных композиций, либо составлены из различных, подобранных друг к другу кубиков и частично обрисованы. Изображения фигур, как правило, составлялись из известняковых кубиков, а для фона обычно использовались разные материалы, из которых наиболее употребительны были лазурит и красноватый камень. Круглые скульптуры по способу изготовления, скорее всего, не слишком сильно отличались от комбинированных панно и от фигурки быка с человеческой головой из дерева, золота и стеатита, которая была, вероятно, фрагментом украшения какой-то мебели и которую удалось полностью реконструировать. Бюсты и головы, очевидно, тоже комбинировались с сердцевинной деревянной основой, к которой крепились плоской стороной стеатитовые изображения причесок, изображения головных уборов, вырезанные из других твердых камней, и, быть может, покрытые золотом деревянные резные изображения лиц.

Остановимся теперь на тематике этих произведений. На комбинированных панно были изображены различные люди — одни в профиль, с непокрытыми головами, другие в фас, с характерным тюрбаном на голове. Одеты они были в классические шерстяные юбки с фестонами, за исключением одной фигуры, облаченной в мантию. От панно сохранились, в частности, известняковые юбки, собранные по большей части во внутреннем дворе и в самом большом помещении административного комплекса, где, очевидно, эти панно и крепились к стенам. Панно, безусловно, различались по размеру — об этом свидетельствует разная величина юбок, из которых самые большие могли принадлежать фигурам высотой 35—40 см, а самые мелкие — фигурам не выше 15 см. Сравнив эти остатки с интарсиями, где в фас изображен человек с секирой у груди, в мантии с шерстяными фестонами и в высоком тюрбане со свисающим сбоку хвостом, а также сопоставив их с оттисками цилиндрических печатей, на которых воспроизведен тот же персонаж, мы приходим к мысли, что эта крупная фигура относится к эблантской иконографии царя, атрибутами которого являлись тюрбан и секира. Фи-

гурки без головного убора, очевидно, изображали придворных чиновников. Эти произведения очень интересно проанализировать в трех аспектах, связанных с дворцовым комплексом, — аспектах заказа, изготовления и эффекта. Так, на панно, очевидно, были изображены либо отдельные царские фигуры, либо, что менее вероятно, царь, который, несмотря на положение анфас, как бы принимает от проходящих перед ним сановников знаки уважения. Подчеркиваем, что все сохранившиеся тюрбаны изображены в фас и принадлежат более крупным фигурам. На этом основании следует полагать, что царские фигуры, во-первых, изображались только в фас и, во-вторых, всегда были крупнее остальных. Так или иначе, независимо от того, были ли царские фигуры на панно изображениями только самого царя или же изображениями царя, принимающего знаки преклонения от лиц более низкого положения, изображенных меньшими по размерам, и в том и в другом случае эти фигурные композиции, несомненно, служили напоминанием о могуществе царя и о могуществе администрации, причем явно без какого бы то ни было намека на те или иные конкретные события, о чем свидетельствует полное отсутствие сюжетно-тематического контекста. Решенная фронтально царская фигура, типа изображений богоявления, безусловно, не столько символизирует конкретное историческое лицо, сколько синтезирует представление о функциональной значимости царской власти вообще. Поэтому представляется вполне правдоподобным, что комплекс этих изображений был заказан дворцом и предназначался для прославления царской и дворцовой власти как институтов, обеспечивающих общее благосостояние и порядок. Функция этих изображений должна была состоять в том, чтобы прославлять, и наверняка не преследовала ни культовых целей, что было бы неуместно в дворцовой, нехрамовой среде, ни мемориальных целей, для достижения которых, вне всякого сомнения, должен был бы быть использован сюжетно-тематический контекст. Изготовление этих произведений осуществлялось, несомненно, в придворных мастерских города — это доказывают типичные для Эблы особенности техники исполнения и элементы архаики.

Не меньшего смысла исполнен и третий из названных аспектов — желаемый эффект. В самом деле, остатки этих художественных произведений почти все без исключения были сосредоточены на территории внутреннего двора административного комплекса, перед входом в большое помещение с колоннами и в самом этом помещении; таким образом, можно сделать вывод, что панно находились в том помещении дворца, которое предназначалось для аудиенций, а также в портике перед ним. Следовательно, топографическое и функциональное решение архитектуры дворца подтверждает, что панно создавались с целью прославления царской власти как тако-

вой и не являлись ни изображениями какого-то одного царя, ни отображением какого-то одного события. Действительно, панно с выполненными высоким рельефом фигурами царя и саявников были выставлены лишь на коротком участке пути следования на прием в главное помещение для аудиенций.

Выполнение по царскому заказу в придворных мастерских характерно также и для весьма фрагментарно сохранившихся мозаичных панно из административного комплекса, на которых мы видим преимущественно фигуры животных и содержание которых пока не удается реконструировать. Некоторые изображения, такие, например, как фигура вздыбленного леопарда, невольно заставляют думать, что сюжеты мозаичных фризов были навеяны традиционными для искусства глиптики сценами «фризов сражающихся». Воспроизведенная в фас голова быка с человеческим лицом на одном из фризов относится к этому же миру образов дворцовой глиптики Эблы. Блестяще выполненные фигуры животных, в частности овец и газелей, наводят на мысль, что отдельные фризы были целиком выдержаны в жанре анималистики, очевидно отражая занятия скотоводством и жизнь степей. Не так легко догадаться, какой контекст скрывается за изображениями идущих быков с головами людей, зато такой персонаж, как пленник со связанными за спиной руками, вызывает интересные ассоциации. Этот сюжет, безусловно, связан с содержанием мозаичных фризов дворца А в Кише, с так называемым мотивом штандарта из Ура и с батальной тематикой панно в Мари периода РД III; но, кроме того, этот сюжет на эблантском фризе доказывает, что во внутреннем дворе административного квартала, то есть в дворцовой обстановке (как и в месопотамских дворцах, которые чуть старше эблантского), устанавливались панно, прославлявшие военные подвиги вообще, или панно, созданные, быть может, в память какого-то определенного военного похода. Вполне вероятно поэтому, что мозаичные панно этого рода с представленными на них сценами сюжетно-тематического характера, повествующими о военных победах, и мифологическими сценами с участием благодетельных полубожественных существ, — что эти мозаичные фризы в сочетании с комбинированными панно составляли единый изобразительный ансамбль, иллюстрировавший положительную роль монархии, которая является посредником между земным миром и миром богов и обеспечивает порядок во всей вселенной, начиная от мира природы и кончая сферой общественной жизни.

Высоким художественным мастерством исполнения отличаются изображения двух голов — женской и мужской — чуть меньше натуральной величины. Их прически, реконструированные почти полностью, были с ювелирной точностью миниатюриста вырезаны

на стеатитовых пластинках, которые прикреплялись к головам лишь после обработки. Несмотря на отсутствие сколько-нибудь достоверных элементов арханки, в этих изображениях можно усмотреть головы царя и царицы; но в любом случае строить какие-либо гипотезы по поводу первоначальной формы этих изображений, которые могли быть и головными, и поясными, и во весь рост, абсолютно бесперспективно, так как все остальные детали утрачены. Рассматривая эти изображения голов с точки зрения формы, необходимо отметить некоторые стилистические особенности. Прежде всего, бросается в глаза глубокое понимание художником обрабатываемой пластической массы в сочетании с тонким графическим чутьем, а также безошибочное органическое ощущение структуры материала, которое особенно ярко проявилось в лепке шапочки над висками и задней частью шеи. Эти два шедевра, изумительные по совершенству художественного выражения, не имеют параллелей. В них чувствуется тенденция к аналитическому реализму, который типичен для периода РД III В в Нижней Месопотамии. И вместе с тем они уже красноречиво предвещают появление синтетического реализма, типичного для великих художников из царских мастерских Аккада времен Маништусу и Нарам-Сина.

Лишь в одном помещении царского дворца были обнаружены остатки резной деревянной мебели, в большинстве случаев украшенной мозаикой из раковин. Хотя вся обстановка обуглилась из-за пожара во время разрушения дворца, несколько фрагментов боковых сторон трона и украшений стола найдены в удовлетворительном состоянии. Кресло было украшено резным геометрическим узором, под которым в середине изображена группа животных: бородатый бык анфас, идущий бык, лев и почти целиком утраченная коза. В нижнем ряду представлены сцены борьбы, от которых сохранилось лишь изображение быка и львиных когтей, впившихся в его тело. Это был излюбленный мотив в искусстве Сирии вплоть до наступления эпохи Поздней бронзы, особенно в искусстве малых форм. Тот же сюжет встречаем в украшении одной из сторон стола. Украшения на остальных сторонах стола изображали сцены, смысл которых, несмотря на фрагментарное состояние, разгадать нетрудно. Похоже, что это были сцены двух совершенно разных типов. В одном случае перед нами фигуры львов, которые впиваются в горло козам, изображенным с повернутой назад головой. Этот сюжет, вне сомнений, восходит к фризам со вздыбленными животными и навеян иконографией глиптики того времени. Во втором случае мы видим нечто вроде поединка — фигуры воинов, старающихся заковать друг друга. Это изображение принадлежало к традиции батальных сцен, впервые засвидетельствованной в Месопотамии во времена Саргона Аккадского. Ярким примером, иллюстрирующим

строгую реалистичность стиля, типичную для этой резьбы по дереву, служит выполненное в сдержанной манере резное изображение женщины в мантии с бахромой, какие носили аккадцы первого поколения. Эта фигурка, очевидно, украшала угол того же стола, на котором были вырезаны мифологические и военные сцены.

Глиптика периода царского дворца Эблы дошла до нас в виде ряда оттисков цилиндрических печатей, выполненных в двух совершенно разных стилях и совершенно разных по назначению. Часть цилиндрических печатей, с более схематичным, геометрическим узором, употреблялась, по всей видимости, лишь для нанесения оттиска на венчики карасов для провизии, тогда как другие печати, с рисунками, одинаково выдержанными в реалистическом стиле, служили для отпечатывания на пробках карасов, на буллах деревянных шкатулок и тростниковых корзин, наконец, для отпечатывания дверей в административном комплексе и лестницы, ведущей в верхний этаж этого сектора царского дворца. Благодаря буллам нам удалось реконструировать около пятнадцати цилиндрических печатей, несомненно принадлежавших высокопоставленным сановникам при дворе последнего царя Эблы — Ибби-Зикира. На двух печатях, имевших надписи, значилось имя их владельца — некоего Иптуры, чье имя фигурирует также в целом ряде документов царя; он, очевидно, являлся одним из самых важных сановников при дворе Ибби-Зикира.

Эти высокопоставленные должностные лица дворцовой администрации отвечали за различные сектора финансово-податной системы, за определенные части государственного архива и за распределение помещений дворца под важные товары и продукцию, накопленные в результате деятельности администрации. Поэтому изготовление печатей было прерогативой придворных мастерских, которые выполняли заказы дворцового аппарата. Действительно, печати довольно единообразны и по стилю, и по тематике рисунков. Иконографическая структура печатей, перекликаясь с фризами, полностью строится на тематическом материале глиптики самого позднего периода РД III — как с точки зрения композиции сцен, так и по индивидуальным элементам. И в том и в другом аспекте печати обнаруживают близкое сходство с месопотамской глиптикой времен Лугальанды и первых лет правления Саргона Аккадского *. Фигурная композиция по типу не отличается от фризов, изображающих сцены борьбы: ее составляют фигуры людей, животных и синкретических существ, причем все персонажи стоят вертикально, без

* Напомним, что основатель династии Аккада, Саргон Древний, жил в конце периода РД III и только с его сыновей начинается археологический аккадский, или саргонидский, период. — *Прим. ред.*

малейшего наклона, на одинаковом расстоянии друг от друга, но довольно тесно. Они, как правило, объединены в группы по три—пять фигур и расставлены обычно с соблюдением центральной симметрии. Главные герои фризов типичны для месопотамского репертуара, например быки и львы во вздыбленном положении или же человекобыки; но из эблантских мастерских порой выходили произведения, лишь по идее аналогичные месопотамским образцам. Такова, например, фигура женщины-коровы с человеческим лицом и коровьими рогами и ушами, которая, безусловно, восходит к изображениям человекобыка, правда отличаясь от них женской, а не коровьей нижней частью тела. Сюда же относится нагой коленопреклоненный герой, который, подобно Атланту, поддерживает четырехчастный символ вселенной с головами человека или обезьяны и льва и видоизмененным прообразом которого, несомненно, явился известный месопотамский персонаж позднего раннединастического и аккадского периода — обнаженный герой, поддерживающий вселенную, лежа в подземной реке, омывающей весь мир. Изображенная в фас богиня в характерной юбке с расходящимися косыми шерстяными фестонами, укрощающая животных — быков и львов, — конечно, заимствовала свою позу у героя — победителя диких зверей на аналогичных месопотамских изображениях трехчастных групп, встречающихся довольно часто, особенно в глиптике Киша.

Тематика дворцовых цилиндрических печатей развитой раннесирийской Эблы имеет под собой постоянную и единую идеологическую базу, вероятно отражающую мировоззрение, выработанное в культурной среде придворных писцов. Весь рисунок строится вокруг центральной фигуры великой богини, укрощающей диких зверей и оберегающей стада, и вокруг персонажей, которые ей помогают. Это сверхъестественные существа, такие, как человекобык, женщина-корова и герой со львиной головой; мифические существа, подобные обнаженному герою; человеческие существа — бородатый мужчина в царском торбане и длинноволосая женщина. В мире мифологических образов два последних персонажа, которые могут занимать место человекобыка или обнаженного героя, несомненно, изображают царя и царицу, вернее, царственных прародителей, или «покойных царей», упоминаемых в списках культовых жертвоприношений богам. Очевидно, они являются предшественниками гр'ит (рефанмов) аморейской эпохи. Идеологической основой этой последовательной системы представлений служит вера во вселенский порядок, созданный богами и удобный богам, которые управляют вселенной, как бы перевоплотившись в символические образы животных и сил природы; этот порядок в человеческом мире олицетворяется институтом монархии. За вселенским поряд-

ком бдительно следят и умершие цари, а живущий царь обеспечивает его, управляя обществом через административный аппарат дворца. Судя по элементам пластических композиций и по функции каждого из них, особо важная роль в поддержании вселенского порядка отводится женскому божеству, а в сфере мифической и в среде царей женские персонажи, синкретические и несинкретические, действуют совместно со своими партнерами мужского пола, что совершенно чуждо одновременной месопотамской иконографии. И вдобавок образ вселенского порядка воплощен в раннесирийском искусстве в идее царской власти, о чем красноречиво свидетельствует иконографический материал. Этого также не знает глиптика раннединастической Месопотамии.

К какому бы виду художественной документации ни относились остатки произведений искусства в царском дворце Мардих II В1, будь то пластические монтажи с прославляющей тематикой типа комбинированных панно или предметы функционально-прикладного характера, как, например, деревянная мебель и оттиски на глиняных печатях, все они, за исключением тех цилиндрических печатей, оттиски которых мы видим на венчиках карасов и которые не принадлежали ни к дворцовой, ни даже к городской продукции, — все это плоды творчества, появление и характер которых были predetermined заказом дворца, изготовлением в дворцовых мастерских и тем эффектом, какого добивался дворец. Все эти произведения восхищают высоким художественным уровнем и утонченностью вкуса. Поэтому не так легко найти достаточно прочную основу для их сопоставления с созданиями месопотамской культуры — ведь в Месопотамии позднего периода РД художественные произведения, предназначавшиеся не для храмов, а для дворцов, отнюдь не составляли большинства. Очевидная связь с некоторыми предметами искусства из погребений царского некрополя в Уре, в частности с некоторыми фигурами животных и прежде всего с рядом деталей композиций, украшавших драгоценную царскую мебель, объясняется не столько хронологической близостью, сколько одинаково высоким уровнем художественного воплощения. И действительно, как уже говорилось, не в техническом аспекте, а в иконографическом и стилистическом больше всего проявились аналогии между произведениями искусства Эблы и Месопотамии эпохи Лугальанды Лагашского и Саргона Аккадского.

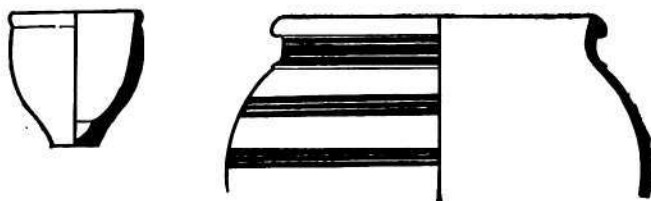
Решая основную хронологическую проблему — вопрос о времени разрушения царского дворца G Мардиха II В1, — следует учитывать если и не все вообще, то хотя бы все главные группы добытых свидетельств. Не имея возможности углубляться в детали, прежде всего напомним в связи с поставленной задачей, что при изучении археологического материала необходимо принимать во

внимание три главные группы свидетельств, входящие в его состав: во-первых, это слой, определяемый керамикой, во-вторых, художественная культура и, в-третьих, палеография текстов. Эти три элемента археологического контекста необходимо сопоставить с точными историческими данными, которые можно извлечь, с одной стороны, из находок текстов в Эбле и, с другой стороны, из письменных памятников Месопотамии. Что касается горизонта, определяемого керамикой, то он лишь в общем плане позволяет говорить об эквивалентности Мардиха II В1 и периода между этапом РД III В и началом правления Аккадской династии, так как отдельные соответствия обнаружены только в пределах Сирии. Более детальные сведения можно извлечь из данных художественной культуры и из палеографии текстов: обе группы свидетельств, несмотря на содержащиеся в каждой из них элементы архаики, позволяют датировать Мардих II В1 временем правления Лугальанды в Лагаше, Лугальзагеси в Уруке и Саргона в Аккаде. Если говорить об исторических данных, то из текстов Эблы выявляется лишь один бесспорно документированный синхронизм — между Ар-Эннумом, предшественником Ибриума и Ибби-Зикира, и царем Мари Иплул-Илем. находка же алебастровой крышки от сосуда времен египетского фараона Пиопи I в Эбле в слое разрушенного царского дворца убедительно свидетельствует, что Пиопи I жил либо в период правления царя Эблы Ибби-Зикира, либо до него. И наконец, к более схематичным выводам приводят нас данные месопотамских источников: сначала Эбла оказалась вынужденной платить дань Саргону Аккадскому, а затем Нарам-Син Аккадский завоевал и разрушил Эблу и Арманум.

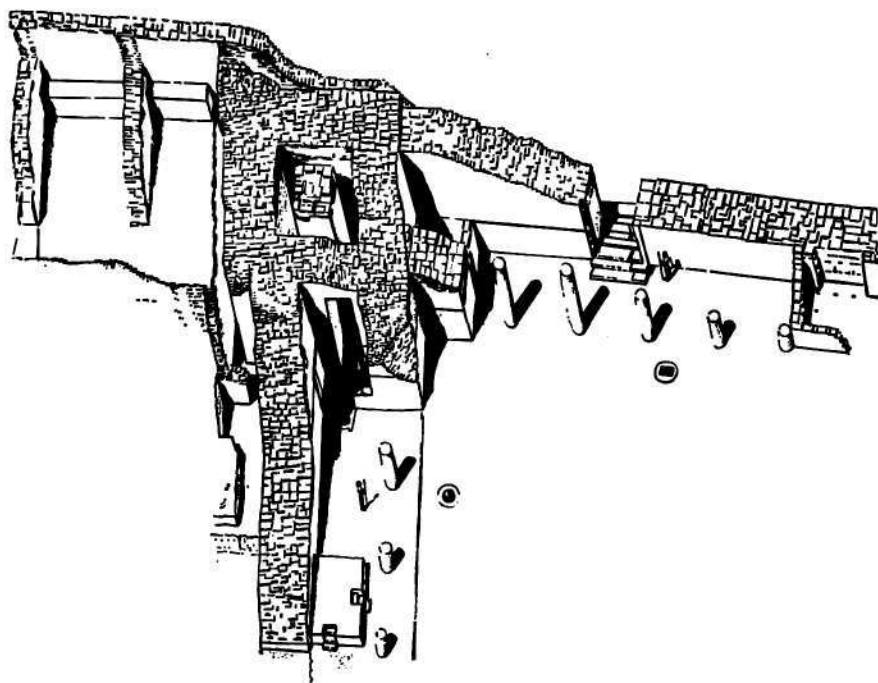
Эти данные ни в чем не противоречат друг другу, хотя и существуют моменты, несколько затрудняющие любую гипотетическую интерпретацию. Наиболее правдоподобна гипотеза, согласно которой царский дворец Мардих II В1 разрушен Нарам-Синем в начале его правления, однако не исключено и то, что разрушителем дворца был Саргон в самом конце своего царствования. Определить, какая из этих двух дат является единственно верной, невозможно: их разделяет промежуток длительностью всего лишь в тридцать лет, так как сыновья Саргона Римуш и Маннштусу в общей сложности царствовали только 22—24 года. Но датировка временем Нарам-Сина все же предпочтительнее. Гипотезу о гибели Мардиха II В1 до воцарения Саргона следует полностью отвергнуть.

Вклад, сделанный в историографию древнего Ближнего Востока находкой исключительно важных памятников архитектурно-художественной культуры царского дворца Эблы, следует оценивать главным образом в двух аспектах: во-первых, в аспекте проблемы оригинальности и преемственности культуры Сирии в эпоху

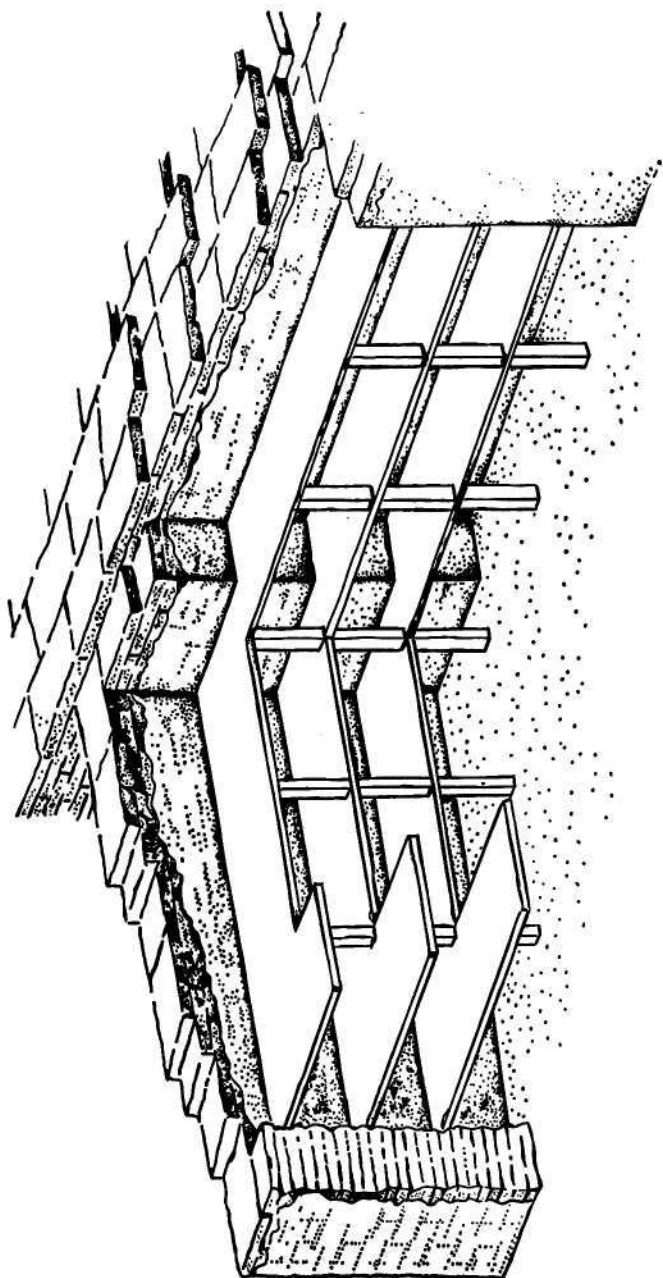
между раннесирийским и новосирийским периодами и, во-вторых, с точки зрения вклада развитой раннесирийской культуры в культуру современного ей месопотамского мира. Ведя изыскания в этих двух направлениях, мы постепенно будем все больше узнавать о роли и истинном месте Эблы в истории древней Западной Азии.

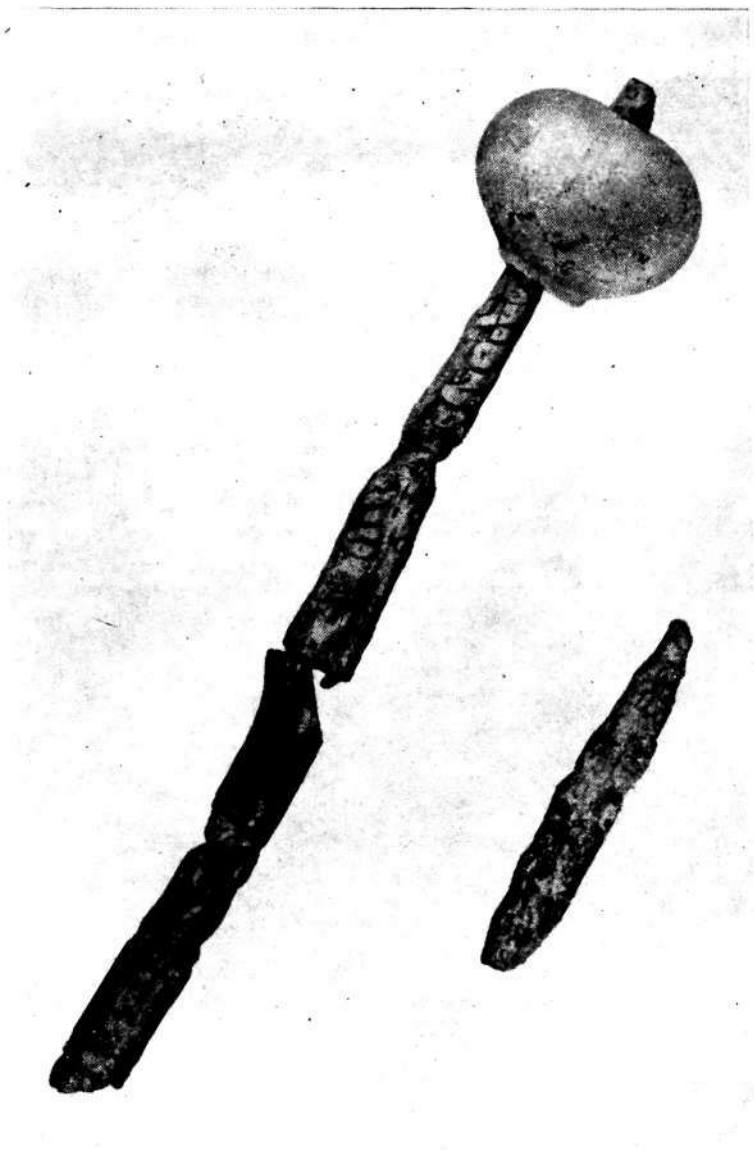
Посуда слоя II В1 (Дворец G)

Изометрическая проекция двора для аудиенций во дворце G (реконструкция)

Реконструкция пола для табличек в помещении Л 2769 дворца G

Булава: ТМ.79. Q.148+180а-г; известняк, слоновая кость, золото и серебро:
из коллекции Q.78.В2/Q.79.А

М. Н. ван Лоон

КОНЕЦ ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ В СИРИИ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В своей книге «Ebla: un impero ritrovato» (Torino, 1977) на с. 94 Паоло Маттиэ высказал мысль о том, что комплекс признаков, издавна известный нам под названием «калициформная культура», в сущности, можно полностью отождествить с материальной культурой царства Эблы. Хотя этот термин предусматривает критерии, учитывающие преимущественно керамику, я не могу себе представить, чтобы каким-либо другим термином можно было точнее определить в двух словах материальную культуру, которая господствовала в огромном большинстве районов Сирии в конце III тысячелетия до н. э. Прилагаемая таблица явилась результатом попытки согласовать между собой порой противоречивые свидетельства, характеризующие хронологию этой культуры; ниже я попробую обосновать те даты, к которым в конце концов пришел.

Определяя, к какому времени относится в Хамате (Хаме) начало слоя J с его «простой», или «калициформной», керамикой и конец слоя K с его «красно-черной лощеной керамикой», известной в Палестине как керамика «Хирбет Керак», Фугман посчитал наиболее правдоподобной дату «приблизительно 2400 г. до н. э.». Достоверные синхронизмы в палестинских и египетских городищах позволяют датировать распространение этой керамики в Палестине временем между 2550 и 2350 гг. до н. э. (Albright 1965, с. 52—57). В Сирии, где она не могла не появиться раньше, эпохой ее распространения было бы логично назвать период от 2600 до 2400 г. до н. э.

Последовательность слоев на Чатал-хююке, Джудейде и Таинате в Амуке показывает, что самая поздняя керамика «Хирбет

Maurits N. van Loon. The end of the Early Bronze age in Syria: problems of chronology and interpretation. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

Керак» совпадала с самой ранней «калициформной» керамикой; если отнести такое совпадение к XXV столетию, то можно принять предложенную Патти Джо Уотсоном (Watson 1965, с. 82) датировку начала Амука I приблизительно 2500 г. до н. э., а это лишний раз доказывает, что Хама J, Мардих II B1 и Селенкахие могут восходить к 2400 г. до н. э. В Хаме слой K был под метровой толщей золы, а в слое J дома и улицы строились по совершенно новому плану. Все поселение Селенкахие вообще было заложено заново.

Размышляя над некоторыми археологическими наблюдениями, мы пришли к логическому заключению, что Хама J 8—6, Селенкахие I—II и средние слои Телль-Чуэры по крайней мере частично совпадали по времени с РД III B и «раннесаргонидскими» периодами, или, по терминологии Ниссена, с периодами Мескаламдуга и Лугальанды в Месопотамии. Эти археологические наблюдения состояли в следующем:

1. Тонкостенные бутылки и карасы с цилиндрическим горлом и светло-красной росписью полосами вокруг шейки и плечиков объединяют Селенкахие и Чуэру этой стадии с периодом РД III в Уре и Фаре (Mellink 1965, с. 110; Kühne 1976, с. 68—69; Nissen 1966, с. 183).

2. С предыдущими материалами связаны найденные на Селенкахие I—II, в Чуэре (преимущественно в средних слоях) и в слое РД III в Хафадже маленькие черно-серые приземистые сосуды с кольцеобразным лощением (Kühne 1976, с. 37; F 1, 131, табл. 4 : 3; Delougaz 1952, с. 100, табл. 103 b—d).

3. Булавки с загнутыми головками служат связующим звеном между Хамой J6, Селенкахие I—II и царскими гробницами Ура (26 находок в погребениях слоя РД III и одна в погребении раннеаккадского периода). Поскольку булавки с загнутыми головками найдены также в Катне в могиле IV и в Тиль-Барсобе вместе с материалом, который датируется несколько более поздним временем, следует предполагать, что такие булавки продолжали употребляться в Сирии еще и в XXIII столетии.

Кроме того, можно провести стилистические параллели между изображениями животных и людей в Селенкахие I—II и в слоях РД III в Месопотамии. Датировка конца Хамы J6 примерно 2300 г. до н. э. согласуется также с датой, полученной стандартным радиоуглеродным методом для куса обугленной ольхи, найденного в чаше из слоя Хама J6 (Taube et al. 1958, с. 282).

Для более раннего комплекса «калициформной» керамики, открытого в Амуке в фазе I, характерны следующие сосуды:

1) плоскодонные кубки, найденные также в Селенкахие I—III и в средних и поздних слоях Чуэры;

2) более высокие, нередко рифленые кубки, найденные также в Хаме J 7—2, Селенкахие II—IV и в поздних слоях Чуэры;

3) большие чаши с утолщенными, косо срезанными венчиками, найденные также в Хаме J 7 и Селенкахие I—II;

4) плоскодонные сосуды, расписанные вертикальными волнистыми линиями, найденные также в Хаме J 6 и Селенкахие II;

5) грубые карасы для воды с толстым, покрытым многочисленными желобками венчиком, найденные также в Хаме J 5, Селенкахие II—III и в ранних слоях Чуэры (о сопоставлении этих и упоминаемых ниже глиняных сосудов см. L o o n 1979, с. 110—111).

В Хаме обнаружена сплошная архитектурная последовательность от слоя J 8 до слоя J 5 включительно, несмотря на то что в слоях J 8 и J 6 постройки были уничтожены пожаром. На Селенкахие фаза I была частично разрушена пожаром, а в фазе II первая крепостная стена была воздвигнута на некогда застроенном соседнем участке; в остальном же фаза II представляла собой перестроенные сооружения фазы I. Однако в конце фазы II стена цитадели была умышленно снесена, и в фазе III строительство велось уже почти целиком по новому плану.

Фаза III на Селенкахие связана общим типом керамики больше всего с Хамой J 5 — слоем значительной протяженности во времени, который знал не менее двух перестроек большинства домов. К керамике этого типа относятся:

1) горшки или карасы с трубчатыми ушками; они были найдены на Селенкахие в слоях II и III и встречаются также в поздних слоях Чуэры и в Трое II;

2) кольцовидно лощенные черно-серые бутылки, встречающиеся опять-таки на Селенкахие II—III, в поздних слоях Чуэры, в Амуке J, Трое II—III и Тарсусе периода РБ III; эти сирийские бутылки, очевидно, вывозились в Анатолию, тогда как красные лощеные *дера** ручной работы типа сосудов из Трои II/Тарсуса РБ III, найденные на Селенкахие III, явно ввозились из Анатолии; более поздняя разновидность, типа сосудов из Трои IV, обнаружена в фазе J Амука;

3) бутылки и кувшины с лепными венчиками также встречаются впервые в фазе J Амука; один экземпляр «ступенчатого венчика», столь обычного на Селенкахие III, был найден в поздних слоях Чуэры.

Таким образом, Селенкахие III и Хама J 5 связаны с Амуком J появлением ряда новых видов керамики. Самая важная новинка — расписная простая керамика — является общим признаком для

* *Дера*, мн. ч., *derata* — крыто-микенский термин, обозначающий сосуд определенной формы. — *Прим. ред.*

Амука J и Хамы J5, но в Селенкахие III она не встречается; вертикальный гребенчатый узор на посуде из поздних слоев Чуэры (К ÿ h п е 1976, табл. 34—35) и из погребения на Селенкахие, безусловно, отражает раннюю стадию развития орнаментации этого типа. Для хронологии Эблы важно отметить, что в Мардихе II B1 ни одна из таких новинок не обнаружена; и напротив, Мардих II B2 отличается распространением расписной простой керамики, нередко с горизонтальным гребенчатым орнаментом, подобной керамике Хамы и Амука. В гораздо меньшей степени характерна она для Селенкахие IV и V. Эволюция еще одного типа керамики обнаруживает поразительную параллель между Хамой, Эблой и Селенкахие: в Хаме J5, Мардихе II B1 и Селенкахие III попадают немногочисленные, чаще всего большие чаши с вертикальными венчиками; в слоях Хама J4, Мардих II B2 и Селенкахие IV такие чаши, уже не только крупные, но и меньших размеров, распространяются повсеместно, а к моменту наступления периодов Хама J1 и Селенкахие V вертикальный венчик обычно начинают покрывать желобками.

Все эти соображения приводят к выводу, что Мардих II B1 и Амука J совпадает с Хамой J5 и Селенкахие III не полностью, а лишь частично. Это не удивительно, если учесть, что по длительности существования слой Хама J5, насчитывающий более трех уровней настила, должен был длиться раза в три дольше большинства остальных уровней слоя Хамы J. Еще спокойнее протекало развитие Селенкахие III, если не считать того, что было пробито отверстие в юго-западном укреплении, а остальные сооружения в начале фазы IV подверглись перестройке, главным образом в целях удвоения толщины крепостной стены. На первоначальном, датированном фазой III, полу юго-западного укрепления мы нашли отпечаток месопотамской цилиндрической печати с мотивом «фриза сражающихся», характерным для аккадского периода; еще один отпечаток той же печати обнаружен на полу периода перестройки во время фазы IV. Датируя Хаму J5 и Селенкахие III аккадским периодом, или приближенно временем между 2300 и 2150 гг. до н. э., мы не впадаем в противоречие с датой 2230 ± 150 г. до н. э., полученной стандартным радиоуглеродным методом для куска оливкового дерева из караса, найденного в слое Хама J5 (T a u b e r a n d F u g t a n n 1958, с. 282). Изменение планировки домов и улиц в Хаме свидетельствует о разрыве между слоями J5 и J4.

Датируя конец Мардиха II B1 и Амука I 2250 г. до н. э., мы объясняем тем самым, почему эти городища имеют некоторые, пусть немногочисленные, общие признаки с Хамой J5 и Селенкахие III. На том же основании можно констатировать, что Мардих II B2 и Амука J существовали одновременно с более поздней частью слоев

Хама J5 и Селенкахие III, а также с Хамой J4—3 и Селенкахие IV. Заметим, что в Хаме доля расписной простой керамики с гребенчатым орнаментом в слое J5 составляла 4% общего количества гончарных изделий, в слое J4 она возросла до 8%, а в слое J3 достигла 13%.

Материальная культура Селенкахие к началу фазы IV приобрела несколько иной характер, который уже гораздо меньше напоминал месопотамский. Погребения мужа и жены находились теперь, как правило, в общей погребальной камере, причем возле каждого скелета лежала грубая каменная статуэтка с меткой, обозначающей пол. Появились новые, усложненные типы оружия, вроде копий с концом в виде кочерги, и изысканные украшения, такие, как крученые металлические ожерелья и браслеты.

Радиоуглеродные датировки в Селенкахие показали неожиданно низкие даты, но не намного ниже полученных, например, для гробниц Ура периода РД III. Тем не менее для одного случая в результате стандартного определения возраста древесного угля из Селенкахие IV была получена даже дата 2019 ± 71 г. до н. э.

Незначительные перестройки в Хаме J2—1 и Селенкахие V следует датировать XX столетием до н. э. Глубокие ковшеобразные чаши с S-образным профилем, по всей видимости, предвещают появление формы, характерной для эпохи Средней бронзы. Появляющиеся от случая к случаю некоторые мотивы росписи посуды роднят ее с расписной керамикой Алалаха XIV—XI. Фигурки обнаженных женщин с чрезмерно подчеркнутыми бедрами предваряют излюбленный в эпоху Средней бронзы тип скульптуры, а фигурки мужчин на ослах можно сравнить с сюжетом каппадокийских цилиндрических печатей анатолийской группы. Фрагмент цилиндрической печати из Хамы J2 также напоминает о предметах из Алалаха XIV—XI и о каппадокийских печатях анатолийской группы.

Переходя от датировки материальных остатков к их интерпретации в аспекте известных исторических событий или исторического развития, на мой взгляд, еще труднее выбрать какое-либо одно из многочисленных объяснений, предлагаемых разными авторами. Что касается истоков «калициформной культуры», то экономическое и культурное влияние раннединастической Месопотамии на Сирию и без политического порабощения последней наверняка было достаточно действенным, чтобы вызвать к жизни «родственную цивилизацию» в стране, которая пользовалась тем же письмом, но другим языком, усвоила многие из тех же средств художественного выражения, но уже демонстрировала пышный расцвет гончарного ремесла, выдливший впоследствии Сирию из всех других стран. Тонкостенные чашевидные изделия со спекшимся твердым

черепком — вот образец превосходного мастерства, которое с той поры всегда отличало сирийского ремесленника вплоть до недавнего времени.

Но как объяснить частые и явно не всегда одновременные разрушения городов Сирии Раннебронзового века? За последние годы исследователями территорий, граничащих с Центральной Сирией, были предложены различные интерпретации данного факта. Часто в основе этих интерпретаций лежали старые взгляды на историю культуры Ближнего Востока. Невольно поддаваясь впечатлению, производимому на них открытиями в собственной области, ученые порой приходили к выводам, которые оказывались несостоятельными перед такими аргументами, как датированные находки из Центральной Сирии.

Сошлюсь прежде всего на Кюне (Kühne 1976), который относил все слои Тель-Чузры, а значит, и преобладающую часть «калициформной культуры», к раннединастической эпохе. Вслед за своим наставником Моортгатом он придает первостепенное значение раннединастическим статуям, добытым в Чузре, преуменьшая роль многочисленных свидетельств того, что ее поздние слои следует датировать аккадским периодом (цилиндрические печати, характер металлических изделий и т. д.). Согласно трактовке Кюне, аккадские завоевания, положив конец процветанию Северной (месопотамской) Сирии, совсем не обязательно должны были губительно отразиться и на Западной Сирии. Он предполагает, что население Северной Сирии перешло на кочевой образ жизни и, воспользовавшись слабостью Египта при VI и последующих династиях, двинулось на юг, к Палестине. Переселением сирийцев в Палестину объясняются, по его мнению, типы керамики, свойственные «калициформной культуре», наблюдаемые в некоторых палестинских гончарных изделиях эпохи РБ IV («чайники», кубки), а реминисценции манеры украшения позднесирийской «калициформной» керамики росписью и гребенчатым орнаментом привели к появлению «ленточно-гребенчатых» резных украшений на некоторых гончарных изделиях Палестины в период СБ I. Такую орнаментацию можно в свою очередь сравнить с орнаментацией керамики совсем иного рода, которая пришла на смену «калициформной» керамике в Хаме H и в Мардихе III A.

Гипотеза Кюне, конечно, очень привлекательна: она объясняет появление сирийских элементов в палестинской культуре в период РБ IV—СБ I, что отмечали и другие исследователи (Ргаг 1974, Оген 1973, Девер 1973 — см. в их работах ссылки на предшествующих авторов). Праг подчеркивает, что эта культура лишь отчасти принадлежала кочевникам и в значительной мере была культурой оседлого населения. Орен, кроме того, отмечает корре-

Премагаская хронология «калицформной культуры»

До н. э.	Египет V династия	Пале- стина РБ III	Хама	Мардх	Амук	Селен- кэхе	Чуэра средн. (каменное здание 3—4, малый храм in apt. 3—2)	Анаголия	Месопота- мья РД IIIВ (ранне- имперский)
2400			8		I	I		РБ II	
2350			J 7	II B1		II			
2300			6						
2250	VI династия	РБ IV	J 5			III	Поздн. (ка- менное здание I, малый храм in apt. I)	РБ III А (Троя II)	Аккад
2200									
2150									
2100	VII—XI династия	СБ I	4	II B2	J	IV		РБ III Б (Троя III— IV)	Гуттум
2050			J 3						III династия Ура
2000									
1950			2						
1900	XII дина- стия	СБ II	J 1	III А	K	V		СБ I	Ларса

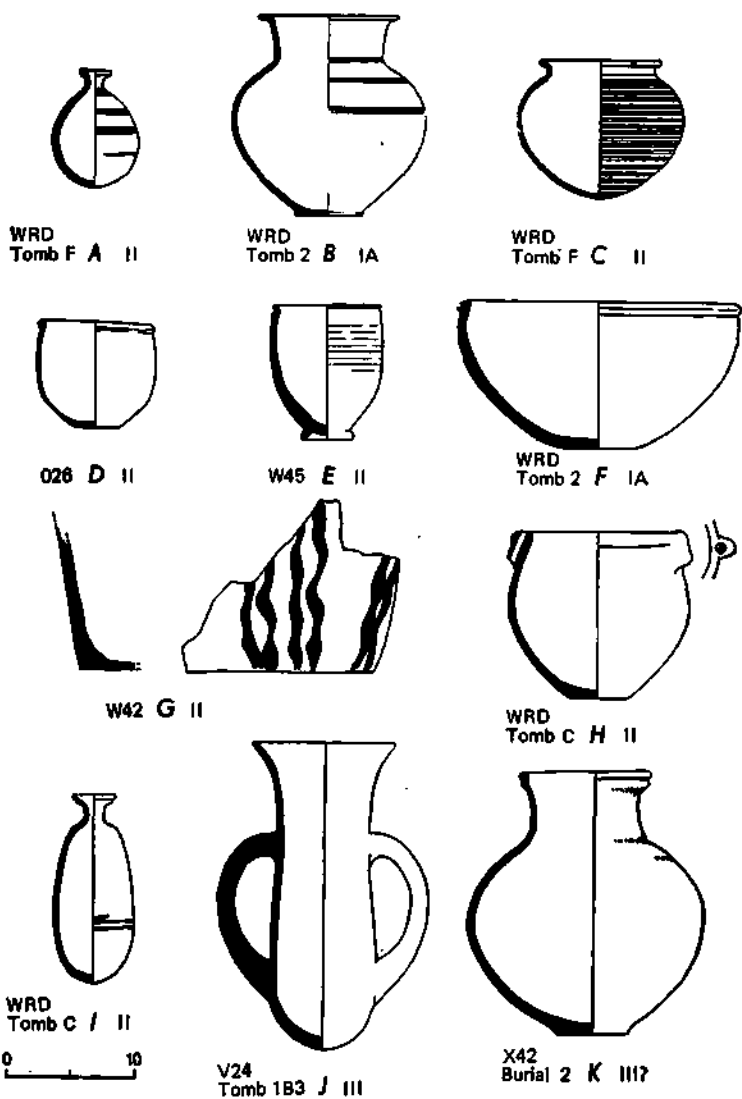

Таблица I. Керамика из Селенкахне I—III, пригл. 2400—2150 гг. до н. э.

ляцию с Хамой J в начале и корреляцию с Хамой H в конце последовательности слоев РВ IV — СБ I в Палестине.

Опираясь на разработанную нами хронологию, мы можем исключить вероятность того, что Мардих II В1 и современные ему населенные пункты были разрушены в начале аккадского периода. Это доказывает небольшая по размеру, но важная для истории находка — оттиск печати аккадского периода из Селенкахие III. Как образно выразился наш коллега Маттиэ, после этого первого удара жизнь «калициформной культуры» продолжала по-прежнему бить ключом. Тот факт, что в Библие существовал наместник III династии Ура, и найденный на этом городище новшумерский силлабарий — свидетельства непрерывавшихся контактов Месопотамии с некоей культурой, проявлявшей все больше и больше признаков самобытности. Вряд ли можно сомневаться, что этим новым этническим элементом, который просуществовал вплоть до следующего периода, были неизвестно откуда пришедшие амореи и что беспорядки, последовавшие в смутную эпоху ослабления могущества III династии Ура и усиления могущества амореев, привели к гибели также Мардих II В2 и современные ему поселения.

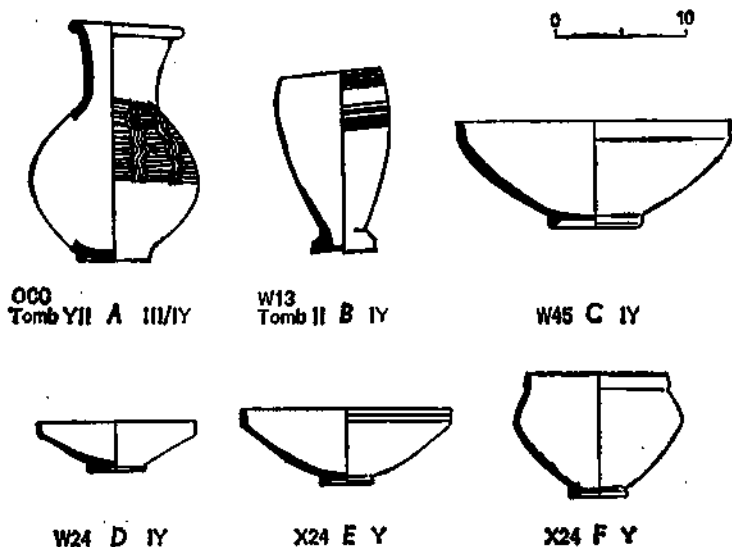

Таблица 2. Керамика из Селенкахие IV—V, прибл. 2150—1900 гг. до н. э. Е — калекс.

Цифры внизу слева под каждым сосудом обозначают квадрат раскопа, а внизу справа — фазу, к которой этот сосуд отнесен (подробно о стратиграфии см. Лооп 1979).

В. Ортманн

КЕРАМИКА РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА СРЕДНЕМ ЕВФРАТЕ И ЕЕ СВЯЗИ С КЕРАМИКОЙ ХАМЫ И ЭБЛЫ

Изучение эпохи Ранней и Средней бронзы в Сирии продвигается неравномерно, поэтому неодинаковы и наши познания в области керамики разных районов этой страны. Со времени раскопок Х. Ингхольта в Хаме (Ingholt 1940) и в особенности с тех пор, как Э. Фугман (Fugmann 1958) опубликовал их результаты, критерием при классификации и датировке керамики всей Северной Сирии служила и по сей день продолжает служить последовательность слоев этого местонахождения. Мало что изменили в этом отношении и многочисленные новые раскопки, произведенные в Сирии за последнее десятилетие, ибо их данные опубликованы лишь частично. Так что, по нашему мнению, еще не пришла пора разрабатывать новую, действительную для всей Сирии периодизацию и классификацию керамики — тем более, что для этого пришлось бы в большей мере, чем прежде, учитывать региональные особенности каждого района страны.

По этой причине мы намерены ограничиться здесь рассмотрением только двух областей: бассейна Евфрата и примыкающей к нему с запада территории Северной Сирии. Именно в этой зоне раскопки последних лет существенно расширили базис для изучения керамики; к тому же эта часть Сирии приобрела большое значение в связи с исследованием культуры Эблы. Впрочем, и здесь неизбежно ограничение, так как опубликованный доныне материал составляет лишь малую долю добытых археологами гончарных изделий. Хама представлена для нас почти исключительно рисун-

Winnfried O r t h m a n n. Die Keramik der Frühen und der Mittleren Bronzezeit im Euphrattal und ihre Beziehungen zur Keramik aus Hama und Ebla. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

ками, опубликованными Фугманом, причем в аспекте нашей темы интерес представляют периоды К (Fugman 1958, рис. 37, 46, 49, 54), J (Fugman 1958, рис. 58—103) и H (Fugman 1958, рис. 109—127). Что касается Эблы, то, исходя из данных П. Маттиэ (Matthiae 1977, с. 44—49), интересующий нас период можно разбить на четыре отрезка: Телль-Мардих IIA, II B1, II B2 и IIIA. Преобладающая часть керамического материала, опубликованного Маттиэ, относится либо к периоду II B1 (Matthiae 1977, рис. 15—19), либо к периоду III (Matthiae 1977, рис. 34—39); керамика периода II B1 значительно пополнена вкладом С. Мадзони.

О последовательности керамики в бассейне Евфрата даже в последних публикациях археологов почти нет подробных сведений. В Телль эс-Свейхате находки подразделяются на два главных комплекса, один из которых происходит из шурфа IIA, а второй — из разреза раскопа IV (Holland 1976; Holland 1977). Стратиграфическая связь между этими двумя зонами отсутствует; поэтому, как еще будет показано ниже, археолог, проводивший раскопки, с нашей точки зрения, допустил ошибку в своей оценке хронологического соотношения между обоими комплексами находок (Holland 1976, с. 48). В Хадиди керамика Раннебронзового века обнаружена в районе Нижнего города, где она была погребена совсем неглубоко, и поэтому стратиграфическая последовательность сколько-нибудь значительной мощности здесь отсутствует (Doguet 1977, с. 116); слои же Среднебронзового века не поддаются определению, так как соответствующий материал был опубликован лишь в первых, предварительных отчетах о раскопках, и притом в весьма незначительном объеме (Strommenger 1969; с. 55—59; Strommenger 1970; Strommenger 1971). В Телль-Селенкахне М. ван Лоону удалось подразделить все время заселенности городища на пять периодов; приведенные для каждого из них образцы посуды позволяют приблизительно определить состав керамики в каждый отдельный период (Loop 1977, с. 110—111).

Наши собственные раскопки в Мумбакате, Тави и Халаве пока ни разу не выявили сплошной последовательности слоев Ранней

бронзы. До сих пор нам приходится иметь дело преимущественно с комплексами находок, нередко с погребальными инвентарями, хронологическую последовательность которых не удается подтвердить стратиграфическими наблюдениями. Тем не менее уже в настоящий момент мы нашли возможным весь представленный в Халаве отрезок эпохи Ранней бронзы подразделить на три фазы. До сих пор ни в одном из трех названных местонахождений не встречались ни черепки, ни другие предметы, которые можно было бы сопоставить с материалом из раннеисторического поселения Телль-Каннас/Хабуба-Юг; этот древнейший этап Раннебронзового века в Сирии, называемый также Раннесирийским периодом I (Kühnel 1980, с. 14), на восточном берегу Евфрата выявить пока не удалось.

ФАЗА I

Древнейшая фаза представлена в Халаве культурными отложениями на городище В. Это многослойное поселение, расположенное немного севернее более крупного городища А, обнаруживает по меньшей мере два слоя построек, между которыми, однако, существенных различий в репертуаре керамики не наблюдается. Ассортимент форм сосудов не очень богат, изделия довольно единообразны (рис. 1, 2). Почти сплошь все сосуды были изготовлены вручную и обожжены при не очень высоких температурах. Весьма характерную окраску поверхности правильнее всего назвать «серовато-желтой». Среди гончарных изделий встречаются колпаковидные чаши, как правило, со слегка утонченным краем, а также более крупные чаши аналогичной формы — некоторые на низкой ножке. Маленькие круглодонные горшки имеют втянутое плечико и отогнутый наружу венчик. Очень часто встречаются и крупные горшки с втянутым плечиком, у которых венчик также отогнут наружу, а край нередко утолщен. Чаще всего именно на этих горшках бывают вырезаны метки, которые встречаются, впрочем, и на других сосудах. Наряду с этими изделиями явно местного происхождения встречаются одиночные сосуды более изящной формы и, также очень редко, черепки с лощеным до блеска покрытием, которые можно отнести к так называемой керамике «Хирбет Керак».

Ввиду того что в Халаве на городище В более поздние слои отсутствуют, этот комплекс находок не поддается стратиграфической классификации. То же самое следует сказать и о группе погребений в Тави (квадрат 2 W), содержавших сопоставимый материал (Ortman 1977, с. 100—101). Здесь же дополнительно засвидетельствованы грубые сосуды со сливом.

В Мумбакате, в слое 4, в зоне каменного строения I, найдена аналогичная керамика (Ortmanн, Kühne 1974, рис. 4, 5); сходство проявляется как в способе изготовления сосудов, так и в их форме. За этим слоем следовал подстилающий его материк (Ortmanн 1976, с. 28). К сожалению, стратиграфическая привязка слоя 4 в Мумбакате недостижима и в направлении более поздних периодов, потому что впоследствии — вероятно, в связи с закладкой каменного строения — местность подверглась значительному преобразованию, в результате которого между слоем 4 и последующим слоем возник пробел.

В Тель-Селенкахе аналогии этой группы керамики, по всей видимости, отсутствуют. На городище Хабуба-Кабира сюда можно было бы отнести керамику из мастерской слоя 2 (Heusch 1977, с. 163); миски, равно как сосуды со сливом и большие горшки с метками гончаров (Stromenger 1971, рис. 8), вплотную примыкают к керамике, рассмотренной выше. Слой 2 городища Хабуба-Кабира лежал непосредственно над слоем, содержащим материал Раннесирийской эпохи I и поэтому отнесенным ко времени поселения Тель-Каннас/Хабуба-Юг (Heusch 1977, с. 161).

В Тель эс-Свейхате керамика фаз А—F из шурфа IIA обнаруживает отчетливые параллели с древнейшими находками из Халавы (Holland 1976, с. 41—47). Поскольку слой фазы F непосредственно перекрывается эллинистическими слоями, здесь также отсутствует возможность стратиграфической привязки; этим объясняется предположение Т. Холланда, будто керамика, найденная в фазах А—F, относится к началу II тысячелетия до н. э.

Если искать аналогии этой группы керамики за пределами бассейна Евфрата, то в первую очередь напрашивается сравнение с Тель-Мардихом IIA; то обстоятельство, что глиняная посуда типа «Хирбет Керак» встречается и в Эбле этого периода (Malthiaе 1977, с. 46), позволяет говорить о приблизительной одновременности этих материалов. То же самое относится и к периоду Хама. Э. Штромменгер уже сравнила между собой находки из слоя 2 городища Хабуба-Кабира и из более ранних фаз Хамы К (Stromenger 1971, с. 21); как круглодонные миски, так и большие горшки сопоставимой формы засвидетельствованы в Хаме уже начиная со слоя К 8. Однако в этой связи Э. Штромменгер отметила, что в Хаме К материал начала Раннебронзового века (Раннесирийской эпохи I) встречается вплоть до самых поздних слоев; поэтому необходимо иметь в виду, что пласты здесь могли быть перемешаны. Затем, в начале периода Хама J, репертуар керамики заметно преобразуется; этот материал можно сравнивать уже не с фазой I, а с фазой II. Все эти сопоставления не дают возможности точнее датировать нашу фазу I; пока что наиболее надежной точ-

кой опоры при ее датировке остается последовательность слоев на городище Хабуба-Кабира, позволяющая датировать эту фазу временем, непосредственно следующим за Раннесирийским периодом I.

ФАЗА II

Эта фаза представлена в Халаве пока только погребениями, так как путем стратиграфических раскопок соответствующих жилых слоев городища А еще не удалось достигнуть.

Характерным для этой фазы (рис. 3) представляется нам инвентарь погребения Н-123 (ср. Orthmann 1981). В его состав входили круглодонная миска, круглодонная чаша с двумя ушками для шнуров, три горшка разной величины, сосуд со сливом, по своей основной форме схожий с одним из горшков, и горшок углового профиля с полосатой росписью. Этот последний сосуд отличается от остальных еще и сортом использованной для его изготовления глины, а также качеством обжига; он принадлежит к роду гончарных изделий, которые Х. Кюне (Kühne 1976, с. 67—70) объединил под названием «металловидная керамика» (*metallische Ware*). Поскольку центр наиболее широкого распространения изделий этого рода, судя по всему, находился в бассейне Евфрата, мы хотели бы предложить именовать их в будущем «евфратская расписная керамика». Правда, эта керамика явно не была местной продукцией, по крайней мере в Халаве, — во всяком случае, ни в одной куче отходов гончарных печей еще ни разу не попадался керамический материал такого рода. В отличие от вышеупомянутой бутылки все остальные сосуды относятся к местной «простой керамике Евфрата» (*einfache Euphratware*); они представляют ассортимент изделий местных мастерских и могут рассматриваться как своего рода стандартная продукция.

Репертуар форм в местных мастерских во время фазы II был, разумеется, намного богаче, нежели прежде. Это видно, в частности, по инвентарю погребения Н-64 (рис. 4, 5). В этой могиле найдены чаши и миски с утолщенным краем венчика, довольно неуклюжие кубки, разнообразные по форме сосуды со сливом, маленькие бутылки и крышки. Впрочем, и здесь представлены не только стандартные изделия местного производства. Одна бутылка (рис. 5, 14) и один сосуд с двумя ушками для шнура (рис. 4, 12) изготовлены из черной глины и имеют лощеную поверхность; изделиям этого рода ввиду их широкого распространения в бассейне Евфрата можно дать название «черная керамика Евфрата» (*schwarze Euphratware*); по нашему мнению, она весьма заметно отличается от метал-

ловидной керамики из Телль-Чузэры и Телль-Брака (ср., впрочем, Kühnе 1976, с. 40—43), которая иногда также бывает черного цвета. В отличие от вышеупомянутых сосудов к этой последней можно отнести кувшин с красной лощеной поверхностью.

В Тави к нашей фазе II следует отнести целый ряд захоронений, в Мумбакате этой эпохой можно было бы датировать погребение № 1 (Orthmann 1976, с. 38). В Телль-Селенкахие фаза II включает в себя периоды I и II (см. ниже). Есть основания предполагать, что и в Халаве фазу II можно, как и в Телль-Селенкахие, разделить на два периода; однако этот вопрос требует дальнейших исследований, которые еще не завершены. На городище Хабуба-Кабира-Юг к нашей фазе II можно отнести несколько погребений, оказавшихся на глубине раннеисторического поселения (Süßengagen 1973, с. 33—38); сопоставимые находки из слоев раскопа городища до настоящего времени еще не публиковались. Керамика Хадиди представлена находками из многослойного поселения в ареале С (Doguet 1977, рис. 15, 15—35; 16.17), равно как инвентарь погребения в ареале К (Doguet 1977, рис. 15, 1—14). Что же касается городища Телль эс-Свейхат, то здесь эта фаза пока, видимо, не засвидетельствована.

Севернее этой зоны долины Евфрата, в районе Каркемиша, сопоставимые материалы нашел и опубликовал еще Л. Вулли. В первую очередь здесь следует назвать керамику из Хаммама (Woolley 1914, табл. 22), но не менее представительна также и часть сосудов из Амарны (Woolley 1914, табл. 23). Находки же из ипогея Тиль-Барсиба принадлежат, по всей видимости, уже к следующей фазе.

М. ван Лоон проделал сравнение керамики Телль-Селенкахие I и II с керамикой Хамы J, прежде всего из слоев J7—J5 (Loon 1977, с. 110). Верхнейшей точкой опоры при таком сопоставлении служит факт появления в бассейне Евфрата кубков определенной формы, распространение которых исследовала, в частности, Э. Штротменгер (Strotmenger 1970, с. 79—81). Прежде всего, речь идет только о кубках формы G1, по классификации Х. Ингольта (Ingholt 1940, с. 29—30), которые в Хаме засвидетельствованы начиная со слоя J8, причем как раз в слоях J8 и J7 встречаются и сравнительно неуклюжие формы. Одна чаша с двумя ушками для шнура из слоя Хама J6 (Fugt 1958, рис. 64 № 3С860) напоминает экземпляр из погребения Н-123. Чаши с утолщенным краем впервые встречаются в слое J7 (Fugt 1958, рис. 62 № 3К227. 3Н189). Позднее в Хаме часто попадаются чаши с желобками на наружной поверхности под венчиком; в бассейне Евфрата такие сосуды имеют очень мало аналогий. Сосуд с вертикальным ушком для шнура из слоя J7 (Fugt 1958, рис. 62

№ 3К371) лишь приближенно соответствует сосудам с двумя ушками, найденным в бассейне Евфрата (по поводу распространения этой формы ср. К ü h n e 1976, с. 49—51). Начиная со слоя J6, в Хаме засвидетельствованы неглубокие сосуды, похожие на миски; даже при том, что они изображены устьем вверх, их, вне всякого сомнения, следует интерпретировать как крышки, подобные найденным в Халаве (F u g t a n n 1958, рис. 64 № 3Н175; рис. 74 № 3В959).

В Эбле кубки формы G1 появляются в слое II B1 (M a t t h i a e 1977, рис. 15); правда, стенки у них в общем, видимо, тоньше, нежели у кубков бассейна Евфрата, и обожжены они были при более высокой температуре; желобчатая поверхность также засвидетельствована, как и в Хаме, самое раннее со слоя J6. Засвидетельствованы в Эбле в слое II B1 и чаши с утолщенным краем (M a t t h i a e 1977, рис. 16). К ним тоже относятся вышеупомянутые наблюдения; во-первых, по твердости, приобретенной во время обжига, они близки к так называемой «металлоподобной керамике», и, во-вторых, у большинства из них поверхность под венчиком покрыта горизонтальными желобками. Впрочем, отдельные чаши из Эблы, а также венчики некоторых кувшинов (M a t t h i a e 1977, рис. 16, 6.7; 19) из слоя Тель-Мардих II B1 по своим профилям сопоставимы с керамикой фазы III бассейна Евфрата (см. ниже).

В восточном направлении также наблюдаются многочисленные параллели нашей фазы II; правда, большей частью они относятся не к простой керамике, а либо к расписной, либо к черной керамике Евфрата (ср. К ü h n e 1976, с. 39—44). Находки в храме Иштар в Мари (P a g g o t 1956, рис. 107) дают особо веские основания считать, что наша фаза II синхронна Раннединастической эпохе Месопотамии (ср. К ü h n e 1976, с. 58—67).

ФАЗА III

Фаза III представлена в Халаве как жилыми слоями, так и погребальным инвентарем. Несомненно, лучше всего стратифицированы в Халаве материалы из слоя 3 в квадрате Q, которые, однако, еще не настолько хорошо обработаны, чтобы мы могли дать здесь их описание. Возьмем за основу комплекс находок, открытый в квадрате X в слое щебня, который по направлению вверх сплошь перекрыт самым поздним слоем построек Раннебронзового века. Наряду с кубками, которые продолжают встречаться и здесь, частично обнаруживая теперь более стройные формы, бросается в глаза изобилие неглубоких чаш с вертикальным венчиком, нередко густо усаженным ребрами (рис. 6). Характерны также маленькие горшки

с S-образным профилем венчика, а также крупные горшки с откинутым, покрытым многочисленными желобками венчиком. Предварительно мы исходим из предпосылки, что эти предметы представляют сравнительно ранний этап нашей фазы III. Несколько более поздним временем мы датировали бы инвентарь погребения H-119: это погребение изобиловало маленькими чашами с разнообразными профилями венчиков (рис. 8); здесь были найдены уже упоминавшиеся выше горшки с S-образным венчиком, вазы с двухступенчатым профилем венчика и сосуды типа амфор (рис. 9, 10).

В последовательности слоев Телль-Селенкахие нашей фазы III соответствуют периоды III и IV, а возможно, также и V (L o o p 1977, с. 110—111). На городище Хабуба-Кабира для сопоставления можно привлечь инвентарь из найденного здесь грунтового могильника (S i g o m p e n g e r 1970, с. 49—51), который по всем данным относится к вышеупомянутому раннему этапу фазы III. В Хадиди в этой связи следует назвать материал из ареала M (D o r n e m a n n 1977, рис. 18—19), в Телль эс-Свейхате — подавляющее большинство находок из зоны раскопок IV (H o l l a n d 1976, рис. 9; H o l l a n d 1977, рис. 2.4).

В северной части долины Евфрата фазой III можно датировать как значительную долю находок из ипогея Тиль-Барсиба (T h u r e a u - D a n g i n, D u p a n d 1936, рис. 30—32), так и некоторые находки из Амарны (W o o l l e y 1906, табл. 22, 14—17): об этом свидетельствуют и профили чаш, и профилированные венчики ваз, равно как и сосуды, имеющие форму амфор.

Еще ван Лоон, взяв за основу периоды III и IV в Телль-Селенкахие, подобрал сопоставимый материал из Хамы (L o o p 1977, с. 110—111). В Телль-Селенкахие IV среди кубков попадают экземпляры с окраской, какие в Хаме впервые появляются в слое J5; в Халаве аналогичные сосуды пока не найдены. Маленьким горшкам с профилированным венчиком соответствует один сосуд из слоя Хама J3 (F u g t a n n 1958, рис. 93 № 3H836); в слое Хама J2 обнаружен крупный горшок с желобчатым венчиком (F u g t a n n 1958, рис. 98 № 3B685). Чаши с вертикальным желобчатым венчиком найдены в слое Хама J1 (F u g t a n n 1958, рис. 103 № 3C89).

В Эбле чаши этой формы встречаются в слое Телль-Мардих II B2 вместе с кубками окрашенного типа (M a t t h i a e 1977, рис. 21). Имеют ли аналоги в Телль-Мардихе II B2 и другие формы, характерные для нашей фазы III, сказать пока трудно. Однако крупные горшки с желобчатым венчиком часто встречаются уже в слое Телль-Мардих II B1 (M a t t h i a e 1977, рис. 19, 4—4). Не исключено поэтому, что фаза III частично совпадает с конечным этапом Телль-Мардиха II B1.

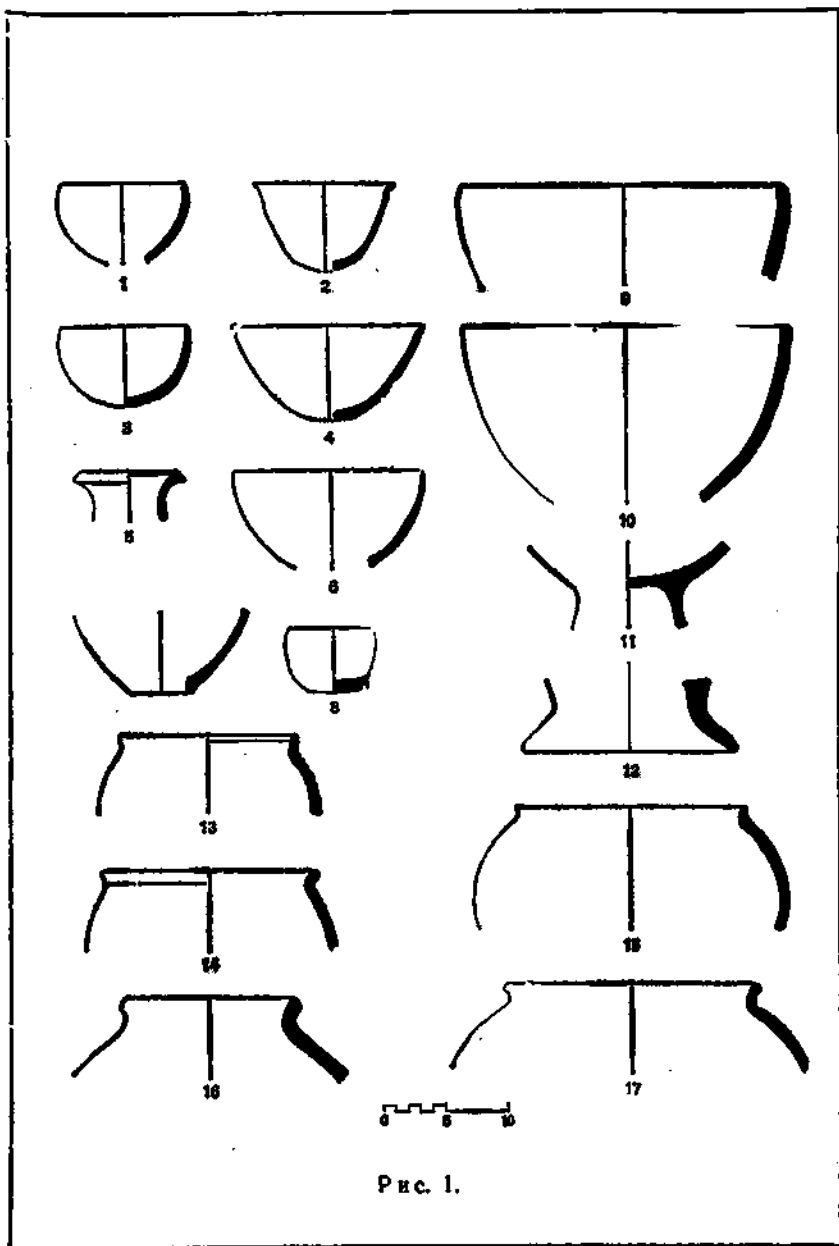
Указанные параллели позволяют предполагать, что наша фаза

III охватывает промежуток времени с конца Раннединастической эпохи Месопотамии до конца III тысячелетия до н. э. Эту датировку подтверждает оттиск аккадской цилиндрической печати из Телль-Селенкахи (L o o p 1977, с. 108, рис. 21), равно как и датируемая эпохой III династии Ура надпись на гире из Телль эс-Свейхата (H o l l a n d 1975).

ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

За фазой III Ранней бронзы в Халаве следует слой Средней бронзы (квадрат Q, слой 2 b—c). В то время как техника изготовления посуды типа простой керамики претерпевает мало изменений, наблюдается заметное преобразование репертуара форм и орнамента изделий. Ведущими формами являются, с одной стороны, маленькие горшочки с втянутыми плечиками и отогнутым наружу венчиком, с другой стороны — большие горшки или карасы для продуктов с широким выступающим венчиком, горизонтальными декоративными кромками и гребенчато-штриховым орнаментом (рис. 11, 12). Для обеих форм можно назвать многочисленные параллели из средне-бронзовых слоев Хадида (D o g n e t a n n 1977, рис. 21—23). В Хаме аналогичные формы изобилуют в период H (ср., напр., F u g t a n n 1958, рис. 110), в Эбле они распространены в слое Телль-Мардих III A (ср., напр., M a t t h i a e 1977, рис. 33,38). Таким образом, перед нами явственно проступают очертания керамической провинции с довольно однородной керамикой, — провинции, простирающейся от Хамы на западе и не ближе чем в глубь бассейна Евфрата на востоке.

В итоге можно констатировать, что хронологические соотношения между Хамой и Эблей, с одной стороны, и бассейном Евфрата, с другой, поддаются довольно ясному определению — даже притом, что отдельные фазы развития и прежде всего их подразделение на этапы в бассейне Евфрата еще требуют дальнейшего уточнения. Начиная с нашей фазы II связи между западной частью Северной Сирии и бассейном Евфрата прослеживаются достаточно хорошо; их проявлением в первую очередь служит так называемая простая керамика, которую в обоих районах можно называть местной стандартной продукцией.

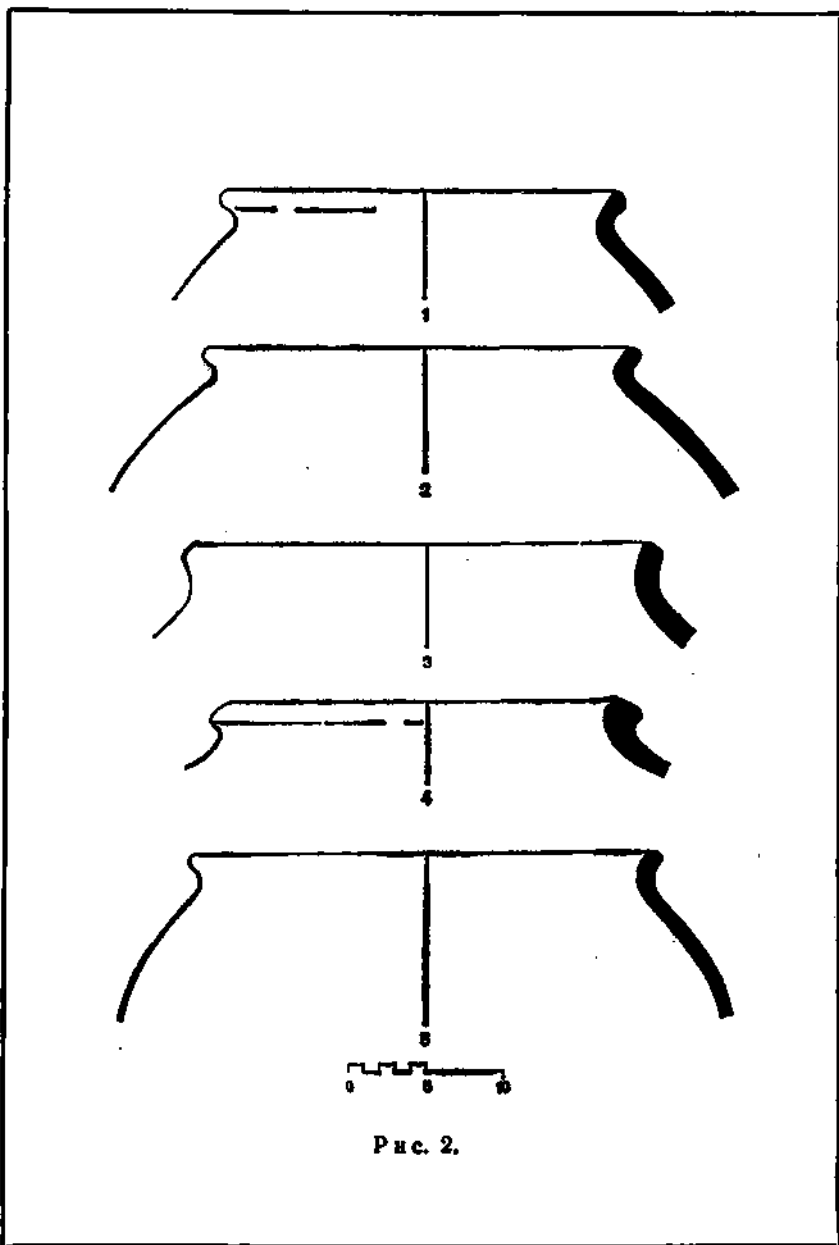

Рис. 2.

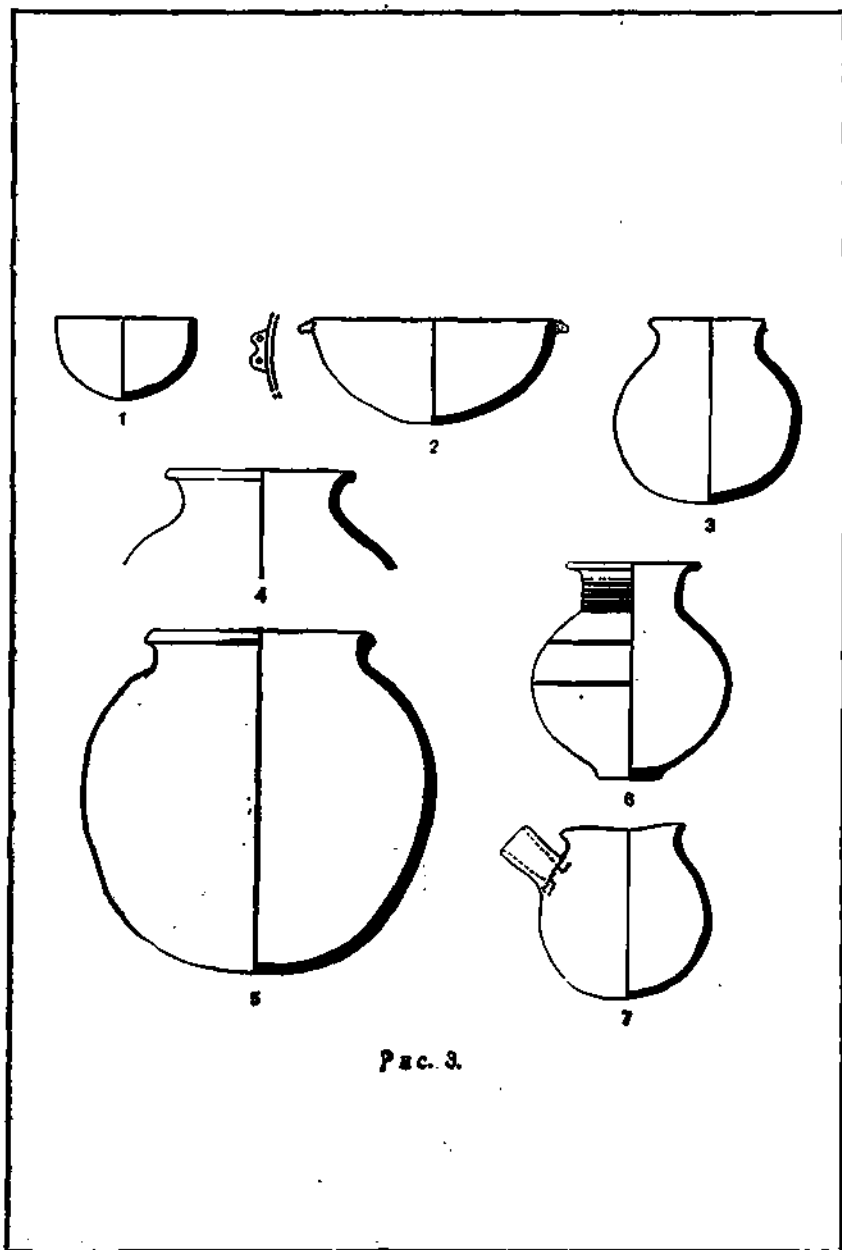

Рис. 3.

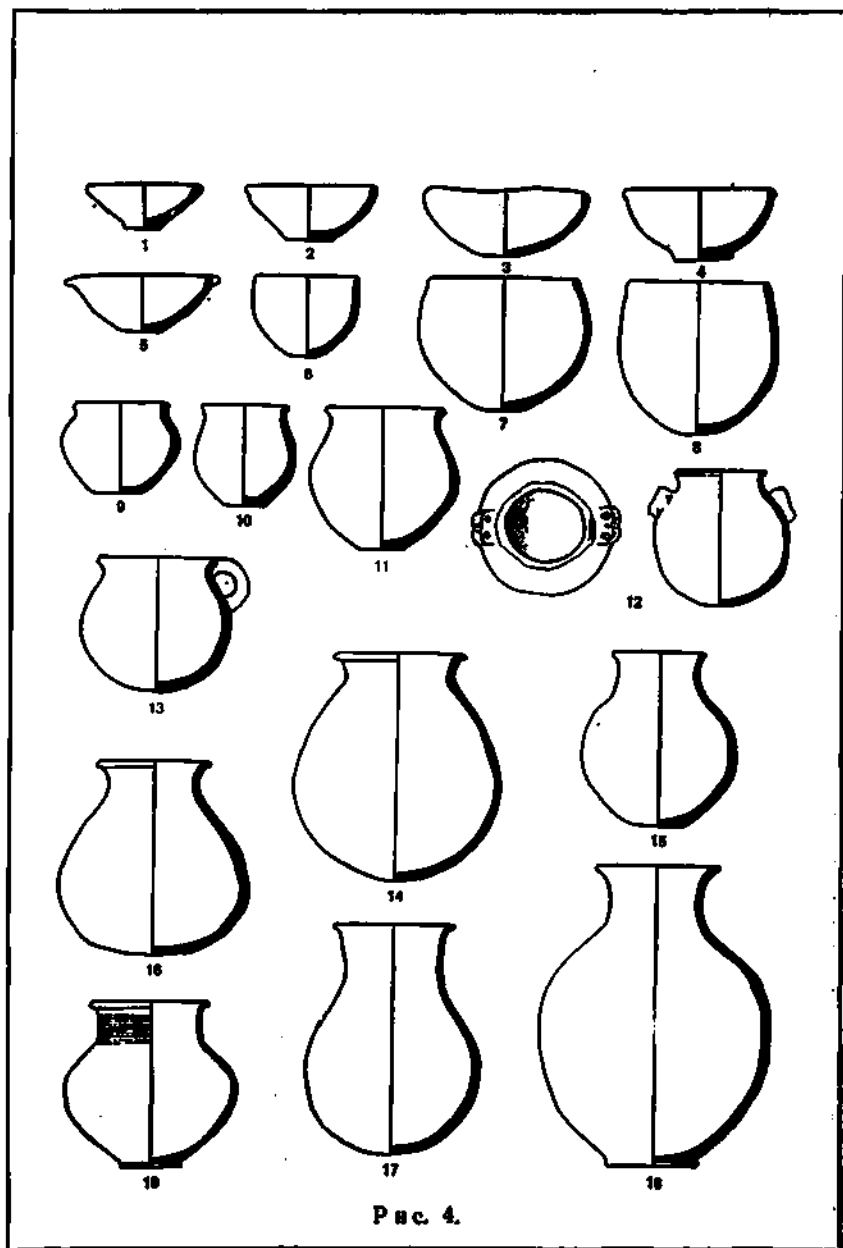

Рис. 4.

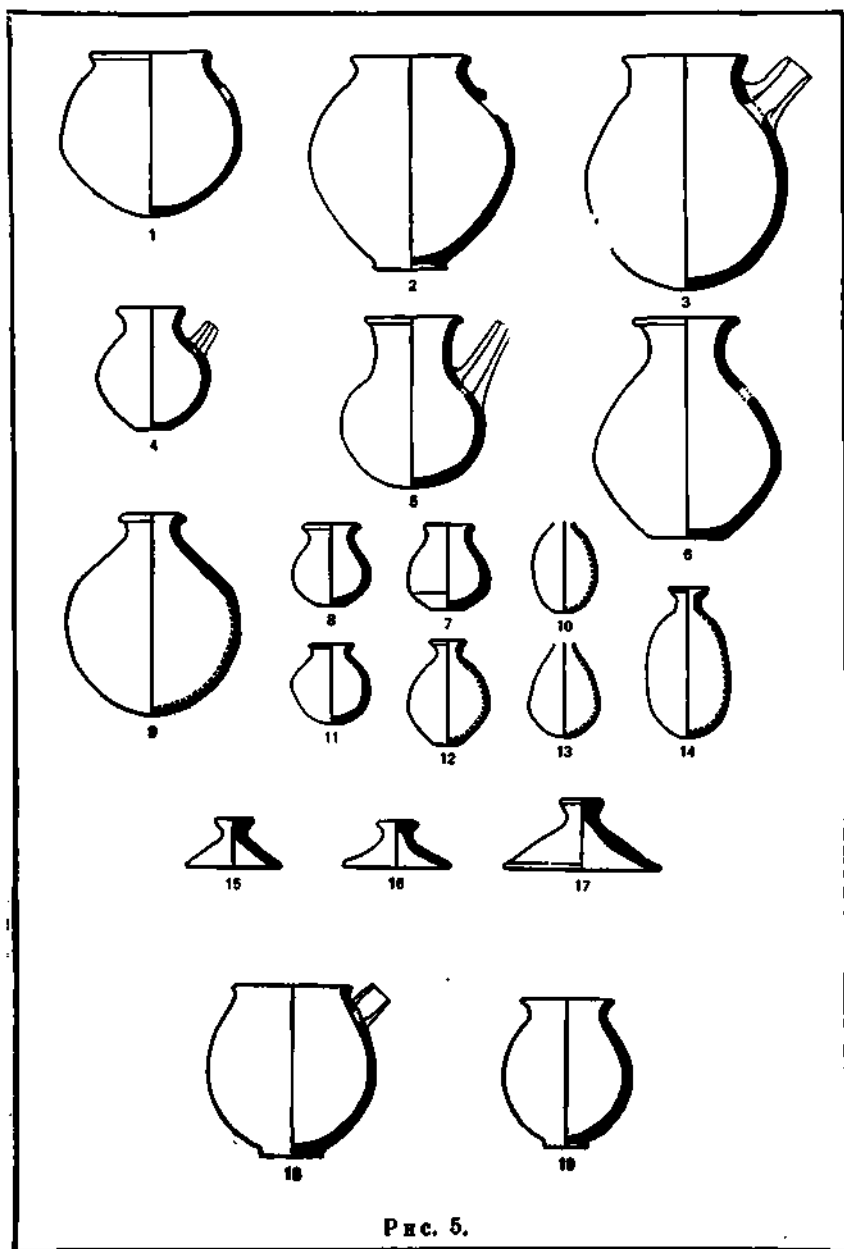

Рис. 5.

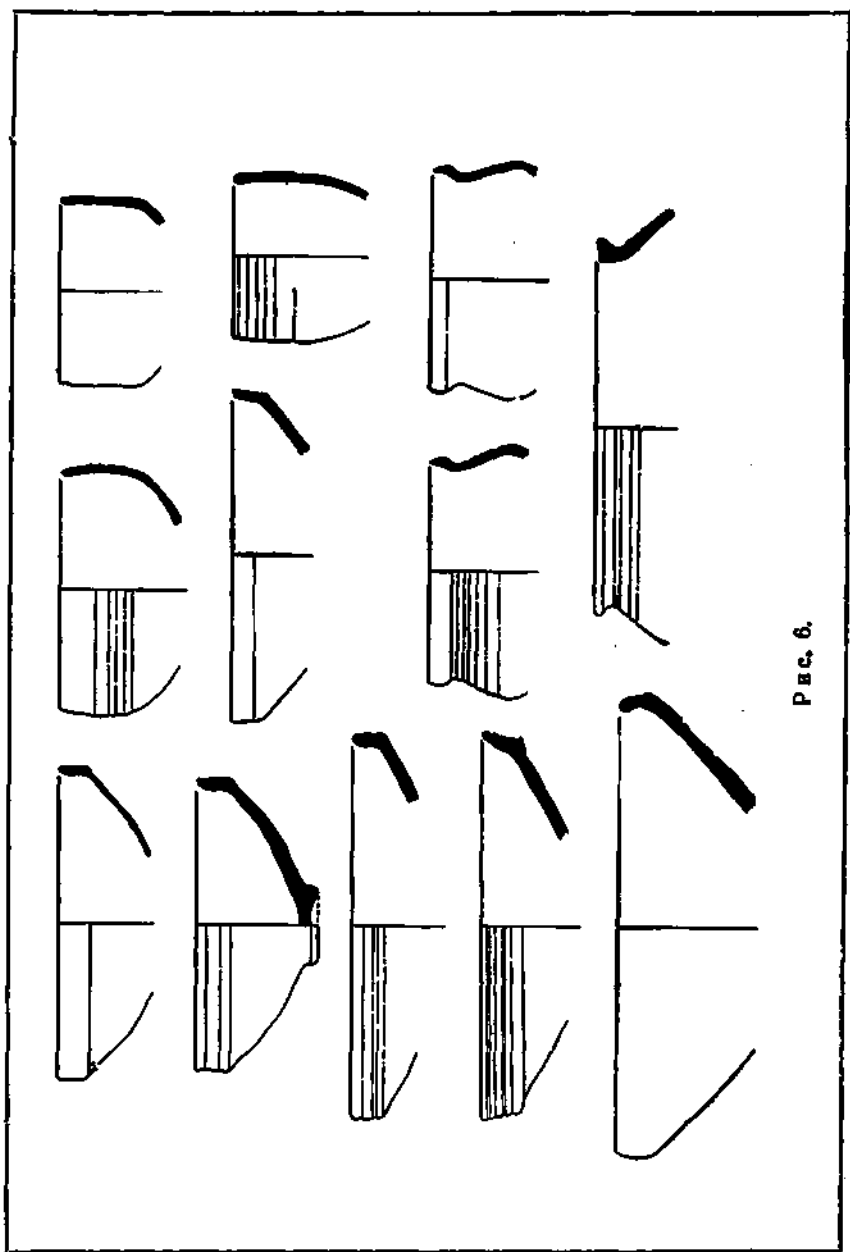

Рис. 6.

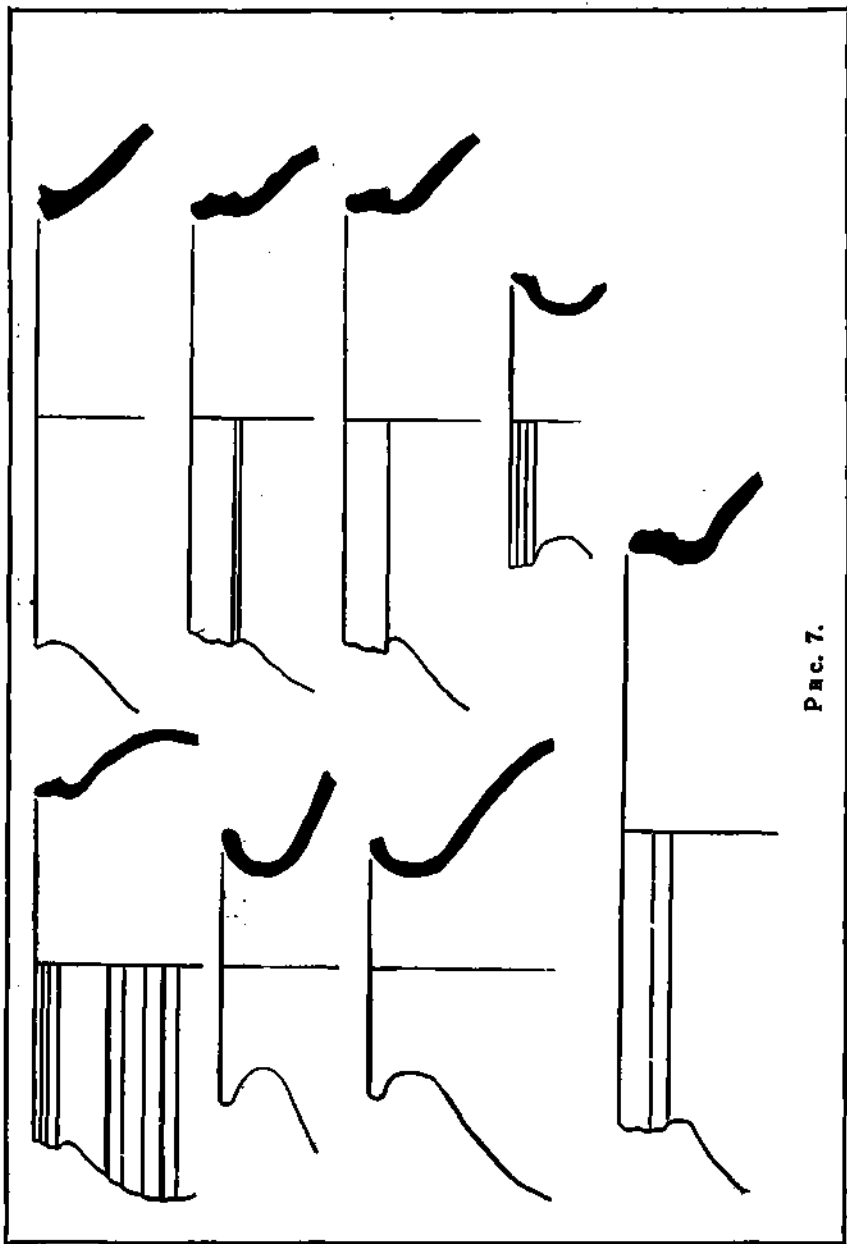

Рис. 7.

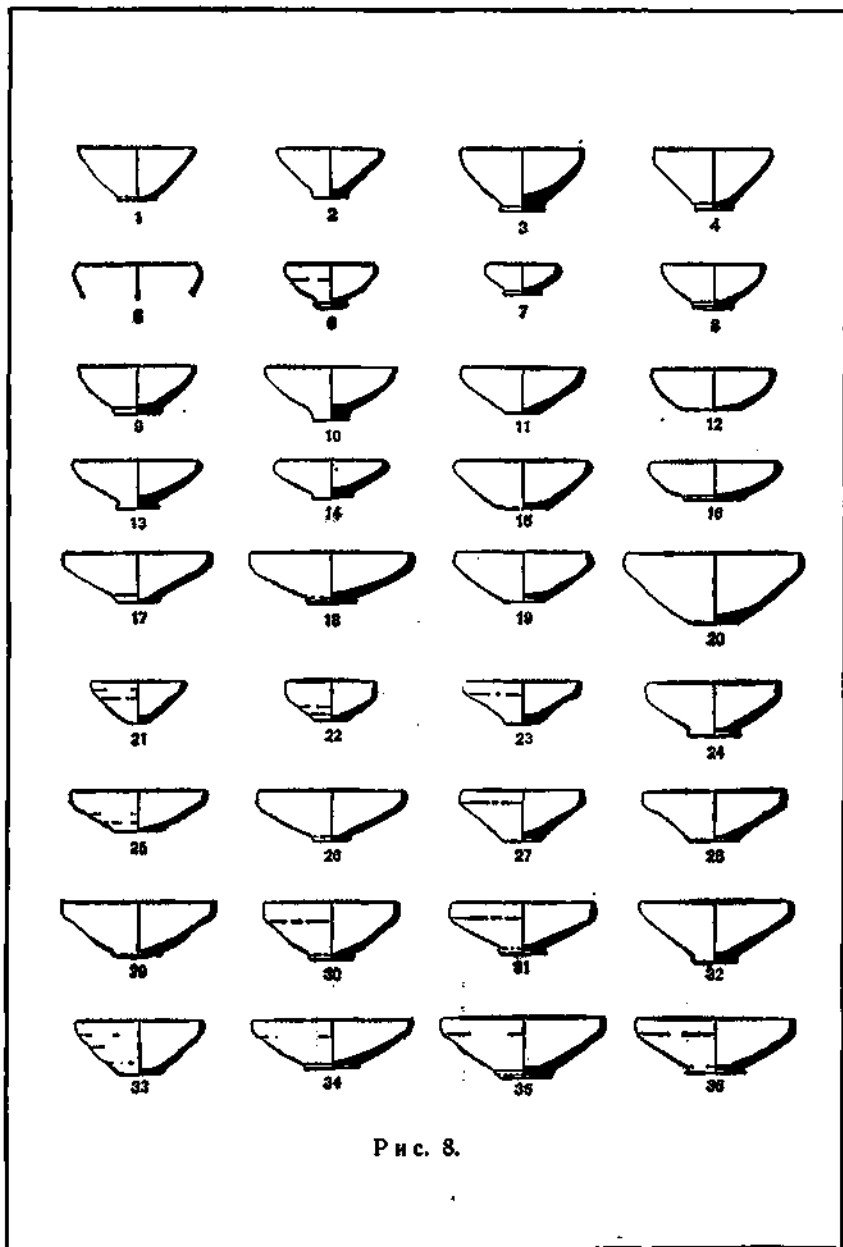

Рис. 8.

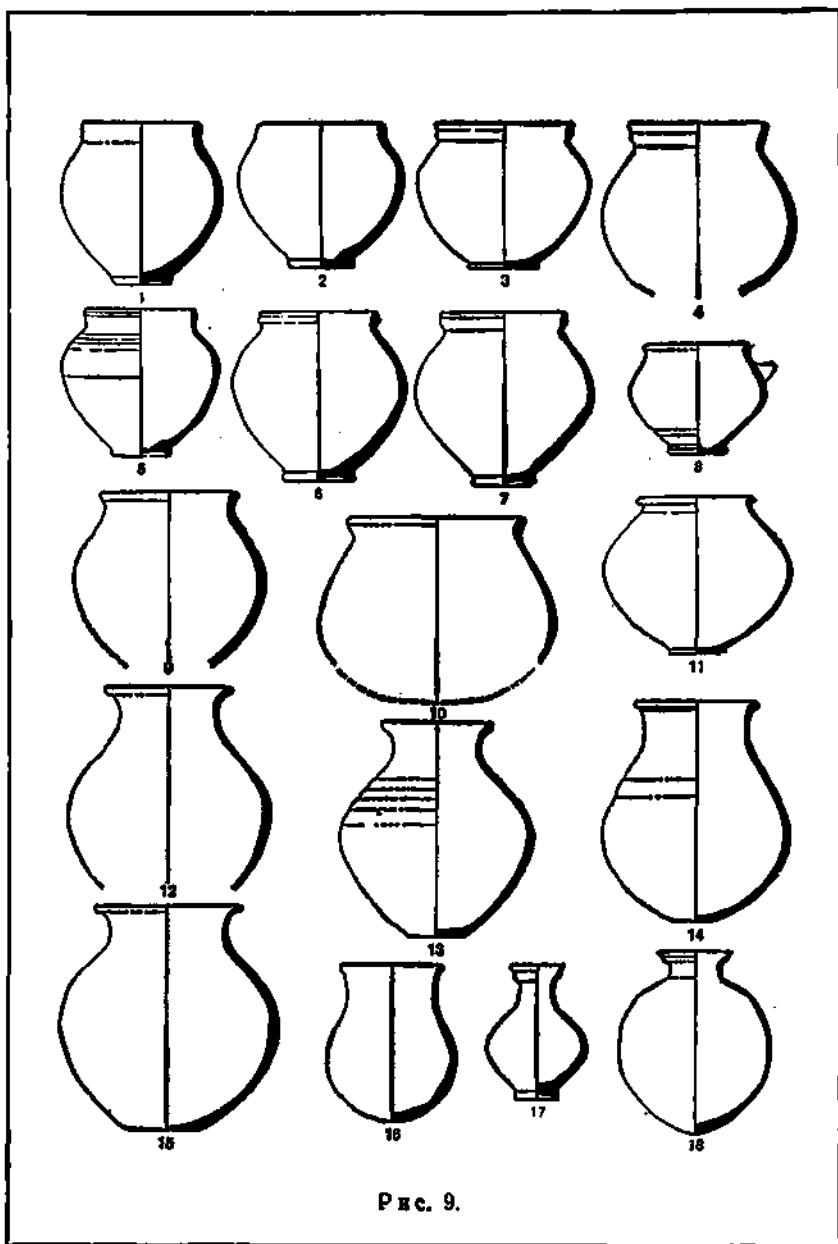

Рис. 9.

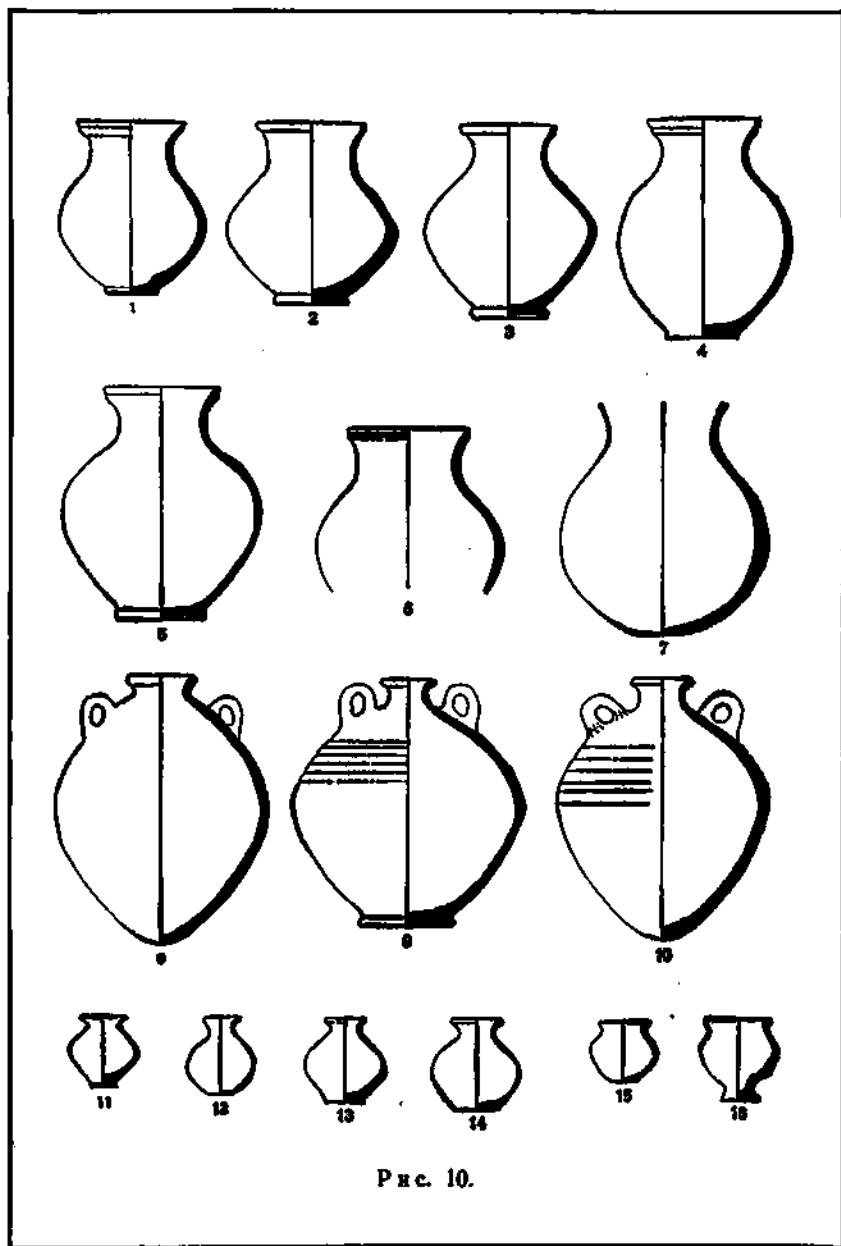

Рис. 10.

HLW 78 Q 139

HLW 78 Q 96

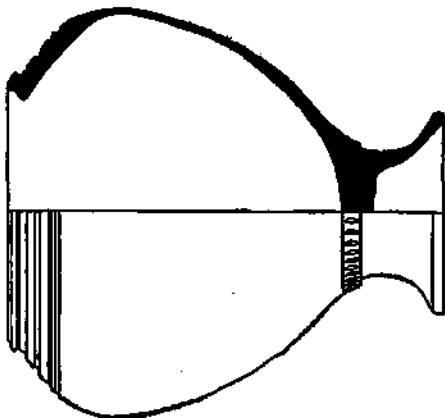
HLW 78 Q 140

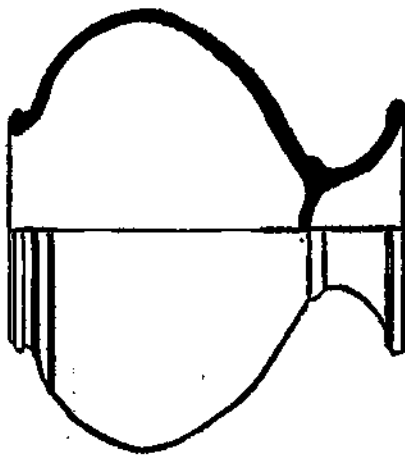
HLW 78 Q 166

HLW 78 Q 22

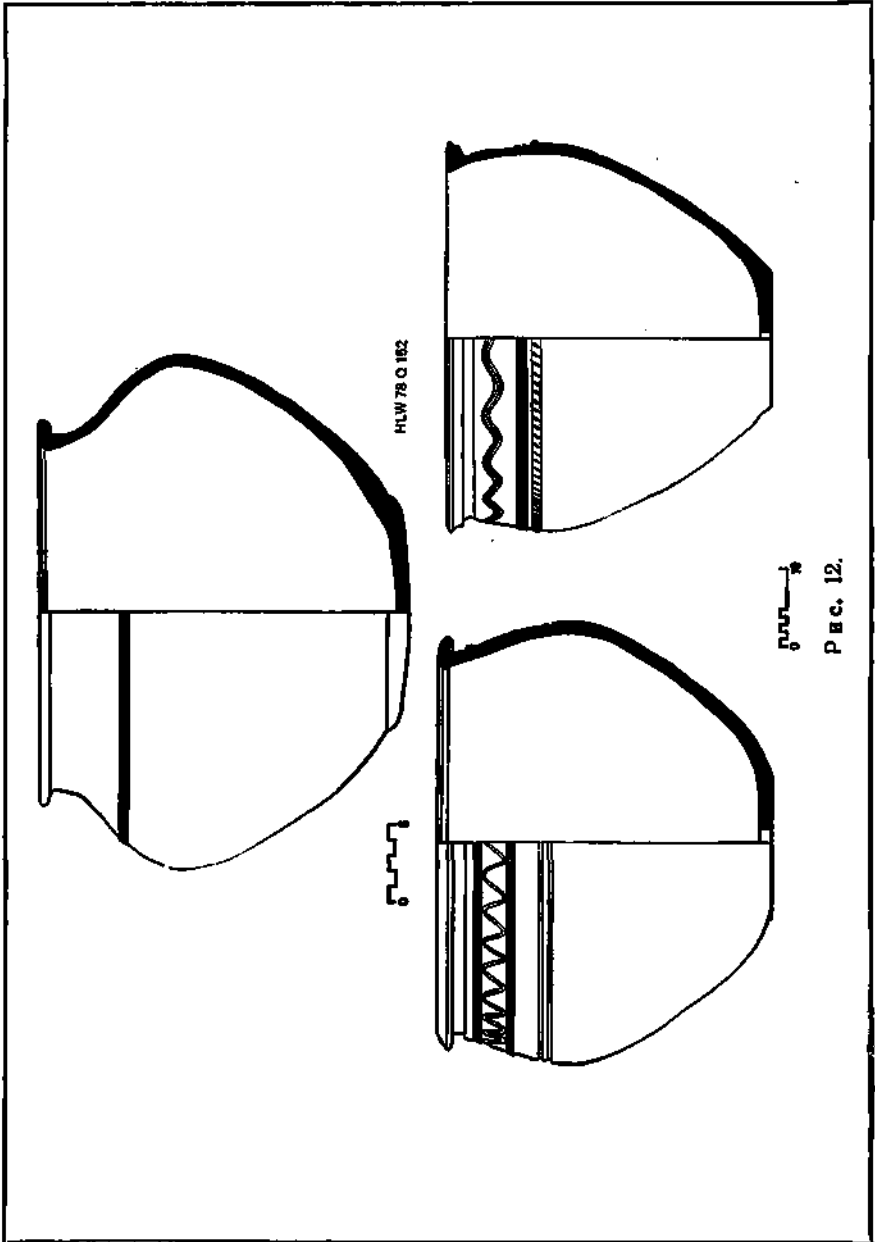
HLW 78 Q 147

HLW 78 Q 153

P f c. II.

СВЯЗИ МЕЖДУ ЭБЛОЙ И ЕГИПТОМ В ПЕРИОД РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Несмотря на свой характер «цивилизации оазисов», мир Нила начиная с до- и раннединастической эпохи поддерживал с соседними азиатскими странами связи, обширность и характер которых вырисовываются все яснее в ходе археологических исследований; в более древние времена эти связи затрагивали в основном Южную Палестину и Синай.

В различных палестинских поселениях были найдены египетские изделия, датируемые раннединастической эпохой. Среди них алебастровые сосуды из Гая ('Ай, Эт-Телль), который Р. Амиран недавно отнесла ко времени I династии, и знаменитые фрагменты сосудов, надписанные именем Нармера из Рафии, Телль-Шейха (Тель-Гат) и Арада, что позволило некоторым ученым даже предположить прямое господство Египта I династии над Палестиной — гипотеза, которая представляется несколько рискованной¹. В сущности, эти находки, на современном уровне знаний, свидетельствуют только о существовании контактов между двумя странами, подтвержденных найденной в Египте в царских могилах Абидоса палестинской керамикой периода Ранней бронзы II (W a r d 1963, с. 19). О египетском присутствии на Синае в эпоху первых двух династий данных нет, хотя и представляется вероятным, что использование ресурсов полезных ископаемых на полуострове было начато двором фараонов довольно рано, так как медь и бирюза использовались в Египте уже в додинастический период (W a r d 1963, с. 9—10).

Если в «классический» период Древнего царства, включающий III—VI династии, египетские монархи оставили на Синае память о своих походах либо в эпиграфических, либо в изобразительных

Gabriella Scandone-Matthiae. Le relazioni tra la Siria e l'Egitto dall'Antico al Medio Regno. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

граффити на скалах близ рудников (Gardiner, Peet, Serpú 1955, I, с. 1—22; II, с. 14—15), то в Южной Палестине достоверно датированных памятников нет: там были найдены изделия, вероятно относящиеся к эпохе Древнего царства, но общая картина все еще не ясна (Ward 1963, с. 25—26).

Контакты с Сирией до тех пор ограничивались, по-видимому, прибрежным городом Библом: это объясняется как тем, что он был центром имевшей огромное значение торговли лесом с гор Ливана (Египет постоянно нуждался в лесе в связи с архитектурными постройками, сооружением саркофагов, украшением храмов), так и недостаточной археологической обследованностью районов Сирии и Ливана, вследствие чего до настоящего времени можно лишь приблизительно судить о действительном положении в различных прибрежных городах.

Раскопки, которые провели в Библе П. Монте² и М. Дюнан (Dupand 1937, 1954, 1958, I, табл. XXXI, 115, с. 26—27), расширили наши представления об этом поселении: его контакты с Египтом, вероятные уже в додинастическую эпоху, начиная со II династии, подтверждаются фрагментом каменного сосуда с именем Хасехемуи и продолжаютя с III по VI династии с большей или меньшей интенсивностью в различные периоды. Находки чрезвычайно разнообразны; в основном это каменные сосуды всевозможной формы (иногда — с именами царей, иногда — без них), найдены также votивные таблицы, цилиндрические печати и верхняя часть статуи фараона, изображающей, как это было недавно установлено Б. фон Ботмером, Ниусерре — царя V династии (Bothmer 1971, с. 11—16). Библ находился в особом положении по отношению к Египту: его правители носили в эту эпоху египетский титул ꜥꜣ, ꜥꜣ, swt 'господин чужестранных земель'³, и самые тесные связи, пока еще недостаточно выясненные, должны были существовать между главной библской богиней Баалат Гебал и египетской Хатхор (Stadelman 1967, с. 2—8). Таким образом, еще три года назад торговля с побережьем была единственным установленным фактом, свидетельствующим о контактах Сирии и Египта. На остальной территории Сирии и Палестины полностью отсутствовали находки, которые можно было бы с уверенностью датировать определенными периодами Древнего царства на основе надписей правителей или частных лиц.

В Египте свидетельствами контактов с восточным Средиземноморьем в эту эпоху являются изображения прибытия торговых представителей в заупокойных храмах Сахуре и Ниусерре (V династия) (Vorchardt 1913, табл. 3), отрывок из знаменитой биографии Уни (начало VI династии) — рассказ о военном походе, возможно, против городов Южной Палестины (Breasted 1906,

с. 292—294, 306—315, 319—324), а также текст времен VI династии, обнаруженный в могиле Хеви в Асуане, где Хнумхетеп, подчиненный Хеви, утверждает, что он совершил 11 путешествий в Библию и в Пунт (Newberry 1938, с. 182—184).

В 1977 г. раскопки в Эбле значительно расширили наши сведения о связях Египта и Сирии в древнейшие времена. Действительно, на вымостке пола царского дворца G периода Ранней бронзы IV (что соответствует Древнему царству в Египте) были найдены фрагменты каменных сосудов, материал и типология которых, бесспорно, указывают на происхождение из долины Нила. Они выполнены из двух различных видов камня: алебаstra и так называемого «диорита Хефрена» — беловато-прозрачного камня с темно-серыми и темно-зелеными вкраплениями. Из-за очень плохой сохранности сосудов (почти все экземпляры разбиты на мелкие обломки, часть алебастровых обломков кальцинирована) трудно определить их формы. По предварительным данным, они сводятся к семи разновидностям. Среди алебастровых сосудов различаются: сфероконические чаши, чаши разной глубины с более или менее выраженным скосом, чаши с закраиной, отогнутой в виде клюва (эти чаши, очевидно, использовались как светильники); цилиндрические сосуды с крышками и со слегка суживающимися в середине стенками, предназначенные для хранения благовоний⁴. Сосуды из «диорита Хефрена» включают: сфероконические чаши; чаши различной глубины с более или менее выраженным скосом; светильники того же типа, что и алебастровые. Все экземпляры находят соответствие в Египте на протяжении длительного периода, от раннединастической эпохи до VI династии; в частности, алебастровые и диоритовые чаши, а также цилиндрические сосуды из алебаstra были найдены в царских могилах I и II династии в Саккаре (Emery 1961, с. 214—215, рис. 125, табл. 36—37); в погребальном комплексе Снефру (IV династия) в Дахшуре (Fakhry 1961), среди остатков погребальных принадлежностей Хетепхерес — матери Хеопса⁵; в погребальном комплексе Микерина (Reisner 1931, с. 130—201), в гробницах двух жен Пиопи II — Нейт и Апуит (Jéquier, 1933, с. 11, рис. 4, 28—31, рис. 9, 10, 11, 13).

Значение этих находок ограничивалось бы общим указанием на связи Эблы времени Ранней бронзы IVA и Египта Древнего царства, если бы среди ненадписанных обломков не были найдены три фрагмента, представляющих особый интерес. В октябре 1977 г. на уровне, соответствующем полу двора L.2913 царского дворца G, были обнаружены горлышки двух диоритовых сосудов и круглая алебастровая крышка, почерневшая от огня и потрескавшаяся, надписанные именем Хефрена, правителя IV династии, и Пиопи I, третьего правителя VI династии. Оба фрагмента из диорита принад-

лежат сосудам с горлышком в форме клюва (выше было указано, что они использовались как светильники); на одном вырезана надпись Hg nbw sḥm-nbw Ḥ'-f-R' '...Гор золотой; властный (в качестве Гора) золотого, Хефрен...', что составляет часть титула этого царя; второй фрагмент надписан другой частью этого титула: nbty wsr-p-nbtu Ḥ'-f-R' 'Две Госпожи; сильный Двумя Господами, Хефрен'. Круглая крышка, также найденная во дворе L.2913, на уровне, представляющем результат разрушения верхнего этажа царского дворца G, была частью высокого цилиндрического сосуда со стенками, слегка суженными в центре, который предназначался для хранения определенных масел; на нем высечен большой царский картуш, включающий большую часть титула Пиопи I: [Mg]y t',wy pswt byty s', Ḥt-Hg nbt 'Iwḥwt Pp[ly] 'Любимый Обоиими Землями, Царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Хатхор, правительницы Дендеры, Пиопи'.

Три надписанных и потому точно датированных фрагмента являются доказательством связей Эблы и Египта в период IV и VI династий; кроме того, эти египетские изделия времени Древнего царства обнаружены дальше всего от центра их изготовления. Как уже сообщалось в другом докладе, главная проблема состоит здесь в том, как эти изделия из Египта попали в крупный город Северной Сирии. Исходя из того, что в Библе были найдены цилиндрическая печать Хефрена и различные сосуды (целые и в виде фрагментов), а также учитывая особое положение, которое занимал этот город в египетской торговле с Азией, можно не без оснований утверждать, что сосуды из египетского камня, прежде чем попасть в Эблу, побывали в Библе и затем, возможно в результате торгового обмена, оказались в центре Сирии. Вторая гипотеза, пока совершенно не подтвержденная документально, но не лишенная правдоподобия, состоит в том, что сосуды попали в Эблу как военная добыча во время военных действий более сильного города против средиземноморского порта. Третья возможная точка зрения не исключает непосредственную связь Египта с Эблой как с центром лесозаготовки и производства шерсти, а также центром обработки и сортировки лазурита. Не должно удивлять, что фрагменты сосудов Хефрена и Пиопи I, разделяемые 200 годами, были найдены вместе в одном здании: действительно, если они были привезены прямо из Египта, вполне естественно, что в Эбле они сохранялись как особо древние изделия, ценность которых определялась тем, что они были выполнены из дорогостоящего чужеземного камня и к тому же присланы правителем, несомненно столь же прославленным среди современников, сколь, по рассказам Геродота, он был прославлен среди потомков. Если же они происходят из Библы, то можно предположить, что сосуды Хефрена могли там храниться вплоть до вре-

мен Пиопи I, как это, впрочем, доказываются найденными в самом Библе ремесленными изделиями с надписями фараонов от II до VI династии. Если эти сосуды прибыли в Эблу в результате торгового обмена, то они вполне могли попасть туда одновременно, и тем более, если они были захвачены во время военных действий.

Отрезок времени между концом VI и началом XII династии знаменует перерыв в контактах Египта с соседними восточными странами: к этому периоду относятся знаменитые «Поучения египетского мудреца», где автор среди несчастий, поразивших страну после падения Древнего царства, скорбит о прекращении морских путешествий, доставлявших все необходимое для саркофагов и бальзамирования¹. Возможно, в конце XI династии и, бесспорно, в начале XII долина Нила вновь обращается к окружающему миру. Как это следует из местных письменных памятников того времени, которые, по сведениям Гардинера и Пита, в этот период были гораздо многочисленнее и подробнее, чем в любой другой (Gardiner, Peet, Cerný 1955, II, с. 15—19), походы к рудникам Синая становятся довольно частыми, связи с Палестиной и Сирией расширяются. Обломки статуй частных лиц из Египта, датируемые Средним царством, были найдены в Палестине в Тель эль-Аджжале (Хор-ка или Хенти-ка, чтение неясно), в Мегиддо (Джехутихетеп и 3 ненадписанных фрагмента), в поселении в 7 км от Мегиддо (ненадписанный бюст) и в Гезере (Хекаиб и Деду-Имен)²; в Гезере недавно было обнаружено также подножие статуэтки, принадлежавшей принцессе Себекнефру (XI династия), — это первый предмет, являвшийся собственностью царственной особы эпохи Среднего царства, найденный в Палестине (Weinstein 1974, с. 49—57).

Рядом со свидетельствами, которые можно назвать «главными», в различных палестинских поселениях представлены скарабен и печати правителей XII династии: Сесостриса I в Тель эль-Аджжале, Мегиддо, Лахише, Гезере и Бет-Шеане; Сесостриса II в Тель эль-Аджжале, Мегиддо, Лахише, Бет-Шеане, Иерихоне, Акке, Сихеме; Сесостриса III в Гезере; Аменемхета III в Тель эль-Аджжале и Бейт-Джимале (Givon 1957, с. 29—37).

Присутствие фараонов и лиц царского дома времен Среднего царства особенно заметно в Сирии: в Угарите, кроме статуи Сесострис-анха и нескольких ненадписанных объектов, были найдены к настоящему времени бусины Сесостриса I, статуя принцессы, носящей титул *ḥnmt nfr ḥdt*, жившей при XII династии, не позже Аменемхета III, и два сфинкса Аменемхета III; в Нейрабе близ Алеппо — сфинкс Аменемхета III; в Катне — сфинкс Ит, дочери Аменемхета II, и сильно пострадавшая статуя, по-видимому изображавшая мужчину из царского дома; в Бейруте — сфинкс Аменем-

хета IV; в Кафер-Джарре — скарабей Сесостриса I и Сесостриса II. Как и следовало ожидать, наиболее значительные находки обнаружены в Библе, где в гробницах местных вельмож Абишему и Ипшемуаби были найдены великолепные ларчики с именами Аменемхета II и Аменемхета IV вместе с ювелирными изделиями египетского изготовления или созданными под влиянием египетских мастеров; в безымянной гробнице найдена пектораль Аменемхета III; в ходе раскопок обнаружены также различные ненадписанные статуи и многочисленные менее важные предметы⁹. Свидетельства о ближневосточном присутствии в Египте в эпоху Среднего царства очень значительны: прежде всего, описание жизни народов Палестины и Южной Сирии содержится в повести Синухе; далее, многочисленные азиатские поселения упомянуты в Текстах проклятий, изображения азиатов (возможно, взятых в качестве заложников) появляются на стенах гробниц в Бени-Хасане, в граффити на Синае и на пекторали Аменемхета III из Дахшура; в биографиях высокопоставленных египетских сановников упоминаются азиатские товары, ввезенные или захваченные, и военные походы против племен на территории Палестины (хорошо известен поход Сесостриса III против Сихема); жители соседних ближневосточных земель, захваченные в плен, делались слугами в частных домах и храмах (Helsk 1962, с. 43—68, 79—89). Следует упомянуть также клад, заложенный в фундамент храма в Тоде, датируемый эпохой Аменемхета II, включающий ювелирные изделия, чаши, слитки золота и серебра, фигурки и цилиндрические печати из лазурита явно восточного происхождения, некоторые из них с клинописными надписями (Bisson de la Roque, Confepneau, Charoutier 1953).

Во время следующей, XIII династии, состоявшей из многочисленных малоизвестных фараонов, царствование которых порой было непродолжительным, связи Египта с Палестиной и особенно с Сирией не прервались; в Иерихоне обнаружены два скарабея Хетепибра Хорнедж-Херхатефа, в Тель эль-Аджжале — один скарабей Неферхетепа I, в Библе — рельеф того же Неферхетепа I и скарабей Уахибра; подножие статуэтки Себекхетепа IV — в Тель-Хиззине неподалеку от Баалбека (Givon 1978, с. 163—167).

Раскопки в Эбле позволили расширить наши представления о связях долины Нила и Ближнего Востока и в период Среднего царства; но, сколь бы странным это ни казалось, египетские находки в этом сирийском городе, датируемые по драгоценному предмету, надписанному именем фараона, как кажется, были туда привезены не в эпоху XII, а скорее при XIII династии.

До октября 1978 г. единственными предметами египетского

происхождения, найденными в Эбле периода Средней бронзы, были два скарабея и цилиндрическая печать, речь о которых пойдет ниже; однако во время раскопок в подземельях, расположенных под зданием Q времени Средней бронзы II (ок. 1800—1650 гг.), положение совершенно изменилось. В каждой из исследованных к настоящему времени могил — в «Гробнице принцессы», «Гробнице Повелителя коз» и «Гробнице с цистернами» — были обнаружены изделия египетского происхождения или созданные под египетским влиянием. В «Гробнице принцессы» маленький сосуд светлого зелено-голубого фаянса с заостренным дном и выгнутым наружу горлышком похож на небольшую чашечку из известняка в Каирском музее¹⁰; напоминающее скарабея изображение, образывавшее центр ожерелья из золотых зерен, найденного на шее умершей, создано, видимо, также под египетским влиянием. В «Гробнице Повелителя коз» найдены три грушевидных сосуда из алебаstra с закругленным дном и алебастровый грушевидный сосуд большей величины с кольцевидным поддоном, относящийся к типу, хорошо известному в Египте Среднего царства (эти находки можно сравнить с обнаруженными в гробницах принцесс XII династии в Лиште и в Дахшуре, с некоторыми экземплярами Каирского музея и, на Ближнем Востоке, с изделиями, найденными в царских погребениях в Библе, Угарите, Алалахе и Иерихоне)¹¹, и маленький шаровидный сосуд с коротким вертикальным горлышком, тоже из алебаstra, относящийся к типу, известному в Египте Среднего царства (Bissing 1907, т. С, 181719), шаровидная чашечка из брекчи (по материалу ее можно сравнить с некоторыми египетскими изделиями в Пелицеус-Музее в Хильдесхайме, Kayser 1969, с. 20, табл. 16). Говоря о более ценных находках, следует упомянуть золотое кольцо с ныне потерянной смальтой: оно образовано двумя цветками лотоса, которые соприкасаются бутонами и окружают маленького скарабея; кольцо очень походит на драгоценности принцесс Лишта и Дахшура; можно назвать подвеску золотого ожерелья в форме цветов, которое до сих пор хранит остатки оживившей его смальты и сравнимо с подвеской ожерелья из тех же гробниц принцесс в Дахшуре¹². Но самая важная находка, обнаруженная в «Гробнице Повелителя коз», — это рукоять (очевидно, парадной булавы) округлой формы, выполненная из белого известняка, потрескавшаяся, состоящая из костяной рукояти с бронзовым, окованным серебром сегментом и, быть может, со вторым золотым сегментом. Эта находка позволила датировать египетскую утварь, найденную в эблитских подземельях. Бронзовый сегмент, окованный серебром, представляет собой наиболее интересную часть булавы: на нем укреплены изображения двух золотых фигурок павианов-кинокефалов, сидящих друг против друга с подня-

той в знак почтения передней лапой. Между ними — ряд египетских иероглифов, а именно: солнечный диск g^c , жертвенный столик hpr , хлеб t и сердце jb . На фоне тщательности выполнения отдельных деталей и соответствия всей композиции египетским канонам выделяются некоторые особенности в расположении иероглифов: знак hpr перевернут; отсутствует второй фонетический компонент к hpr , тогда как первый, t , смещен вправо; jb расположен наклонно и не на одной линии с другими знаками. Предположение о том, что этот образец был выполнен чужеземцами, следует отвергнуть; кинокефалы выполнены строго в египетской манере, знаки вырезаны очень тщательно, композиция, состоящая из двух животных, фланкирующих священный объект, чрезвычайно распространена в египетском искусстве, в особенности в ювелирном. Поэтому единственно возможное объяснение этой аномалии состоит в том, что с течением времени некоторые иероглифы стерлись и впоследствии были реставрированы человеком, не знавшим египетской письменности. Вследствие этого hpr был изображен перевернутым; p , фонетический компонент к hpr после t , не был восстановлен на прежнем месте, а t оказался смещенным вправо; jb был изображен не вертикально, а слегка наклонно.

Все иероглифы вместе образуют мужское имя собственное $hpr-jb-R^c$ «сердцем Ра удовлетворен». Их расположение между двумя поклоняющимися божеству кинокефалами, тщательное исполнение и драгоценный материал изделия заставляют предположить, что перед нами — царское имя. Единственное, что противоречило бы этой интерпретации, — отсутствие царского картуша, ставшее очевидным после реставрации находки в августе 1979 г. Но поскольку образец явно подвергся переделке и на его поверхности, особенно около иероглифов, есть длинные вертикальные трещины, возможно, что картуш также стерся и не был восстановлен на прежнем месте, как это случилось и со знаком p . Основной довод в пользу того, что перед нами царское имя, — его положение между двумя священными животными: два кинокефала приветствуют поднятыми лапами появление солнца на рассвете, как в изображениях на саркофагах и стелах, а также в отрывках Книги Мертвых и Гимна Солнцу берлинских папирусов. Поэтому тот, чье имя было написано между священными обезьянами, поклоняющимися божеству, отождествлялся с Хепри — Восходящим солнцем; а кто, кроме фараона, мог считаться ипостасью верховного божества? ¹⁸

Таким образом, если лицо, чье имя написано на парадной булавке из «Гробницы Повелителя коз», — это, как кажется, царь и если период, к которому восходит заупокойная утварь из подземелья Эблы, — это Мардик IIIБ — Средняя бронза II (ок. 1800—1650 гг.), то следует считать, что речь идет о фараоне XIII династии

Хетепибра Хорнедж-Херйотефе, царствовавшем между 1771 и 1765 гг. до н. э. До сих пор этот фараон был известен по надписи на камне, найденном в Аснуте, в Среднем Египте, и по надписи на подножии статуи из Телль эд-Даба в восточной Дельте, а на Ближнем Востоке — по двум скарабейкам из Иерихона, упоминавшимся выше. Надписи, высеченные на обоих памятниках с египетской территории и состоящие из титулов фараона, имеют две интересные особенности: прежде всего, в обоих текстах он назван s', c', m 'сыном азната' или, может быть, — поскольку чтение одного знака неясно — s', km', w 'сыном крестьянина'; затем на фрагменте из Телль эд-Даба он назван 'возлюбленным Птаха-к-Югу-от-Его-Стены'. Первое имя показывает — в любом случае — престолярное происхождение правителя и, если чтение s', c', m точно, его чужеземное происхождение; второе, бесспорно, указывает на Птаха мемфисского, поэтому статуя с такой надписью первоначально должна была находиться в большом храме божества, расположенном в этой древней египетской столице. И фон Беккерат правильно отметил, что правитель, посвятивший свое изображение главному мемфисскому святилищу, должен был властвовать над самим городом и, следовательно, над большей частью Египта. Поэтому Хетепибра, который мог посылать ценные изделия, надписанные его именем, в другие страны, должен был обладать большей властью, чем та, которую ему до сих пор приписывали.

Парадная булава Хетепибра — наиболее ценная и значительная находка среди египетской утвари в подземельях Эблы, описание которой, впрочем, еще не закончено. В последнем из исследованных захоронений погребального комплекса — в «Гробнице с цистернами» — находились еще некоторые изделия, привезенные из долины Нила: два грушевидных алебастровых сосуда, принадлежащих к типу, уже известному по «Гробнице Повелителя коз», а также алебастровый грушевидный сосуд большей величины с сильно потрескавшимся основанием¹⁴. Вместе с ними — еще одна парадная булава, сильно поврежденная, с костяной ручкой и металлическим сегментом, куда вставлены золотые и серебряные ромбы. Хотя и менее тщательно выделанная, она напоминает рукоять меча принцессы Ит, дочери Аменемхета II, который был найден в Дахшуре (M o r g a n 1907, т. VI, с. 51).

Другие сосуды египетского происхождения в виде разрозненных обломков были найдены в помещении L.2975, где открывается путь к подземельям: это три грушевидных алебастровых сосуда с более или менее разрушенным основанием, круглый алебастровый сосудик с коротким вертикальным горлышком и грушевидный сосуд из серпентина со слегка потрескавшимся основанием. Когда их нашли в августе — сентябре 1978 г., был поставлен вопрос о

том, почему они были найдены именно в помещениях этого здания и какое значение это имело,— вопрос, оставшийся тогда без удовлетворительного ответа. Открытие и исследование подземелий показало, что сначала они находились среди заупокойной утвари и были вынесены в другое помещение во время разграбления могил. Части одного из алебастровых сосудов, ТМ.78.Q.148+ТМ.79.Q.119ab+ТМ.79.Q.120abc, были в три приема обнаружены во время раскопок 1978 и 1979 гг.: осколки сосуда находились в L. 2975, на лестнице, ведущей к могилам, а также на полу «Гробницы с цистернами»; этот факт — одно из доказательств того, что подземелья были разграблены и что не интересовавшие грабителей вещи, не имевшие материальной ценности, были брошены ими.

Заключительный период XIII династии и период гиксосов представлены в Эбле двумя менее значительными, но показательными находками: это скарабей из подъемного материала Нижнего города с искаженным именем Дедумеса Джеднефера (быть может, Тутимайоса, по Манефону, в царствование которого, по словам египетского историка, началось гиксосское завоевание)¹⁵ и цилиндрическая печать, выполненная в лучшем гиксосском стиле, найденная в помещении среди частных жилищ периода Средней бронзы и, по видимому, изготовленная в Телль эль-Аджжуле¹⁶. Маленький скарабей с рисунком в форме S, высеченным на его основании, был найден в здании E периода Средней бронзы и может приблизительно датироваться временем Среднего царства.

Как было показано, находки в Египте, Сирии и Палестине свидетельствуют о тесных связях этих трех стран в период Среднего царства. Остается нерешенным, как и для Древнего царства, вопрос о том, каким образом египетские изделия оказались на чужой территории; решение этого вопроса зависит от того, какие отношения связывали различные страны. Итак, частный вопрос о связях Эблы с Египтом должен рассматриваться не изолированно, а в общем контексте политической ситуации, сложившейся к первой половине II тысячелетия в долине Нила и в бассейне восточного Средиземноморья. Бесспорное и очевидное египетское присутствие на территории Сирии и Палестины, которое проявляется самым различным образом — от мелких деталей орнамента до царского документа,— позволило У. Ф. Олбрайту считать возможным прямое господство Египта над Сирией и Палестиной в эпоху Среднего царства; гипотеза американского ученого в последнее время поддерживается Р. Гивеоном, тогда как Дж. А. Уильсон и У. А. Уорд считают, что отношения Египта с ближневосточными странами носили скорее торгово-дипломатический характер¹⁷. Работы Дж. Вейнстайна и В. Хелька, вышедшие почти одновременно (в 1975 и 1976 гг.), снова затрагивают этот вопрос. Дж. Вейнстайн считает, что

ситуации в Палестине и в Сирии различались: в этот период были важны связи Египта с приморскими сирийскими городами и, по его мнению, имели меньшее значение связи Египта с Палестиной, так что возникает предположение, что большая часть египетских изделий времени Среднего царства, найденных в палестинских поселениях, была доставлена туда не прямо из долины Нила, а через сирийских торговцев, которые их развозили, приобретая в таких портах, как Угарит и Библ (Weinstein 1975, с. 1—16). В. Хельк, напротив, считает, что только небольшие изделия, надписанные именами царей (такие, как ларчики Аменемхета III и Аменемхета IV из царских гробниц в Библе), оказались на ближневосточных землях в эпоху Среднего царства в качестве даров, посланных фараонами местным правителям того времени; все остальные египетские изделия были доставлены гиксосами, которые, предположительно, грабили дворцы и храмы, захватывая утварь¹⁸.

Хотя возможность прямого владычества Египта над азиатскими землями в период Среднего царства должна, как нам кажется, быть отвергнута, теории Вейнштейна и Хелька представляются интересными. Гипотеза немецкого ученого слишком прямолинейна, и, несмотря на то что она объясняет некоторые загадочные факты (например, причину того, почему статуя Хетепибра, уже посвященная храму Птаха, была перенесена в восточную Дельту, где находилась столица гиксосов), эта гипотеза не учитывает ни бесспорного влияния Египта в первые века II тысячелетия на земли Сирии и Палестины (например, использование в сирийской глиптике таких египетских иероглифических мотивов, как ḥ^{h} , голова Хатхор и изображения некоторых других божеств), ни текста из Поучений Мерикаре, составленных в Первый Промежуточный период, которые предписывают молодому правителю: «Посылай свои изображения в чужие страны» (Helsk 1976, с. 43). Более соответствующей действительности представляется историческая реконструкция Вейнштейна, особенно если помнить о положении сирийских приморских городов в эпоху Среднего царства: Библ, как это было уже в эпоху Древнего царства, пользовался особыми привилегиями у Египта. Фараоны посылали ценные дары местным правителям, которые носили египетский титул $\text{h}^{\text{h}}, \text{ty}^{\text{-s}}$, и украшали свои вещи иероглифическими надписями; библские ремесленники подражали египетским ювелирам; египетскую скульптуру и более мелкие изделия находят в изобилии. Существует доказательство непрерывности связей между Библом и Египтом и в эпоху XIII династии: это рельеф Неферхетеп I, подаренный местным государем Йантином (Moptet 1928, с. 90—92). Угарит также поддерживал тесные связи с египетским двором в эпоху XII династии, как это следует из находок изделий с именем Сесостриса I и Аменемхета

III; показательное присутствие сфинкса Аменемхета IV в Бейруте, другом портовом городе. Таким образом, по мнению Вейнштейна, прибрежные города, будучи торговыми центрами, служили также центрами распространения египетских изделий на Ближнем Востоке; но, очевидно, связи Египта с сирийскими землями этими городами не ограничивались. Несмотря на ограниченный объем раскопок и древность города, можно считать, судя по занимаемой ею обширной площади, что Катна была большим городом. Нейраб близ Алеппо был, бесспорно, пригородом Йамхада, столицы главного сирийского царства в первой половине II тысячелетия. Что касается Эблы, хотя ее могущество в 1800—1600 гг. не было таким, как в аккадский период, тем не менее она оставалась важным центром. Следовательно, не исключено, что двор фараонов поддерживал с этими важными городами и прямые отношения, которые сейчас мы бы назвали «дипломатическими». Следует также отметить, что среди находок в Сирии наиболее полно представлены предметы эпохи египетских правителей конца XII династии — признак того, что египетская экспансия в ближневосточные земли постоянно усиливалась по мере укрепления власти династии Сесострисов и Аменемхетов. Продолжение отношений между Египтом и Ближним Востоком в эпоху XIII династии — признак относительной стабильности внутреннего положения в Египте, что противоречит мнению, господствовавшему до последнего времени ¹⁹.

Последняя гипотеза может опираться на присутствие в Эбле парадной булавы Хетепибра (см. рис. на с. 51), так как представляется вероятным, что погребения здания Q принадлежали царской семье (судя по их расположению и по богатству утвари, брошенной грабителями); возможно, человек, захотевший унести с собой в могилу ценные изделия, был правителем Эблы и получил оружие в дар от Хетепибра, одновременно с ним правившего в Египте. Здесь следует напомнить о том, что было сказано выше по поводу эпитета s'.'m, входящего в титул Хетепибра: если его перевод — 'сын азиата', то правитель был не египтянином, а, очевидно, сыном высокопоставленного лица или главы одного из племен, пришедших из Азии и в конце XII династии утвердившихся в восточной Дельте. Можно предположить (исключительно на уровне гипотезы), что это племя по происхождению своему имело связи с эблайтским царством и что один из его потомков, став правителем Египта, послал ценный дар тому, кого он признавал главой своего рода.

Конечно, на современном этапе исследований эта гипотеза может показаться слишком смелой; однако история связей Египта и Ближнего Востока в III и первой половине II тысячелетия только начинает изучаться, и, как несколько лет назад никто не мог ожидать, что во внутренних районах Сирии будут найдены памятники

IV, VI и XIII династий, так не исключено, что через некоторое время в ходе исследований обнаружится, что отношения между Египтом, Сирией и Палестиной были гораздо более прочными и сложными, чем это можно сейчас предположить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Amiran 1970, с. 170—179. Обобщающая работа: Ward 1963, с. 11—17. Керамический фрагмент с египетским *grh* царя Аха найден также в Тель Эн-Бесоре. Ср. Schulz 1976, с. 25, рис. 2. Недавно Р. Гофна выдвинул гипотезу о том, что египетская керамика может указывать на волну миграции из долины Нила в сторону Ханаана в эпоху I династии: Gophna 1976, с. 31—37; Heick 1979, с. 357—363; Хельк считает, что отношения между Египтом и южной Палестиной в период I династии носили исключительно торговый характер.

² См. Montet 1929; находки из Библа были исследованы им же в многочисленных статьях, опубликованных в основном в журнале «Kémi».

³ Как это засвидетельствовано в титуле библского чиновника, которому принадлежал «Цилиндр Монте»; см. о нем из последних публикаций Goedicke 1978, с. 23—24.

⁴ В недавно опубликованной статье Tawfik 1978, с. 77—84 определяется, какие масла предназначались для различных видов сосудов. Древние цилиндрические сосуды с крышкой содержали масла *sty-hb, tw'wt, h', tt nt thnw*.

⁵ См. Reisner 1955, с. 90—102. В той же книге У. С. Смит, дополняя исследования керамики из гробницы Хетепхерес изучением керамики из других могил некрополя Гизе, описывает еще кувшины ближневосточного изготовления, на ручке одного из них — печать раннединастического периода (Reisner 1955, с. 64—65, 74—75, табл. 51—53). Кувшин отдельно исследован им же (Stevenson Smith 1965, с. 5—6); он найден в гробнице веира V династии.

⁶ О находках с именами Хефрена и Пиопи I автор данной статьи сделал предварительное сообщение на XXV Международной ассириологической встрече в июне 1978 г. в Берлине; это сообщение находится в печати в «Материалах» встречи. Итоговую публикацию см. Scandone-Matthiae 1979, с. 33—43.

⁷ См. Gardiner 1909. О первом переходном периоде как эпохе смуты и переоценки ценностей см. Barta 1976, с. 50—61.

⁸ Последняя работа, где собраны сведения о египетской скульп-

туре Среднего царства, найденной в Азии,— это книга Helck 1976, с. 104—105.

⁹ Helck 1962, с. 69—70; Guigues 1938, рис. 72, 84. О времени жизни принцессы, которая носит титул, а не имя *hmt nfr hdt*, см. Ward 1979, с. 801.

¹⁰ Единственная морфологическая разница между двумя сосуздами состоит в том, что у чашечки из Эблы первоначально были две вертикальные ручки, ныне утраченные, в то время как у образца из Каирского музея ручек нет: ср. Bissing 1907, III, п. 18397. Последний точно не датирован, возможно, он относится к эпохе Нового царства.

¹¹ См. Morgan 1895, с. 74, рис. 171; Bissing 1907, п. 18720, Montet 1929, т. CXXII, п. 820, 847, 848; Schaeffer 1939, т. XIV; Woolley 1955, т. LXXX; Kenyon 1960, т. XXI, 4.

¹² См. Morgan 1895, т. XVI, 13. Мой друг и коллега Р. Тэффин указал мне, что изображенный цветок — это скорее не лотос, а стилизованная лилия.

¹³ Первое сообщение о рукоятке булавы Хетепibra было сделано автором этой статьи во время XXVI Международной ассириологической встречи в июле 1979 г. в Копенгагене и сейчас находится в печати в «Материалах» встречи. Итоговую публикацию см. Scandone-Matthiae 1979, с. 119—128.

¹⁴ Эта типология представлена в Египте в период от Древнего до Нового царства, см. Bissing 1907, т. III, 18300, 18309, 18297.

¹⁵ См. Scandone-Matthiae 1976, с. 178—189; El-Sayed 1979; автор снова затрагивает проблему идентификации Тутимаюса по Манефону, высказываясь, впрочем, очень осторожно, за второго из двух Дедумесе XIII династии. Фон Беккерат (Beckerath 1964, с. 64) скептически относится к возможности точно установить, какого правителя египетский историк называет «Тутимаюсом».

¹⁶ Ближайшая публикация автора данной статьи в «Annali di Ebla».

¹⁷ Обобщающее исследование вопроса см. в Giveon 1967, с. 29—30.

¹⁸ См. Helck 1976, с. 101—116; ср. возражения в последней публикации (Ward 1979, с. 799—806).

¹⁹ В свете последних исследований положение XIII династии в Нубии и на Ближнем Востоке предстает гораздо более стабильным, чем это можно было себе представить (ср. Vercoutter 1975, с. 222—234; Giveon 1978, с. 163—167).

Ж. К. Маргерон

МАРИ — САМОБЫТНОСТЬ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯ? *

Родившись спустя несколько месяцев после начала первого сезона раскопок на Телль-Харири (Мари), практически в момент обнаружения дворца Зимри-Лима, столько сделавшего для той славы, которую приобрело в дальнейшем знаменитое городище на Евфрате, я, конечно, не могу, как очевидец, сравнить силу эффекта, произведенного воскрешением Мари, с одной стороны, и Эблы — с другой. И тем не менее мне кажется, что впечатление было по самой своей сути в каждом случае иным, хотя внешне ситуации совпадали: и там и тут в развалинах дворца были внезапно обнаружены тысячи клинописных табличек, что подействовало на древневосточный археологический мир как удар грома. Но если по отношению к Мари результатом открытия было резкое увеличение знаний о начале II тысячелетия до н. э. и уточнение сведений по некоторым нерешенным вопросам, например в области хронологии, то применительно к Эбле это открытие ознаменовалось пересмотром некоторых уже ранее выдвигавшихся проблем; вновь был поднят вопрос о связях между городами Ближнего Востока второй половины III тысячелетия до н. э., а также самой роли этих городов.

Данный круг вопросов и составляет, как мне кажется, одно из направлений настоящей нашей встречи в Риме. Поэтому мне хотелось бы поговорить здесь о месте, которое занимало Мари в III тысячелетии и в начале II тысячелетия до н. э. Я не собираюсь выступать здесь с какими-либо окончательными выводами, а лишь хотел бы сформулировать несколько проблем в надежде побудить археологов к проведению исследований в новом направлении.

Jean-Claude Marguère. *Mari: originalité ou dépendance? Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia».* Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

* Мне хотелось бы поблагодарить Ж.-М. Дюрана, Д. Шарпена и Д. Бейера за полезные замечания по данной статье.

Прежде всего хотелось бы напомнить некоторые элементарные, почти очевидные факты; с одной стороны, они известны из истории, какой она представляется нам благодаря раскопкам 1933—1974 гг., проведенным А. Парро в Мари, с другой стороны, они вытекают из географического положения городища.

Наше представление об истории Мари не может считаться полным, поскольку ее начальный период нам неизвестен; археологические данные касаются в основном двух периодов — эпохи архаических династий и эпохи аморейских династий. Кроме момента, когда Хаммурапи разрушил Мари, ни одна другая дата не известна нам точно, не знаем мы также и временных границ крупных периодов. Условия существования Мари и его реальное значение при династии Аккада, III династии Ура, а также в эпоху шакканакков остаются в тени, как будто долгое затмение уменьшило роль Мари в промежутке между двумя столь хорошо известными периодами.

По правде говоря, я совершенно не уверен в справедливости приведенной схемы, опирающейся исключительно на дошедшие до нас археологические и эпиграфические данные. Возобновление раскопок¹ уже позволяет считать, что период шакканакков был очень важным, едва ли не более важным, чем период Зимри-Лима, который обязан своей известностью обширной письменной документации, сохранившейся в том виде, в каком ее застало разрушение города. Именно количество источников оказалось той случайной причиной, которая вызвала искажение исторической реальности.

Таким образом, речь идет о городе, который просуществовал примерно тысячу лет; раскопки показывают, что, даже если после его разрушения царем Хаммурапи здесь снова было какое-то поселение, оно ничем уже не напоминало могущественный и богатый город, а представляло собой лишь небольшой посад или сторожевой пост. Остается только гадать о причинах такой относительно короткой истории, в особенности по сравнению со значительным числом месопотамских городов, сумевших пережить не менее страшные разрушения, чем то, которое причинил вавилонский правитель евфратской столице. Не было ли Мари лишь случайной, эпизодической общественной единицей, для окончательного исчезновения которой оказалось достаточно одного военного похода? Или относительная краткость существования Мари вызвана специфической ситуацией, в которой исторические и географические обстоятельства так переплелись между собой, что породили могущественный город, который был необходим в определенное время и в определенном историческом контексте, а затем исчез, когда единство условий, предопределявших его существование, было нарушено?

Расположенный в долине Евфрата город Мари находился на границе двух различных миров. И в самом деле, географы² счи-

тают, что собственно месопотамское течение Евфрата начинается на уровне Дейр эз-Зора или Майадина, то есть на сотню километров выше Телль-Харири. То обстоятельство, что это наблюдение опирается преимущественно на гранулометрическую характеристику почв и само по себе, по крайней мере на первый взгляд, может иметь лишь слабое влияние на условия судоходства по Евфрату и эксплуатации долины, не умаляет, по-моему, роли местоположения Мари, которое обычно считают окраинным и по отношению к Сирии, и по отношению к Месопотамии.

Ныне река протекает в каких-нибудь двух или трех километрах от городища, расположенного на ее правом берегу; но многочисленные покинутые ею рукава, как и частые перемены течения, которые еще не стерлись из памяти местных жителей, свидетельствуют о таком непостоянстве последнего, которое не позволяет нам сказать с уверенностью, где в точности протекал Евфрат в пору существования Мари. Изыскания ³ еще не завершены, но они уже показали, что очертания северного края телья не совпадают с древними границами города и представляют собой результат эрозии, вызванной соседством одного или же двух меандров. Не исключено, что дальнейшие почвенно-морфологические исследования позволят уточнить положение города по отношению к реке в древний период: конечно, не безразлично знать, был ли город Мари правобережным или левобережным ⁴, однако этот вопрос не представляется мне существенным для интересующего меня сегодня вопроса о жизни города в его естественных границах.

Эти границы определялись, как мне кажется, отрогами плато Дура-Эвропос на севере и Багуза на юге; с востока и с запада отроги плато находятся уже вне орошаемого района, но именно они образуют собой границы долины в собственном смысле слова. Эта долина, имеющая примерно сорок километров в длину и около пятнадцати километров в ширину, вполне могла служить аграрной базой, достаточной, чтобы обеспечить существование города; к тому же местоположение Терки в двадцати пяти километрах к северу от плато Дура-Эвропос вполне вписывается в рамки предполагаемого раздела региональных сфер влияния. Однако единая территория, способная обеспечить выживание города, сама по себе не может дать ему могущество. Следовательно, причины величия Мари надо искать в чем-то другом.

Совершенно ясно, что не может быть и речи о том, чтобы рассматривать Мари как город на пересечении дорог. Хотя река и представляла собой ось, направленную с северо-запада на юго-восток, однако не было никаких важных путей, которые бы вели сюда из Сирийской степи или из эль-Джезире, то есть с севера и с северо-востока или с северо-запада. Мало того, сама история

Мари, в той мере, в какой позволяют проникнуть в нее письменные источники аморейского периода, показывает, что военная экспансия осуществлялась вдоль реки и ее притоков. Даже если отдельным завоевателям и удавалось продвинуться за пределы речной долины ⁵, то все же именно река определяла честолюбивые устремления правителей, а с ними и основные интересы города. Насколько мы можем судить, незаметно, чтобы Мари в дни своей славы имело основания бояться других городов, расположенных на берегах реки, несмотря на попытки некоторых из них добиться независимости: в эпоху аморейской династии Терка находилась в зависимости от Мари, и можно поручиться, что таким же образом обстояло дело и в середине III тысячелетия до н. э. Напротив, тучи, таящие угрозу для Мари, начинают собираться вдалеке от реки, они надвигаются из Северной Сирии, Хабура и Вавилонии; Евфрат же и в этом случае играет роль главного пути, как и при осуществлении экономических связей.

Исходя из сказанного, мне кажется возможным предложить толкование, учитывающее все превратности существования Мари. Фактом, в первостепенном значении которого уже давно отдают себе отчет историки и экономисты, было расположение Мари между такими полюсами экономических связей, как Северная Сирия, Хабура и Вавилония ⁶. Совершенно очевидно, что это позволяло Мари принимать участие в торговле на правах партнера и, во всяком случае, обеспечивало ему очень важную роль посредника: осуществляя строгий контроль за транзитом, Мари получало возможность взимать крупные пошлины с проезжающих. Изучение текстов, обнаруженных во дворце, убедительно показывает, что именно такого рода пошлины были источником богатства, а значит, и могущества Мари. Естественно, политической задачей его правителей было удерживать под своим контролем как сам Евфрат, так и устья его притоков, чтобы не позволить другим властителям закрепиться здесь. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть уязвимость такого положения — ведь приходилось удерживать территорию шириной около пятнадцати и длиной в несколько сот километров; а между тем известно, как трудно было последним правителям Мари бороться одновременно и с местными царями, и с окружавшими город кочевниками.

Кроме того, мне кажется, что для своего сохранения система в целом нуждалась в совершенно особой политической ситуации на Ближнем Востоке, не зависевшей от царства Мари. В самом деле, единственный шанс обеспечить господство над столь неизмеримо растянувшейся территорией состоял в том, чтобы соседние государства не были сильнее царства, расположенного на Среднем Евфрате ⁷, иными словами, Мари не могло бы существовать, выс-

кивая пошлины с проходящих судов, иначе как находясь в окружении царств, равных или почти равных ему по силе, но неспособных навязать свое господство на реке. Однако стоило одному из этих царств возвыситься над другими, в особенности если при этом в его власти оказывался какой-либо из концов упомянутой выше экономической оси, как существованию Мари должен был наступить конец, ибо исчезала необходимость платить пошлину посреднику, существование которого переставало быть необходимым. Велик становился соблазн либо, заняв место Мари, самому брать пошлину с кораблей других стран (если границы владений в этой области не выходили за пределы тех, которыми обладала свергнутая династия, — как и произошло в случае Шамши-Адада), либо просто стереть с лица земли завоеванный город, чтобы создать на его месте контрольный пост у входа на вновь захваченную территорию, что объясняет разрушение, осуществленное Хаммурапи.

Таким образом, в период аморейских династий Мари могло процветать лишь в мире, разделенном на царства, обладающие приблизительно равным могуществом; но оно было обречено на исчезновение, стоило какой-либо из соседних с ним территориальных единиц превратиться в империю. Я склонен думать, что одинаковые причины вызывают идентичные последствия и что, следовательно, царство Мари знавало аналогичные перемены уже в III тысячелетии до н. э., когда вслед за периодом расцвета и необычайного могущества, фоном для которого служили царства времени архаических династий, последовали периоды более или менее глубокого упадка, связанного с успехами правителей Месопотамии или Сирии, которым удалось на некоторое время распространить свое господство и на противоположный полюс торгового оборота. В связи с этим нельзя не отметить, что могущество Мари в III тысячелетии до н. э. при экономических условиях того времени нельзя объяснить иначе, как связав с существованием на противоположном конце реки развитой Сирии, а также со значительным и плодотворным торговым обменом, осуществлявшимся по Евфрату. Мне кажется, что найти другую причину могущества Мари было бы трудно.

* * *

Таким образом, можно считать, что Мари существовало лишь как контрольный пост, расположенный между двумя различными экономическими полюсами, дополнявшими друг друга, причем такое существование могло длиться только пока соблюдалось известное равновесие между примерно равновеликими царствами. А поскольку Мари находилось на перекрестке важнейших торговых

путей между Сирией (здесь встречались дороги, ведущие в Палестину, Средиземноморье и Анатолию), Хабуром и Месопотамией (здесь соединялись пути из Ирана, Элама и с Персидского залива) ⁸, то нельзя ли определить самые корни цивилизации, которая здесь сложилась? И не следует ли думать, что эта цивилизация могла испытывать исключительное влияние одного из двух полюсов, между которыми она находилась, и если да, то не было ли это в ущерб как влиянию другого полюса, так и собственной самобытности? Иными словами, было Мари месопотамским, сирийским или среднеевфратским городом?

Ход истории археологических открытий и слишком традиционный взгляд на связи между разными культурными центрами Ближнего Востока совершенно естественно привели к тому, что культура Мари в основном увязывалась с месопотамской и рассматривалась как своего рода аванпост последней. Недавние открытия в Эбле как будто не изменили этого мнения. Между тем мне кажется, что расположение Мари на равном расстоянии от Сирии и Вавилонии не дает оснований для столь упрощенного подхода. Взяв три примера из области религии, или культа, традиционно увязываемых с месопотамской утробой, я бы хотел показать, что мы, вероятно, должны признать, что Мари было связано с сирийским миром не менее тесными узами, чем с миром месопотамским, и к тому же обладало достаточно выраженной самобытностью. Примеры эти следующие: храм Дагана сам по себе и в его связи с зиккуратом, «Священная ограда» досаргоновского дворца и скульптуры.

* * *

Итак, первым примером, как мне кажется, может служить знаменитый храм Дагана, сооруженный Иштуп-Илумом (см. S u g i a 1938, с. 21—27; R a g g o t 1974, с. 98—108) в период шакканакков. Он состоит из удлиненного зала, вход в который находится практически на оси узкой восточной стены, и двух небольших пристроек со стороны, противоположной входу, в каждую из которых можно попасть через проход, находящийся рядом с главным алтарем, устроенным на поперечной оси, напротив двери. Снаружи, по обе стороны от входа, в углах, образованных стеной узкой стороны и продолжением длинных стен, находились культовые устройства, а внутри храма в качестве хранителей входа располагались два бронзовых льва. Скамья и алтари вдоль северной стены завершали оборудование, предназначавшееся для культовых действий. Храм отождествлен как храм Дагана благодаря обнаружению в углах постройки трех votивных объектов, посвященных закладке здания (*dépot de fondation*). Среди этих предметов оказа-

лась, в частности, табличка с именами «авторов» сооружения (Ишме-Даган и Иштуп-Илум), и сказано, что оно посвящено «царю страны», который, как полагал Ж. Доссен, должен отождествляться с богом Даганом.

В том виде, в каком мы его застаем, этот храм не имеет месопотамских параллелей; только у храма, датируемого Раннединастическим периодом, открытого в Тель-Тадже (Reade 1968, с. 234—264), есть некоторые черты внутренней планировки, общие с ним: вытянутый зал и две небольшие пристройки за алтарем, в которые можно попасть через проходы по обе стороны последнего. Но на этом сходство кончается, так как вход в клетку возможен не со стороны противоположной алтарю узкой стены, а только со стороны длинной южной стены; к тому же длинные стены здесь не имеют продолжения, подобного отмеченному в Мари. Совершенно очевидно, что эти два отличия придают храму из Тель-Таджа внешний вид, не вызывающий никаких ассоциаций с храмом Дагана. А так как объем архитектурного сооружения и впечатление, им производимое, гораздо важнее сходства, распространяющегося лишь на часть плана, то становится ясно, что поиски аналогий в восточном направлении вести не следует.

И действительно, именно на западе и северо-западе примеры сходства оказываются гораздо более многочисленными. Так, в Северной Сирии существует тип святилища, имеющий черты сходства с храмом из Мари. По своей конструкции он близок так называемому мегарону (Margueon, в печати). Типичный план этого сооружения, развитие которого хорошо прослеживается в Анатолии и во всем средиземноморском мире, в Сирии впервые обнаружен в Тель-Чуэре и относится к III тысячелетию до н. э. Здесь подразумеваются «малый храм in antis», существование которого подтверждается в трех слоях, «храм in antis» и «Северный храм». В период Средней бронзы мы снова находим сооружения того же типа. К ним относятся: в Тель-Мардихе — «храм D» (Matthiae 1975, с. 43—72), в Мумбакате — каменное здание 1 и каменное здание 2 (Orthmann, Kühne 1973, с. 53—97; а относительно помещения Steinbau I — MDOG 1970, табл. 11; MDOG 1971, табл. 7), в Эмаре — храмы Ваала и Астарты, храм Гадателя и второй храм на участке M^o, наконец, в Тель-Фрайе (Boonpi, Matthiae 1980, с. 30—39) — храм, который датируется концом эпохи бронзы. Храмы подобного типа продолжали сооружать и в период железа: первый храм такого рода, найденный в Тель-Таинате, уже является чисто сирийским (Haïnes 1971, с. 53—55, табл. 80—82, 103). Я не буду входить здесь в подробный анализ всех упомянутых сооружений и определять, что их объединяет и что разделяет (Margueon, в печати), а ограничусь ссыл-

кой на сравнительную таблицу, которая, если руководствоваться планировкой, достаточно выразительно указывает на принадлежность храма Дагана к приведенной серии. Эта принадлежность в свою очередь дает веские основания полагать, что Мари находилось в сфере влияния не одной только Месопотамии.

И тем не менее есть одна черта, которая делает нашу аналогию уязвимой. Дело в том, что храм Дагана одною из своих длинных сторон — северной — прилегает к южному фасаду зиккурата ¹⁰. Эта связь лишает здание, построенное по образцу мегарона, внешнего вида, присущего сооружениям этого типа; и именно из-за этой его особенности я предпочел в своей работе о сирийских храмах не включать данный пример в число мегаронов. Однако я не уверен, что поступил правильно, тем более что имеются два обстоятельства, которые указывают на другую возможность.

Прежде всего, не исключено, что обозначение «зиккурат» по отношению к массиву, который примыкает к храму, неверно: здание, прямоугольное в плане (и не приближающееся к квадрату), с размерами 42 м × 25 м, не могло быть особенно высоким. И в самом деле, довольно трудно представить себе здесь серию возвышающихся друг над другом террас, увенчанных по образцу зиккуратов Ура и Урука небольшим «верхним» храмом. Мало того, странным кажется само устройство северного фасада: его тонкие стенки образуют реданы, слишком узкие для того, чтобы через них был возможен подъем наверх, вопреки предположению описавшего храм археолога. Указанные причины препятствуют тому, чтобы рассматривать спорное сооружение как классический, то есть месопотамский, зиккурат ¹¹. Я скорее бы счел его просто высокой террасой, расположенной вплотную к храму Дагана. Остается непонятным, каким образом попадали в верхнюю часть описанного сооружения, и это досадно, потому что в результате функция и использование террасы неясны ¹².

Решение, однако, может быть найдено, если выйти за пределы Мари и обратить свой взор в другом направлении. Прежде всего, нам нужно знать, является ли данный тип сооружения исключительным, то есть самобытным созданием Мари, или же сходные постройки отмечены и в других районах. Хорошо известно, что в Месопотамии культовые террасы, обычно венчаемые храмом, возводились начиная с IV тысячелетия до н. э. Здесь нет необходимости это доказывать. Может быть, менее известно, что в Сирии существовал другой тип сочетания храма и террасы, когда они располагались рядом: сооружалась культовая эспланада большей или меньшей высоты, причем ее размещали рядом со святилищем или позади него. Этот тип сооружений я наблюдал в Эмаре: именно так построены прежде всего храмы Ваала и Астарты, имевшие общую куль-

товую эспланаду на высоком мысу позади обоих храмов; здесь были обнаружены чашеобразные углубления в полу и основание алтаря. По-моему, не может быть никаких сомнений в существовании связи с культовой эспланадой, которая, не будучи возведена на террасе, тем не менее располагается на достаточной высоте по отношению к храмам (Margueron, в печати). Установлено также, что к интересующему нас типу относится и храм Гадателя, позади которого имелась настоящая терраса с доступом к ней по валу, огибавшему западную сторону храма¹⁹. Добавим, что в текстах, обнаруженных в храме Гадателя, говорится о принесении в жертву рогатого скота, что было бы невозможно в самой cellule из-за малого ее размера; следовательно, для этой цели служила эспланада. Объединение храма с эспланадой можно еще усмотреть в сооружении из слоя Алалах II (Woolley 1955, с. 78—82), хотя это сооружение и имеет некоторые отличия. В итоге перед нами всего лишь три достоверных примера. Но не должны ли мы задать себе вопрос, почему такой тип сооружений, появившись однажды, не встречался впоследствии? Не возникает ли необходимость заново изучить эту проблему в целом? И не нужно ли подумать о том, чтобы в ходе дальнейших раскопок особенно тщательно изучалась организация территории вокруг храмов? Я особенно склонен думать так, потому что храм в Тель-Римахе, хотя он и расположен в сирийских пределах и имеет другой план, тем не менее относится к тому же типу (Oates 1958—1967). Не следует ли в итоге всего сказанного видеть в постройке, которая предстает перед нами в Мари, образец сооружения, объединяющего святилище и культовую платформу, более высокую, чем в Сирии, из-за влияния высоких террас и зиккуратов, характерных для Месопотамии? Именно на этой платформе, очевидно, совершались жертвоприношения, а может быть, также и другие ритуалы, нам пока еще неизвестные. Таким образом, если исходить из уже известных примеров, мы вправе полагать, что описанный тип храмовых сооружений, хотя и с некоторыми местными модификациями, был распространен в Северной Сирии, на Евфрате и в Ассирии.

И мне не кажется удивительным, что храм, посвященный божеству, особенно чтимому на Среднем Евфрате, приближается по своей форме к сооружениям, часто встречающимся в Сирии. Надо только пересмотреть тезис о принадлежности Мари к месопотамскому миру.

* * *

Наш второй пример будет также из области архитектуры. Но прежде чем его предложить, я хотел бы привлечь внимание к существенному требованию, которое должно предъявляться к свидетель-

ствам из этой области, если их предстоит использовать как довод. Можно опираться только на свидетельства «типичные», характерность свойств которых не может быть поставлена под сомнение; иными словами, для использования в качестве доказательства может служить только здание, не подвергавшееся на протяжении своего существования сколько-нибудь существенным переделкам, то есть такое сооружение, план которого соответствует определенному первоначальному архитектурному замыслу. Так, знаменитый дворец аморейской династии никак не может быть нам полезен, поскольку к моменту своего разрушения он представлял собой итог нескольких веков существования; весьма редко случается, чтобы характерные первоначальные формы сохранялись в финальной ситуации, единственной, которая нам достоверно известна, и лишь в порядке редкого исключения мы оказываемся в состоянии, отвлекаясь от различных изменений, переустройств и реконструкций, восстановить первоначальный план в том виде, в котором он был задуман архитектором. И тем не менее во дворце Мари существует план постройки, во многом соответствующий указанным требованиям. Я имею в виду план святилища, устроенного во дворце, который считается досаргоновским и который был раскопан А. Парро между 1964 и 1974 гг. Этому святилищу свойственно удивительное архитектурное единство, сохранившееся без серьезных изменений, несмотря на несколько перестроек самого дворца. Первооткрыватель сооружения называет его, в особенности в своих последних работах, «Священной оградой», перенося это наименование также и на самый период существования всего ансамбля, который приходится на промежуток между P-1 и слоями конца III и начала II тысячелетия до н. э. (Parrot 1974, с 74 и сл., рис. 42,44).

Принцип устройства рассматриваемого святилища прост: вокруг большого пространства, по форме приближающегося к ромбу со стороны, равной 16 метрам, размещаются несколько квадратных или прямоугольных помещений, образующих пояс, охватывающий основное пространство, в сторону которого каждое отдельное помещение имеет не менее одного выхода; некоторые из помещений сообщаются также с коридором, окружающим всю постройку. Одно из назначений этого коридора (Marguiegn 1982, ч. I, гл. IV) как раз и состоит в том, чтобы обеспечивать самостоятельность помещений, входящих в данный комплекс, доступ в этот комплекс из разных точек и ее связь с другими частями дворца. Кроме трех помещений (XVI, XVII и XLVI), остальные не имеют каких-либо важных особенностей. XVI и XVII помещения благодаря своему расположению служат главным входом в центр всего священного сооружения с северной стороны, а XLVI помещение представляет собой большой прямоугольный зал, занимающий всю ширину здания

с южной стороны и заканчивающийся восточной культовой пристройкой непонятного назначения на уровне Р-2 и алтарями на уровне Р-1 и «Священной ограды»¹⁴. XLVI помещение, по-видимому, играло важную роль в культе: об этом свидетельствуют его размеры, расположение напротив главного входа и наличие в нем алтаря. Отметим еще, что религиозная роль описанной совокупности помещений не исчерпывается этим залом, но следует также из оборудования основного центрального пространства. И в самом деле, на уровне так называемой «священной ограды» и Р-1 обнаружены монументальные алтари, находящиеся один — вплотную у южной стены, а другой — несколько отступя от нее внутрь. Если даже во дворце Р-2 и не существовало алтаря традиционной формы, указанные устройства тем не менее свидетельствуют о культовом характере сооружения¹⁵. Думается, что если два наиболее важных помещения из всего комплекса заняты культовыми устройствами, то и весь ансамбль носит сакральный характер.

То обстоятельство, что вся описываемая группа помещений размещена внутри сооружения, которое может рассматриваться как дворцовый комплекс, ничего не меняет в данном ходе рассуждений. Сказанного достаточно, чтобы, зная планировку всей совокупности сакральных помещений, примененную в нашем примере, мы бы имели право задать себе вопрос, как часто она встречается¹⁶. Если мы заинтересуемся прежде всего планировкой и устройством остальных святилищ Мари, датированных Раннединастическим периодом, то обнаружим еще одно здание, сооруженное по очень близкой схеме: это храм богини Нинни-Заза, в котором А. Парро производил раскопки в 1951 г. (Parrot 1967, табл. II). Храм Нинни-Заза расположен в квартале храмов к юго-востоку от зиккурата и всего лишь в какой-нибудь сотне метров от дворца. Сравнение этих двух зданий показывает, что, несмотря на некоторые различия в деталях, их основные черты совпадают:

— у каждого из них имеется внутреннее пространство почти квадратной формы;

— у каждого — ожерелье помещений, прерывающееся только по юго-восточному фасаду храма Нинни-Заза, где раскопки показали границу застройки (причины, помешавшие дальнейшему расширению храма в эту сторону, остаются неизвестными);

— у каждого есть входы по обе стороны углов центрального пространства, кроме южного и юго-восточного углов, где отсутствие пристроенных помещений, уже отмеченное выше, делает две двери излишними;

— у обоих зданий одинаковый декор стен, окружающих центральное пространство; он представляет собой отличающееся изяществом чередование ниш и выступов между ними;

— у обоих зданий одна сторона занята большим залом (зал № 13) с культовым оборудованием — скамьями и емкостями для сбора возлияний, размещенными вдоль стен — юго-восточной, северо-восточной и северо-западной;

— у обоих одинаковые, покрытые битумом проходы, огибающие стены центрального пространства и оставляющие в его середине свободное место для совершения ритуалов или для установки таких символов, каким является, например, обнаруженный камень типа бетила, несомненно представляющий собой западное заимствование.

Что касается различий, то наиболее очевидными из них являются следующие черты, характерные для храма Нинни-Заза в противоположность досаргоновскому храму в Мари:

— отсутствие помещений вдоль юго-восточной стены (объясняется, скорее всего, примыканием какой-либо другой постройки или же тем, что в момент сооружения храма место было занято для иных надобностей);

— другое устройство святая святых — целлы;

— несколько менее торжественный вход;

— менее правильные общие очертания (скорее всего, диктуемые характером городского окружения);

— значительно менее внушительные размеры всего ансамбля (впечатление это, по всей вероятности, является величиной относительной, зависящей от масштабов внутренней части самого городища).

В целом эти небольшие отличия не меняют основы плана, которая в своих существенных характеристиках остается в обоих случаях тождественной.

Таким образом, единственный вывод, следующий из приведенного сравнения «Священной ограды» досаргоновского дворца с храмом Нинни-Заза, — это вывод об использованной в Мари архитектурной схеме, свойственной определенной категории святилищ. Особенности архитектуры священных зданий еще должным образом не выявлены, и пока современное состояние источников не позволяет найти другие примеры того же типа. Хотелось бы узнать, в какой мере здесь может идти речь о схеме, свойственной именно Мари, а также выяснить, нет ли соответствующих параллелей в Сирии и Месопотамии.

В Сирии мы пока не находим подходящих примеров; правда, мы здесь еще недостаточно хорошо знаем архитектуру культовых сооружений III тысячелетия до н. э. Пожалуй, все-таки больше надежды найти интересующие нас параллели в Месопотамии. Я бы предпочел не заниматься здесь классификацией храмов середины III тысячелетия до н. э. в Месопотамии, так как это слишком далеко

увело бы меня от непосредственной задачи и крайне увеличило бы объем работы, не принеся реального выигрыша: ведь достаточно одного сооружения, если оно выдерживает сравнительное сопоставление с сооружениями в Мари, и такое сооружение есть — это храм бога Аб-У в Телль-Асмаре (De l'ougarit, Lloyd 1942, с. 156—217, табл. 19—24).

В названном сооружении, и прежде всего в его планировке, то есть в наличии центрального пространства, окруженного ожерельем из отдельных помещений, снова проявляется архитектурная схема, рассмотренная нами на примере Мари. Однако более внимательное исследование позволяет обнаружить различия между памятниками архитектуры в Мари и в Эшнунне (современный Телль-Асмар), вынуждающее поставить вопрос о реальной степени близости между ними. Хотя внутри сооружения действительно находится центральное пространство, вокруг которого группируются помещения, образующие ожерелье, хотя сохранились остатки покрытого битумом прохода, пересекающего центральное пространство между залом для омовений и святилищем I, хотя стол для жертвоприношений находится практически в середине центрального пространства (и все эти характерные свойства сближают храм Аб-У с храмами Мари), имеются и существенные расхождения. Вместо одной целлы, вынесенной за пределы центрального пространства, в храме Аб-У их по крайней мере три, причем каждая имеет алтарь, очаг и жертвенный стол; целлы размещены вокруг центрального пространства в отдалении друг от друга. Именно то обстоятельство, что целл несколько, на мой взгляд, больше всего препятствует отнесению соответствующих сооружений к тому же ряду, что и сооружения с одной целлой.

Но это еще не все. Квадратный в плане храм Аб-У в Телль-Асмаре производит впечатление аномалии: он и в самом деле оказывается единственным храмом квадратной формы в ряду храмов, сменявших друг друга на одном и том же месте на протяжении Раннединастического и Аккадского периодов. Дело в том, что две фазы, которым соответствует храм квадратной формы, датируемый периодом РД II, следуют за шестью фазами периода РД I, характеризующимися удлиненной формой арханческого святилища, и предшествуют четырем фазам храма типа «Single Shrine» периода РД III, снова имеющего удлиненную форму, связанную с формой целлы, так что квадратный храм выглядит как исключение: его появление и исчезновение объяснить нелегко. Поэтому мне бы не хотелось говорить о родстве между Мари и Телль-Асмаром до тех пор, пока план храма Аб-У не будет изучен заново, не будет выяснена причина наблюдаемого разрыва в традиции и не будут обнаружены истоки своеобразия планировки этого храма. Во всяком случае, нельзя считать пробле-

му решенной, заявив, как это уже делалось, что храм воспроизводит план дома.

Таким образом, я не думаю, что в настоящее время можно было бы, исходя из сравнения с образцом, имеющимся в Телль-Асмаре, говорить о месопотамском происхождении архитектурной схемы, которой следовали в Мари. Мало того, насколько я могу судить, в архитектуре священных зданий план такого типа больше нигде не встречается, даже если принять во внимание очень близкие решения в гражданской архитектуре, как, например, во дворце в Эреду (S a f a r 1950, с. 27—33). Дело в том, что и в последнем случае серьезные различия не допускают полного отождествления: нетрудно заметить, что в Мари мы в обоих случаях имеем автономные архитектурные единицы, даже если одна из них включена в сооружение больших размеров, тогда как в Эреду замысел растворен в значительно более сложном ансамбле, что лишает его всякой индивидуальности.

Подводя итоги, следует отметить, что хотя между рассмотренными планами из Мари, с одной стороны, и из Телль-Асмара и Эреду, с другой, и существуют черты сходства, однако тождества нет. Очевидно, и здесь, во всяком случае до тех пор, пока мы не располагаем более богатыми материалами, мы вправе говорить о самобытности памятников древней столицы Среднего Евфрата.

* * *

Третий пример мне хотелось бы взять из какой-либо другой области, вне пределов архитектуры, которая, вероятно, слишком привязана к месту своего внедрения, чтобы быть всегда достаточно показательной,— ведь нельзя перенести храм или дом, как переносят сосуд, печать или статую¹⁷. Поскольку совершенно очевидно, что распространение образцов не может во всех случаях подчиняться одним и тем же закономерностям, то в поисках влияний следует учитывать специфические особенности каждой категории предметов. Поэтому будет вполне естественно обратиться прежде всего к ряду предметов, во многом способствовавших славе Мари, а именно к произведениям скульптуры. Полагаю, что мне позволят ограничиться общей характеристикой, не требуя систематического анализа, который вышел бы за рамки данной статьи.

Искусство вааяния в Мари по праву пользуется широкой славой, которую стяжало ему и количество и качество произведений. Как это обычно бывало на древнем Востоке, большая часть скульптур происходит из храмов. Так, в храме Иштар во время раскопок, проводившихся в ходе первого и четвертого сезона, было зарегистри-

ровано не менее 111 инвентарных номеров, которым соответствуют либо целые статуи, либо их фрагменты (P a g g o t' 1956, с. 67—112, табл. XXV—XLV). В храмах Нинни-Заа и Иштарат было собрано не менее 350 инвентарных единиц статуй и фрагментов¹⁰. (P a g g o t' 1967, с. 37—178, табл. XII—LIX). Многие фрагменты могут принадлежать одной статуе, и потому нельзя достаточно точно определить, сколько всего статуй было в одном святилище (более сотни?), во всяком случае, следует подчеркнуть исключительное обилие, если не численную уникальность этих находок. Другие храмы на территории Мари не обнаружили такого богатства скульптур, поставленных по обету (ex voto). Конечно, было бы естественно задаться вопросом о социальных, религиозных и культурных причинах такого несовпадения, но это выходит за пределы настоящей статьи. Весьма возможно, что не все статуй, найденные в святилищах священного квартала к югу и к северо-востоку от храма Дагана, были поставлены ex voto, некоторые из них могли представлять собой изображения божеств. К тому же, если развалины дворца аморейской династии и содержали документацию образцов исключительной важности, то слон этого же здания, соответствующие III тысячелетию, гораздо беднее статуетками. Так что в целом места находок более или менее соответствуют тому, что мы видим в Месопотамии, а также в Сирии, где больше всего статуй обычно бывает в храмах, но от случая к случаю их находят также и в культовых помещениях дворцов. Таким образом, мы не видим здесь ничего такого, что не соответствовало бы обычному положению дел на древнем Востоке, и нет никаких оснований искать причины особого богатства Мари произведениями скульптуры в каких-то местных особенностях.

Благодаря своему географическому положению на стыке областей, более или менее богатых произведениями скульптуры (прибрежной и внутренней Сирии, долины Хабур и Диялы, Ассирии и Шумера), Мари могло быть местом, где встречались разнообразные влияния. Однако сравнение различных произведений ничего подобного не показывает; наоборот, создается впечатление значительной индивидуальности местной скульптуры. Изделия из Мари поражают целым рядом моментов:

— разнообразием поз; тогда как обычно наиболее распространенным является положение стоя, причем либо обе руки сложены перед грудью в позе адорации, либо одна рука держит какой-либо предмет (кубок, ветвь...), в Мари мы видим, кроме того, играющих на арфе сидящих музыкантов, персонажей, восседающих на троне, пары, сплетенные в объятии, жертвователей, несущих козленка...;

— трактовкой одежды, которая сама по себе не отличается от той, что засвидетельствована на Дияле или в Телль-Чуэре, но иногда

с удивительной точностью воспроизводит материал, как, например, пряди на каунаке*, Эбих-Иля;

— лепкой лица, в отдельных случаях поражающей успешными поисками объема и непривычным в древневосточных изображениях реализмом (некоторые исследователи даже задают себе вопрос, не пора ли начать говорить об искусстве портрета).

Что касается меня, то в этих произведениях, достигших высокой степени совершенства, я не вижу никакого заметного внешнего влияния: сирийскую каменную скульптуру III тысячелетия еще, по сути, предстоит открыть, а статуэтки из бронзы не позволяют полностью привязать Мари к сирийскому миру¹⁰. В целом произведения из столицы Среднего Евфрата относятся к группе, которую принято считать месопотамской; при детальном рассмотрении эти произведения не поддаются отождествлению ни с одним определенным центром: так, изделия из Телль-Чуэзы ближе к предметам с Диялы, чем к предметам из Мари. Единственным объяснением столь глубокой самобытности, свойственной столице Среднего Евфрата, как мне кажется, может быть существование там школы или мастерской, которая сумела создать на технической и культурной основе, общей для всех стран Ближнего Востока, произведения более оригинальные, чем рядовая продукция, и в их числе отдельные шедевры, поражающие своей тонкостью.

* * *

Те несколько примеров, которые выдержали более пристальный анализ, пожалуй, позволяют утверждать, что Мари составляет часть как сирийского, так и месопотамского мира сохраняя, однако, поразительную способность трансформировать общие для всего Ближнего Востока культурные и религиозные основы и технические приемы и предлагать совершенно оригинальные решения. Следует сказать, что, делая такой вывод, мы оставляем в стороне три-четыре примера, которые, хотя и не имеют решающего значения, все же нуждаются в повторном изучении с учетом общего фона всех источников и под углом зрения, который составляет основу данного первого исследования. Только тогда можно будет прийти к окончательному заключению и решить, играет ли Мари роль реципиента, копирующего свое окружение, или, наоборот, оно было способно на подлинную самобытность и преодоление воспринятых влияний, как вытекает из примеров, рассмотренных здесь. Для этого в дальнейшем придется также дать оценку относительной важности различных составляющих цивилизации Мари.

* Каунаке (от греч. *καυνάμι*) условно означает юбку или одеяние, украшенное сплошными рядами бахромы, фестонов, или флажков. — *Прим. ред.*

В рамках данного первого подхода не могло быть и речи об окончательном решении проблемы. Мне хотелось только лишь ее поставить, причем так, чтобы при дальнейшем изучении можно было, выйдя за пределы частного случая, каким является Мари, решить важнейший вопрос о взаимных связях политических центров Ближнего Востока с одной стороны, и об их самобытности — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сезоны 1979 и 1980 гг.; предварительный стратиграфический зондаж (участок А) вскрыл важное сооружение периода шакканакков, которым пользовались до конца периода аморейской династии, см. *Cahiers de Mari*, I и II (в печати).

² Устное сообщение профессора П. Санлавиля.

³ Сезоны 1979 и 1980 гг.— зондаж в северном секторе, или на участке В, см. *Cahiers de Mari*, I и II (в печати); археологические выводы подтверждены морфологическим анализом почвы и окрестностей телля, проведенным П. Санлавиллем и Ж. Безансоном в течение сезона 1980 г.

⁴ Любые исследования, касающиеся системы ирригации, имеющейся в долине Мари, не смогут избежать этого важного вопроса, который пока остается открытым.

⁵ Как, например, Иахдун-Лиму, который в соответствии с текстом одной надписи, заложенной в фундамент, якобы достиг моря (см. *Dossin* 1955, с. 1—28).

⁶ Факт существования северной дороги, огибающей гору, ни в коем случае не уменьшает жизненной важности речного пути, имеющего непосредственное отношение к Мари.

⁷ Что, впрочем, как раз и вытекает из письма Итур-Ашду, опубликованного Ж. Доссеном (см. *Dossin* 1938, с. 117—118). Судя по этому письму, число подвластных им правителей было у Хаммурапи, царя Вавилона, Рим-Сина, царя Ларсы, Ибальпи-Эля, царя Эшнунны, Амутпи-Эля, царя Катаны, и Ярим-Лима, царя Ямхада, примерно одинаковым, что свидетельствует о приблизительно равной их силе. Но то обстоятельство, что Хаммурапи возглавляет список, дает основания предполагать, как считает Ж. Доссен, что он занимал по сравнению с другими в какой-то мере ведущее положение. (См. также *Munn-Rankin* 1956, с. 68—110.)

⁸ Пример, подтверждающий значение положения Мари в этой широкой торговле, дал Ж. Доссен: (*Dossin* 1970, с. 97—106).

⁹ См. работу: *Magueron* (в печати), а до ее выхода из печати — *Magueron* 1975, с. 53—85.

¹⁰ По правде говоря, связь между обоими сооружениями в опубликованных планах не так уж отчетливо выражена.

¹¹ Мне трудно согласиться с реконструкцией, предлагаемой А. Парро в его работе *Parrot 1974*, рис. 61, в том, что касается прохода в помещение, а также количества этажей в верхней части.

¹² Возможно, между стенками-реданами северного фасада могла находиться наклонная плоскость. Быть может, важную роль в этом деле играли также уступы восточного фасада?

¹³ Из-за прекращения раскопок не удалось узнать, было ли аналогичным устройство четвертого храма, обнаруженного на западе участка.

¹⁴ Этот же храм обнаружен также и в слое, соответствующем аморейскому периоду.

¹⁵ См. описание в *Parrot 1974*, с. 76 и сл.

¹⁶ Меня здесь интересует не архитектура этого сооружения как целого, то есть не его объемы, а его внутренняя организация.

¹⁷ П. Амье отчетливо показал, что в глиптике Мари обнаруживается сирийское влияние (см. *Amiet 1960*, с. 216—232; 1961, с. 1—6).

¹⁸ В металлической статуэтке из *Trésor d'Ur* (*Parrot 1968*, с. 16—18, табл. IV—V) черты сходства с сирийским материалом не обнаруживаются.

II. ЯЗЫК И ПИСЬМО

Дж. Буццеллати

ОЧЕРКИ ЭБЛАИТСКОЙ ГРАФЕМИКИ

1. ТЕОРИЯ ГРАФЕМИКИ

1.1. Графика, графемика, орфография

Термин «графемика» появился недавно, но изучение графемики имеет в ассириологической традиции глубокие корни. Тем не менее ее принципы и установки обычно остаются несформулированными и носят скорее стихийный, нежели систематический характер. С первых шагов нашей науки и по сей день нам постоянно приходится заниматься распознаванием значений отдельных знаков и соблюдением последовательности в записи. Это, с одной стороны, облегчает практическую работу по изданию текстов, а с другой стороны, способствует в известной мере пониманию самой системы клинописи. Недавнее открытие нового варианта применения этой системы, каковым является собрание табличек, обнаруженных в Эбле, дало счастливый повод обратиться к выяснению теоретических и практических пределов наших исследований — и именно этому посвящена настоящая статья.

Окончание *-эма* с его производным *-эмика* («графема», «графемика») употребляется в языкознании в самом определенном значении: это окончание соотносено с объектом, который (а) мыслится как часть самостоятельного целого или как составной член вполне определенной группы, (б) проверяется принадлежностью к полностью параллельной, замкнутой системе.

Фонема, например, представляет собой звук, обладающий некоторым контрастным значением в пределах данной серии звуков, которые только и являются смыслоразличительными. Таким образом, если фонемика имеет дело с замкнутой системой звуковых противопоставлений, определяемых в терминах параллельной системы

Giorgio Buccellati. Studies in Ebla graphemics, 1. Сокращенный текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia», Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

значений, фонетика занимается звуковым противопоставлением как открытой конечной системой. С точки зрения фонемики (phonemically) наличие противопоставления между звуками [i:] и [i] (как в английских словах sheep и ship) зависит от того, *можно ли определить их дистрибутивно как одновременно встречающиеся в двух параллельных, замкнутых системах*. Если можно, то это противопоставление является фонематическим, как в английском, если нельзя, то оно не является таковым, как, скажем, в итальянском. С точки зрения фонетики противопоставление между обоими звуками является абсолютным и может существовать также и в итальянском, хотя указанного фонематического противопоставления в нем нет.

То же разграничение может быть перенесено и на письмо. С одной стороны, той, которая как бы соответствует фонетике, мы имеем изучение отдельных знаков в их графическом облике; так, например, клинья, определяющие графический облик клинописи, могут быть длинными и короткими, вертикальными и горизонтальными, отдельными или определенным образом сгруппированными, глубоко вдавленными или неглубокими и т. д. С другой стороны... И здесь возникает вопрос, как мы должны поступить, чтобы выяснить наличие или отсутствие графемных противопоставлений. Сама природа этого понятия предполагает, как мы уже видели, чтобы было дано определение замкнутой в себе системы, дистрибутивно соотносительной с другой такой же системой. Отсюда следует, что СИСТЕМА ГРАФЕМ может быть определена как система, которая *включает все корреляции между знаками и системой фонем*. В свою очередь ГРАФЕМА — это *минимальная противопоставляемая единица* в пределах этой системы. В клинописной системе, например, различие клиньев по длине, вполне реальное с точки зрения графических или физических противопоставлений, не коррелируется с каким бы то ни было чередованием фонем. Между тем различие между вертикальной и горизонтальной ориентацией клиньев, помимо того, что оно вполне реально с точки зрения графического или физического противопоставления, оказывается также дистрибутивно скоррелированным с чередованием фонем. Например, различная ориентация двух знаков, Υ и Г , будучи реальной с точки зрения графических или физических противопоставлений, не имеет корреляции с чередованием фонем. Иначе говоря, сколько бы раз ни встречался Υ , знак, в котором он содержится, имеет то же самое фонемное значение, что и знак, содержащий Г , и наоборот: значение /diʃ/, например, может быть представлено графически либо

как , либо как , а /ma/ — либо как , либо как . С другой стороны, различная ориентация двух дру-

гих знаков, и , помимо того, что она реальна с точ-

ки зрения графического и физического противопоставления, оказывается еще скоррелированной с вполне определенным чередованием фонем. Иначе говоря, всякий раз, когда встречается знак

, он имеет значение, отличающееся от значения знака

, и наоборот: значение /diš/ представлено знаком , но не

знаком , а значение /aš/ представлено знаком , но не

. Именно путем выявления таких коррелирующих вариаций

были составлены традиционные списки знаков. Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, клинопись как *открытая графическая система* включает любые возможные комбинации клиновидных знаков, то есть и бессмысленные наброски, и декоративные рисунки, и графемы; с другой же стороны, клинопись как *замкнутая графемная система* включает только те комбинации клиновидных знаков, которые соотносятся с фонемными значениями.

Наряду с термином «графема», определение которого дано выше, мы будем пользоваться термином ГРАФ, чтобы обозначить любую комбинацию клиньев или других знаков, оттиснутых на глине, независимо от того, соответствуют они графеме или нет. Таким образом, граф может состоять из отдельного клина или группы клиньев, соответствующих графеме; он может состоять из графических меток, таких, как знаки препинания (например, двоеточие, или «Glossenkeil»); он может состоять из прямой линии, употребляемой для деления на строки и ячейки и наносимой стилем или шнуром; может состоять из бессмысленных набросков или декоративных рисунков, имеющих клиновидные очертания, и т. д. Изучение графов в их физическом проявлении можно называть ГРАФЕТИКОЙ по аналогии со словом «фонетика». Графетику в свою очередь можно разделить на графику и палеографию. В ГРАФИКЕ графы классифицируются по их формальным признакам, таким, как дукт или

степень изящества («каллиграфия»). В ПАЛЕОГРАФИИ графы классифицируются по хронологическому принципу.

Нормализованный граф, имеющий графемное значение, известен в ассириологии как ЗНАК. Следует помнить, что знак и графема являются понятиями близкими, но ни в коем случае не тождественными: «знак» подразумевает внешний облик графа, имеющего графемное значение, тогда как «графема» подразумевает исключительно ту минимальную единицу, которая объединяет фонемный аспект с графическим. Таким образом, термин «графема» является более широким, чем термин «знак».

Графы, представляющие одну и ту же графему, мы будем называть АЛЛОГРАФАМИ. Среди аллографов различаются свободные

варианты (например, , встречающиеся в од-

ном и том же тексте для MU, ср. TM.75.G.1452 л. 3 : 4 и л. 4 : 1, а также F o n z a g o l i 1980, рис. 9b), и комбинаторные варианты, если они встречаются в дополнительной дистрибуции (например, KI, если оно встречается изолированно, в отличие от KI, которое стоит в конце ячейки (F o n z a g o l i 1980, с. 36)). Особый тип комбинаторной аллографии представляют ОМОФОНЫ. Это различные знаки с тождественным фонологическим значением, такие, как KI и KI₁. Здесь перед нами одна графема, но два знака.

За графетикой и графемикой следует ОРФОГРАФИЯ, которую можно определить как стилистический выбор графем на уровне слов. В то время как графемика имеет дело с соответствием между графическим и фонемным уровнями, орфография занимается соответствием между графо-фонемным, или графемным, уровнем и уровнем лексическим. Орфографический отбор осуществляется на нескольких уровнях.

(1) Определяющим фактором графемного выбора может быть КОНКРЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ данной лексической единицы: так, независимо от того, сколькими способами может быть написан ряд фонем /bāb/, в значении 'Вавилон' /bāb ili/ он постоянно имеет вид KĀ.DINGIR.RA^{K1}, тогда как в значении 'врата бога' всегда пишется ba-ab DINGIR-lim (CAD B 19b). Подтип этой орфографической ситуации возникает, когда для получения искомого слова требуется определенное прочтение одного или нескольких знаков, как, например, в случае с топонимом DU-lu^{K1} в эблитских текстах, где первый знак предлагают читать GUB (см. ниже, 2.4.1).

(2) Определяющим фактором может быть ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ данной лексической единицы: в качестве типичного примера назовем семантические индикаторы (детерминативы), определяющие слово как принадлежащее к данному лексическому классу и могу-

щие при случае дать ключ к фонемному значению слова, например D En-lil /Enlil/ в отличие от EN.Lil^{K1} /Nibrul/.

(3) Определяющим фактором может быть фактор хронологический или географический или любая другая НЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ, которая изменяется вместе с данной дистрибуцией знаков в слове; так, слог bab имеет тенденцию встречаться в виде ba-áb в староассирийском и в виде ba-ab в старовавилонском (CAD B, с. 19 и сл.).

(4) Определяющий фактор может быть ГРАФО-ТАКТИЧЕСКИМ в том смысле, что определение графем осуществляется в соответствии с порядком размещения графем в границах слова: последовательность или соположение. В Эбле, например, знак NI не имеет значения li в инициальной позиции, так что предлог NI-па следует читать i-па, а не li-па (второе чтение можно было бы принять во внимание, только доказав его существование при помощи независимых критериев и рассматривая это чтение (li-па) как конкретное, полученное в соответствии с приведенным выше первым орфографическим условием; см. ниже, 2.4.1).

На основе определений, данных выше, можно уточнить некоторые другие термины. Так, из двух терминов «идеограмма» и ЛОГОГРАММА следует отдать предпочтение последнему, потому что он больше относится к фонемному уровню (лого-), чем к семантическому (идео-)*. Термин ЗНАЧЕНИЕ, когда речь идет об отдельном знаке, нужно предпочесть термину «чтение», потому что он указывает непосредственно на функцию отношения знаков в пределах системы, а не подразумевает, как это происходит с термином «чтение», определенную конфигурацию фонем. По той же причине термин ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ (ЗНАЧЕНИЕ) следует предпочесть термину «слоговое», так как последнее предполагает связь между знаком и слогом, а термин ПОЛИВАЛЕНТНОСТЬ — термину «полифония», потому что первый в последнее время показывает условное значение фонетической компоненты графемы.

1.2. Графемные правила

Необходимо рассмотреть не только графемы как наименьшие единицы системы, но и правила, которыми определяются взаимоотношения графем. Приведем несколько хорошо известных примеров. (1) Последовательный порядок, в котором могут сочетаться графемы, является правилом, потому что им устанавливается процедура размещения наименьших единиц: в типичном клинописном тексте

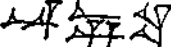
* Это спорно, ибо любой знак имеет, как правило, не одно, а несколько фонематических чтений, определяемых именно понятийной связью соответственных слов. Поэтому мы предлагаем сохранить термины «идеограмма». — *Прим. ред.*

пространственная (графемная) последовательность слева направо в пределах одной ячейки или одной строки соответствует временной (фонологической) последовательности высказывания от его начала до конца, то есть тексты читаются слева направо*. (2) Графемные границы последовательностей знаков, то есть ячеек или строк, совпадают с фонемными границами в начале и в конце слов, то есть слово обычно не разрывается, не переносится. (3) Некоторые типы тесных фонемных связей между словами находят отражение в графемном явлении связанных последовательностей, то есть в том, что предлог и слово, за ним следующее, не разделяются переносом.

В то время как приведенные примеры просты и довольно очевидны, правило, для иллюстрации которого они приведены, имеет существенные ответвления. Наиболее важное из них касается понятия поливалентности. Большинство клинописных знаков поливалентно в том смысле, что один и тот же знак может соответствовать двум

или более конфигурациям фонем: например, знак имеет

значения /ud/, /tam/, /ūmum/, /ūnim/ и т. д. Выбор между этими значениями производится не на основании самих этих графем, а скорее на основании графемных правил. То есть графема как минимальная единица фактически является группой, включающей все возможные относящиеся к ней значения, — иначе говоря, графема «поливалентна». Различие между значениями не является функцией минимальной единицы как таковой, а скорее представляет собой функцию вероятностей ее сочетания с другими примыкающими к ней минимальными единицами. Даны два ряда графем:

(1) an ni UD

(2) i na UD

Два разных значения знака определяются двумя разными

типами группировки графем, которые делают /tam/ единственно возможным значением в первом примере, а /ūnim/ — единственно возможным значением во втором примере. Разные значения знака выявляются в результате применения дистрибутивных графемных правил — или, иначе говоря, разные значения знака обусловлены контекстом (об этом и о нижеследующем см. Reiner 1973, с. 3—58).

Это различие между графемами и графемными правилами имеет

* Ср. заключительную статью, с. 323 и сл.— *Прим. ред.*

более важные следствия, чем может показаться сначала. Чтобы проиллюстрировать это положение, приведем другой пример. Рассматривая последовательность

и ра га аs,

можно решить, что знак РА имеет значение /rag/, потому

что этому графемному ряду соответствует фонемная конфигурация

/iragras/. Логически значение знака PAR_x для РА находится

на том же уровне, что и ТАМ для UD. Оба значения имеют

одинаковое фонемное воплощение, и оба являются производными от положения соответствующей графемы относительно других графем в некоторой последовательности. Иными словами, здесь перед нами графемное правило, касающееся порядка следования графем, который определяет существование двух данных значений.

Должны ли мы, исходя из этого, вводить значение rag_x для знака

РА, а также для всех аналогичных случаев? Конечно, нет:

силлабарий, построенный на подобной основе, будучи в принципе логичным, оказался бы крайне громоздким. Предложенный пример может, таким образом, служить в качестве *reductio ad absurdum**, показывая природу и справедливость концепции графемных правил. Предлагать rag_x в качестве графемы не следует, ибо этому мешает правило, которое обычно лишь подразумевается, однако может быть сформулировано следующим образом: любое значение знака, оканчивающееся на гласный, если за ним в границах слова следует другой знак, содержит факультативную долготу согласного, которая может быть передана согласному следующего знака; запись этого правила в виде формулы имеет следующий вид: (C)Г(→)̄. И наоборот, случай типа t̄ag-kab-b̄u (см. ниже, 2.4.1) содержит кажущееся указание на долготу согласного: должны ли мы вводить значение ka_x для КАВ, чтобы предотвратить указанное заблуждение? Нет, это тоже было бы лишним. Мы можем ввести взамен правило, согласно которому значение знака, имеющее конфигурацию (CГC)CГC, позволяет отказаться от последнего согласного, если за ним в границах слова следует значение знака, начинающееся с того же

* Приема приведения к противоречию (лат.). — Прим. перев.

согласного; запись этого правила в виде формулы имеет следующий вид: $(\text{СГС})\text{СГС}_1\text{-С}_1$.

А как быть в тех случаях, когда группа значений для одного и того же знака зависит от чередования фонем, принадлежащих к одному и тому же классу? Например, значения, начинающиеся с глухого смычного, могут чередоваться со значением, имеющим в инициальной позиции звонкие смычные того же места артикуляции: здесь ассирнологическая традиция в отличие от случая с pa_x (РА) предусматривает разные значения, например ta и $\text{d}á$ для ТА. Аналогичным образом обстоит дело со значениями, содержащими гласный i , который может также выступать со значением e , например $i\check{s}$ и $e\check{s}$ для ІЅ. Это случаи, в которых применение определенных сформулированных графемных правил на уровне графемной записи сложилось уже в ассирнологической традиции. Из-за увеличения количества текстов и данных, полученных в результате лингвистического анализа, при записи графемных правил с помощью графемных значений стали возникать некоторые проблемы. Например, в связи с Эбдой Фрондзароли поставил вопрос, следует ли группы знаков ŠA, ŠI, ŠU, ŠUM транслитерировать ta/da , ti/di и т. д. или же продолжать придерживаться традиционного написания $\check{s}a$, $\check{s}i$, $\check{s}u$, $\check{s}um$, перенося собственно фонемное преобразование на последующий этап, связанный с применением графемных правил (F r o z a g o l i 1979, с. 87—89). В первом случае мы будем способствовать количественному росту (пролиферации) значений, следуя в этом отношении за фон Зоденом и Рёллигом; а во втором случае получим так называемые простейшие значения, за которые особенно ратует Гельб. На самом же деле оба подхода зависят от избранной точки зрения и с нижеследующими оговорками одинаково оправданы. Значения знаков должны ясно осознаваться как значения, иными словами, должна присутствовать ясная оценка обуславливающих факторов, будь то фонемных, лексических или контекстуальных: тогда так называемая пролиферация не будет искажением фактов, а просто типом записи, внедряющим графемные правила в значения графем. Между тем так называемые простейшие значения обладают подлинной простотой не в большей степени, чем любые другие значения: они представляют собой символы групп значений; их использование подразумевает необходимость соответствующего выбора, осуществляемого при помощи коррелятивных графемных правил; тот, кто выбирает этот способ транслитерации, должен недвусмысленно сформулировать правила корреляции графем, действующие на самом деле.

В заключение следует остановиться на вопросе о распространенных типах записи с учетом графемных правил. Ответ на этот вопрос можно свести к трем пунктам.

(1) Самые очевидные и наиболее употребительные правила находят выражение в стандартной записи, не связанной с графемами как таковыми, как, например, правила, приведенные в начале данного раздела, гласящие, что «порядок следования графем выражается при помощи условно принятой транслитерации знаков слева направо» или что «границы графем в начале и в конце строки текста выражаются некоторыми графическими приемами, такими, например, как свободное место».

(2) Менее очевидные и не столь часто употребляемые правила выражаются чередующимися значениями, представляющими собой часть инвентарного списка графем: таковы, например, *ta* и *dá* для *TA*, *iš* и *eš₁*, для *IŠ*.

(3) Правила, занимающие промежуточное положение между этими двумя крайностями, обычно вообще не находят выражения в транслитерации, как в случае *i-ra-ra-as* или *tár-kab-bù*.

В конечном итоге транслитерацию следует рассматривать как гибридную систему записи, потому что, с одной стороны, она дает полное отождествление графем, но, с другой стороны, не обеспечивает полного отождествления графемных правил (эти правила вытекают большей частью из самих графем, но в некоторых случаях запись не фиксирует графемные правила как таковые). Эта ситуация оказывается совершенно безобидной, если транслитерацию делают по типовым значениям, не вдаваясь в фонемные уточнения, требующие применения соответствующих графемных правил.

[Далее автор говорит о необходимости пографемного анализа текста.]

Одним из преимуществ пографемного анализа является большой объем получаемых данных, благодаря которому начинают более четко вырисовываться дистрибутивные модели. Мы располагаем буквально миллионами единиц информации, встречающихся в различном окружении. Точную количественную оценку такого изобилия данных можно получить, как мы увидим, применяя при исследовании текстов электронно-вычислительную технику. Это дает возможность подвергнуть проверке огромный объем информации, воспользовавшись самыми разнообразными процедурами, и позволяет осуществить поистине микроскопический анализ целого макромира. Кроме того — и это самое важное, — подобная процедура зависит не только от наличия средств ЭВМ; она также требует новых *технических* приемов, позволяющих осуществить более точную категоризацию данных. Но именно эта высокая степень формализации кажется особенно непривлекательной в деле применения ЭВМ к нашим данным. Она смущает нас даже больше, чем технические затруднения или трепет перед машиной. И тем не менее только таким путем мы можем добиться более адекватного структурального конт-

роля и, следовательно, в конечном счете лучшего понимания применительно к *тем же* целям, которые мы ставим себе при традиционном подходе. Я попытаюсь показать ниже, в частности на текстах из Эблы, как можно осуществить на практике это тонкое взаимодействие между абстрактной формализацией и подлинным пониманием. Прежде всего я хотел бы обрисовать в общих чертах некоторые стороны моей исследовательской стратегии, лежащие в основе настоящей статьи.

1.3. Исследовательская стратегия

Одним из преимуществ теоретической эксплицитности является возможность четко различать уровни анализа. Одно это дало бы значительную отдачу даже на практическом уровне и эмпирически оправдало бы отвлеченные рассуждения относительно теоретических предпосылок. Как часто бывает, теоретические экскурсы, предлагаемые ниже, представляют собой не самоцель, а скорее стремление определить концепцию, лежащую в основе исследования, которое на самом деле ориентировано на текст и в конечном счете весьма эффективно при практическом применении.

Эта статья фигурирует здесь в рамках широкого обсуждения исследований, посвященных текстам из Эблы, именно потому, что предназначена в конечном счете служить филологическим целям. Задуманная в известной мере как рабочее сообщение, подготовленное к встрече Международного комитета по публикации текстов из Эблы, настоящая статья (во 2-й части) содержит описание группы исследовательских приемов, которые я предлагаю Комитету: это касается, в частности, конкорданций и указателей, описанных ниже, в 2.1., которые, надеюсь, смогут стать стандартными массивами информации (файлами) Комитета. Таким образом, дальнейшие выпуски настоящих «Очерков эблантской графемики» будут одновременно информировать коллег о ходе работы по реализации практической стороны проекта, описываемой ниже.

Практические соображения, изложенные в 3-й части, призваны продемонстрировать специфические аналитические результаты, которые могут быть получены при помощи операций и приемов, описанных здесь. Дальнейшие «Очерки эблантской графемики», для которых настоящая статья призвана служить введением, будут все в большей степени представлять собой отдельные самостоятельные выпуски, в которых наряду с наблюдениями будет представлена достоверная документальная основа.

Наконец, следует подчеркнуть, что, хотя настоящая статья и фигурирует в рамках исследования текстов из Эблы, ее предпосылки и сопутствующее техническое обеспечение восходят к долговременному исследовательскому проекту, связанному с применением

ЭВМ в работе с месопотамскими материалами. (Литературу относительно целей и результатов этого проекта см. в оригинальном издании.) Таким образом, мой интерес к эблаитской графемике связан с проблемами, выходящими за пределы эблаитского корпуса, что дает более широкий обзор и благотворно влияет на выбор соответствующих методов, а также уже имеющихся вспомогательных технических средств и в конечном счете приводит к более совершенным методам анализа.

Принятый здесь подход к обработке данных имел двойную задачу: многоцелевое кодирование, с одной стороны, и многоуровневое структурирование — с другой. Первое соответствовало потребности в строгой экономии использования всех звеньев системы с целью широкого применения данных при минимальном количестве отрывочных решений и решений ad hoc. Второе же было вызвано желанием получить результаты в пригодном для публикации виде, но формализованными настолько, чтобы обеспечить работу в диалоге с самой машиной.

2. ПРАКТИКА ГРАФЕМНОГО АНАЛИЗА

2. 1. Предварительные замечания

Потребности дистрибутивного и структурного анализа лучше всего удовлетворяются различными типами выходов, которые предназначались в свое время для изучения клинописных текстов вообще и были приняты для эблаитского корпуса в частности. В итоге возникли новые по своей конфигурации технические средства, нуждающиеся в объяснении, которое может быть найдено ниже, вместе с примерами, иллюстрирующими доступные в настоящее время формы выдачи результатов. Данные извлечены из предварительно составленного корпуса, включающего 156 текстов, использованных в полном объеме, как только они были опубликованы или стали доступны в рукописной форме; эти тексты подразделяются следующим образом:

135 административных текстов

5 писем

4 словарных текста

2 списка

1 математический текст

9 текстов неизвестного или неясного характера

Кроме того, имеется еще группа эблаитских личных имен (EPNS = Ebla personal names), которые были учтены без контекста и также введены в базу данных. В примерах, приводимых ниже, ссылки на тексты даются по их полевым номерам, а ссылки на соответствующие

публикации — при помощи ссылки на указатели, включенные в полный перечень выходов.

Общее количество вхождений (случаев употребления) знаков, обнаруженное в упомянутых 156 текстах, равно 22 321, включая знаки для цифр. Путем сравнения мы можем установить, что это количество лишь немногим меньше половины общего количества случаев употребления знаков в аккадских письмах из Эль-Амарны (57 502, см. ниже).

Общее количество учетных единиц, то есть отдельных знаков, равно 283, что вполне сравнимо с соответствующим числом других корпусов, относящихся к разным регионам и разным периодам (об этом также см. ниже).

Предлагаемая выборка, конечно, невелика, в известной мере неоднородна по своему составу и лишена каких-либо особых критериев отбора, помимо наличия данного знака в определенный момент времени. Однако и такой выборки достаточно, чтобы показать средства и процедуры, применение которых намечено нами.

2.2. Распределение по категориям

Основным средством графемного анализа является система распределения по категориям, которая заносит в список каждый знак вместе с его непосредственным окружением. Эта система категоризации создается в трех конфигурациях: в то время как сами данные и основные принципы категоризации остаются теми же, критерии сортировки и степень использования документальных данных меняются в каждом случае так, чтобы обеспечить на выходе дополнительные результаты, которые можно использовать для поисков разного типа, причем некоторые из них могут оказаться более удобными для публикаций обычного типа.

Главным инструментом распределения по категориям является **КОНКОРДАНЦИЯ ЗНАКОВ**. Она основывается на сортировке по единицам из трех знаков каждая; все отрезки текста, содержащие соответствующую трехзнаковую единицу, приводятся *in extenso* *, будучи произвольно отрезаны слева и справа в соответствии с условным оформлением ключевых слов в контексте (KWIC=key words in context). Сортировка на единицы определяется формой клинописных знаков; сортировка внутри единиц определяется сперва транслитерацией самой трехзнаковой единицы, а затем ссылками на тексты в возрастающем порядке их полевых номеров. Сочетание трех знаков в каждой единице дается в последовательности, которая основана на графическом размещении, принятом в ассириологии.

* Полностью (лат.). — Прим. ред.

Наиболее интересным для графемного анализа является то обстоятельство, что каждый отдельный знак учитывается в соответствии с его графической формой и разбиением (подразделением) значений, а также дальнейшим разбиением, основанным на специфическом графемном контексте, определяемом через два знака, встречающихся справа от рассматриваемого знака. Такие списки обеспечивают быструю и всестороннюю проверку всех сочетаний знаков, возможных в пределах данного корпуса, позволяя проверить, насколько действительны графемные правила в рамках последовательного размещения знаков.

Приведенное описание Конкорданции показывает, что поскольку сортировка осуществляется не по значениям знаков, взятых в алфавитном порядке, а по их форме, то необходимость в нормализации чтений отпадает; не нужна она и для того, чтобы выявить и собрать все случаи встречаемости данного знака. Наша транслитерация следует за предложенной в издании или в рукописи: ведь окончательный выбор транслитерационных обозначений должен стать функцией дальнейшего графемного анализа. Следует напомнить, что одним из преимуществ формализации данных, заложенных в базу для последующего их анализа на ЭВМ, как раз и является легкость их обновления; таким образом, Конкорданция в таком оформлении может служить постоянно действующим рабочим инструментом, неизменно обновляемым как в смысле пополнения новыми данными, так и в смысле новой интерпретации уже имеющихся. В том как раз и состоит главная практическая польза Конкорданции для Комитета и всех ученых, занимающихся публикацией текстов, что Конкорданция всегда находится в их распоряжении как общедоступная картотека, включающая все случаи употребления всех знаков, рассортированных по графическому облику и приводимых в каждом случае вместе с их непосредственным окружением. С первого взгляда нетрудно заметить, что Конкорданция знаков включает также и лексическую конкорданцию, притом не обремененную расхождениями во мнениях относительно выбора значений знаков. Отметим также, что с точки зрения практического использования очень важным преимуществом Конкорданции по сравнению с другими типами картотек является легкость изготовления копий, будь то на магнитной ленте или на бумаге.

Другой важной особенностью Конкорданции, существенной с филологической точки зрения, является та помощь, которую она может оказать при восстановлении отбитых, поврежденных или непонятных мест в текстах. Там, где есть параллельные места (или даже точные совпадения, встречающиеся в текстах, составленных по определенному формуляру), последовательность небольшого количества знаков без контекста вряд ли может состязаться с точки

рения возможностей отождествления с последовательностью знаков, для которой контекст известен.

Программа, создающая Конкорданцию, сейчас уже действует. Для эблайтских текстов, перечисленных выше, создан том в 781 страницу. Полный объем результатов невозможно издать обычным способом на бумаге — в особенности если учесть, что 781 страница эблайтского тома представляет собой исходные данные, недостаточные для какого бы то ни было осмысленного анализа с помощью графемных или других методов исследования.

Таким образом, публикация Конкорданции будет, как правило, осуществляться в форме микрофишей или на магнитной ленте.

Другие два выходных формата, касающиеся распределения графем по категориям, предназначены отчасти для того, чтобы обойти проблему объема: они выпускаются в форме указателей к Конкорданции с одновременным использованием слегка отличающихся критериев сортировки. ИНДЕКС ЗНАКОВ, так же как и Конкорданция, включает все трехзначные единицы, ограничивая, однако, размер словарного контекста, в котором каждая из них встречается. Ввиду того что ссылки не приводятся, предлагаемые контексты уже, а совпадающие ссылки опущены вовсе, конечный объем значительно сокращается: так, одна страница индекса соответствует 10 страницам Конкорданции, хотя исходная информация остается той же самой, разве только что текст нельзя проверить по ссылкам (для этого нужно обращаться к самой Конкорданции или же косвенно к Индексу слов, о котором сейчас пойдет речь). Различие в способе сортировки обеспечивает углубленное понимание, так как Индекс знаков открывает дополнительные возможности наблюдения, позволяя, например, с одного взгляда охватить распределение трехзначных единиц по словам, чего в рамках Конкорданции сразу сделать нельзя.

ИНДЕКС СЛОВ включает все слова в алфавитном порядке и дает все ссылки, но без контекста. Индекс слов может быть использован для лексикологических целей, хотя сделана лишь предварительная сортировка без морфологического анализа, слова взяты в том виде, в котором встречаются. Другая функция Индекса слов состоит в том, чтобы дополнять Индекс знаков, так как от конкретного знака в Индексе знаков можно перейти к соответствующему слову в Индексе слов и таким образом получить перечень ссылок. Однако для того, чтобы посмотреть контексты, все равно придется обратиться к Конкорданции.

2.3. Анализ

Распределение по категориям, описанное выше, дает первичный анализ данных — классификацию графем с полным ее обоснова-

нием — и определенный тип сортировки, предназначенный для того, чтобы служить исследователю в качестве инструмента для получения информации от машины. Анализ на более высоком уровне с более сложными усовершенствованиями, о которых мы скажем позже, был начат в форме вычислений частот встречаемости графем.

Основная сортировка состоит из четырех типов табуляции. Две табуляции включают перечень графем в виде знаков, причем первая табуляция использует общепринятый списочный порядок клинописных знаков, учитывающий их форму, а вторая пользуется последовательностью, соответствующей частоте, с которой встречается соответствующий знак, в нисходящем порядке. Другие две табуляции включают список графем в виде их собственных значений, либо фонологических, либо логографических, сначала в алфавитном порядке, затем в порядке их убывающей частоты. Графемное значение этого анализа состоит в том, что он позволяет исследовать распределение частотных диапазонов в пределах больших корпусов текстов и сравнить эти тексты между собой применительно к уровню инвентаря их графем (подробности, касающиеся эблаитского материала, см. ниже, 2.4.2).

Помимо машинной обработки на уровне списка, с помощью описанных средств можно также предпринять и графемный анализ на уровне текста. Интересным представляется его применение в соответствии с так называемым ПРАВИЛОМ КОВАРИАЦИИ. Если вникнуть во все разнообразные случаи чередования значений одной и той же трехзнаковой единицы, то окажется, что в общем они редки. Правило может быть сформулировано следующим образом: в однородном корпусе последовательность из трех знаков сводит возможность поливалентности каждого отдельно взятого знака к минимуму. Для исследуемого эблаитского корпуса имеется небольшое число исключений: трехзнаковые сочетания, которые, вероятно, могут быть прочтены тремя различными способами. Именно с учетом этого правила в качестве базисной единицы распределения знаков по категориям было избрано трехзнаковое сочетание. (Правило ковариации, приведенное выше, в принципе сходно с понятием алгоритма, предложенным Райнер в 1973 г. См. R e i n e r 1973.)

2.4. Эблаитская графемика: важные предварительные сообщения

2.4.1. Уровень текста

Графемный анализ, описанный выше в целях иллюстрации применения его к эблаитскому материалу, на самом деле имеет общее значение: предложенные средства пригодны для графемного анализа любого корпуса клинописных текстов, требуя лишь немногих

приспособительных изменений. Теперь мы бы хотели обратиться к эблантской графемике в более узком смысле, чтобы показать, как предложенные средства категоризации и анализа графем могут быть применены к решению частных проблем. Мы рассмотрим графемiku сначала на уровне текста, а затем на уровне списка (инвентаря) графем.

Как указывалось выше, отдельные значения определенных знаков могут обуславливаться лексическим фактором или фактором последовательности: назовем их **ФОНО-ЛЕКСИЧЕСКИМИ** и **ФОНО-ТАКТИЧЕСКИМИ** значениями.

В качестве примера для первых рассмотрим топоним $Du-lu^{K1}$. Знак DU был прочитан Дж. Петтинато как GUB , а топоним понят как $/Gublul/$, то есть 'Библ'. С графемной точки зрения об этом можно сказать следующее. Указанный знак широко употребляется в Эбле: он встречается в нашем своде 206 раз. И нигде значение GUB не соответствует контексту, кроме, быть может, слова, о котором здесь идет речь. С точки зрения структурной это частное значение возможно: в семитской части нашего эблантского корпуса засвидетельствовано 53 знака типа CGC , но лишь семь из них оканчиваются на взрывной согласный, в том числе четыре действительно на B . Таким образом, графемные данные подтверждают, что значение GUB по структурным соображениям возможно, но с точки зрения дистрибуции оно может быть приемлемо только в качестве фоно-лексического значения, предполагающего, что чтение $GUB-lu^{K1}$ подтверждается каким-либо другим образом (что не кажется вероятным, ср. $A\ g\ s\ h\ i$ 1980, с. 3).

В качестве примера фоно-тактических значений обратимся к случаю, уже рассмотренному П. Фрондзароли. Он отрицает значение $/li/$ для NI в предлоге NI -па, который он читает i -па, потому что знак NI со значением li больше нигде не засвидетельствован в начале слова (Фрондзароли 1979, § 2; Фрондзароли 1979а, с. 11). Проверять утверждения такого рода по мере увеличения объема изданных текстов становится все труднее: об отрицательных данных, то есть о «несуществовании» определенного графемического факта, трудно заявлять, не располагая сортировкой типа той, которую обеспечивает Конкорданция указателя знаков. Зато с помощью инструмента такого рода утверждение Фрондзароли может быть проверено и количественно оценено в мгновение ока: из 545 случаев, в которых встречается (в нашем корпусе) знак NI , 210 приходятся на начало слова, и нигде со значением $/li/$.

Среди **ГРАФЕМНЫХ ПАРАДИГМ** разного типа есть такая, которая включает группы **ГРАФЕМНЫХ АЛЬТЕРНАНТОВ** для одних и тех же фонемных конфигураций. Сделав выдержку из подсчета полученного на машине каталога частот, вычисленных на основа-

ний нашего корпуса, мы берем графическую парадигму чередующихся графемных передач той же группы фонем (/ya/). Эта парадигма составлена в соответствии с позиционными классами (позиция в начале, в середине или в конце слова). Наш корпус показывает, что начальное /ya/ не бывает выражено только одним знаком NI — правда, оказалось, что это значение как будто найдено в других текстах, еще не введенных в нашу базу данных (см. F r o p z a r o l i 1979a, с. 72). Выясняется также, что конечное /ya/ не бывает выражено знаками I-A и что знак WA может употребляться со значением /ya₃/, которое, впрочем, является редким и более поздним. Выигрыш состоит в том, что при использовании Конкорданции знаков парадигмы такого рода могут быть извлечены с легкостью и с исчерпывающей полнотой. Это связано с тем, что Конкорданция и Индекс знаков позволяют получить при помощи быстрого ручного поиска полную картину всех случаев совместного употребления и дистрибуции.

Так же легко можно получить и парадигму ПРАВИЛ СЦЕПЛЕНИЯ ГРАФЕМ. При визуальном сканировании Конкорданции или Индекса знаков с целью нахождения сведений о знаках типа (СГС) СГС можно быстро выбирать все случаи, в которых два одинаковых согласных следуют друг за другом на границах знаков. Остается поставить графемный вопрос, используется ли последовательность ...C₁ · C₁... для выражения долгого согласного или нет. Собранные примеры демонстрируют случаи, в которых такая последовательность может свидетельствовать о долготе фонем, но на деле скорее выполняет функцию фонологического индикатора (комплемента) либо для семитских слов (I-a-bur-ru₃, Tār-kab-bù, Puzur₄-ga-), либо для шумерских детерминативов (-dingir-ra-).

2.4.2. Уровень инвентаря графем

При взгляде на список эблантского корпуса как на структурное целое, сопоставимое с инвентарями других клинописных корпусов, можно сравнить распределение частоты диапазонов в пределах различных корпусов и тем самым получить представление о степени экономии, присущей системе графем каждого из них. Аналогичный подход был уже описан для неэблантских корпусов в работе автора, предназначенной для сборника в честь Шеффера (В и с с е - П a t i 1979, с. 89—100). Все они чужеродны по отношению к эблантскому корпусу, но однородны между собой: речь идет о письмах из разных регионов (собственно Вавилония, Север и Запад) и разных эпох (старовавилонский и эль-Амарнский периоды), различающихся также и по размерам. Таким образом, имеется достаточная «диспер-

сия», придающая тем больший вес полученным результатам, в особенности неожиданно высокой степени однородности различных инвентарей графем.

Первая группа цифр относится ко всеобщему РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ЧАСТОТ между корпусами. Здесь общий список знаков всех шести корпусов разбит на три категории, которые я называю категориями Частых, Обычных и Редких знаков. Числовые параметры, использованные для определения этих категорий, выбраны таким образом, что в качестве частых определены те знаки, встречаемость которых составляет больше 1% свода; в качестве обычных — те, встречаемость которых составляет от 0,1% до 1%; в качестве редких — знаки со встречаемостью менее 0,1%. Можно убедиться, что распределение диапазона частот остается одинаковым во всех корпусах, хотя сами знаки, соответствующие этим диапазонам, как мы сейчас увидим, довольно сильно разнятся от корпуса к корпусу. Это значит, что во всех корпусах, приведенных здесь, действует в какой-то мере однородный принцип экономии. Этот принцип проявляется в том, что порог между более редкими и более частыми знаками остается в известной степени постоянным, будь то в инвентаре, будь то в корпусе; с точки зрения параметров, выбранных здесь, около половины всех употребляемых знаков являются редкими и около 10% — частыми во всех рассмотренных сводах.

НАЛОЖЕНИЕ ИНВЕНТАРЕЙ отвечает на разные вопросы. Если исходить из факта, что, будучи взяты каждый сам по себе, корпуса обнаруживают известный параллелизм в проявлении присущей им экономии графем, возникает вопрос, в какой мере они перекрывают друг друга с точки зрения действительного употребления определенных знаков. Любопытно, что совпадение оказывается большим, чем можно было ожидать. С указанной целью я сравнил семь корпусов, присовокупив к уже упомянутым еще староаккадский в силу его близости к эблайтскому. Поскольку при составлении этой отдельной таблицы я рассматривал разные списки как самостоятельное целое и не принимал в расчет диапазоны частот, постольку староаккадский я смог включить по данным, приведенным в MAD 3. Сводный список всех семи корпусов содержит 355 знаков; 30 из них — знаки для цифр, обнаруженные главным образом в эблайтском корпусе. Из названной общей суммы 136 знаков встречаются во всех семи корпусах, а 45 знаков — в шести корпусах. Это означает, что примерно половина всех знаков имеется во всех или почти во всех корпусах. Если же остановиться на тех знаках, которые засвидетельствованы в меньшем количестве корпусов, то мы не обнаружим данных о частных разбиениях на группы. Следует особо отметить отсутствие данных, которые бы показывали, что какие-либо корпуса ближе друг другу, чем остальные, допустим

эблайтский и староаккадский или старовавилонский и сирийский аккадский.

Именно по этой причине мы должны искать данные, которые позволили бы противопоставить корпусы друг другу на ином, более дифференцированном уровне. Мы сможем сделать это, снова предпочтя исследование частотных диапазонов, на этот раз применительно к отдельным знакам. Картина, которая при этом получается, представляет собой ГРАФЕМНУЮ ВЫБОРКУ двадцати пяти знаков, общих для шести корпусов. Помимо толкования, предложенного автором в статье сборника в честь Шеффера (см. *V i s s e l l a t i* 1979), я хотел бы здесь обратить внимание на то, что в свете новых данных, касающихся Эблы, ее корпус обычно больше отличается от пяти прочих, чем любой другой корпус от остальных. Конечно, нельзя не признать, что значения графем смешанны, поскольку графемная выборка, приведенная здесь, скорее относится к знакам, чем к значениям, но все-таки полученные результаты, несомненно, показательны для оценки возможностей самого метода. Он обладает большой классифицирующей силой и позволяет надеяться, что, применяя этот метод для более узкой шкалы и в сочетании с автоматическими процедурами поиска, его можно будет использовать для отождествления КОРПУСОВ ГРАФЕМ, то есть таких корпусов, в которых общие особенности графем будут отделены от различительных, вследствие чего эти корпусы будут иными, нежели те корпусы, которые отождествлены на основе лингвистических, просопографических, археологических или других критериев.

3. БЛАГОДАРНОСТИ

Компьютеризация данных эблайтского корпуса, использованная в настоящей статье, была осуществлена под руководством Мэтью Л. Яффе и Джудит Р. Поль. Ими же были составлены соответствующие программы. Анализ данных проделан в семинаре при Калифорнийском университете зимой и летом 1980 года под руководством автора. Исходное программирование для графемного анализа осуществлено Джоном Ситтлзом, а разнообразные дополнительные программы, в которых возникла необходимость по ходу работы, были составлены Дэвидом Хольцгэнгом с помощью Джудит Поль.

ЗАМЕТКИ О ПАЛЕОГРАФИИ ТЕКСТОВ ИЗ ЭБЛЫ

Одной из весьма многочисленных проблем, поставленных царскими архивами из Эблы, является проблема хронологии. Предположительно, а иногда и в категорической форме предлагались самые нелепые даты, но проблема так и осталась нерешенной. Полезно было бы взяться за нее снова, исходя из серьезных предположений. Датировка собрания письменных памятников может опираться либо на исторические синхронизмы, вытекающие из текстов, либо на изучение палеографии. Если же такое собрание, как в данном случае, происходит из систематических раскопок, то прибавляются данные стратиграфии и сравнительного изучения археологических источников.

С момента сенсационных, даже слишком сенсационных сообщений о содержании табличек, найденных в Телль-Мардихе, недостаток в синхронизмах не было. Доходило до ссылок на мифические персонажи, как, например, на Эбера *, или на такие исторические персонажи, как Саргон и Нарам-Суэн или даже Тудия — первый из тех семнадцати ассирийских царей, «которые жили в шатрах». К сожалению, большая часть этих синхронизмов оказалась несостоятельной и пользуется поддержкой только тех ученых, у которых имеются личные причины упорствовать в своих фантазиях. В целом же такого рода синхронизмы либо отвергнуты, молча или гласно, даже теми, кто их провозглашал, либо опровергнуты исследователями, которые менее других заботились о том, чтобы во что бы то ни стало сохранять некогда занятые ошибочные позиции.

Edmond Sollberger. Notes sur la paléographie des textes d'Ebla. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla», Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

* По библейским генеалогиям Эбер (дословно 'переход [через реку]') — предок Авраама, который сам считался предком еврейских, арабских и арамейских племен. — *Прим. ред.*

Однако отдельные синхронизмы сохраняют силу; именно так обстоит дело с синхронизмом между царем Эблы, имя которого неизвестно, и Иблул-Илем *, царем Мари; этот синхронизм установлен благодаря знаменитому письму Энна-Дагана¹. Однако для того, чтобы синхронизм можно было признать, нужно, чтобы по меньшей мере одно из сопоставляемых явлений было датировано само по себе. К сожалению, дата правления Иблул-Иля известна весьма приблизительно, ее лишь с некоторой степенью вероятности относят к концу досаргоновского периода (Kupfer, Solinger 1971, прим. 1). Таким образом, в нашем распоряжении остаются только палеография и археология. Здесь я займусь первой, но начать мне хотелось бы с предостережения.

Широкое географическое распространение клинописи, этническое разнообразие народов, пользовавшихся ею, и различие в уровне их культуры — все это привело к тому, что развитие клинописи не шло неукоснительно по пути линейной эволюции, а происходило параллельно в разных местах и притом в самом различном темпе. Таким образом, данные палеографии сами по себе дают лишь некий намек, который нуждается в уточнении при помощи других критериев. Ограничимся здесь одним примером, отметив, что при сравнении надписей на камне или текстов на глине Лугаль-заге-си из Уммы, с одной стороны, и Э-ана-тума или Уру-ка-гины из Лагаша², с другой, трудно поверить, что Лугаль-заге-си правил позже, чем Э-ана-тум, и был современником Уру-ка-гины.

Мне хотелось бы также подчеркнуть, что я еще весьма далек от завершения работы по изучению палеографии текстов из Эблы. Пока речь может идти скорее о предварительной разведке, тогда как настоящее систематическое изучение еще впереди. В силу сложившихся обстоятельств я вел свое исследование на материале тридцати восьми текстов, фотографиями которых я располагаю, причем с несколькими из них я смог ознакомиться в Музее города Алеппо в октябре 1979 г.³ Тридцать восемь текстов из общего количества около семнадцати с половиной тысяч⁴, — разумеется, капля в море, но кто хоть сколько-нибудь близко знаком с текстами из Эблы, знает, что и в этом небольшом количестве их свободно может поместиться несколько тысяч клинописных знаков, что достаточно, по крайней мере, для предварительного изучения.

Впервые мне довелось встретиться с текстами из Эблы в феврале 1977 г., когда находившийся в научной командировке в Британском музее профессор Петгинато любезно познакомил меня, правда, весьма торопливо, с довольно большим количеством фотографий. В то время мне сразу бросились в глаза два факта. Во-первых, осо-

* В другом чтении — Иплул-Илем.— Прим. ред.

бая форма знака PA, хорошо известная по текстам из Фары, где вместо одного большого вертикального клина, в классической форме знака пересекающего два горизонтальных клина, имеются два маленьких вертикальных клинышка, — один над горизонтальными клиньями, а другой под ними. Во-вторых, глагольная форма *šu ba-ti* 'получил', имеющая для префикса *ba* написание *MAL (=ba₁)*, также характерное для текстов из Фары (см. Sollberger 1951, с. 111). Эти факты позволили мне, так же как и Петтинато, прийти к выводу, что тексты из Эблы относятся к тому же времени, что и тексты из Фары. Но более углубленное изучение тридцати восьми текстов заставило меня в дальнейшем пересмотреть этот вывод.

Прежде всего заметим, что некоторые знаки в Эбле имеют форму, которая кажется более архаичной, чем в Фаре; это, например, SAG (1) ⁵ и KA (2). Другие знаки встречаются в данном или лишь слегка измененном виде либо только в Эбле, либо только в Фаре (или в Абу-Салабихе): это TILMUN (3), LAK (4) и еще знак, который Петтинато без каких-либо объяснений читает MI+ŠITA₁ (5). Наконец, форма ряда знаков, таких как GI (6), ZI (7), GU (8), LÜ (9), MU (10), TI (11), BAL (12), HA (13), EN (14), TUM (15), NA (16), явно менее архаична в Эбле, нежели в Фаре.

Нетрудно заметить также, что значительное количество знаков, общих для Эблы и для Фары, засвидетельствованы и в последующие периоды: так, PA (17) и PI (18) встречаются в текстах из Ниппура начала эпохи саргонидов, а ŠE (19), LI (20) и IN (21) — в текстах времени Лугаль заге-си.

Знак SU (22), который никогда не смешивается с ZU, как это происходит вплоть до эпохи Уру-ка-гины, всегда пишется с двумя параллельными горизонтальными клиньями, а не с двумя пересекающимися клиньями, как это имеет место в Фаре (где, впрочем, периодически встречается и первая форма) и в досаргоновском Лагаше (где обе формы сосуществуют после Э-ана-тума)

В группе ŠU (23), DA (24) и ID (25) писцы из Эблы сохраняют вертикальный клин, пишущийся снизу вверх, который имеется в Фаре в досаргоновский период и в начале периода саргонидов в Ниппуре, но нижний клин становится горизонтальным, как в период саргонидов, утрачивая тот характерный вид, который он имел как в Фаре, так и в досаргоновский период.

Знак AŠ (26) пишется с косым клином, таким же, какой мы видим в начале периода саргонидов в Лагаше и в Ниппуре, тогда как в Фаре уже засвидетельствована форма, характерная для досаргоновского периода и для классического периода саргонидов. Знак NAM (27), который еще не отличается от BURU₁ — иной, чем в Фаре и чем в Абу-Салабихе. Зато GABA (28), наоборот, выступает в трех формах, из которых только первая встречается также и в Фаре. Первые две

формы как будто бы свободно чередуются, например, в договоре (ТМ.75.G.2420), но дифференцируются в словарном тексте (ТМ.75.G.2001+3), где снова имеется также и наклонная форма.

С другой стороны, форма некоторых знаков кажется присущей одной только Эбле, например, A (29) *, GÜ (30), AL (31), ITI (32). Специфически эблаитским является, по-видимому, также различие между IGI (33) и BA (34). Нужно, однако, иметь в виду, что эта форма знака BA встречается уже в Джемдет Насре, тогда как IGI попадает, хотя и редко, в Фаре, где имеет скорее форму с переломленным углышком (*Winkelhaken brisé*), тогда как BA уже приобрело здесь свою классическую форму. Наконец, знак SUM (35) имеет форму, которая обнаруживается с незначительным изменением лишь в текстах периода Лугаль-заге-си.

Прежде чем перейти к окончательным выводам, я хотел бы позволить себе некоторые общие замечания.

Письмо Эблы обладает некоторыми отчетливо архаическими чертами: архаичны отдельные знаки, продолжает существовать вертикальный клин, пишущийся снизу вверх, «углышек» пишется двумя косыми клиньями (эти клинья либо не соприкасаются, либо верхний накладывается на нижний), сложные знаки пишутся так, что составляющие их части разделены, а не совмещены (*kú* пишется KA.GAR вместо KA × GAR; AR — с уменьшенным RI, заключенным в пространство между горизонтальным клином и хвостом первого вертикального клина)?

С другой стороны, эблаитское письмо обладает чертами, свойственными последующей ступени эволюции: порядок знаков точно соответствует порядку слов (в Лагаше это наблюдается только со времени Э-ана-тума) — исключение составляют некоторые сложные слова и застывшие сочетания: LUGAL, AN.ŠE.GÜ, или еще UD.KÜ (насколько мне известно, последнее сочетание встречается в Эбле только однажды, обычно же бывает KÜ.GI). Если порой порядок знаков может показаться произвольным, то это происходит только ради большей экономии места, из-за чего, например, *è* пишется при помощи UD в пространстве, которое остается над DU, точно так же, как элемент KASKAL в знаке *kas₄*; то же происходит и при написании AR, о котором уже говорилось выше.

Мы уже имели возможность убедиться, что некоторые знаки, встречающиеся в Фаре, засвидетельствованы и в более позднее время, а именно в досаргоновский период и в раннесаргонидский период, в частности при Лугаль-заге-си.

Итак, отдельные формы могут сохраняться пережиточно, и это вполне естественно — не будем забывать, что Эбла была провинциальной областью, — но трудно представить себе такое письмо, которое бы предвосхищало более позднее состояние. Поэтому мне хо-

телось бы рассматривать письменность Эблы как такую форму клинописного письма, которая восходит к периоду Фары или ко времени, незначительно предшествующему Фаре*, но в которой процесс развития протекает медленнее и менее однообразно, чем в Шумере и в Аккаде. Следует также отметить, что несмотря на обилие черт саргонидского письма, свойственных письменности Эблы, самая характерная особенность классической саргонидской клинописи ему чужда: здесь подразумевается большое количество очень тонких параллельных горизонтальных клиньев, которые придают письму особое изящество. Период Лугаль-заге-си и первых царей династии Саргона — вот, вероятно, наиболее правдоподобная дата для архивов Эблы, дата, которая — отметим мимоходом — не противоречит археологическим данным.

Как я уже говорил выше, эти несколько страниц не более как результат предварительной разведки, а вовсе не исчерпывающего изучения палеографии текстов из Эблы. Более глубокие исследования а может быть, и новые факты, конечно, внесут частные поправки в мои выводы и, быть может, позволят предложить более точную датировку. Пока же одно кажется мне доказанным бесспорно: дата 2500 г. до н. э., недавно предложенная Петтинато (Pettinato 1979, с. 81), совершенно неприемлема.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комментированный перевод Петтинато (без транслитерации) см. в (Pettinato 1977, с. 24 и сл.).

² Lugal-zage-si: Hilprecht, BE 1, 87 (камень); Hackmann, BIN 8, 82 (глина); E-ana-tuma: Sollberger, Corpus 2 (камень); Ean. 22 (глина); Uru-ka-gina: Sollberger, Ukg. 10 (камень); Ukg. 4—5 (глина).

³ Приношу благодарность Дирекции древностей Сирии, директору Музея г. Халеба, а также моим друзьям из Итальянской археологической экспедиции за содействие и теплое гостеприимство.

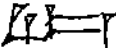

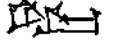

⁴ В это число входит множество фрагментов разной величины.

⁵ Цифры в скобках представляют собой ссылки на таблицу на с. 138 и сл.

⁶ Эта форма встречается иногда в досаргонидский и в саргонидский периоды, см. Thureau-Dangin 1899, с. 470.

⁷ Эта форма встречается также и в Абу-Салабихе (см., например, Biggs 1974, с. 62).

* Это — период РД II; на происхождение эблаитского письма в это время указывает и орфография. — *Прим. ред.*

	ЭБЛА	Дж. НАСР	ФАРА	ДОСАРГ.	САРГОНИД.	Л.ЗАГЕСИ
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						
8						
9						
10						
11						
12						

	ЭБЛА	Дж. НАСР	ФАРА	ДОСАРГ.	САРГОНИД.	П.ЗАГЕСИ
13						
14						
15						
16						
17						
18						
19						
20						
21						
22						
23						
24						

	ЭБЛА	Дж. НАСР	ФАРА	ДОСАРГ.	САРГОНИД	Л.ЗАГЕСИ
25						
26						
27						
28						
29						
30						
31						
32						
33						
34						
35						

*Абу-Салабих. Так в текстах (Biggs 1974, с. 74, 123, 177), но скопировано в списке на с. 112. - **Абу-Салабих.

П. Фрондзароли

ПРОБЛЕМЫ ЭБЛАИТСКОЙ ФОНЕТИКИ*

Эблаитские тексты написаны клинописью, уже известной по месопотамским документам, относящимся к тому же или более раннему периоду²; следовательно, нет проблемы «расшифровки» этих текстов. Отдельные знаки опознаются, как правило, без затруднений. Некоторую сложность представляют графические эблаитские варианты некоторых знаков; кроме того, значение ряда знаков в настоящее время нам неизвестно (в последнем случае знаки транскрибируются со ссылкой на их порядковый номер в LAK или REC).

Напротив, понимание текстов эблаитской канцелярии предполагает интерпретацию логографических элементов и фонетических написаний, которые имеются в документах (здесь мы, конечно, оставим в стороне истолкование шумерских текстов). Логографические элементы — это шумерограммы, образованные следуя той традиции, которую Гельб определил как «традицию Киша» (см. Gelb 1977, с. 13 и сл.). Силлабограммы известны большей частью из староаккадских текстов. Основной интерес представляют, таким образом, не условности написания, а доказательство того, что клинописная система была известна в северосирийском ареале уже во второй половине III тысячелетия до н. э. и употреблялась для передачи языка, отличного (пока неизвестно, в какой степени) от староаккадского.

Чтобы описать этот язык, условно называемый «эблаитским» в его соотношении с другими семитскими языками (а также для понимания частей текста, переданных фонетическим письмом), следует в первую очередь выяснить, насколько в новых текстах отражены значения и условности месопотамского силлабария. Решение этой задачи поможет также в реконструкции эблаитской фонематической системы.

² P. Fronzaroli. Problemi di fonetica eblaita, I.— «Studi Eblaiti», I, 1979, pp. 65—89.

② Missione archeologica italiana in Siria, 1979.

0. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Особенности клинописной системы в III тысячелетии до н. э. предполагают возможность разного прочтения одного знака (например, lum, gúm, púm, ĥum для знака LUM), а также разные фонетические значения одного чтения (kum_x, gúm, qúm для чтения gúm). Условности употребления меняются в зависимости от эпохи и ареала. Следовательно, попытки этимологических сближений, которые предшествовали бы выяснению закономерностей использования знаков, могут привести только к неправдоподобным, бесплодным построениям. С другой стороны, понимание отрывков текста, переданных фонетическим письмом, предполагает понимание отрывков текста, переданных логограммами. Они действительно являются контекстом первых, как в текстах канцелярии, так и в словарных текстах.

0.1. Логограммы

Ориентация на значения, обычные для месопотамских текстов того времени, является ключом к истолкованию, даже если нельзя исключить того, что значения, засвидетельствованные в Месопотамии лишь позднее, могли ранее существовать в самом месопотамском или только в эблаитском ареале.

Словарные тексты с эблаитскими глоссами позволяют уточнить структуру и значение логограмм, употребляемых в текстах канцелярии. В большинстве случаев они соответствуют тем логограммам, которые использовались в Месопотамии на одновременных и последующих стадиях эволюции аккадского. Однако иногда в списках засвидетельствованы более сложные или отличные от обычных для аккадского шумерограммы (см. MLE, 1, s. v. /'amm-at-um/). В некоторых случаях значение эблаитского слова восходит к древней традиции, как и происхождение пиктограммы, легшей в основу знака (например, в случае NUN в g i š. n u p. m í — название хвойного дерева; см. MLE, 1, s. v. /'arz-at-um/). В тех же словарных текстах появляются шумерограммы, до сих пор известные лишь из шумерских текстов (i r. n u p 'ароматическое умещение', см. MLE 1, s. v. /'arg-um/; k u, m u š — название змеевидной рыбы, см. s. v. /'išal-um/; a m a. g i, 'справедливость', см. s. v. /maušar-um/; и т. д.), а иногда только древнешумерских (g i d. t ú g — название одежды, см. MLE, 1, s. v. /kut-ān-um/).

0.1.1. Интерпретация логограмм

Хотя логограммы, употребляемые в Эбле, можно сопоставить со встречающимися в месопотамских текстах, однако для их интерпретации важно также учитывать значения, которые они имеют в самой

Эбле в других контекстах. Конечным критерием выбора между различными возможностями толкования может быть только совокупность эблаитских контекстов. Было бы легко привести примеры явно ошибочных интерпретаций, возникших из-за невнимания к контексту, но для этих предварительных замечаний достаточно разобрать два случая, где решающим аргументом в пользу интерпретации является контекст соответственно в текстах канцелярии и лексикологических списках.

0.1.1.1. Интерпретация BAR×AN

В ТМ.75.G.2342 эта логограмма обозначает один из объектов «поступлений»³, а именно дар высокопоставленному эблаитскому чиновнику от чиновника города Хамази. Дж. Петтинато считает, что логограмма означает ‘солдаты’, и делает из этого вывод, что эблаитяне пользовались услугами наемников (см. Pettinato 1977, с. 239, 242; 1979, с. 102, 121). Однако такое значение не согласуется с текстом ТМ.75.G.1480, в котором говорится о BAR×AN женского и мужского пола и различаются BAR×AN «маленькие» и пяти-, четырех-, трехлетние. Петтинато модифицирует свою интерпретацию, переводя ‘маленькие иноземцы мужского пола’, ‘иноземцы мужского пола 5, 4, 3 лет’ и т. д. и называя текст «Списком детей, рабов и детей рабов из города Ezan» (Pettinato 1979, с. 146). В том же документе встречаются IGI.mi tu.da и IGI.nita 3 mi, которые Петтинато переводит соответственно ‘новоорожденные женского пола’ и ‘трехлетние мужского пола’.

Очевидна абсурдность ‘инспекции’ (i gi.ḥi.du, об. II I)⁴, удостоверяющей присутствие десятков младенцев и детей под началом ‘земельного инспектора’ (u gi.la.e pa r, л. II 5). С другой стороны, даже если абстрагироваться от аналогий, которые как этот, так и другие эблаитские тексты подобного рода могут найти в шумерских текстах современной или последующей эпохи (см., например, В а и е г 1972, с. 181 и сл.), легко заметить, что BAR×AN постоянно появляется в эблаитских текстах при перечислении скота (как и IGI.nita и IGI.mi). Быки и IGI.nita считаются вместе (gu.gu, ḫ IGI.nita, ТМ.75.G.1549 л. I I, IV I, V I, об. IV 2) в табличке, где сразу же упомянуты BAR×AN, BAR×AN и овцы (u d u. u d u). Овцы, корова (á b), быки и BAR×AN.mi встречаются вместе в ТМ.75G 1545 и т. д.⁵ В тексте канцелярии, написанном эпистолярным стилем, BAR×AN.BAR×AN-sù следует сразу же за словами ‘его быки, его овцы’ (ТМ.75.G.1853 л. IV 3—5; а также л. V 3—5). Следовательно, не может быть сомнения в том, что и в Эбле, как в современных ей текстах Месопотамии, k ú n g a (=BAR×AN) обозначает вид эквидов⁶.

0.1.1.2. Интерпретация KU.LÚ

В текстах канцелярии часто встречается логограмма AL.KU в таких контекстах, которые позволяют истолковать ее как al.dúr (или al.tuš) 'находящийся, расположенный' (Frognzagli 1979, с. 9). Сначала Дж. Петтинато предложил три различных толкования AL.KU (Pettinato 1976, с. 3, прим. 8), а теперь допускает значение 'находящийся' и распространяет его также на логограмму KU.LÚ⁷. Переводы, которые он дает для отдельных отрывков, предполагают у AL.KU и KU.LÚ одинаковое значение, а именно название категории лиц: al.tuš/ar-mi^{kl}/in/eb-la^{kl} 'обитатель Арми в Эбле' (TM.75.G.1310 об. II 1—4), (Pettinato 1979a, с. 749); lú:tuš/gú-da-da-núm^{kl} 'обитатель Гудаданума' (TM.76.G.523 л. V 10 и сл.), (Pettinato 1979, с. 229).

Но понимание KU.LÚ как 'обитатель' противоречит эблаитской глоссе шумерограммы, a-ḥa-sum (TM.75.G.5266 I 9), которая, конечно, не может соответствовать производному от глагола, обозначающего 'находиться'. Значит, в логограмме KU.LÚ знак ku должен иметь чтение и значение, отличные от знака ku в AL.KU. Чтение и значение KU.LÚ должны соответствовать глоссе (см. ниже, 1.2, s. v. /'aḥḥaḍ-um/).

0.2 Силлабограммы

Значения силлабограмм становятся ясными по мере изучения текстов. Как и при интерпретации логограмм, рационально начать с рабочих гипотез, которые впоследствии иногда приходится модифицировать. Однако весьма неосторожно говорить о мнимо сенсационных результатах прежде, чем чтения текстов окажутся достаточно обоснованными⁸. При публикации итогов исследования следует по крайней мере указать, какие чтения являются достоверными, какие — более или менее вероятными.

Эблаитская силлабическая система в общем аналогична староаккадской как тем, что обычно не имеет специальных знаков для глухих, звонких и эмфатических фонем, одинаковых по месту артикуляции, так и в силу тех же трудностей, встречающихся при передаче интердентальных фонем и сибиллянтов⁹. Ориентация на значения, употребляемые в староаккадских текстах, может, таким образом, давать ключ к интерпретации, даже если известно, что в эблаитских текстах использовались значения, до сих пор не засвидетельствованные для данных знаков в аккадских текстах современной Эбле эпохи.

Эблаитские особенности были уже отмечены в преимущественном употреблении отдельных силлабограмм (например, GÚ вместо KU, GU)¹⁰, в чередовании r/l¹¹, в предпочтительном использовании написаний CV-CV вместо CV-VC или CVC (однако два последних

явления могут, по крайней мере частично, быть фонетическими, а не графическими) ¹².

0.2.1. Интерпретация силлабограмм

Как и на других стадиях употребления силлабической клинописной системы, в эблитских текстах можно допустить отклонения от нормы, но констатация нормы в любом случае должна предшествовать какой бы то ни было интерпретации текстов ¹³ и выводу о системе языка Эблы, его месте среди других семитских языков ¹⁴.

Кроме того, следует отличать чисто графические варианты от функционально значимых. Материал для размышлений здесь представляет редкое употребление знака NI- вместо i- в начале глагольных форм *uqtI*, содержащихся в антропонимах. Их можно было бы считать чисто графическими вариантами (например, *i-da-palil*, *i-pù-ul-il*, *i-rí-ba-a*) ¹⁵, но сравнение с аналогичными написаниями в словарных текстах позволяет предположить другое толкование. Сравним следующие параллельные написания:

DI=NI-ga-du-um (TM.75.G. 2000 об. XI : X+8 и сл.)

DI=NI-a-ga-tum (TM.75.G. 2001+2003 об. III 18)

giš.UD=NI-la-nùtm (TM.75.G.2001+2003 л. X+V : X+13 и сл.)

giš.UD=NI-a-la-nu (TM.75.G 1426 л. V 3 и сл.)

Чередование NI-a- с NI- в явно идентичных словах (и, в TM.75.G. 2001+2003, в словах эквивалентной структуры, написанных рукой одного и того же писца) показывает, что в Эбле знак NI- мог иметь значение *ià-*, даже когда за ним не следовало -a- (или -aC-) ¹⁶. Четыре глоссы должны, следовательно, читаться: *ià-ga-du-um*, *ià-a-ga-tum* ¹⁷, *ià-la-nùtm*, *ià-a-la-nu*. Вместе с тем вышеприведенные антропонимы могут рассматриваться как включающие глагольные формы аморейского типа: *ià-da-palil*, *ià-pù-ul-il* *ià-rí-ba-a* ¹⁸.

Специальных разысканий потребуют отклонения от нормы, обнаруживаемые в топонимах, особенно при передаче интердентальных фонем и сибиллянтов. В некоторых случаях речь может идти просто об ошибках писца, как, например, в слове *ḥa-su-wa-an^{kl}* (TM.75.G.20526) вместо *ḥa-zu-wa-an^{kl}* (смешение двух очень похожих знаков). В других случаях нет сомнения, что статистическое распределение неустойчивого написания требует более сложного объяснения.

0.3. Транслитерация

На данной стадии исследования норм употребления силлабограмм и изучения фонематической системы эблитского языка необходимо строго различать транслитерацию и интерпретацию.

Поэтому в транслитерации фонетических написаний предпочтительно передавать лишь полифонию первого типа (различные прочтения одного знака) в соответствии с критериями, предложенными Гельбом для староаккадских текстов (Gelb 1952, с. XII). Полифония второго типа (различные фонетические значения для одного прочтения) в предложенной интерпретации указывается в косых скобках, что имеет также целью анализ морфологической структуры отдельных слов. Поэтому, например, в транслитерации будут указываться прочтения lum, gûm, nûm, ĥum для знака LUM, тогда как значения /kum/, /gum/, /qum/, которые могли бы транслитерироваться как kum, gûm, qûm, будут уточнены только в интерпретации в косых скобках, например, 'à-la-gûm, /haĥak-um/). То же следует сказать о значении /gum/, которое могло бы обозначаться как gum, (ma-ĥa-lum, /maĥg-um/), и так во всех других аналогичных случаях.

В моих предыдущих работах, посвященных эблаитскому языку, фонемы, используемые в формах, указанных в косых скобках, были восстановлены отчасти на этимологической и сравнительной основе, не претендуя, естественно, на то, что эблаитская система фонем полностью идентична той, которую сравнительная грамматика считает общесемитской¹⁹. Поскольку при первом чтении трудно установить, насколько распространена полифония в употреблении знаков, мне представляется, что интерпретация должна исходить из своеобразия эблаитской орфографии. Тому есть по крайней мере две причины. Прежде всего, эблаитская система письма продолжает систему более древнюю, чем та, которая обычно употребляется для староаккадского; следовательно, нельзя исключить, что она соответствует фонематической системе, которая хотя бы отчасти отличается от системы, приписываемой староаккадскому. Во-вторых, фонематическая система эблаитского языка и его фонетическая эволюция в некоторых отношениях более архаичны, чем у староаккадского²⁰; поэтому целесообразно оставить пока открытыми ряд неясных вопросов. Степень вероятности реконструкции любой фонемы должна определяться исходя из наибольшего количества данных по мере исследования текстов. Это исследование будет начато в следующих параграфах. Систематическое изучение силлабария и соответствующей фонематической системы в этой и в будущих работах позволит предложить определенные значения для слитной транскрипции текстов.

1. ИНТЕРДЕНТАЛЬНЫЕ

В эблаитских текстах, как и в староаккадских, различаются три серии силлабограмм, которые на последующих стадиях развития

аккадского употреблялись для передачи сибилантов: (1) za, zi, zu, zum; (2) ša, ši, šu, šum; (3) sa, si, su, sum. Четвертая серия, предложенная Гельбом для староаккадского (šá, šé, su₄— см. G e l b 1961, с. 35), не прослеживается ²¹.

Серия za, zi, zu, zum употреблялась, как и в староаккадском, соответственно семитским фонемам *s, *z, *š; в противоречии с общей тенденцией к применению одной серии для глухих, звонких и эмфатических фонем с одинаковым местом артикуляции эблайтский (как и староаккадский) употреблял, кроме того, те же силлабограммы и для исторических эмфатических *š, *z ²².

Серия sa, si, su употреблялась в староаккадском соответственно семитским фонемам *š, *š ²³ (G e l b 1961, с. 68, № 92), для тех же фонем употреблялась силлабограмма šum, хотя уже в саргонидскую эпоху наблюдаются непоследовательные написания (MAD, II, с. 68, № 92). В эблайтском употреблении sa, si, su, šum для фонем *š, *š легко проследить на многих примерах ²⁴.

Серия ša, ši, šu засвидетельствована в староаккадском как соответствие семитской фонеме *t Для той же фонемы употреблялась силлабограмма sum, в таких словах, как 'à-ra-sum, /haḡḡat-um/ 'земледелец' и bir₄-ḡa-sum, /reḡat-um/ 'блоха'; то же значение предполагает шум. sum 'лук', которое считается заимствованием аккадского šūmu в эпоху, когда оно еще реализовалось как сем. *tūm- (G e l b 1961, с. 72). Эблайтское употребление силлабограммы этой серии заслуживает большего внимания, чем использование двух предыдущих серий. В докладе на XXV конференции ассиристов я уже указывал на некоторые засвидетельствованные соответствия сем. *t (F r o n z a g o l i, в печати, § 2.2.6); сейчас можно доказать, что эблайтское употребление отчасти отлично от аккадского.

1.1. Глухой интердентальный

Признание написаний, содержащих силлабограммы ša, ši, šu, sum, передающими глухой интердентальный, не представляет никаких трудностей. Приведем ряд примеров, наиболее прозрачных этимологически.

/'un(u)t-um/ 'женственность' (см. также F r o n z a g o l i 1979): существительное, сохранившееся в школьном упражнении, в глоссе pat.mī = ù-nu-sum (TM.75.G.2318 л. I 1 и сл.). Шумерограмма глоссируется в аккадском через sinnišūtu (АНw, с. 1048а). Эблайтская глосса может быть абстрактным существительным модели lu23-с эпентезой, от основы глагола состояния *'anūt- 'относиться к женщине', параллельно семитскому существительному *'anūt-at- 'женщина'.

/bat(a)m-um/ 'змея': существительное, сохранившееся в глоссе

[m]uš = ba-ša-mu-um (TM.75.G.12686 I : X+1 и сл.), соответствующее акк. bašum (о соответствиях в аккадских словарных текстах см. CAD, B, с. 141a; ANw, с. 112a). Слово известно из северосемитских языков вплоть до арабского; формы, засвидетельствованные в двух наиболее арханчных языках, восходят к *baʕ(a)m-, а, представленные в более поздних языках могут быть сведены к *baʕ(a)n- (Fronzagli 1964, V, с. 296, 5.75; ср. Cohen 1970, с. 191b, B/PI/TM/N).

/ḥadaʕ-a/ — личное имя в уменьшительно-ласкательной форме ('новый'): 'à-da-ša (например, TM.75.G.336 л. IV: 2; об. II: 7, III: 3; 1886 л. V: 3; TM.76.G.859 II: 3). Поскольку вокализация не позволяет видеть в этом существительном указание на новолуние, *ḥudʕ-, как в именах собственных, известных из угаритского, финикийского и еврейского (Gröndahl 1967, с. 134, HDT; Benz 1972, с. 308, HDS; HAL, с. 283, ḥodeš II), следует сравнить с ним скорее теофорные имена собственные, представленные в аккадском (CAD, E, с. 30b, s. v. edešu, 16) *. Исходная форма этого ономастического типа сохранилась в gībīl-ma-līk (например, TM.77. G.730 об. III: 11), написание позволило бы также истолковать его как /ḥaddaʕ-a/.

/ʕall-at-um/ 'добыча' (Fronzagli 1979): существительное, сохранившееся в глоссе nam.ra.aka = ša-la-tum (TM.75.G.2001+2003 об. XI: 20 и сл.); оно соответствует акк. šallatum, засвидетельствованному в староаккадском как в фонетическом написании, так и в логографическом: NAM.RA.AG (MAD, III, с. 271). Глагол *ʕll 'захватывать добычу' представлен также в еврейском, древнеюжноаравийском, а также в арабском со значением 'собирать' (об угаритском см. Gröndahl 1967, с. 198).

/walaʕ-um/ 'толочь': глагол, засвидетельствованный соответствием ʕI = wa-la-sum (TM.75.G.2001+2003 об. X: 33 и сл.). В аккадских словарных текстах ʕI и ʕI.UŠ глоссируются через ḥašalum 'толочь, рушить (зерно, крупу, солод); бить палкой', в специфическом значении 'толочь солод' (CAD, ʕ, с. 137a; B, с. 323a, s. v. buqlu; ANw, с. 333a). Следовательно, эблаитская глосса может найти соответствие в араб. walaʕa 'поражать палкой' (Lane 1863—1893, с. 2965a), которое до сих пор стояло изолированно в семитских языках.

1.2. Звонкий интердентальный

В 1977 году, анализируя слова, содержащие знаки za, zī, zu, я отметил, что в известных мне эблаитских текстах нет достоверных свидетельств употребления этих силлабogramм для передачи сем. *d (Fronzagli, в печати, § 2.2.4.).

Дж. Петтинато рассматривал эбл. *ḥa-zu-um* как инфинитив глагола **ḥz* 'братъ' (соответствующего сем. **ḥd*), но не доказывал этого и не приводил контекста, из которого это следует ²⁷. И. Е. Гельб приводил впоследствии эту форму, настаивая на чтении *a-ḥa-zu-um* и утверждая, что написание Петтинато — опечатка («ошибочно напечатано *ḥa-zu-um*») (Gelb 1979, с. 22, § 7.9.2). В исправленном виде *a-ḥa-zu-um* 'захватывать' оно было затем вновь приведено М. Дж. Дахудом (Dahood 1978, с. 94). Впоследствии Дж. Гарбини настолько энергично вступил в полемику, что можно подумать, будто интерпретация *ḥa-zu-um* была подсказана им ²⁸. По мнению Гарбини, *ḥa-zu-um* не было опечаткой, а являлось формой, объяснять которую следовало исходя из «редкого явления выпадения 'а' перед *ḥ* и *ḥ* в некоторых северо-западных семитских языках» (тех, которые на основе изоглосс представляются Гельбу «дальше всего отстоящими» от эблаитского) (Garbini 1978, с. 45). Странно, однако, что Гарбини, именно тогда, когда он упрекает Гельба и других ученых в том, что они стремятся «подменить факты собственными мнениями» (Garbini 1978, с. 44), дает бесспорный пример подмены фактов своим мнением ²⁷. Чтобы доказать, что в эблаитском существовал инфинитив *ḥa-zu-um* 'братъ', действительно, нет иного способа, нежели привести отрывок, где он встречается, и дать ему убедительное толкование. Существования в западных языках форм, аналогичных эблаитским, конечно, недостаточно для обоснования наличия этой последней.

Эблаитское *ḥa-zu-um*, прочитанное на табличках, найденных в Эбле в 1974 г., и упомянутое Петтинато как «засвидетельствованное вне имен собственных» ²⁸, — это, бесспорно, то же слово, которое Петтинато считает возможным перевести как 'получение' (ТМ.74.G.65 об. (?) II:1) (Pettinato 1979a, с. 31). В таком случае речь идет о производной модели *la23-* от глагола **ḥss* 'вспоминать; понимать', засвидетельствованного в Эбле также в производном *ḥa-zi-zú*, *ḥa-zi-zu-um* 'понимание' ²⁹. Эбл. /*ḥass-um*/ можно сравнить с акк. *taḥsistum* 'памятка' ³⁰ и с *tup-ru ḥa-su-su* 'табличка для памяти', засвидетельствованным в Угарите ³¹.

Анализ более широкого слоя слов, представленных в словарных текстах, подтвердил, что в отличие от аккадского эблаитский обычно не употребляет знаки *za*, *zi*, *zu* (и *zum*) для передачи семитской фонемы **d*. Эта фонема передается, напротив, серией *ša*, *ši*, *šu*, *sum*, как это можно заметить в следующих словах, этимологически наиболее прозрачных ³²:

/*aḥḥad-um*/ 'сборщик (налогов)': в текстах канцелярии довольно часто встречается шумерограмма *KU.LU* в контекстах, подобных *ù-ti / d u m u n i t a / ib-ri-um KU.LU / in ḥal-sun³²* (ТМ.75.G.

1888 л. I : 3—7), 'ЛИ*, сын ЛИ, KU.LÛ в T*'; in u₁/KU.LÛ/AN-'à-gum^{kl} (TM.75.G.1786 л. IV : 15—17) 'когда он был KU.LÛ в T'. Из этих контекстов явствует, что шумерограмма обозначает должность, причем следует предположить обратное написание, то есть следует читать lû : KU. Однако полифония знака KU не позволяет определить чтение слова и, следовательно, его значение в контекстах, подобных вышеприведенным.

Но толкование подсказывается соответствием KU : LÛ = a-ḡa-sum (TM.75.G. 5266 I : 8 и сл.), что нужно понимать как lû : dab, = /aḡḡad-um/. Употребление KU в значении dab, 'брат' в эблайтском списке параллельно известному в старовавилонском (Proto-Ea 19; см. также da-ab KU = a-ḡa-zum, MSL, XIV, 141, 37). Что касается употребления схемы la22a3- в эблайтских названиях профессий, ср. также /baddal-um/'торговец', /mallah-um/'моряк' (Fronza 1979, с. 1 и сл.). В аккадском aḡḡazu — имя демона, насылающего желтуху, а также название самой болезни (CAD, A, 1, с. 185 и сл.; ANw, с. 20a). В старовавилонскую эпоху в текстах Мари есть название должностного лица, aḡḡizum, которое (хотя оно и построено по модели причастия 0/1) можно сравнить с эблайтским существительным; однако его значение неясно (CAD, A, 1, с. 192b; ANw, с. 21).

Только тщательное исследование всех контекстов, сохранившихся в текстах канцелярии, может дать окончательный ответ на вопрос о характере деятельности чиновника lû : dab,. Исходя из чисто лексических соображений, можно предположить, что в его обязанности входило принимать на хранение серебро или продукты, причитающиеся администрации ('сборщик налогов, получатель'); ср. значение 'принимать (деньги и товар)' для акк. aḡḡizum саргонидской эпохи (CAD, A, 1, с. 177a, 36; H, с. 147, s. v. ḡaḡu E).

/ḡarā'-um/'сеять' (Fronza 1979, с. 1 и сл.): глагол, засвидетельствованный соответствием še.mar = ḡa-la-um (TM.75.G. 2000 об. V : 12 и сл.); 2001+2003 л. x+X : x+7). В первое время я пытался толковать эту глоссу как /tarāw-um/'рассеивать' на основе употребления логограммы MAR для zarū 'рассеивать' аккадских медицинских текстов (Fronza 1979, в печати § 2.2.6); однако значение семитского глагола *ḡrw/y 'быть влажным, богатым водой' (Fronza 1964, VI, с. 308, 6.02) не согласуется с шумерограммой še.mar эблайтского словарного текста.

Значение шумерограммы ('рассеивать ячмень') заставляет, напротив, идентифицировать глоссу с семитским глаголом *ḡr' 'сеять' (Fronza 1964, VI, с. 203 и сл., с. 310, 6.24). В аккадском этот глагол слился с zarūm 'веять' (сем. *ḡrw; Fronza 1964, VI, с. 311, 6.30), но еще сохранился в производном

* ЛИ — личное имя, T — топоним. — *Прим. ред.*

zēgim 'семя'. Интерпретация же этой глоссы как /d̥agāw-um/ 'веять' неправдоподобна, так как ни ma g, ни še.ma g не являются эквивалентами аккадского zaġim в значении 'веять' (CAD, Z, с. 706).

Таким образом, эблаитская глосса подтверждает, как кажется, большую древность *d̥g 'сеять' по сравнению с *zr^c, что, несмотря на уг. dr^c, было недавно подвергнуто сомнению (ср. Bla u 1977, с. 84 и сл.).

/d̥ū/ (относительно-определяющее местоимение): местоимение, засвидетельствованное в именах собственных типа šu-ИБ*, например, šu-i-lum (TM.75.G. 336 л. V : 8), šu-ma-lik (TM.75.G. 427 л. X : 10'). Форма аккузатива, ša, известна из таких контекстов, как ša / tab-li-im / a b-ba (TM.75.G. 1766 л. III : 1—3) 'принадлежащую ЛИ, управляющему' (см. Fronzagli 1979, с. 4, 13, § 2.4).

Сначала я полагал, что эти формы следует считать совершенно параллельными аналогичным формам староаккадского (Fronzagli, в печати, § 2.2.6). В таком случае употребление серии ša, ši, šu для передачи определительно-относительного местоимения объяснялось бы графической условностью, чтобы отличать его основу от основы личного местоимения третьего лица, передаваемой через su-, -sū (и -su-). Поскольку сейчас установлено, что серия ša, ši, šu регулярно использовалась в эблаитском также для передачи *d̥, возможно предположить для этого местоимения форму /d̥ū/, имеющую продолжение во всех западных языках, включая старо- и среднеаморейский (Bussellati 1966, с. 185, 193; Huffmon 1965, с. 121 и сл., с. 186)²².

/d̥uqaqar-um/ 'скорпион': существительное, засвидетельствованное соответствием GfR.mušen = šu-ga-ga-rū-um bar-su-um (TM.75.G.10018 л. VI : 4 и сл.), что относится к крылатому насекомому, упоминаемому также в текстах канцелярии в таких контекстах, как in u₄ / GfR × gupū.muše'n/d̥ku-ra (TM.75.G.10153 л. I : 8—10) 'в день GfR × gupū.mušen ИБ'a', а также без упоминания имени божества, когда оно явствует из контекста (TM.75.G. 2075 л. II : 24 и сл.)²⁴.

Первое слово глоссы — это эблаитское обозначение скорпиона, этимологически соответствующее акк. zuqaqirum (о соответствиях в аккадских словарных текстах и графических вариантах аккадского слова см. CAD, Z, с. 163 и сл.). Поскольку в эблаитском краткий гласный, следующий за послеударным, обычно элидируется (см. Fronzagli 1977, с. 39; 1979 s.v. 'abar-t-um/), толкование /d̥uqaqar-um/ исключено. Засвидетельствованная форма указывает, напротив, на основу la2a32a3- (идея редупликации второго слога основы с последующей диссимилиацией) была уже предложена Брокельманом: Brockelmann 1908—1913, с. 364, § 158,

* ИБ — имя божества, — Прим. ред.

прим. 2 и с. 368, § 176). Что касается ассимиляции лабиального веларному в эблаитском, ср. исход основы *kabkab-, у F r o n z a g o l i 1979 /kakkab-āt-um/.

Аккадское название скорпиона считается производным от глагола zaqārum 'водружать', в форме 0/2 'поднимать, дать взойти' (S o d e n 1959—1981, с. 63, § 55r; CAD, Z, с. 165b); в таком случае это название указывало бы на округлую забрюшную часть насекомого, заканчивающуюся ядовитым шипом. Соответствие первого слога эбл. šu- акк. zu- предполагает, как во всех других словах, рассмотренных в этом параграфе, что данный глагол имеет первым согласным *d.

Топоним GĪR × gupū^{kl} сохранился в словарном тексте (ТМ.75. G.2231 об. 1 : 19), и то же написание встречается также в текстах канцелярии (например, ТМ.75.G.1272 об. II : 5). В тех же текстах канцелярии zi-ga-ga-rum^{kl} (ТМ.75.G.5183 II : 4) может представлять собой аккадское написание того же названия в топониме неэблаитского ареала. Аккадская форма этого существительного засвидетельствована также в имени досаргонидского царя zū-(вар. zu-)ga-gi₄-(вар. -ki)-ip (J a c o b s e n, 1939, с. 78, II : 10).

/nāqid-um/ (причастие 0/1 от *nqd 'уносить, спасать'): форма, засвидетельствованная соответствием kaḡ = pa-gi-sum (ТМ.75.G. 10014 об. III : 1 и сл.). В эблаитских словарных текстах kaḡ является также эквивалентом /'akām-um/ 'похищать' (F r o n z a g o l i 1979). В аккадских словарных текстах та же шумерограмма представлена, уже в старовавилонский период, как соответствие екеštim 'отбирать силой', а также eḡegum 'спасать, уносить', логограммой которых она является (CAD, E, с. 65a, с. 401; ANw, с. 194a, с. 264a); в именах собственных, начиная со среднеассирийского и средневавилонского, KAR является логограммой šūzibu 'спасать' (CAD, E, с. 425b; ANw, с. 269b). Следовательно, эблаитская глосса представляет собой форму семитского глагола *nqd 'уносить, спасать', засвидетельствованного в ар. naqada 'освобождать, спасать' и древним южноаравийским h(n)qd, st(n)qd 'брать в плен' (из последних публикаций B e e s t o n 1976, с. 67 и сл.). Поскольку шумерограмма может соответствовать как первичному значению 'уносить', так и вторичному 'спасать', в то время как написание глоссы может представлять различные именные модели, нельзя установить значение данной формы. При реконструкции в косях скобках я принял предположительно форму причастия 0/1 как представляющуюся мне наиболее вероятной.

/ša'hud-um/ (инфинитив š/1 *'hd 'брать'): форма, засвидетельствованная соответствием dim = sa-hu-sum (ТМ.75.G.1965 л. I : x+5). Шумерограмма di m, в аккадских словарных текстах соот-

ветствующая ḥaḡāšu, значит 'привязывать, прикреплять' (CAD, H, с. 95b; ANw, s. 324b). Специфическое значение глоссы определить трудно; в аккадском, в старовавилонскую эпоху, в Эламе и Нузи форма š/1 от aḥāzum имела значение 'сделать кого-либо ответственным (за долги и т. д.)' (CAD, A, 1, с. 182b, 9f).

Морфологическое истолкование глоссы не представляет трудностей. Инфинитивы форм 0/2 и š/1 имели в эблантском соответственно формы 1a22u3- и ša12u3-, как в ассирийском, в отличие от староаккадского, где употреблялись 1u22u3- и šu12u3-, как впоследствии и в вавилонском (MAD, II^a, с. 174). Ср. конструкцию с паронимическим инфинитивом ga-du-ru₁, u₁-ga-da-ra (TM.75.G.1689 об. III : 11—IV : 1, 2320 об. IV : 6 и сл.)³⁵.

1.3 Эмфатический интердентальный

В противовес общей тенденции передавать единой серией знаков глухие, звонкие и эмфатические фонемы, одинаковые по месту артикуляции, эблантский язык употреблял серию za, zi, zu, zum, а не ša, šī, šu, šum для передачи эмфатического *z (это написание, в действительности отражающее *ṣ, диктуется только желанием упростить типографский набор) *.

/mazzar-um/ 'страж, охранитель' (см. также F g o n z a g o l i 1979): существительное, сохранившееся в административных текстах, например ma-za-lum/du-lu^{ki} (TM. 75.G.3533. л. VII : 7 и сл.); ma-za-lum-sù/in ḥa-lam^{ki} (TM.75.G.2285 л. I : 7 и сл., II : 4 и сл.); ИБ/ma-za-lum/gag-mi-um^{ki} (TM.75.G.2456 об. XI : 7—9).

Контекст показывает, что речь идет о названии должностного лица, обычно уточненном топонимом или местоименным суффиксом, которое относится к предыдущему топониму. О квазилогографическом написании MA.ZA.LUM-sù см. F g o n z a g o l i 1979 /baddal-um/.

Перевод 'для его путешествия', предложенный Петтинато (P e t t i n a t o 1979, с. 226, 228) для ma-za-lum-sù (TM.75.G.523 л. II : 15; также IV : 12), контекстуально совершенно не обоснован. Текст, в котором говорится о подношении тканей чиновникам из разных городов, называет ma-za-lum из du-ub^{ki} сразу же после царя, отца, братьев и сыновей царя, 'старейшин' и непосредственно перед царицей и другими женщинами города; следовательно, речь может идти только о чиновнике (следует отметить также, что он получает ткани того же типа, что и 'старейшины').

Слово ma-za-lum является производным от /pažar-um/ 'надзирать, хранить' (см. ниже) и сравнимо с акк. maššarum, известным со ста-

* Противоречие это снимается тем, что серия знаков ZV всюду передавала аффрикаты. Соответственно этой же серией передавалось и общесемитское «z», в действительности /ts/.— Прим. ред.

ровавилонской и староассирийской эпохи (CAD, M, I, с. 341 и сл.; ANw, с. 621); для староаккадского см. MAD, III, с. 207 и сл.

/paṣṣar-um/ 'охранять, надзирать' (см. также F ronza goli 1979): глагол, засвидетельствованный соответствием е.п.и.п.а ка = pa-za-lum (TM.75.G.2001+2003 об. V : 36 и сл.). В шумерских текстах е.п.и.п.а ка значит 'сторожить, караулить' (Castelli-но 1972, с. 121, 64; ZA 52, 1957, с. 56, 17); в словарных текстах е.п.и.п, е.п.и.у.п имеет аккадский эквивалент maṣṣartum 'охрана; место охраны', тогда как в текстах EN.NUN, EN.NU.UN является его логограммой (CAD, M, Z, с. 333; ANw, с. 620a). Для глагола paṣṣarum, напротив, аккадские тексты дают различные логограммы и эквиваленты.

Следовательно, глоссу можно считать эблаитским соответствием семитского глагола *pṣg, известного с досаргоновской эпохи (MAD, III, с. 207).

/qīṣ(i)r-um/ 'связь' (см. также F ronza goli 1979): существительное, засвидетельствованное соответствием a l.keṣ da = gi-zi-lum (TM.75.G.1676 л. 1 : 5—II : 1). В аккадских текстах KEŠ является логограммой kaṣṣarum 'связывать', а keṣ da — его соответствием в словарных текстах (CAD, K, с. 257 и сл.; ANw, с. 456a); относительно элемента a l шумерограммы ср. S ollberg er 1952, с. 174 и сл.

Эблаитскую глоссу можно считать производным от семитского глагола *qṣg, широко представленного также в западных языках, от евро. qṣg до арам. qṣr, эф. qṣg. Идентифицировать эблаитское слово с kṣl, как предложил Гарбини (G a r b i n i 1978, с. 52), невозможно, поскольку в таком случае второй согласный передавался бы через -ši-.

1.4. Выводы

На современном уровне понимания текстов представляется очевидным, что эблаитская орфография по-особому передавала семитские фонемы *ṣ и *q (независимо от любой гипотезы о фонетической реализации /t/ и /d/ в эблаитском). Однако интердентальная эмфатическая фонема *ṣ не обозначалась особым образом.

Использование серии ṣa, ṣi, ṣu, sum для фонемы /t/ в эблаитском языке подтверждает положение Торо-Даицэна, принятое Гельбом и допускаемое фон Зоденом, о значении этих силлабogramм в староаккадском²⁷. Староаккадская система орфографии продолжает (хотя и несколько непоследовательно) более древнюю систему, используемую в эблаитском. Можно было бы спорить о том, насколько староаккадские написания в различные периоды и в различных ареалах отражают письменную традицию, а насколько — реальную фонематическую систему. В любом случае староаккадская, а теперь и

эблаитская система написания доказывает древность фонемы /t/ в семитских языках ³⁹.

Независимое обозначение *d по отношению к *z в эблаитском наряду с существованием особого написания той же фонемы в аккадских текстах саргонидской эпохи из Киша и района Диялы ⁴⁰ может рассматриваться как доказательство существования более древней фонематической системы, чем староаккадская. Эта система, которая в эпоху, предшествующую формированию аккадского, могла использоваться во всем месопотамском ареале, нашими текстами засвидетельствована для периферийных ареалов, на восток и запад от месопотамского центра инноваций. В этой связи следует также подчеркнуть важность эблаитского написания для оценки древности фонемы /d/ в семитских языках ⁴⁰.

Таким образом, поскольку установлена фонематическая самостоятельность /t/ и /d/ в архаическом семитском северного городского ареала, передача *z серией za, zi, zu, zup в эблаитском может восприниматься как начало процесса редукции интердентальных. Этот процесс мог идти в эблаитском и аккадском параллельно и иметь три этапа: (а) утрата статуса отдельной фонемы эмфатическим согласным (что наблюдается уже в эблаитском); (б) утрата статуса отдельной фонемы звонким согласным (что наблюдается в староаккадском, за исключением отдельных случаев сохранения в документах из Киша и районы Диялы); (в) утрата статуса отдельной фонемы глухим согласным (что наблюдается в старовавилонском). Процесс редукции мог начаться с эмфатического просто потому, что в языках — субстратах или суперстратах не существовало подобной фонемы. Что касается эблаитского, объяснение редукции интердентальных лингвистическими контактами с несемитскими народами подтверждается самим географическим положением эблаитского ареала, свидетельствами топонимстики и некоторыми фонетическими явлениями, которые обязаны своим существованием контактам с северными иноязычными племенами, «анатолийскими» и, возможно, хурритскими; см. пока F g o n z a g o l i 1977, с. 41 и сл.

Следовательно, редукция интердентальных в эблаитском могла быть проявлением той динамики, которую внесло в пограничные языковые ареалы взаимодействие с несемитскими языками (см. Pettinato 1975, с. 372).

1.5. Транслитерация

На основе вышесказанного можно сформулировать критерии транслитерации текстов. Транслитерация ставит целью передать знаки одной системы письма знаками другой системы (в нашем случае латинским алфавитом, снабженным диакритиками) так, чтобы всегда можно было вернуться к первичному написанию. Для тран-

слитерации клинописных систем возможны различные степени точности, в зависимости от того, насколько адекватно транслитерация передает фонематическую систему, приписываемую языку оригинала.

1.5.1. Неинтерпретативная транслитерация ⁴¹

Неинтерпретативная транслитерация текстов в фонетическом написании предложена Гельбом для староаккадского и использовалась до сих пор в моих работах по эблантскому (см. выше, 0.3). За такой транслитерацией, различающей только полифонию первого типа, обязательно должна следовать интерпретация, являющаяся, где это возможно, фонематической транскрипцией. Последняя может быть чисто условной на начальном этапе исследования (как это разъяснено в 0.3) или же более близкой к фонематической реальности, приписываемой языку — объекту изучения, когда состояние работы делает это возможным.

Что касается интердентальных, если будут приняты вышеобсужденные положения, можно уточнить интерпретацию в отношении интердентального звонкого: /maššar-um/, /našār-um/, /qīq(i)r-um/. Поскольку доказана самостоятельность звонкого и глухого, действительны уже предложенные ранее истолкования.

1.5.2. Интерпретативная транслитерация

При слитной транскрипции текстов может использоваться интерпретативная транслитерация, подобная той, которая обычно применяется для аккадского и которая передавала бы приписываемые языку фонемы. На интердентальные можно было бы распространить условности аккадского языка, используя для передачи знаков ša, šī, šu, šum транслитерации типа ša и ža соответственно для интердентального глухого и звонкого. В этом случае, чтобы различать силлабограммы серии sa, si, su, šum, было бы необходимо транслитерировать их ša, šī šu, šum, как предложил фон Зоден, однако безотносительно к возможной фонетической реализации символянта, что остается открытой проблемой для сравнительных исследований. Тогда мы имели бы такие транслитерации, как: ū-nu-šum, ža-la-um (или ža-ga-um), ša-ḥu-zum, pa-ša-lum (или pa-ša-gum_x).

Однако эти условности отчасти двусмысленны, ибо используют š в значении, отличном от принятого в работах семитологов, а обозначение ž предполагает наличие палатализованного варианта звонкого интердентального, существование которого не доказано. Поэтому предпочтительно предложить транслитерацию, более близкую к транскрипции, используемой для других семитских языков (по-прежнему оставляя нерешенным вопрос о фонетической реализации в архаическую эпоху). Поэтому знаки типа řa, řa будут использо-

ваны для серии *ša, ši, šu, sum*, оставляя знаки типа *ša* для серии *sa, si, su, sum*. Тогда у нас получатся следующие транслитерации: *ù-nu-šum, qa-la-um* (или *qa-ra-um*), *ša₁-hu-šum, na-ša-lum* (или *na-ša-gum_x*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая работа была написана для сборника «Исследования по общесемитской лексике». Приношу благодарность А. Арки за предоставленную возможность ознакомиться с генеральным каталогом текстов Эблы, который он редактировал.

² Поскольку тексты Эблы интересуют специалистов в различных областях, представляется необходимым эксплицитно поставить ряд проблем, рассмотрение которых должно предшествовать любому толкованию текстов и любой оценке языка Эблы.

³ *BAR × AN ša₁ / hi.mu.tiš* (об III : 5 и сл.).

⁴ Сначала эта шумерограмма была переведена как «прибавление» (см. Pettinato 1974—1977, с. 4, с. 27 : TM.75.G.427 л. I : 23), в последующих работах переведена как «проверка, инспекция» (Pettinato 1978, с. 127 и прим. 205; Pettinato 1979а 199, 202, 918; в тексте, о котором идет речь, Петтинато указывает два возможных варианта «прибавление»/«инспекция» (Pettinato 1979, с. 146). В табличках, изученных А. Арки, *igi.du₆* — это одна из рубрик, под которой значилось приобретение скота центральной администрации (см. Agosti 1979, с. 21—25 отписка).

⁵ О других экономических текстах и об употреблении *áb/BAR × AN/bir BAR × AN* в словарном списке TM.75.G.5313 IV : 1—3; (см. Agosti 1979а, с. 564, прим. 27; 1979, с. 3 и сл., прим. 4 отписка).

⁶ О чтении и значении *BAR.AN* см. Krieger 1974, с. 246; Berger 1978, с. 252; об аккадском соответствии см. ANw, с. 837, s. v. *ragû(m)* 'мул'.

⁷ Например, Pettinato 1979а, 163 (*al-tuš* 'обитатель'); 1319 (*lu-tuš in T* 'обитатель T').

⁸ Оперирование значениями, которые ранее не были засвидетельствованы в других ясно понимаемых словах, в ряде случаев привело к утверждениям, совершенно не обоснованным на современном уровне наших знаний. Так, например, М. Дахуд и Дж. Петтинато полагают, что «система эблаитского письма передает звук *h* знаком *É*, так что графическая последовательность *ši-é-am* может быть точно идентифицирована с библейским Сихемом» (Da hood, Pettinato 1977, с. 231, прим. 7; см. также Pettinato 1979, с. 281: «*ra-sa-ar ši-é-am^{kl}* 'Расап из Сихема'. В действительности '*à*(=*É*) употребляется в наших текстах для передачи *ha, ha*, как это следует из материалов, приведенных в другом месте (F го п-

zagoli, 1978 § 2.2.2. и § 2.2.3 — в печати; см. также слова, содержащие силлабограммы 'à, ḥa в работе Fronzaroli 1980). Сюда следует добавить, что палестинский топоним передается в остраках Самарии и в библейском консонантном тексте как šktm, где «звук ḥ», на который ссылаются оба автора, — просто фрикативное произношение [k] после гласного. Следов этого произношения в эпоху до I тыс. до н. э., как кажется, не обнаружено (см. K u t s c h e r 1965, с. 32 и сл.).

⁹ См. в настоящее время материалы, собранные Фронзароли (Fronzaroli 1978, § 2.2), и слова, рассмотренные в работе Fronzaroli 1980.

¹⁰ Fronzaroli 1977, с. 34 и сл.; 1980 s. vv. /'arg-um/, /hakarakk-um/, /mukk-u/.

¹¹ Fronzaroli 1977, с. 37 и сл.; /barāy-um/ и passim.

¹² Fronzaroli 1977, с. 39 и сл.; 1980 s. vv. 'um(u)mu, /ḥad(a)r-um/.

¹³ Идентификация слов, которые отклоняются от норм употребления силлабария, рассматривается в статьях Дж. Гарбини, посвященных эблайтскому (см. ниже. 1.3, s. v. /qiz(i)r-um/; Fronzaroli 1978, § 2.2.3).

¹⁴ Что касается употребления значений, не подтвержденных чтением морфологических элементов, которые были бы релевантны для лингвистической оценки эблайтского, следует вспомнить хотя бы чтение li-ḥa для написания NI.NA (см. Pettinato 1977, с. 239 и сл.; теперь также Pettinato 1979a, с. 2856; 1979, с. 71), хотя значение li никогда не было засвидетельствовано в других случаях в начале слова для эблайтского; см. те же указания в Pettinato 1979a, с. 2716; 2776, 2856; для староаккадского, MAD II^a, с. 82.

¹⁵ Таково толкование Петтинато: Pettinato 1979a, с. 2706 1979, с. 67; см. также Gelb 1977, с. 21.

¹⁶ См. также написания NI-la-la-ḥu^{kl} (TM.75.G.1462 л. III : 4; 3426 IV: 4), NI-a-lu-ḥu^{kl} (TM.75.G.1701 л. XIII : 2), что могло бы соответствовать аморейскому топониму /yarrāḥ-u/, сравнимому с араб. wariḥ 'покрытый растительностью' и с сабейским топонимом wrḥn (Hagding 1971, с. 639).

¹⁷ Быть может, сравнимо с аморейским производным от глагола *wg' 'страдать', засвидетельствованным в Мари в старовавилонскую эпоху как ia-ga-a-tum /мн./ 'страдания' (CAD, I, J, с. 321a; ANw, с. 411a).

¹⁸ Что касается iā-da-palil, ср. аморейские антропонимы типа /yada'-ИБ/ (Huffman 1965, с. 209, s. v. YDḥ); соответствующая эблайтская форма — i-da-ИБ /yida'-ИБ/ (Fronzaroli, CRRA, , 2.2.1). Как эблайтские, так и аморейские имена можно считать

содержащими форму *yqtl* (**ya-da'*.) или форму *qtl* (<**yada'*.). Для *iā-rū-ul-il* ср. аморейский антропоним *iā-rū-ul* (YOS IV 93 : 6; об интерпретации см. В u s s e l l a t i 1966, с. 153); в Эбле это написание могло бы тем не менее соответствовать ономастическому типу /*yabūr-IB*/, параллельному собственно эблитскому *ib-ur-IB* /*yībūr-IB*/ (F r o n z a g o l i, Concord, § 2.1). Что касается *iā-rī-ba-a*, то ср. аморейские антропонимы типа *yarīb-IB* (Huffman 1965, с. 46, 200, s. v. R'P); соответствующая эблитская форма — *ir-ib-IB*, /*yirīb-IB*/ и уменьшительное *ir-i-ba*, /*yirīb-a*/ (F r o n z a g o l i 1979, 2, 3).

¹⁹ Я ясно указал на условный характер фонем, восстановленных при интерпретации в косых скобках: см. F r o n z a g o l i, 1978, § 2.1.1; см. также F r o n z a g o l i 1977, с. 27, прим.*; 1979, § 2; 1980 (вступление).

²⁰ Следует упомянуть по крайней мере следующие явления: ларингальный **h* в написании обозначается как отдельная фонема по отношению к *' (F r o n z a g o l i 1977, с. 36; 1979, § 2.2.2; 1980, s. v. /*halāk-um*/); интердентальный **ḡ* обозначается как отдельная фонема по отношению к *z* (см. ниже, 1.2); краткие послелударные гласные сохранились (F r o n z a g o l i 1977, с. 39); дифтонг *au* сохранился (F r o n z a g o l i 1980, s. v. /'aun-aun/).

²¹ О синлабограммах *šē* и *si₁₁* см. пока F r o n z a g o l i 1979, § 2.2.5; *šē* чередуется с *si* в антропониме 'aršī-'aḥ-u (вар.-a): ar-šē-a-ḥu (TM.75.G.333 л. VII : 14, об. III : 7, IV : 14), ar-si-a-ḥu (TM.76.G.523 л. VII : 3), ar-si-a-ḥa (TM.75.G.1324 л. XIV : 6, 10076 л. X : 3; 76. G.730 об. VII : 6).

²² В дополнение к материалу, приведенному во F r o n z a g o l i 1979, § 2.2.4, следует также отметить ar-za-tum, /'ar-zat-um/ (название хвойного дерева), соответствующее шумерограмме *gi š. n u n . m i* (TM.75.G.1426 л. II : 10 сл.; wa-zi-lu-um, /wašir-um/ 'гончар', соответствующее *b á ḥ a r* (=EDIN) (TM.75.G.2001+об. VIII : 39 и сл.; 3433 II : 5); 'à-mi-zu-um, /ḥamiq-um/ 'квашеный (хлеб)', эквивалентное *n i n d a*. X (TM.75.G.3162+3163 л. II : 3 сл.); о **z* см. ниже. 1.3.

²³ Об автономности семитской фонемы **š*, несмотря на сомнения некоторых исследователей, см. B l a u 1977, с. 67—119; M a g g a s s i n i 1978, с. 161—177.

²⁴ В дополнение к F r o n z a g o l i, 1979 § 2.2.5, отметим также *ḥi-ma-šum* /*ḥimāš-um*/ 'ушко; повод', эквивалентное шумерограмме *gi š. I M₄* и параллельное *ḥi-ma-su-um* (TM.75.G.2004 IV : x+7 и сл.; 5653+5655 II : 5 и сл.); *mi-šum* /*mīš-um*/ 'ночь', эквивалентное шумерограмме *gi₆.a n* (TM.75.G.2000 об. X : x+28 и сл.).

²⁵ См. также имена собственные, известные из надписей и со-

хранившиеся на Аравийском полуострове (Harding 1971, с. 179).

²⁶ Garbini 1978, с. 44 и сл. («мы, люди нашего времени, в отличие от месопотамских писцов, имеем возможность защищаться от излишеств ассириологов» — с. 45); о сотрудничестве Гарбини с Петтинато в изучении текстов, открытых в 1974 году, см. Garbini 1978, с. 245.

²⁷ Тенденция подменять субъективными мнениями свидетельства документов заметна и в других высказываниях автора статьи. Ограничусь единственным примером. В одном из предыдущих докладов я указал, что в теофорных именах собственных эблаитского языка глагол может согласоваться в роде с носителем имени, а не с подлежащим, как в других древних семитских языках (Fronzagli 1977, с. 34). Гарбини так комментирует мою гипотезу: «от внимания автора, однако, ускользнуло, что ономастический тип, отрицаемый для Эблы, встречается в финикийском» (Garbini 1978, с. 43, прим. 13). Отвечу на это замечанием, что вопрос о существовании данного типа согласования не может решаться на основании предполагаемого родства эблаитского с сиро-палестинскими языками I тысячелетия до н. э., а только на основании изучения самих эблаитских имен собственных. В момент написания моей статьи я выдвинул всего лишь гипотезу, согласующуюся с архаическим характером эблаитского языка. Изучение же личных имен собственных позволило проверить правильность моей гипотезы, показав наличие множества пар следующего типа:

iš-ma-da-mu/l u g a l du-lu^{ki} 'yisma'-Даму, вельможа г. Дулу'
daš-ma-da-mu/d a m/e n 'tašma'-Даму, рабыня царя' (TM.75.G. 1295 об. VI : 3 и сл.; TM.75G.2417 об. XI : 9—15), где глагол несомненно согласуется с полом носителя имени, а не с полом божества, которое является субъектом глагола (о всей этой проблеме см. Fronzagli 1979).

²⁸ Pettinato 1975, с. 372.

²⁹ См. Fronzagli 1979 /hasš-um/.

³⁰ ANW, с. 1382b.

³¹ CAD H, с. 1296.

³² В аккадских текстах саргонидской эпохи из Киша и района Диялы засвидетельствовано употребление -uš_x (=EŠ) вместо -uz в форме глагола aḫāzum (MAD, III, с. 22 sq.; MAD, V, 8 : 12, 13, 15, 32; CAD, A, I, с. 177, 36). Эти написания могут считаться аргументом в пользу автономности фонемы (Westenholz, Westenholz 1977, с. 208) или графическим архаизмом, относящимся к тому периоду, когда фонемы *g и *z различались.

³³ О возможности того, что основа определительно-относительного местоимения в аккадском происходит из формы на *t, свя-

занной в свою очередь с элементом *d-, засвидетельствованным в западных языках, см. Diakonoff 1965, с. 76.

³⁴ Эблайтская глосса соответствует 'крылатому скорпиону' канонической аккадской традиции, (zuqaqru) muttaprišu (= gir.ta b.RI.RI.ga, Нн. XIV 370).). Шумерограмма G1R × gunû. mi še n появляется также в шумерском словарном списке TM.75.G. 1415 об. VII : 5 (см. Pettinato 1978, с. 168).

³⁵ Обе формы, конечно, являются производными от глагола, соответствующего сем. *qtr 'дымить(ся)', 0/2 'развеять в дым' (Fronzagli 1971, с. 636, 7.63, с. 642). Что касается значения формы 0/2 в контексте, где она относится к nidba i.gi š (как в выше цитированном тексте), то следует сравнить соответствующее логографическое написание nidba/i gi š na.a ka (TM.75.G. 2290 л. II : 14 и сл.), имея в виду, что NA — это логограмма слова qutrēnum 'воскурение, жертвенное приношение благовония' в старовавилонском; а na. izi является его эквивалентом в словарных текстах (АНw, с. 930b). Следовательно, можно предположить значение 'воскурять жертвенное масло' (в таком случае значение глагола было бы равнозначно значению аккадского слова), или же 'заставлять подниматься, как дым, жертвенное масло' (в этом случае наблюдалось бы сходное значение в еврейском). Понимание nidba i.gi š как 'праздник умашения' (Pettinato 1979, с. 276 и с. 286 не подтверждается текстами; шумерограмма i.gi š. sa g, переведенная Петтинато как 'умашение главы ЛИ' (Pettinato 1979a, с. 230, 5048; см. также Pettinato 1977, с. 235; 1979, с. 276), в административных текстах обозначает некий продукт, выдаваемый наряду с тканями, см. Archi 1979, с. 561).

³⁶ Thureau-Dangin 1933, с. 93; Gelb 1961, с. 35 и сл.; Röllig, Soden 1966, с. XXI. Гипотеза об особой графической передаче /t/ в староаккадском отвергается Гарбини (Garbini 1972, с. 148 и сл.), который, как представляется, неверно истолковал мысль фон Зодена. Последний сомневается в автономности серии sa, (šé), su, по отношению к серии sa, (se₁₁, si), su, но вовсе не отрицает автономности серии ša, ši, šu; он допускает, что фонема, представленная этой серией, могла еще произноситься иногда как /t/ («...š, которое в староаккадском в ряде случаев могло произноситься как t») и считает ее отличной от другой фонемы, обозначаемой им через š (которая этимологически соответствует семитским фонемам *š, *š).

³⁷ Древность этой фонемы отвергается Гарбини, который считает ее арамейским и арабским следствием фонематизации палатализованного варианта s (Garbini 1972, с. 173).

³⁸ Написание uš_x вместо -uz (см. выше, прим. 32) свидетельствует о фонематической системе, отличной от староаккадской, незави-

симо от того, считать ли его графическим архаизмом или диалектальной чертой, характерной для отдельных писцов.

³⁹ Древность этой фонемы также отрицается Гарбини, который считает ее аморейской инновацией вследствие фонематизации одного из фонетических вариантов *z* (G a r b i n i 1972, с. 173 и сл.).

⁴⁰ Легко заметить, что семитские языки с более редуцированной фонематической системой являются периферийными, более всего подверженными подобному взаимодействию. Таковы (по сравнению сперва с аморейским, а затем с арамейским и арабским ареалом) эблантский и аккадский уже в III тыс. до н. э., угаритский и другие языки городского сиро-палестинского ареала во II тыс. до н. э. Таковы и эфиопские языки по сравнению с южносемитскими языками Аравийского полуострова.

⁴¹ Крайне неинтерпретативная транслитерация применяется, когда знаки клинописного силлабария передаются их названиями совершенно безотносительно к их возможному прочтению в контексте; ее применение ограничивается предварительными указаниями на чтение. См., например, предположительное прочтение логограмм AL.KU и KU.LÛ в 0.1.1.2; та же система может использоваться для предварительного прочтения фонетических написаний.

П. Фрондзароли

К ТРАКТОВКЕ ЭБЛАИТСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Открытие нового семитского языка в текстах архивов Эблы привело, как известно, к неодинаковым историко-типологическим оценкам этого языка ¹. Однако к этим оценкам следует относиться с известной осторожностью, поскольку эблаитские тексты изучены еще далеко не полностью, как по объему, так и в отношении уровня понимания. Их оценка, даже предварительная, должна удовлетворять некоторым условиям. Прежде всего должны быть изучены правила использования силлабария ²; во-вторых, следует располагать достаточно обширными и надежными сведениями о фонематической и морфологической системе нового языка ³; в-третьих, полученные данные должны рассматриваться с учетом всего семитского ареала, а не только северо-западных языков.

В настоящей статье я попытаюсь охарактеризовать морфологическую систему на основе тех текстов, которые мне непосредственно известны или которые были опубликованы полностью, а не в виде выдержек. Кроме того, поскольку ход исследования подтвердил важность учета наличия трех языковых уровней, отраженных в сохранившихся документах (язык ономастики, язык канцелярии, язык глосс) ⁴, я буду использовать, насколько возможно, слова, содержащиеся в текстах канцелярии и в глоссах словарных текстов ⁵, прибегая к ономастическим данным только там, где оба других источника не дают нужных сведений ⁶.

Pello Fronzaroli. Per una valutazione della morfologia eblaita.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

Настоящая работа выполнялась как часть проекта «Исследования по общесемитской лексике». Она публикуется в том виде, в котором была прочитана на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia» в Риме в 1980 г. Изменениям подверглись только выдержки из текстов, по возможности со ссылками на официальные публикации Итальянской археологической миссии в Сирин, см. в частности: «SEb», III, 1980, «SEb», IV 1981, ARET, 2, 1981.

1. МЕСТОИМЕНИЕ

1.1. Личные местоимения

1.1.1. Независимые личные местоимения

1 общ. ед.	an-na ^a	множ.	—
2 м.	an-da ^b		an-da-nu ^c
2 ж.	—		—
3 м.	su-wa ^d		su-nu ^e
3 ж.	si-a ^f		

^a ARET 2, s. v.

ARET 2, s. v.

^c На то, что это написание означает местоимение 1-го лица мн. числа, указывает ТМ.75.G.1531, где за an-da / d u₁₁ - g a / an-da-nu-ma/... (л. I : 5 и сл.) 'Ты говоришь: „Вы...“, следует en-ma/e n / àš-du-na/... (л. II : 5 и сл.) 'так (говорит) царь: „У нас...“; см. также ar / an-da-nu/si-in / T / e - g i m a š k i m e - g i m a š k i m / n u DU.DU, ТМ.75.G.2290 об. VII : 6 и сл.) 'И затем вы в Т чиновников-m a š k i m не заставили пойти (?)'.

^d ar / su-wa-ma / i r₁₁ - i r₁₁ / n u ħ i - m u - DU (ТМ.75.G.1583 об. III : 4 и сл.) 'И затем он рабов не назначил'; см. также личное имя Su-wa-ma-wa-ba-ar (ТМ.75.G.2561 (—) л. I : 1).

^e wa / KA.DI KA.DI / su-nu-ma (ТМ.75.G.2566 об. IV : 6 и сл.); см. также ТМ.75.G.2561 (—) л. V : 4.

^f si-a-ma / m i - d u₁₁ - g a (ТМ.75.G.1444 XII : 12 и сл.) '(Если она хочет'.

Обращает на себя внимание этимологическое написание элемента an- в местоимениях 1-го и 2-го лица, в связи с чем см. F r o z a g o l i , 1978, § 3.2.2. Отметим также последовательное употребление серии знаков sa, si, su для местоимений 3-го лица.

Существование независимых личных местоимений в винительнородительном и дательном падежах подтверждается несколькими изолированными примерами, которые не дают возможности восстановить полную парадигму. Наименее ненадежными представляются примеры на 3-е лицо ед. числа.

Род.вин. п. su-wa-ti, например, wa / g i š b a - t u k u / UNKEN. AG / su-wa-ti (ТМ.75.G.2094 л. IV : 7 и сл.); может быть также в ЛИ MI-su-wa-ti (ТМ.76.G.729 л. VIII : 6), что сравнимо со староаккадским ЛИ Mi-su₄-a (обсуждавшимся в MAD II², с. 128);

Дат. п. su-wa-si; засвидетельствовано в неясном контексте ARET 2, 32 X : 4; издатель предположительно видит здесь ЛИ.

В ТМ.75.G.2561 л. VI : 4' сл. gú-wa-si / a l - g á l, возможно, сохранило форму дательного падежа 2-го л. м. р. ед. числа, если понимать все выражение как 'для тебя имеется (в наличии)'

Написание *su-wa-du* (ARET 2, 32 IV: 6) возможно, пожалуй, интерпретировать как расширенную форму личного местоимения третьего лица единственного числа в значении указательного местоимения.

1.1.2. Суффиксированные личные местоимения

		Падежи		
		Родительный	Дательный	Винительный
ед. 1 общ.	-(C)i ^a , -a ^b	—	—	-ni ^c
2 м.	-ga ^d	—	-kum ^e	-ga ^f
2 ж.	—	—	—	-gi ^g
3 м.	-sù ^h , -su ⁱ	—	-su-um ^k	-sù ^l , -su ^m
3 ж.	-sa ⁿ	—	—	—
мн. 1 общ.	-na ^o , -nu ^p	—	—	—
2 м.	—	—	—	—
2 ж.	—	—	—	-gù-nu ^q
3 м.	-su-nu ^r	—	—	-su-nu ^s
3 ж.	-si-na ^t	—	—	-si-na-at ^u

^a *ru₁-zi-da-mu* (TM.75.G.1986 + об. V : 5)/*rūṣ-i-IB*/ 'ИБ—моя помощь' ⁷.

^b *āš-da-a* (ARET 2, 33 л. IV : 3) 'со мной'.

^c *ep-na-ni-il* (ARET 2, 13, III : 6), /*ḥann-a-nī-IB*/ 'ИБ был милостив ко мне'; *i-bi-ni-li-im* (TM.74.G.120 л. III : 4).

^d *āš-da-ga* (ARET 2, 32 VIII : 9) 'с тобой'; /*wa/giṣgal-ga/* и *u-bar* (TM.75.G.1766 об. I : 3 и сл.) 'и твоё обитание (пусть будет) предместье'.

^e *wa/i-na-su-um-kum/à* (TM.75.G.1766 л. II : 3 и сл.) 'и даёт тебе недвижимость' ⁸; *maškim-kum* (TM.76.G.204 л. III : 2).

^f *'à-si-ga-ma* (ARET 2, 33 VII : 9); интерпретировано издателем как содержащее суффиксированное местоимение 2-го л. м. р., но форма и контекст остаются неясными.

^g *i-ti-gi-da-mu* (ARET 2, 20 IV : 4), *i-ti-gi-li-im* (TM.75.G.1295 л. VI : 5); 'ИБ дал тебе', интерпретация оказалась возможной благодаря существованию того же ономастического типа с местоимением 2-го л. м. р., *i-ti-ga-ma-lik* (TM.76.G.521 об. VI : 15) ⁹.

^h *in/à - 'à-su/wa in/ki - sù* (TM.75.G.1986+об. II : 4 и сл.) 'в его недвижимостях и на его земле' ⁹.

ⁱ *ku_g-su-ma* (TM.75.G.1320 л. IV : 11), параллельно *ku_g-su* (ARET 2, 34 V : 1).

⁷ Дословно 'дом'.— *Прим. ред.*

* u r u - b a r - m a / l ú k ú - s u - u m (TM.75.G.2171 об. III : 5 и сл.) 'предместье, в котором съели у него (овцу)'¹⁰.

¹ š u b a - t i - s ù (ARET 2, s. v.); i - n a - s u m - s ù (ARET 2, s. v.).

^m il-su-ma (ARET 34 V : 3), параллельно il (TM.75.G.2320 V : 2); в обоих текстах il-su-ma в ARET 2, 34 VI : 5, параллельно TM.75.G.2320 об. 1 : 3.

ⁿ ša-du / ЛИ / mu-sa-ti-sa in T (TM.75.G.1767 об. II:1 и сл.) 'то, что ЛИ оставляет ее (необработанной) в T', см. § 3. 2. 1d); áš-da-sa (TM.75.G.2094 об. V : 2) 'с ней'.

^o áš-du-na (TM.75.G.1531 л. II : 7) 'от нас'.

^p áš-du-ni (TM.75.G.2171 об. V : 3) 'от нас'.

^q Предполагается Эдвардом в en-na-gú-ni (ARET 2, 28 III 9, см. с. 105, s. v.)¹¹.

^r bar-'à-ti-su-ni (TM.75.G.1444 II : 5, III : 2).

^s a-a-la-ša-su-ni (TM.75.G. 1444 II : 9).

^t Предположительно постулируется издателем в gú-PI-si-na (ARET 2, 33 VIII : 14; см. с. 127 и s. v.).

^u Возможно, сохранилось в [. . .] / - si - na - at (TM.75.G.2367 об. V : 1 и сл.), что полностью соответствует форме, засвидетельствованной в староаккадском (MAD III, с. 131 и сл.)¹².

Как мне любезно указал В. фон Зоден, которому я приношу благодарность, написание -gú-ma-a, дважды засвидетельствованное в трудных для истолкования местах (wa/a-da-ḥa-gú-ma-a/ЛИ wa/a-da-ḥa-gú-ma-a, TM.75.G.2094 л. II: 6 и сл.), может включать суффиксированное местоимение 2-го л. двойственного числа.

1.2. Определительно-относительное местоимение

Падежи

	Именительный	Родительный	Винительный
ед. м.	šu ^a	ši ^b	ša ^c
ж.	ša-du ^d	ša-ti ^e	—
множ. м.	—	šu-ti ^f	—
ж.	ša-du ^g	ša-ti ^h	—

^a su-ma / šu-ma/in / l d u b/lú ЛИ/š u m u - d ú b/ k ú (TM.75.G.2171 об. I:1 и сл.) 'если то, что на таблице ЛИ было изложено(?), было съедено'; (Su-ma-lik (TM.75.G.427 л. X : 10) 'принадлежащий ИБ'.

Утверждение Петтинато, что такое написание существует, не документировано (Pettinato 1973, с. 327; 1979, с. 71; та же форма предполагается в переводе TM.175.G.2420 л. VI : 1 и сл. (Pettinato 1979, с. 109), где, как кажется, ее допустить трудно (см. Sollberger 1980, с. 136 и сл.).

^c 'à / in / ba-da-a^{kb} 3 ša 2 li-im (TM.75.G.1766 л. II : 5 и сл.), недвижимость в Т, которая (в) 2000 (мер)'; ša / a b - b a / i n - n a - s u m (TM. 75.G. 1444 V : 6 и сл.) 'то, что... отдал'.

^d ša-du/ЛИ/mu-sa-ti-sa/in Т 'та, что ЛИ велел оставить-ее (невозделанной) в Т' (см. § 1.1.2n) ¹².

^e 7 dug i - gi š / ša-ti / 20 sila ((TM.75.G.1451 об VI : 5 и сл.) '70 кувшинов масла, теми что по 20 сила' ¹⁴.

^f si-gi-ma/pa-se₁₁ pa-se₁₁ / T / šu-ti/e n (TM.75.G.1986+ л. VI : 4 и сл. 'вместе с (?) людьми Т, теми, что царя (которые принадлежат царю)', pa-se₁₁ pa-se₁₁ / ЛИ / šu-ti/in / l . . .] (TM.75.G.1986+ об. IV : 8 и сл.) 'люди ЛИ, которые находятся в [. . .]'.

^g ni-g - sa₁₀ ni-g - sa₁₀ / T / ša-du / . . . (TM.75.G.1986+ л. III : 9 и сл.) 'уплаты Т, которые . . .'

^h mi-nu-ma/ki - k i / ša-ti / ni-g - sa₁₀ ni-g - sa₁₀ / T / wa / T (TM.75.G. 1986+ л. I : 1 и сл.) 'всякие земли, которые (являются) уплатами Т₁ и Т₂'.

1.3. Вопросительное местоимение

	Одушевленные	Неодушевленные
Имен.	ma-n(V) ^a , ma-nu ^b	mi- ^c , mi-nu ^d , me-nu ^e
Винит.	ma-na ^f	mi-na ^g
Дат.	—	mi-ne-iš ^h

^a Возможно, засвидетельствовано в ma-ni-lum (ARET 2, 30 VI : 5).

^b Возможно, в уменьшительном имени собственном (гипокористике) ma-nu-um (TM.75.G. 1271 л. VII : 4); но ma-nu-ki-il (Gelb 1977, с. 21) мне не известно.

^c mi-ga-il (TM.75.G.1343 об I : 7), /mi-n-ka-ИБ/ 'Что тебе (твое), о ИБ? ¹⁵; mi-su-wa-ti 'Что это?' (см. 1.1.1).

^d В ARET 2 s. v. предположительно трактуется издателем как 'Сколь много'.

^e me-nu / inim / hu / lú / gi š ba-tuku (TM.75.G.2420, 354 и сл.), интерпретированное издателем как 'Почему словам злым люди внимают?'.

^f Возможно, засвидетельствовано в личном имени (уменьшительном) Ma-na (TM.75.G. 273 л. II : 10).

^g ARET 2, s. v.; wa / d u₁₁ - g a / mi-na / DU.DU / e n - ma : su / š e š - sù - ma (TM.75.G. 2561 л. II : 6 и сл.) 'и сказал: зачем идет к своему царю его брат?' ¹⁶; mi-na / lú / an-da / UNKEN.AG (TM.75.G. 2094 об. I : 6 и сл.), что, видимо, можно истолковать как: 'что бы ты ни делал'.

^h mi-ne-iš / du-a-ḫa / T (TM.75.G.2561 об.V:6 и сл.) 'почему ты братешься с Т?'; mi-ne-iš / du-ba-ra-ù / še / T (TM.75.G. 2561 об. III и 5 и сл.) 'почему вы... ячмень Т?'

1.4. Неопределенное местоимение

	Одушевленное	Неодушевленное
Имен.	ma-pu-ma ^a	mi-pu-ma ^b , me-pu-ma ^c
Род.	—	me-pe-ma ^d
Винит.	ma-na-ma ^e	me-na-ma(-ma)

^a [aš]-ti / da m-gu ruš / ma-pu-ma / ná (TM.75.G.2420 575 сл.) — букв. 'с женщиной работник всякий, (кто) переспит'; всегда в функции субъекта: так же в 103 и сл., 133 и сл.

^b mi-pu-ma / i - n a - s u m i - n a - s u m / d u m u - n i t a d u - m u - n i t a / ЛИ (TM.75.G. 1444 III : 14 и сл.) 'Какие (бы) вещи (ни) давали сыновьям ЛИ'; lú šeš / mi-pu-ma / a l - d u u - g a / z é / k a (TM.75.G.2342 л. II : 3 и сл.) '(для) того, кто является братом, всякая просьба — приказ'¹⁷. С логографическим значением в функции винительного падежа: wa/mi-pu-ma/n i n - k i / ЛИ/GIŠ.ÈREN / d u m u - n i t a d u m u - n i t a - s u (TM.75.G. 1444 X : 3 и сл.) 'И что (бы) . . . госпожа ЛИ (ни) уделила его сыновьям'; mi-pu-ma / k i - k i / . . . ЛИ₁/ЛИ₂/i n - n a - s u m (TM.75.G. 2396 л. I : 1 и сл.) 'Все (всяческие) земли . . . ЛИ₁, ЛИ₂, дает'.

^c m[e]-pu-ma (TM.75.G.2420, 281): в трудном контексте, интерпретировано Солльберже как вопросительное местоимение.

^d Форма, ожидаемая для родительного падежа, очевидно, сохранилась в следующем тексте, которому предшествует место, сложное для интерпретации: me-pe-ma / lú d u u - g a / an-da (TM.75.G.1583 об. II : 4 и сл.).

^e Форма винительного падежа сохранилась в ba-li /NI-na / k a l a m - t i m / m a - n a - m a / n u k a s , k a s , (TM.75.G.2420,323 и сл.)¹⁸, что толкуется Солльберже как '. . . к стране никто не должен бежать', но можно предположить, что ba-li означает 'без меня', то есть 'без моего приказанья', и толковать как: 'без моего приказанья ты никого не пошлешь в путь к стране'.

^f me-na-ma-ma (= n i g - n a m , TM.75.G. 2284+ об. VII : 7 и сл.), где удвоенное написание указывает на геминацию, читать следует /mi²na²ma/. Сравни также me-na-[m]a (TM.75.G. 2420, 347) в неясном контексте, что Солльберже рассматривал как вопросительное местоимение.

2. ИМЯ

2.1. Склонение

Как это уже было неоднократно отмечено, эблантские писцы не всегда точно передавали склонение имени. В частности, в экономических текстах часто встречаются сокращенные написания как для

единственного числа, так и для двойственного (например, ARET 2, s. v. *gú-li-lum*), и квази-логографические написания как типа *ma-za-lum-sù* (Fronzaroli 1979, с. 84); так и типа *si-in / gi-tum* (ARET2, 3 4 II : 9 и сл.) *; в глоссах засвидетельствовано употребление именительного падежа вместо родительного (отмечено в Fronzaroli 1979, § 2.3.1), а в некоторых случаях — искусственное добавление окончания именительного падежа к глоссе, которая в соответствии с правилом уже имеет окончание родительного. Так, *giš-šipig* регулярно глоссируется как *ba-pi* (TM.75.G.1448 об. II : 1 и сл.) ‘тамариск’ и как *i-zu ba-ne* (TM.75.G.2000+ л. XI : 21 и сл.; 2001+ об. VI' : 19 и сл.) ‘дерево тамариска’, но также и как *i-zu ba-ne-um* (TM.75.G.5653+ л. XIII : 2' и сл.) **; таким же образом получается глосса *ba-da-gu da-ne-u[m]* (= *di-ku*), (TM.75.G.10023 об. II : 19' и сл.), о толковании которой см. SEB III (1980), с. 42.

Учитывая эти предварительные замечания и последующий анализ, засвидетельствованные до сих пор падежные окончания можно определить следующим образом:

	ед. ч.	множ. ч.	двойств. ч.
м. р. имен.	/-um/	/-ū/	/-ān/
родит.	/-im/	/-ī/	/-aun/
винит.	—		
дат.	/-iš/		
местн.	/-ūm/		
ж. р. имен.	/-at-um/	/-āt-um/	/-at-ān/
родит.	/-at-im/	/-āt-im/	
винит.			

2.1.1. Род

Второй класс имен, обычно употребляемый, как и в других семитских языках, как показатель женского рода, характеризуется суффиксом /-at-/: *a-ḥa-tum* (= *n i n - ni*, TM.75.G.10023+ л. VI : 12 и сл.) ‘сестра’; *a-ma-tum* (= *ā - k ū š*, TM.75.G.2001+ об. IX : 30 и сл.) ‘локоть, предплечье’; *(ga-ma-tūm* (= *m u l - m u l*, TM.75.G.1825+ об. IV : 7 и сл.) /*kaum-at-um*/ ‘Плеяды’. Гласный суффикс выпадает, когда он находится в положении за послеударным, как это обычно в эблитском: *a-bar-tum* (= *t i - m u š e n*, TM.75.G.1426 об. III : 13 и сл.) ‘орлица’; *mu-li-tum* (= *š à - z u*, TM.75.G.

* В некоторых случаях в подобных написаниях можно видеть локативный падеж на ^o-um.— *Прим. ред.*

** *i-zu ba-ne-um*, возможно, следует понимать как форму относительного прилагательного типа нисбы: /*išum baini(um)*/.— *Прим. ред.*

2000+ об. II : 29 и сл.) 'повивальная бабка'; ma-lik-tum (ARET 2, s. v.) 'царица' *.

Множественное число второго класса имен обозначается суффиксом /-āt-/: a-ga-lu rù-da-ma-tim (= n i n d a - LAM < × KUR >, TM.75.G.2008 л. III : 5 и сл.); ср. n i n d a - LAM × KUR, TM.75.G.2422 I : 29), /'akal-u bu(ā)m-āt-im/ 'пища из фисташек'¹⁸; форма множественного числа женского рода содержится, вероятно, также в ka-ka-ba-tum (TM.75.G.2502 об. V : 13), /kakkab-āt-um/ 'звездочки'; O sa-ḥa-wa-tum см. ARET 2 s. v.

Абстрактные имена образуются при помощи суффикса /-ūt-/: a-ḥu-du-um, a-ḥu-tum (= m a-ḥu; TM.75.G.2000+ об. X : 43 и сл.; 2001+ об. III : 3) 'братство'. Множественное число засвидетельствовано в форме /-uwāt-/: du-rù-a-tum (= n i g - d ù g, TM.75.G.2284+ л. V : 3 и сл.) /ṭūb-uwāt-um/ 'доброта, добрые дела'; ср. также параллельные глоссы [a-š]a-šu-tum, a-ša-šu-wa-tum (= SAG.GUR., TM.75.G.5633+ л. VIII : 28 и сл.; 1774 л. V : 2 и сл.) с неясным значением.

2.1.2. Число

Двойственное число выражено такими написаниями как ab-si-2, gú-li-2, sa-ḥa-2 (ARET 2, s. vv.); возможно, sa-ḥa-wa-2 это именительный падеж /šaḥaw-ān/, как предполагает Эдцард (ARET 2, s. v.).

В фонетическом по существу написании, но всегда с опущением нунации, именительный падеж двойственного числа, возможно, засвидетельствован глоссой si-li-sa-a = a n - k i (TM.75.G.2000+ об. IX : 27 и сл.; 2001 об. I : 34 и сл.); его можно истолковать как /šir(i)š-ān/'оба основания' (досл. 'обе стопы')**. Ср. также написание ba-da-a^{<k>} (TM.75.G.1766 л. II : 7), которое, если это действительно топоним, могло бы указывать на именительный падеж /bayt-ān/'оба дома'. Формой двойственного числа с обозначенной нунацией могло бы быть a-za-da-an; эта форма засвидетельствована в rù /a-za-da-an /ù / rù / ḥa-la-mi-im (TM.75.G.2038 л. III : 3 и сл.); здесь можно предположить форму именительного падежа женского рода*** дологографически использованную вместо формы родительного³⁰.

Родительный падеж двойственного числа указывается в глоссах

* Это утверждение зависит от точки зрения на то, где ставилось силовое ударение в прасемитском или хотя бы на предыдущем этапе развития эблайтского. По нашему мнению, стягивался непосредственно послеударный гласный.— *Прим. ред.*

** Шумерская глосса означает 'небо и земля'.— *Прим. ред.*

*** Учитывая, что дифтонг /-au-/ в эблайтском графически не передается, можно думать, что здесь следует читать нормальную форму родительного падежа двойственного числа /'azataun/. Корень может быть 'zz, 'zz, šš, 'šš или 'šš, 'šš.— *Прим. ред.*

аналогичными написаниями: *ma-wu i-da-a*, *ma-u, i-da* (= *a · š u - l u ħ*, ТМ.75.G.2000+ об. VII : 6 и сл.; 1825 л. IV : 9' и сл. /*māw-ū yid-ayn*/ 'вода (для) рук'; *ħu-ma-zu a-na-a* (= *i g i, d u, - d u* ТМ.75.G.2000+ об. VII : 14 и сл.), /*ħumaš-u*/ 'аун-аун/ 'лишенный глаз (=у которого вырваны глаза)'.
 Вследствие нерегулярности, с которой писцы обозначали мимацию, окончания множественного числа мужского рода выявляются только из контекста. Окончание именительного падежа /-ū/ достоверно в глоссах, где следует прилагательное во множественном числе, например *ma-wu 'à-mu-tum* (= *a-UD*, ТМ.75.G.2000+ об. IV : 21 и сл.; 2001+ л. XII' : 35 и сл.) /*māw-ū ħamm-ūt-um*/ 'воды горячие'; *a-P1-mu** (вар. *a-mu*) *'à-mu-tum* (= *U, -GAN*, ТМ.75.G.2000+ об. IX : 22 и сл.; 2001+ об. I : 27 и сл.) /*yawm-ū ħamm-ūt-um*/ 'дни жаркие'²¹; *sa-ga-ru, (*вар. *sa-ga-lu*) *ba-rī-ū-tum* = (КА-ħ u l ТМ.75.G. 1404 л. III : 9 и сл.; 2008 л. V : 4 и сл.), /*qak(a)-r-ū ra-riy-ūt-um*/ 'слова плохие'²².

Для окончания винительного-родительного падежа мн. числа м. р. /-i/ см. *su-ma / si-mi / ЛИ / [e n] / i n - n a - s u m* ТМ.75.G. 1968+ л. II : 7 и сл.) 'если плату (pl. tantum), (причитающуюся) ЛИ, [царь] дал', /*šim-i*/; то же окончание засвидетельствовано, вероятно, в написании *du-pū-ħi* ТМ.75.G. 1766 об III : 2), об интерпретации которого см. SEb 1 (1979), с 13 и SEb 6 (1982), прим. к ТМ.75.G1986+ л. IV : 1.

О множественном числе женского рода см. формы, упомянутые в разделе 2.1.1.

2.1.3. Падежи

Как показывает вышеприведенный материал, в текстах достаточно хорошо засвидетельствован родительный падеж. К уже упомянутым формам единственного числа мужского рода (см. 2.1) можно добавить *ba-da-gi-i-tum* (= *šu-ku,*; ТМ.75.G.2001+ л. IX' : 3 и сл.) /*bađaq-u yid-im*/ 'отрезать, о руке'²³) и, как пример в связанном тексте, *in / si-gi-rī-im* (ТМ.75.G. 2386 л. IV : 3 и сл.). Единственное число женского рода см. *in / a-ba-rī-iš / ti-'à-ma-dim* (ТМ.75.G.2421 л. VII : 3) 'пересекая море'; *šu-rī ti-'à-ma-tim* (ТМ.75.G.1619 об II : 4)**.

В известных мне текстах, по-видимому, нет надежно засвидетельствованных форм винительного падежа единственного числа; глосса *ma-ħa-zi-i-da* (= *šu-šu-ra*, ТМ.75.G.1301 об. II : 5 и сл.), вероятно, содержит родительно-винительный двойственного числа (ср. 2.1.2 и прим. 23) 'удар рук'.

* -P1- здесь читается -wa- или -aw-, A читается ja-. — Прим. ред.

** Может быть, **qurrī tihām(a)tim* 'выброшенное морем'? — Прим. ред.

Суффикс дательного падежа /-iš/ встречается с инфинитивом глаголов, как в a-ba-gi-iš (упомянутом выше), или в i-pa-sum / a-ga-mi-iš / gu-uš-gu-uš (TM.75.G.199 л. I : 11 и сл.)²⁴. При прилагательных придает им адverbиальное значение, как в ar-ḥi-iš ar-ḥi-iš (TM.75.G.2420, 360; а также TM.75.G12137+ л. VII : 5) 'очень быстро'.

Суффикс локативного падежа /-im/ засвидетельствован в предлоге āš-du 'от', соответствующем староаккадскому išim. Поскольку знак DU имел также значение tum (ср. в староаккадском MAD II², с. 78, 135), возможна также транскрипция āš-tum; когда за предлогом следуют суффиксированные местоимения (см. выше, I.1.1.^а,^б), мимацию следует считать ассимилированной последующему согласному. Локативный суффикс представлен также в конструкциях с паронимическим инфинитивом, например, ga-du-gi₁ / u-ga-da-ra (ARET2, 34 VIII : 11 и сл.; TM.75.G.2320 об. IV : 6 и сл.) 'воскурение он (обязательно) воскурит'; ù-na-ba-ga-ma / pa-rù-ù (TM.75.G.1444 XIII : 12 и сл.) 'и я буду тебя...' ²⁵.

2.1.4. Мимация

В глоссах эблантских словарных списков мимация характеризует все типы существительного ²⁶. Поэтому глоссы, где мимация не отмечена, следует считать неполными написаниями (scriptio defectiva), а не преднамеренным различием неких форм без мимации *. Это подтверждается также чередованием таких написаний, как ga-ba-gu (= sag-DU, TM.75.G.5653+ л. VIII : 34 и сл.; а также 1774 л. V : 7 и сл.) и таких, как ga-ba-gu-um (TM.75.G.2000+ л. VII : 42 и сл.). Намеренное опущение мимации наблюдается в имени, от которого зависит существительное (см. 2.2.) и в формах множественного числа мужского рода (см. 2.1.2.).

2.1.5. Status constructus

Имя в status constructus обычно не имеет мимации, но сохраняет падежное окончание: в глоссах ba-da-gu da-ne-u[m] 'разобрать юридический казус' (ср. 2.1.), ḥi-ma-zu a-pa-a 'с вырванными глазами' (дословно: 'вырванный глазами') (ср. 2.1.2.), i-zu ba-ne 'дерево тамариска' (ср. 2.1.); в личных именах, как, например, в широко засвидетельствованном типе ep-rù (вар. -bu) ИБ 'плод ИБ' ib-du-ИБ 'раб ИБ', du-rù-ḥi-ИБ 'жертва ИБ', иногда также в административных текстах, например, ḥa-za-nu T (TM.75.G.529 об. XVII : 17 и сл.) 'градоправитель T' рядом с многочисленными

* Как известно, носовые согласные фонемы в являете весьма часто опускаются в архаических письменностях; для -n это давно отмечено и в отношении эблантского, но, очевидно, верно и для -m. — Прим. ред.

квази-логографическими написаниями, например, *ba-da-lum / T* (TM.75.G.2312 л. VII : 5 и сл.) 'торговец (из) T'²⁷. Реже имя в *status constructus* графически передается без падежного окончания: *da-'à-ut / na-se₁₁* (TM.75.G.2396 л. III : 1 и сл.) 'пища (?) народа'; *ma-lik / T* (TM.75.G.1933 л. VIII : 3) 'царь T'.

То же правило иногда соблюдается, если за именем следует суффиговое местоимение, начинающееся с согласного, например, *a-pù-sù* (TM.75.G.1305 л. II : 3), которое толкуется Петтинато как 'отец его' (МЭЕ 2, с. 129), но преобладают квази-логографические написания, например, *ba-da-lum-sù* (TM.75.G.2358 об. V : 5) 'его торговец'. Форму причастия, переданного без падежного окончания перед суффиговым местоимением, см. в случае *mu-sa-ti-sa* (см. 1.1.2n).

2.3. Status praedicativus

Status praedicativus имени до сих пор, насколько мне известно, засвидетельствован только в ономастике. Он появляется в двух параллельных формах, которые представлены даже в одних и тех же ономастических типах. В первой форме *status praedicativus* предстает без мимации, но сохраняет окончание именительного падежа, например, в *a-pù* (вар. *a-bu_x* (KA))-ИБ 'ИБ — отец', ИБ-*a-ḫu* 'ИБ — брат'. Во второй форме *status praedicativus* снабжен окончанием -а, например, в *a-ba*-ИБ, *a-ḫa*-ИБ²⁸.

2.4. Status absolutus

Именная основа без окончания засвидетельствована в ономастике: в именах собственных, например, *ḫa-lu-ut* (TM.75.G.1444 XI : 5) *PEŠ-su-ut* (TM.75.G.1444 XI : 3); в именах божеств, например, ^d*ga-mi-iš* (вар. -*me-iš*), ^d*ga-sa-ar*; в эпитетах божеств, например, *i-šar*, *ma-lik*; в топонимах, например, *ma-nu-wa-at^{ki}*, *ra-'à-ak^{ki}*, в названиях месяцев, например, *iti za-lul*, *iti za-'à-na-at²⁹*. В топонимах эти написания чередуются иногда с имеющими окончание, например, в *a-da-bi-ik^{ki}* (ARET 2, 14 IX : 7) в противоположность *a-da-bi-gú^{ki}* (TM.75.G.1264 об. IV : 11), или в *a-te-na-at^{ki}* (TM.75.G.1323 об. IV : 3) в противоположность *a-te-na-du^{ki}* (TM.75.G.1265 об. V : 9). В названиях месяцев параллельно формам в *status constructus* имеются написания с окончаниями, например, *iti ḫu-lu-mu* (вар. -*la-mu*), а также с окончанием и мимацией, например *iti za-'à-tum* (в противоположность *iti za-'à-na-at*).

Другие формы *status absolutus* наблюдаются в числительных (*mi-at* 'сто', *li-im* 'тысяча', *ḡi-raḫ* 'десять тысяч', *ma-i-at* 'сто тысяч') и в названии меры зерна *ḡu-bar*.

3. ГЛАГОЛ

3.1. Спряжение

3.1.1. *yqtī* и *yqtīl* (0/1; n/1) ^{30*}

ед.	1 общ.	a- ^a , 'a _χ (NI)- ^b , a(C)- ^c
	2 м.	—
	2 ж.	—
	3 м.	i- ^d , i(C)- ^e
	3 ж.	da- ^f , da _g - ^g , da(C)- ^h
множ.	1 общ.	ne- ⁱ
	2 м.	—
	2 ж.	—
	3 м.	i-...-ū ^k
	3 ж.	—
двойств.	2 общ.	i(C)-...a ^l
	3 м.	da-...-a ^m
	3 ж.	—

^a a-'ā-a (TM.75.G.1444 XII : 11) /'aḥayya/ 'я? буду жить'; a-bur-li-im (TM.75.G.120 л. II : 5) 'если б я мог быть в добром здравии, о ИБ!'³¹; a-ga-ma-al (TM.75.G.1360 л. V : 2), '(ИБ), я буду заботиться'³².

^b NI-si-in (TM.75.G.1444 II : 2; ARET 2, 33 VII : 8) 'я узнал (?)'³³; NI-i (TM.75.G.1444 XV : 17) 'я ...л'; NI-ti (ARET 2, s. v.) /'addin/ 'я дал' (?).

^c āš-ṛū (TM.75.G.1444 XV : 15) 'я ...л'; ar-šē-a-ḥu (ARET 2,

* Автор применяет своеобразные и непривычные обозначения пород и других глагольных форм, поэтому целесообразно дать таблицу перевода его обозначений в общепринятые семитологические, арабистические и гебранстические: По Фрондарию По фон Зодену В арабистике В гебранстике

0/1	G	I	Qāl
t/1	T или GT	—	—
tn/1	GTN	—	—
š/1	Š	IV	Hiph'Il
n/1	N	VII	Niph'al
0/2	D	II	Pi''ēl
t/2	DT	V	Hithpa''ēl
š/2	ŠT	X	—
n/2	NT	—	—

Формой *yqtī* автор называет старый перфектив аккадского (**yī-qtul*) или новый имперфектив западносемитских языков; формой *yqtīl* — старый имперфектив аккадского и некоторых южносемитских (**yī-qatta/ul*); формой *qtī* — стative аккадского (**qatīl*) или перфект западносемитских языков **qata/i/ul(a)*.

Символы 1/, 1/w, 1/y, 1/n, 2/'...3/'... в т. д. означают глагольные трехсложные корни, где «слабые» согласные w, y, n занимают, соответственно, первое, второе или третье место в корне. — Прим. ред.

46 I : 3), ЛИ ²⁴; an-na / áš-da-ma (TM.75.G.1444 V : 10 и сл.) 'я сам ...л' ²⁵.

^d i-bí-zi-kir (ARET 2, s. v.) /yibbi'-ИБ/ 'позвал ИБ' ²⁶; i-i-da-du (TM.75.G.336 л. VII : 3) /yihyi-ИБ/ 'да будет он жить, о ИБ!'; i-ku-wa-an (TM.75.G.1354 л. IV : 5), 'он укрепился'; i-zi-ma-lik (TM.75.G.4484 III : 3) /yiši'-ИБ 'вышел ИБ'; i-za-iš-lu (ARET 214 X : 13) /yišša'-ИБ/ 'выйдет ИБ'; i-da-ma-lik (ARET 2, 13 X : 13) /yida'-ИБ/ 'узнал ИБ' ²⁷; i-ti-a-gú (ARET 2, s. v.), /yiddin-ИБ 'дал ИБ'.

^e ib-ur-da-mu (TM.75.G.2527+ л. VIII' : 3) 'если бы он мог быть в добром здравии, о ИБ!'; ip-dur-i-sar (ARET 2, s. v.) 'освободил ИБ'; ir-kab-ag ARET 2, s. v.) 'проскакал ИБ'; iš-má-i-lum (ARET 2, 6 IX : 2) 'услышал ИБ'.

^f da-bur-da-mu (TM.75.G.2527+ л. XI : 1), da-ḥir-ma-lik (Т. М. 75.G.1321 об. IV : 2) 'избрал ИБ' ²⁸.

^g da₁-zi-ma-lik (TM.75.G.1507 II : 7), /taši'-ИБ/ 'вышел ИБ'.

^h dáš-má-zi-kir (TM.75.G.1335 л. XII : 14), dar-kab-da-mu (TM.75.G.3474 III : 5); dar-ib-da-mu (TM.75.G.2645 л. X : 7).

ⁱ ne-si-lu (TM.75.G.2561 об. VI : 10) 'мы узнали'.

^k i-da-ḥa-ú (TM.75.G.1619 об. I : 4) /yiṭaḥḥa'-И/ 'они приближаются'.

^l ib-šé-a-ma (ARET 2, 34 IV : 10), /yibšī'a-ma/ 'они (оба) были (при этом)' (?) ²⁹.

^m da-za-a (TM.75.G.2038 л. I : 6) /tašša'-a/ 'они (оба) выйдут' (?) ³⁰.

Вышеприведенные формы глаголов *wš' и *wd' являются непосредственно производными от двухсложной основы (*ya2i3, *ya22a3 и т. д.) *. Рядом с ними в эблантском существовали формы с префиксом /yu-/ /tu-/ /см. 3.1.1.2/, аналогичные тем, которые стали нормативными в аккадском ³¹. В других формах те же глагольные основы распространены за счет начального w- (wa-za-ù-um, см. 3.2.3a; wa-da-, см. 3.1.4.1a).

К двухсложной основе сводима такая форма, как i-ti (от *yadin), в соответствии с именной формой wa-ti-nu (см. 3.2.2.). Однако нет свидетельств того, сохранил ли эблантский язык слабое спряжение глаголов на /n/, формы которых были условно интерпретированы как принадлежащие к сильному спряжению (например, /yibbi'-ИБ/).

3.1.1.1. Глаголы 1/'

ед. 1 общ.	a ^a
3 м.	i ^b
3 ж.	da ^c

³¹ Однако их можно рассматривать и как образования от трехсложной глагольной основы с начальным *y-. — Прим. ред.

^a a-mur-da-mu (TM.75.G.1430 л. II : 1') /'a'mur-ИБ/ 'я видел ИБ', или 'о, если бы я мог увидеть ИБ'

^b i-ḥuš-ša-ma-lik (TM.75.G.2075 об. V : 11), /yi'ḥuš-an-ИБ/ 'взял ИБ', i-mur-li-im (ARET 2, s. v.).

^c da-mur-da-mu (TM.75.G.2333 л. XV : 5) ⁴².

3.1.1.2. Глаголы 1/w

ед. 3 м.	û- ^a , u- ^b
3 ж.	du- ^c

^a û-zî (TM.75.G.10029 об. VI : 10), гипокористик /yuṣî/ '(ИБ) вышел'.

^b u₂-bil-lum (TM.75.G.523 об. V : 20), гипокористик /yubilum/ '(ИБ) принес'.

^c du-bil-ma-lik (TM.75.G.1443 об. VI : 15); du-zî-i-sar (TM.75.G.1443 об. VI : 14).

Поскольку в эблантском дифтонг *aw не стягивался в /ū/, *эти формы следует считать слабыми, то есть непосредственно производными от двухгласной основы; см. также параллельные формы с префиксами *ya-, *ta- (3.1.1.^{d, g, m}).

3.1.1.3. Глаголы 1/y

Единственная форма, которую можно с уверенностью отнести к глаголу 1/y, содержится в имени собственном ti-ša-li-im (ARET 2, s. v.; вар. ti-šé-li-im (TM.75.G.2396 л. II : 1), если она является производной от глагола *yūw 'существовать' ⁴³. Поскольку в эблантском дифтонг *ay не стягивался в /i/, причину вокализации префикса еще следует уточнить. Префикс ti- встречается также в других глагольных формах, не производных от глаголов на 1/y, где вокализация может быть следствием гармонии гласных (например, ti-iš-te-da-mu, TM.75.G.2276 л. III : 1).

3.1.2. yqtî и yqtlî (0/2, ̂/1)

ед. 1 общ.	û- ^a
2 м.	du- ^b
2 ж.	—
3 м.	û- ^c , u ₂ - ^d , u(C)- ^e
3 ж.	—

* Однако он нередко сохранялся, как в уаити 'день', графически a-Pî-mu, a-tmu, а потому вполне вероятно, что в остальных случаях он стягивался в /ō/. Есть достаточно доказательств того, что знак û произносился в староаккадском (а потому, вероятно, и в эблантском) как /ol/, /yo/. Соответственно следует читать /yobî/, /yöbil/. — Прим. ред.

множ. 1 общ.	—
2 м.	du-...-û ¹
2 ж.	—
3 м.	—
3 ж.	—

^a ù-pa-ba-ga-ma / pa-rù-ù 'и я тебя...' (см. 2.1.3).

^b mi-ne-iš / du-a-ḥa / Т 'почему ты братаешься с Т?' (см. 1; 3^h).

^c š e 7 šu / ù-wa-l-da-an / a l - g á l (ТМ.75.G.2171 об. II : 3 и сл.) 'ячмень, который он назначил, имеется', /yuwa''id-an/⁴⁴; l ú DU. DU / si-in / e n / Т / l ú ù-sa-ti-il (ТМ.75.G.2561 л. III : 3 и сл.) '(если) кто-либо пошел к царю Т, он его почтил' (yušaddil).

^d ga-du-ru_{1,2} / u₃-ga-da-ra (обязательно) он воскурит' (см. 2.1.3)/yuqaṭṭar-an/; wa / g u₄ g u₄ / u d u u d u / u₆'à-ri-ba-ma (ТМ.75.G.705 об. III : 5 и сл.) 'и быков и овец убил', /yuḥarrīb-an-ma/.

^e uš-da-si-ir / ИБ (ТМ.75.G.2038 об. II : 6 и сл.) 'приготовил ИБ', /yuštayšir/; формально возможно также 'освободил (?) ИБ', /yuštawšir/.

^f mi-ne-iš / du-ba-ra-ù / š e / Т 'почему вы... ячмень Т'а?' (см. 1.3h).

3.1.3 Императив

ед. 2 м.	-ø ^a
множ. 2 м.	-(C)u ^b

^a si-ma (ТМ.75.G.1766 л. I : 5) 'послушай', /sima'/; ḥir-ma-lik (ТМ.75.G.1329 об. I : 9) 'выбирай, о ИБ!'; kum-da-ba-an (ТМ.75.G.2368 л. II : 10), /kūp-ИБ/ 'будь верен, о ИБ!'; a-šu-ur-ma-lik (ТМ.75.G.1342 об. VII : 13) 'окажи покровительство, о ИБ!'⁴⁵.

^b en-ma / ЛИ / si-in / e n / wa / АВ × ÁŠ-АВ × ÁŠ / gi-lu-ma (ТМ.75.G.247 л. I : 1 и сл.) 'так ЛИ (говорит) царю и старейшинам: ...' (императив 0/1 или императив 0/2 от глагола 2/y)⁴⁶.

3.1.4. qtl

В отличие от аккадского в эблантском языке есть формы с суффиксами в функции, отличной от статива, которая приближается к функции «завершенного» вида в западных семитских языках. Точное значение этой формы — до сих пор, впрочем, засвидетельствованной только в ономастике, — требует дальнейшего уточнения.

3.1.4.1. qtl (0/1) *

ед. 3 м.	-ø ^a , -a ^b
----------	-----------------------------------

^a a-[d]ar-li-im (ТМ.75.G.120 л. II : 4) 'могуществен ИБ'; a-

ga-al-[ma-lik] (TM.75.G.336 л. VI : 12) /'akal-/ 'ИБ съел'*; la-a-iš₂ (LAM)-lu (TM.75.G.1321 об. II : 6), /la'ay-ИБ/ 'одолеет ИБ', wa-da-la-i-mu (TM.75.G.336 л. V : 5), /wada'-ИБ/ 'познал ИБ' **.

^b ma-ḥi-la (ARET 2, 5 VIII : 1) 'получил /maḥiḡa/ (?)'; ar-ga-zi-kiḡ (ARET 2, 19 VI : 5) 'проклял ИБ'; ḥa-ra-il (ARET 2 13 IV : 2) /ḥa-ra-ИБ/ 'избрал ИБ' **; wa-a-ga-ba-al ** (TM.75.G.1559 л. VI : 11), '...л ИБ'.

Следует указать, что в соответствии с тем, что было отмечено для status praedicativus имени (см. 2.3), форма 3-го л. ед. ч. может появляться как с окончанием -a, так и без него. Заметим также, что в эблантском широко употребляется схема la2a3- (в том числе в формах со значением статива, как a-dar-li-im) наряду со схемой la2i3-.

3.1.4.2. Статив в производных формах

Форма глагольного прилагательного 0/2 с окончанием субъектива -u сохранилась, возможно, в lú ЛИ/ba-ú1-gú (TM.75.G.1430 л. II : 2 и сл.) 'которого ЛИ незаконно лишен' /rawwug-u/ или /bawwug-u/ (см. F r o n z a g o l i 1980, с. 70 и сл.).

Форма статива причастия š/1 с суффиксированным местоимением -sa содержится в tu-sa-ti-sa (см. 1.1.2^а).

3.2. Отглагольные имена

3.2.1. Активное причастие

0/1	la2i3- ^a
tn/1	multan2i3- ^b
0/2	mula22i3- ^c
š/1	muša2i3- ^d
š/2	mušala22i3- ^e

^a da-i-in (TM.75.G.1417 об. V : 12), *dyn 'судить', ra-gi-um (= i - r á - r á; (TM.75.G.2000+ об. XIII : 21 и сл.; 2001+ об. V : 16 и сл.) 'изготовитель 'азей', *rgh; wa-zi-lu-um (= b á h a r, TM.75.G.2000+ об. XVII : 8 и сл.; 2001+ об. VIII : 39 и сл.) 'гончар', *wšr 'лепить'.

^b mu-da-bíl-du (= š u - g í d - g í d, TM.75.G.1426 об. I : 11 и сл.), *wbl 'носить'.

^c tu-wa-li-tum (TM.75.G.1264 л. VI : 2) 'родительница, роженица', *wld 'рождать' (Pettinato MEE 2, с. 30); следует от-

* Перевод не бесспорен: скорее 'я удержал, о ИБ' (к форме yqt1, порода G,2/ или 2/w, 1 л. общ.) — Прим. ред.

** /wa'ak/qa=Ba'al/? — Прим. ред.

метить также *mu-li-tum* (= šà - z u, со слабым образованием; ТМ.75.G.2000+ об. II : 29 и сл., 2001+ л. X : 39 и сл.) 'повивальная бабка', значение породы — фактитивное.

^d *mu-sa-ti-sa* (см. 1.1.2n), /*mušaddiy-*/ 'который заставляет оставаться (невозделанным)', **ḥdu* 'бросать'.

^e *mu-sa-ga-i-núm* (= MAS.EN.KAK, ТМ.75.G.10023 об. I : 7 и сл.) 'слуга' (Gelb 1977, с. 23).

3.2.2. Пассивное причастие

0/1 *la2u3^a*, *lu2a3^b*

* *ma-nu-wa-at^{kl}* (ARET 2, s. v.), 'Т, (территория), причисленная', **mṇw* 'считать, причислять'.

^b *ḥu-ma-zu* 'лишенный' (см. 2.1.2); *pu-ga-ru₁/lu* (= *du mu-sa g*, ТМ.75.G.1774 л. VII : 10 и сл.; 2000+ л. VIII : 18 и сл.) 'первородный', **bkr*; *gú-ra-zu-um* (= *s a g - d u₂*, ТМ.75.G.2000+; л. VII : 31 и сл.; 5653+ л. VIII : 26 и сл.) 'сделанный доступным'⁴⁰; *pu-ba-tum* (ТМ.75.G.11111 III : 3), ЛИ /*puba^a-t-um*/ 'позванный'^{40*}.

Что касается употребления отглагольного прилагательного в функции пассивного причастия, см., возможно, *wa-ti-nu* (ARET 2, 30 VI : 1, ЛИ 'данный, подаренный (?)', **wṭn* 'давать'⁴¹; и, с породой 0/2, *ba-ú1-gú* (см. 3.1.4.2).

3.2.3. Имя действия

0/1	<i>la2a3^a 2i3-(t-)^b</i>
0/2	<i>la22u3^c</i>
t/2, tn/2	<i>tulta22i3^d</i>
š/1	<i>ša12u3^e</i>
št/1	<i>tušta12i3^f</i>

* *a-ga-mu-um* (= *k a r*, ТМ.75.G.2000+ об. XVII : 28 и сл.; вар. *a-ga-mu-mu*, 2001+ об. IX : 11), **km* 'унести прочь', *à-la-gum* (= *DI.DI*, ТМ.75.G.2001+ л. XII : 32 и сл.; = *DU.DU*, 4538 I : 3 и сл.), **hlk* 'идти'; *ma-ḥa-lu-um*, *ma-ḥa-lum* (= *g a b a - r u*, ТМ. 75 G.2000+ об. XV : 3 и сл.; 2001+ об. VI : 35 и сл.), **mḥr* 'встречать, нападать'; *i-ša-wu* (= *a n - g á l*, ТМ.75.G.1825+ об. IV : 1 и сл.; = *a - g á l* 1825+ л. IV : 5), **yṭw* 'существовать, быть в наличии'; *wa-ba-lu* (= *k a s₄*, ТМ.75.G.2000+ об. XVI : 3 и сл.; 2001+ об. VII : 43 и сл.), **wbl* 'нести'; *wa-za-ù-um*, *wa-za-um* (= *šu-DU*, ТМ.75.G.1426 л. VI : 2 и сл.; 2000+ л. XIV : 39 и сл.; 5653+ л. XVI : 1'' и сл.; вар. *wa-zu-um*, 2001+ л. VIII' : 27 и сл.), **wš* 'выходить'.

^b *zē / k a* 'выход (изо) рта; заявленье, приказ' (ср. 1.4^b), **wš*'

* Собственно 'позванная'; однако по модели женского рода могут образоваться и гипокористики мужского рода.— *Прим. ред.*

‘выходить’⁸²; si-tum (= š e - g i n, TM.75.G.2000+об. VI : 24 и сл.; gin-ir, TM.75.G.1445 об. III : 6 и сл.) ‘красящее вещество; клеймо’, *wsm ‘метить’; si-tum (= ù - d i, TM.75.G.1445 об. II : 9 и сл.) ‘сон’, *wšn ‘спать’.

^c ga-du-gu₁₁, ‘воскурять [ароматические вещества]’ (см.2.1.3) *qtr; na-pù-ù (см. 2.1.3).

^d du-da-li-gu-um (= п а м - п а м - е н, TM.75.G.2000+об. XI : 13 и сл.), *mlk (F r o n z a g o l i 1979, с. 6) ‘обладать царским достоинством’; du-da-zi-lu-um; du-da-zi-lum (= k a s₄, TM.75.G.2000+ об. XVI : 5 и сл.; 2001+ об. VII : 45 и сл.), *mzl ‘бежать’⁸³ (см. 3.4.8) *.

^e sa-ḥu-sum (= d i m, TM.75.G.1965 л. I : 4’ и сл.), *’ḥd ‘брат’ (F r o n z a g o l i 1979, с. 83).

^f du-us-da-gi-lu-um, du-uš-da-gi-lum (= UR.UR-kú (TM.75.G.1404 об. I : 5 и сл. 2000+ л. V : 7 и сл.), *’kl ‘питаться’⁸⁴.

3.3. Наклонения

3.3.1. **Energicus.** Формы с окончанием на /-an/ сохранились как в текстах, так и в ономастике: i-ḥuš-ša-ma-lik (см. 3.1. 1.1 б) ù-wa-i-da-an (см. 3.1.2^c) u₆-ga-da-ra (см. 3.1.2^d), a-a-la-ša-su-nu (см. 1.1.2^a) (E d z a r d 1981, с. 48, п. 119). Точное значение этих и им подобных форм, встречающихся в текстах, требует дальнейшего изучения.

3.3.2. **Subjunctivus.** Форма сослагательного наклонения, характеризующегося окончанием -u, сохранилась, возможно, в ba-ú¹-gú (см. 3.1.4.2).

3.3.3. **Praecativus.** В именах собственных значение увещательного наклонения может быть передано простым yqt¹ : i-bur-da-mu (см. 3.1.1. е); da-bur-da-mu (см. 3.1.1); i-i-da-ḍu (см. 3.1.1^d), а также F r o n z a g o l i 1979, с. 276. В текстах форма увещательного наклонения, введенная частицей lū, сохранилась, несомненно, в wa / DU.DU / lu-sa-ti-il / e n / T (TM.75.G.2561 л. III : 3 и сл.) ‘и ты пойд и да почтит (?) тебя царь’, что следует сравнить с ù-sa-ti-il (см. 3.1.2). См. также lu-ti-ir (TM.75.G.2420, 497) ‘пусть будет возвращен’.

3.3.4. **Prohibitivus.** Форма запретительного наклонения предполагается Эдцардом в a-a-la-ša-su-nu (см. 1.1.2^a).

3.4. Породы

3.4.1. Порода t/1. Инфикс -ta- появляется в форме yqt¹ (или, возможно, yqt¹l) как в текстах, так и в ономастике: áš-da-ma (см.

* Возможен также корень *’z¹, ср. др.-евр., арамейск. ’z¹ ‘уходить’. — *Прим. ред.*

3.1.1^с); *ib-da-zu-gu* (ARET 2, 34 III : 9); *il-da-gú-zu* (ARET 2, 34 II : 1); *iš-da-má* (TM.75.G.2340 об. II : 3), ЛИ, *šm' 'слыша ь'; *iš-da-al* (TM.75.G.2112 л. IV : 2), *šl' 'спрашивать'; *ib-da-га ag* (TM.75.G.2345 л. II : 3), ЛИ. Вопрос о значении этих форм, в том числе по отношению к аккадскому «перфекту», остается открытым. Кроме того, отметим, что некоторые из этих написаний могут рассматриваться как содержащие инфикс *-tan-* (см. 3.4.8).

3.4.2. Порода 0/2. Засвидетельствована формами *yqtI* и *yqtII* (см. 3.1.2), причастием (см. 3.2.3^с), отглагольным прилагательным (см. 3.1.4.2) и инфинитивом (см. 3.2.3). Что касается повелительного наклонения, ср. 3.1.4.2.

3.4.3. Порода t/2. Засвидетельствована, вероятно, отглагольным именем *tulta2i3* (см. 3.2.3^д), но см. также выше (3.4.8).

3.4.4. Порода š/1. До сих пор засвидетельствована только в инфинитиве (см. 3.2.3^е) и в причастии (см. 3.2.1^д).

3.4.5. Порода št/1. Засвидетельствована в форме *yqtI* (см. 3.1.2^е) и в отглагольном имени *iuštal2i3-* (см. 3.2.3^д).

3.4.6. Порода š/2*. До сих пор засвидетельствована только в активном причастии (см. 3.2.1^е).

3.4.7. Порода t/1. Пока в текстах отсутствует; в ономастике на нее указывает антропоним *ib-bi-ḥir* ** (TM.75.G.523 об. X : 7) **.

3.4.8. Породы с инфиксом */-tan-*. Надежные написания с этим инфиксом мне не известны. Формы, обозначенные выше как *t/1*, *t/2* и *št/1* можно было бы рассматривать также как содержащие инфикс */-tan-*. Семантические соображения позволяют предполагать этот инфикс в некоторых отглагольных именах итеративно-габитативного значения, которые глоссируются шумерограммами с удвоением основы (см. 3.2.3^д); причастием *tn/1* является, возможно, *mu-da-bil-du*, как это явствует из сравнения с аккадским (см. 3.2.1).

4. ОБЩАЯ ОЦЕНКА

В предыдущем изложении я попытался подчеркнуть неодинаковый уровень достоверности имеющегося материала. Три типа источников, находящихся в нашем распоряжении, ставят различные проблемы. Во-первых, очевидно, что, несмотря на стремление использовать данные ономастики только там, где другие источники отсутствуют, значительная часть этих данных зависит от неизбежно субъективного толкования имен собственных **. Самые интересные сведения о глагольном спряжении и морфологии местоимений содер-

* Речь идет о специфическом социальном термине, известном в Нижней Месопотамии с начала III тыс. до н. э.: *muška'ep* (*muškēnum*).— *Прим. ред.*

** Чтение не вполне надежно.— *Прим. ред.*

жаты в текстах канцелярии, особенно в так называемых исторических текстах, причем не только их референтивное значение, но и значение лингвистическое может быть истолковано по-разному. Несмотря на все трудности, о которых свидетельствуют многочисленные истолкования, отмеченные выше как недостоверные, в этих текстах много структурно прозрачных форм, позволяющих значительно расширить наши представления об эблаитской морфологии.

Наконец, по глоссам, имеющимся в словарных списках, можно судить о склонении имен и об образовании глагольных и отглагольных имен; их понимание — по крайней мере, понимание глосс, использованных в данной работе, — почти не представляет затруднений, но сложности возникают из-за условностей написания, которые были проанализированы в 2.1.

С этими оговорками некоторые черты морфологической системы эблаитского языка есть основание считать установленными. Очевидно, система местоимений изоморфна староаккадской. Система независимых личных местоимений включает формы родительного и дательного падежа, система суффиксированных личных местоимений — формы дательного и винительного. Определительно-относительное местоимение склонялось; засвидетельствованные формы, включая двухпадежное склонение во множественном числе, по-видимому, соответствуют тем, которые на основе последовательной реконструкции (*sequential reconstruction*) восстановил Гельб (Gelb 1969, с. 2). Склонение вопросительных и неопределенных местоимений представляется ясным: нет оснований считать, что местоимения *mī-ni* и *mī-ni-ta*⁵⁷ относятся к одушевленным предметам, а также допускать существование формы */mī/* 'кто?'⁵⁸. В отличие от аккадского, в эблаитском языке пока, видимо, не доказано существование независимого притяжательного местоимения⁵⁹.

Именная флексия, за исключением окончания винительного падежа, хорошо представлена и, по-видимому, также изоморфна староаккадской. В ономастике засвидетельствовано окончание */-a/* для *status praedicativus*. Двойственное число, очевидно, часто употреблялось и в именном склонении, и в глагольном спряжении. Следует отметить как более архаичную по отношению к староаккадскому (и аморейскому) черту, что имя в *status constructus* обычно, по-видимому, сохраняет падежные окончания.

В глагольном спряжении теперь надежно засвидетельствована форма *yqtll*, которая соответствует *Praesens* (несовершенному виду) в аккадском. Суффиксированная форма *qtl*, оканчивающаяся на */-a/* в третьем лице единственного числа, представлена в ономастике и один раз в тексте канцелярии; она чередуется с формами без окончания. В глаголах *l/w* слабые формы, соответствующие реконстру-

ированным Кинастом для доисторического периода аккадского⁶⁰, появляются рядом с формами, соответствующими аккадским. Что касается глагольных имен, следует отметить форму lu2a3-, имеющую, очевидно, значение пассивного причастия, и формы с префиксом /tu-/ (отчасти их, видимо, следует рассматривать как tn/2), которые представляют отличительную особенность эблаитского. В глаголах l/w имя действия типа 2i3- представлено наряду с 2i3-t-. Все производные породы, известные также из староаккадского, хорошо засвидетельствованы, за исключением пассивной породы n/1.

Особую проблему, заслуживающую специального исследования, представляет употребление префикса /ti-/ в формах, невыводимых из глаголов l/y, и спряжение глаголов 3/w, где чередуются написания на -(C)a и на -(C)i, -(C)e⁶¹. Что касается значения форм, самую интересную проблему представляет употребление трех видов глагола qtl, qttl, qil; для ее решения необходимы более обширные данные и их теоретическое осмысление.

Установленные к настоящему времени характерные черты морфологической системы эблаитского языка подтверждают его принадлежность к арханчному семитскому лингвистическому типу, что я предположил уже в 1978 г., хотя и располагал менее обширными материалами (Fronzaroli 1978, § 3.3.). По сравнению с семитскими языками Месопотамии, продолжающими тот же лингвистический тип, эблаитская морфология находится на менее продвинутом этапе эволюции, что доказывает сохранение падежного окончания в status constructus и наличие форм, восстановленных Гельбом и Кинастом лишь на основе аккадского. Это согласуется с замечаниями о фонематической системе эблаитского языка в других моих работах⁶². Чтобы проанализировать соотношение эблаитского с различными лингвистическими традициями Месопотамии, следует дождаться более обширного материала⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности, Pettinato 1975, с. 373 и сл.; 1979, с. 63 и сл.; Gelb 1977, с. 24 и сл.; Dahood 1978, с. 81 и сл.; Fronzaroli 1978; Garbini 1978, с. 250 и сл.; Lipiński 1979, с. 51.

² Необходимость в этом подчеркивалась также Эдзардом (см. Edzard 1981, с. 58), который внес большой вклад в решение данной задачи; см., кроме того, об употреблении синлабограмм типа Ca для Saw, Fronzaroli 1980с, с. 126 и прим. 31.; об употреблении I в значении /ya/, Fronzaroli 1980с, с. 126;

о значении *u*, Fronzagli 1980с, с. 126; о значении NI = 'а, см. Fronzagli 1981, с. 47; ARET 2, s.v. NI-ti.

⁸ Приоритет данных морфологии для классификации языков был подчеркнут Гельбом (см. Gelb 1977, с. 17).

⁹ Как это было мною предложено в 1978 году (см. Fronzagli 1978, § 3.3.).

¹⁰ О возможности несовпадения грамматики ономастики с грамматикой текстов см. Gelb 1977, с. 17.

¹¹ Когда морфема или слово хорошо засвидетельствовано и существует как лемма в ARET, оно будет приводиться по ARET 2, s.v. (со ссылкой на вокабуляр, с. 118 и сл.). Библиография будет указана только в случаях полемики. Что касается приводимых текстов канцелярии, см. в особенности следующие: TM.75.G.1430 = =Fronzagli 1980, с. 65 и сл.; TM.75.G. 1444 = Edzard 1981, с. 36; TM.75.G. 1452 = Fronzagli 1978, с. 4 и сл.; 1981, с. 171; TM.75.G. 1966 + = Fronzagli 1981; TM.75.G. 2342 = =Pettinato 1977, с. 239 и сл.; TM.75.G. 2396 = Fronzagli 1981; TM.75.G.2420 = Sollberger 1980, с. 134 и сл.

¹² Этот ономастический тип можно сравнить со староаккадским антропонимом *gu-zé-lum* (MAD III, с. 232); **gwš* 'приходить на помощь' засвидетельствовано в эблаитской ономастике также в других формах, как, например, причастие *ga-i-zu* (ARET 2, 15 V : 7), ЛИ. Чтение *en-ši-IB* 'ИБ — моя защита' (Pettinato 1975, с. 370; Garbini 1978, с. 48, прим. 25), которому я следовал во Fronzagli 1978, § 2.2.2, требует метатезы в консонантной группе **ḫaḫn-*, следов которой в этом слове не отмечено в других семитских языках.

¹³ Следует отметить, что в эблаитских текстах глагол «давать» обычно сопровождается двойным винительным падежом, см. Edzard 1981, с. 49. Другую интерпретацию предлагает Петтинато, см. МЕЕ 2, с. 106 ('с тобой ИБ').

¹⁴ О возможности для *-sù* иметь в некоторых случаях логографическое значение см. Edzard 1981, с. 48, прим. 3.

¹⁵ Такие антропонимы, как *i-bi-šum* (TM.75.G. 1321 об. V : 13) или *en-na-sum* (TM.75.G. 521 об. III : 9), нужно все же рассматривать как содержащие суффиксированное местоимение дательного падежа, хотя обычно они образуются с суффиксированным местоимением винительного (см. 1.1.2^с 9).

¹⁶ Существование этого местоимения недостоверно; в других ономастических контекстах написание *-gù-ni* указывает, как кажется, на имя нарицательное божества (Fronzagli 1980, с. 44). Личного имени **en-na-gù-na* (ARET 2, с. 105 s.v.) не существует; см. ARET 2, 28 XIV : 11 и табл. XXIV (*en-na-gù-nu!*).

¹⁷ Следует отметить, что иногда суффиксированное местоимение

может быть написано в отдельной ячейке (например, АРЕТ 2, 29 II : 1). О другой интерпретации см. Pettinato 1980, с. 244 (внимательный множественного числа независимого личного местоимения).

¹⁵ Перед определительно-относительным местоимением стоит 2 *mí gá pa - ki*, и весь отрывок можно, видимо, истолковать так: '200 мер земли (есть) то, что...'; текст ТМ.75.G.1767 см. Archi 1980, с. 7 и сл.

¹⁴ Поскольку мы не знаем, какую форму имело существительное, зависящее от числительного, с которым согласовано определительно-относительное местоимение, нельзя исключить, что написание *ša-ti* можно интерпретировать здесь как форму родительного падежа множественного числа.

¹⁵ См. также написание *mí-gi-il* (ТМ.75.G.1358. XI : 20), которое могло бы фиксировать ассимиляцию вследствие выпадения /'/. О другой интерпретации этого ономастического типа, см. Pettinato 1975, с. 372, прим. 89; МЕЕ 2, с. 257 ('Кто подобен ИБ').

¹⁶ Употребление логограмм делает двусмысленным текст, который мог бы пониматься как '... идет (его) царь к своему брату?..' В эблаитских текстах глагол «идти» употребляется как с винительным падежом, так и с предлогом *si-in* (или *NI-na*); см. в том же тексте: *lú DU.DU / si-in / e n / T* (см. 3.1.2^с).

¹⁷ О *zê / ka* см. 3.2.3^б. Другую интерпретацию см. Pettinato 1977, с. 239; букв. 'тебе человеку-брату всякое желание, которое исходит из рта'.

¹⁸ Значение 'а_x для знака *NI*, предложенное Эдвардом, (см. Edzard 1981, с. 47; АРЕТ 2, s.v. *NI-ti*), вновь поднимает вопрос о чтении предлога *NI-na*, который, таким образом, мог бы соответствовать аккадскому *ana*. Значение 'а_x подтверждается некоторыми параллельными написаниями, например, *NI-a-ga-tum*, *a-ga-du = DI* (ТМ.75.G.2001+об. III : 19; 1825 об. VII : 4 и сл.), */halak-at-um/* 'путешествие'; написание же *NI-ga-du-um (=DI, ТМ.75.G.2000+об. XI : 16 и сл.)*, где я счел *NI* имеющим значение *iá* (см. Fronzagli 1979, с. 72), может указывать на синоним */halk-at-um/*.

¹⁹ Ср. единственное число *bu_v(NI)-du-du (=giš-LAM × KUR, ТМ.75.G.1426 л. I : 9 и сл.) /buřut-t-um/* из **buřm-at-um/* с эпентезой *u* и выпадением гласного, следующего за послеударным и последующей ассимиляцией (об ассимиляции группы *mt* в эблаитском см. Fronzagli 1979, с. 6). Значение *bu_v* знака *NI* засвидетельствовано в глоссах такими параллельными написаниями, как *řu-ru_v, řu-řu-tim, řu-ru_v, NI-NI-tim, NI-NI-tum (=giš-řur, ТМ.75.G.2000+л. XIII : 27 и сл.; 2000+л. VII : 14; 1426 л. I : 15 и сл.)*. [В тексте ТМ.75.G.2422 л. I : 29 скорее нужно видеть *status const-*

ructus мн. ч. /'akl-ū/ 'хлеба'. Форма buṭuttum возникает, как мне кажется, в результате выпадения последующего гласного: buṭm(a)-tum > *butm/ṭum > buṭuntum > buṭuttum, мн. ч. buṭmātum. [Аналогично и в аккадском.— *Прим. ред.*]

²⁰ Двойственное число женского рода может относиться к двум божествам, упомянутым в начале текста (л. I : 4 и сл.), к которым относится также глагольная форма da-za-a (см. 3.1.1.). С ḥa-la-mi-im сравнимо, быть может, уг. ṽlm 'мальчик, слуга' и соответствующие слова в других западносемитских языках; обозначение ṽ посредством силлабограмм серии ḥa (соответствующее общей тенденции к одинаковому выражению серии глухих, звонких и эмфатических фонем, единых по месту артикуляции) подтверждено некоторыми надежными истолкованными глоссами, например [ḥ]a-rī-pū-um, ḥa-rī-pum (= u g a - m u š e n, TM.75.G.2000+л. VIII: 52 и сл.; 1774 об. III : 8 и сл.; вар. g[ḥ]-rī-pum, 5653+ л. X : 8 и сл.), /yārīb-um/ 'ворон'.

²¹ Следует отметить написание дифтонга /aw/ (E d z a r d 1981, с. 126, прим. 31).

²² Это толкование подтверждается употреблением той же шумерограммы в повествовательных контекстах (TM.75.G.2420, 355 и сл., 372 и сл.). Множественное число sa-ga-lu засвидетельствовано также независимо (=KA.KA, TM.75.G.2000+л. VI : 35 и сл.). Следует отметить необычное обозначение фонемы *d, обычно передаваемой серией ṣa (F r o n z a g o l i 1979, с. 77 и сл.), а также сравнить написание элемента zi-kir в именах собственных (E d z a r d 1981, с. 15, прим. к VI : 4). Обычное обозначение *d, возможно, встречается в глоссе ṣa-gi-lu-um a-pum (=KA.DU, TM.75.G.1404 л. III : 7 и сл.) и засвидетельствовано аналогичными написаниями в других списках, но необходима и некоторая осторожность, поскольку KA.DU в административных текстах, видимо, обозначает металлический предмет (например, ARET 2, 12 III : 7).

²³ Следует отметить в этом недвусмысленном примере употребление родительного падежа для уточнения значения глагола; в глоссах, приведенных в 2.1.2, формы родительно-винительного падежа двойственного числа могли бы быть истолкованы также как относительные дополнения в винительном падеже. Надо обратить внимание и на написание глоссы, указывающее на сандхи; аналогичное написание ma-ḥa-zi-i-da упомянуто выше в этом же параграфе.

²⁴ Глагол a-ga-mi-um засвидетельствован также в словарных списках (см. 3.2.3^a).

²⁵ I лицо ед. ч., предполагаемое Эдцардом в написании ū-pa-ba-ga-ma, в контексте возможно. [Вероятно, букв. 'я буду усердно призывать тебя призыванием'? Ср., однако, контекст.— *Прим. ред.*]

²⁶ Мнение, согласно которому мимазия в текстах Эблы характеризует абстрактное имя (G a r b i n i 1978, с. 254 и сл.), не подтверждается материалом.

²⁷ Формы в status constructus с отмеченной мимазией есть и в словарных списках; см., например, ḥa-za-nūm ku r^{kl} (=su m-k u r, TM.75.G.1445 об. V : 1 и сл. 'дикий лук', букв. 'горный лук').

²⁸ См., например, a-bū-dku-ra (ARET 2, 12 IV : 5) в противоположность a-ba-li-im (TM.75.G.1362 об II : 6); a-ḥa-ar (TM.75.G.1366 об III : 4) в противоположность a-ḥu-na-im (TM.75.G.3524 л. II : 4). Status praedicativus на -a хорошо известен в аккадском (MAD II²; с. 146 и сл.) и аморейском (G e l b 1958, с. 155, § 3.2.5.2).

²⁹ Относительно имен божеств, топонимов, названий месяцев и числительных, упомянутых в этом параграфе, см. ARET 2, s.vv.

³⁰ О породе n/l см. 3.4.7.

³¹ Об истолковании см. F r o n z a g o l i 1979, с. 276, прим. 4.

³² Об употреблении этого глагола в ономастике см. также iḡ-mul-^{AN AN}_{AN AN}-da-tu (TM.75.G.1324 X : 13).

³³ Если эту формулу можно сопоставить с хамито-семитским корнем *šp 'знать', как это было мною предложено во F r o n z a g o l i 1981, с. 174, то написание могло бы интерпретироваться как /'ašin/, или, возможно, /'ašin/. По мнению Х. Рабина, этот глагол имеет в западносемитских языках форму *šnp (см. R a b i n 1977, с. 336 и сл.), но наше написание не может быть формой глагола tertiae geminatae, так как такие глаголы в эблаитском имеют, по-видимому, сильное спряжение (как, например, в форме, засвидетельствованной личным именем ib-lul-il, ARET 2, 4 XV : 7. О чтении знака NI как 'a_x см. выше, прим. 2 и прим. 18.

³⁴ См. варианты написания этого ЛИ: F r o n z a g o l i 1979, с. 74, прим. 30; о возможных интерпретациях см. F r o n z a g o l i, 1978, § 2.2.5.

³⁵ О возможных интерпретациях см. E d z a r d 1981, с. 50.

³⁶ На основе чередующихся глосс, представляющих формы, начинающиеся с i- или с a- для этимологического /ya-/, Эддарт считает, что i- как глагольный префикс употреблялся также для передачи /ya-/ (см. E d z a r d 1980, с. 123). Этот вопрос требует более глубокого рассмотрения; в данной работе я по-прежнему трактую i- как /yil/. [Нам последнее решение кажется оправданным.— *Прим. ред.*]

³⁷ Менее вероятной, хотя и теоретически возможной, представляется в имени собственном понимание написания i-da- как эквивалентного *yaddan 'он даст' (форма, сохранившаяся в ассир. iddan).

³⁸ О согласовании глагольной формы с носителем именя, а не с именем божества, которое является субъектом при глаголе, в этом

и других вышеприведенных женских именах см. F r o n z a g o l i 1979, с. 275 и сл.

³⁹ По мнению Эдварда (см. E d z a r d 1981), эта форма может быть также 3 л. ж. р. мн. числа.

⁴⁰ Поскольку нам неизвестно, имеет ли префикс 3 л. ж. р. форму /yi-/ или /ta-/, это может быть и множественным числом.

⁴¹ Пока еще нет достаточного материала, чтобы решить, являются ли две серии форм с вокализованными префиксами соответственно с *а и *и, результатом диалектной дифференциации (ср. F r o n z a g o l i 1979, с. 279, прим. 37) или алломорфами, сосуществующими в рамках одного языка, но второе предположение представляется более вероятным.

⁴² Поскольку в аккадской ономастике глагол 'mг 'видеть' появляется в теофорных именах только в I л. ед. ч., постольку я принял, что написание da-ḥAR- следует читать не ta-mug, а da-ḥiḡ (F r o n z a g o l i 1979, с. 276). Однако все же возможно, что в эблантской ономастике глагол «видеть» мог относиться и к божеству как субъекту, что позволило бы избежать введения нового чтения ḥiḡ (не засвидетельствовано в староаккадском вплоть до III династии Ура) и читать da-mug. [Следует заметить, что глагол 'mг мог в эблантском означать не 'видеть', как в аккадском, а 'говорить, приказывать', как, например, в арабском; тогда отнесение глагольной формы к божеству было бы вполне естественно.— Прим. ред.]

⁴³ Написание может быть истолковано как /yitāy-IB/ 'ИБ существует'; в староаккадском известен тот же ономастический тип в формах мужского рода (i-ṣu-ИБ, i-su-ИБ); о значении антропонима см. R o b e r t s 1972, с. 31, 90, прим. 210. Семитский глагол *w 'существовать', встречающийся в застывших формах западных языков и хорошо засвидетельствованный в аккадском со значением 'иметь', зафиксирован в эблантском словарном списке в форме инфинитива, см. 3.2.3^a. [В семитских языках (в арамейском) засвидетельствован и другой вариант глагольного корня, *tū; соответственно и здесь можно было бы читать /*yitāy-Li'm, *itē-Li'm/ 'существует (бог) Лим'; в женском имени по аналогии /*titāy-Li'm/. Огласовка на yi- /ti- может быть связана с типом спряжения непереходного глагола (форма taṣṣa'-a 'они выйдут' (3.1.1^m) может объясняться стяжением <*ti-waṣṣa'-a, а глагол taḥkab, с точки зрения семитских языков, переходный (3.1.1^b). — Прим. ред.]

⁴⁴ Эту форму можно рассматривать также как I л. ед. ч.

⁴⁵ Толкование, предложенное Гельбом (apud Sollberger 1980, с. 131).

⁴⁶ Петтинато переводит 'будьте внимательны!' и сравнивает акк. qālum (P e t t i n a t o 1980, с. 233); тем не менее в аккадском

это глагол 2/w; в то же время порода 0/2 в нем не употребляется.

⁴⁷ С теофорным элементом la-î-mi следует сравнить досаргоновское личное имя собственное i-ku-la-im (СТ 32, 8 IV A).

⁴⁸ Этот ономастический тип можно сравнить с da-ḥir-ИБ, F r o n z a g o l i 1979, с. 276; см. также i-ḥir-ИБ (ТМ.75.G. 3366+II : 7), ḥir-ИБ (см. 3.1.3^а).

⁴⁹ Возможно, связано с grš 'прогонять' (см. F r o n z a g o l i 1979, с. 7); следует обратить внимание на необычное обозначение сибиланта в двух упомянутых списках; ср. также вариант gu-rî-šu, (ТМ.75.G.1774 л. IV : 14 и сл.).

⁵⁰ Некоторые реликтовые формы пассивного причастия, выводимые из схемы lu2a3-, засвидетельствованы в еврейском языке Библии, в то время как абстрактное существительное lu2a3- с пассивным значением известно в арабском; вокализация на u, вероятно, повторяет вокализм префикса первой породы uqṭal- (K u r y ł o w i c z 1961, с. 113 и сл.; а также P e t ř á č e k 1963, с. 604). Но в отличие от еврейского и арабского, в эблантском до сих пор нет свидетельств финитной спрягаемой формы пассива. Связь между этим эблантским типом пассивного причастия и пассивным спряжением в западносемитских языках нуждается в дальнейшем изучении.

⁵¹ Это написание может быть также интерпретировано как активное причастие.

⁵² К тому же образованию могло бы принадлежать и da-um (засвидетельствованное в именах собственных, например, da-um-da-mi, ТМ.75.G.2525 об. XI : 4), если оно является производным от *wd' 'знать'; амор. da-um, da-ḥu-um (G e l b 1980, с. 17, s.v. da'um; с. 122 s.v. DA') и евр. de^а (<di'-) 'знание'.

⁵³ Указано Ф. М. Фалесом; см. также F r o n z a g o l i 1980, с. 94, где я предположил, что это производное от *wšl 'соединять'.

⁵⁴ Что касается шумерограммы, ср. u-g-u-g a g a g 'расположить вместе' (B a u e r 1972, s.v.); относительно значения ср., возможно, аккад. šutakulu 'умножить, возвести в квадрат'. Написание глоссы могло бы также пониматься как отглагольное имя št/2 (G e l b 1977, с. 23).

⁵⁵ P e t t i n a t o 1979, с. 72 и 245 (ip-pi₂-ḥar), а также MEE 1, с. 68, 892 (ip-pi₂-ḥir₂).

⁵⁶ См., например, замечания в прим. 7, 11, 37, 42.

⁵⁷ Как это предложено Петтинато в MEE 2, с. 69, комм. к л. VII : 7—10.

⁵⁸ Как это предложено Петтинато, см. P e t t i n a t o 1975, с. 373; 1979, с. 71.

⁵⁹ Предложено Липинским, см. L i p i ŋ s k i 1979, с. 51.

⁶⁰ Кинаст реконструировал слабую форму *yabil и считал форму

ubil в аккадском ее аналогией на основе породы š/1 (см. K i e p a s t 1962, с. 145 и сл.); см. также работу Гельба, который считает уu+ bil+u самой древней формой (G e l b 1969, с. 178).

⁴¹ Что касается варианта te-ŠE-li-im рядом с ti-ša-li-im (см. 3.1.1.3), то, возможно, следует предположить чтение šax для знака ŠE; в пользу этого можно было бы привести такие написания, как ŠE-na-um (=š à - d i b, ТМ.75.G.2000+ об. II : 18 и сл.; 2001+ л. X : 28 и сл.; вар. ša-na-u, (1426 об. VII : 13), ŠE-gi-lu-um a-pum (=KA.DU, ТМ.75.G.2008 л. V : 2 и сл.; вар. ša-gi-lu-um a-pum, 1404 л. III : 7 и сл., с соответствующими формами в других списках). Но в иных случаях графическое объяснение, конечно, исключено, как, например, в написаниях il-a-i-sar (ТМ.75.G.1297 л. V : 5), il-e-i-sar (ТМ.75.G.1261 л. V : 5), указанных Арки как антропонимы, относящиеся в обоих текстах к одному лицу (см. A r c h i 1980, с. 31).

⁴² F r o n z a g o l i 1979, с. 86, и сл.; см. также F r o n z a g o l i 1980b, с. 35 и сл.

⁴³ Следует отметить вокализацию -a- в именах действия 0/2 и š/1, в чем эблайтский смыкается с ассирийским в противовес староаккадскому и вавилонскому; то же диалектное распределение наблюдается в формах прекатива.

А. Арци

ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ ЭБЛЫ

Все словарные тексты, как и тексты литературные, происходят из больших архивов, обнаруженных в L.2769, небольшом помещении под портиком, огибающим восточную сторону двора, расположенного внутри дворца G (основная часть текстов найдена в ходе раскопок 1975 г.). Учитывая, что тут же оказались и обширные ежемесячные отчеты государственной администрации (помимо небольших документов, регистрирующих конкретные операции), а также политические договоры, мы можем не сомневаться, что именно здесь, в L.2769, хранились главные архивы дворца. Коллекция шумерских одноязычных словарных текстов состоит из 47 табличек довольно хорошей сохранности и 206 фрагментов; в количественном отношении это вполне сравнимо с тем, что до нас дошло из Фары *. По форме словарные таблички делятся на три группы. Первая состоит из квадратных табличек и из табличек, ширина которых несколько больше высоты. Края у них толстые, как бы стесанные, углы прямые. Лицевая сторона — плоская, обратная имеет довольно значительную выпуклость, которая достигает максимальной толщины несколько ниже центра. Для почерка этих табличек характерны глубоко вдавленные знаки; обратная сторона содержит, как правило, только один-два столбца текста и колофон. Это типологически полностью соответствует многочисленным словарным текстам из Фары и Абу-Салабиха **. Вторую группу составляют

Alfonso Archi. Les textes lexicaux bilingues d'Ebla. — *Studi Eblaïti*, 1980, II, pp. 81—89.

Доклад, прочитанный в Париже в июле 1980 г. на XXVII Международной ассириологической встрече.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

* Городище Фара, древний Шуруппак; здесь обнаружены тексты конца Раннединастического периода II (2500 г. до н. э. или немного ранее). — *Прим. ред.*

** Городище, древнее название которого неизвестно (Кеш?); тексты современных текстам из Фары. — *Прим. ред.*

таблички меньшего размера, не такие толстые и с закругленными краями; клинописные знаки вдавлены менее сильно. Эти тексты также имеют соответствия среди документов из Фары. И наконец, имеется несколько текстов, представляющих собой части табличек большого размера, с очень мелким почерком; по типу они похожи на некоторые из больших двуязычных словарных серий. Это третья группа.

Коллекция двуязычных словарных текстов состоит из 32 номеров, заинвентаризованных как «таблички» (4 из них оказались фрагментами и были в дальнейшем воссоединены с соответствующими табличками), 91 фрагмента и 7 осколков. Во время моего пребывания в Музее Халеба мне удалось (с любезной помощью госпожи Г. Скандоне-Маттиэ) воссоединить по принадлежности многие фрагменты, но несколько десятков из числа самых маленьких еще ждут своего определения. Три из имеющихся табличек имеют большие размеры (24 см в высоту и около 26 см в ширину) и содержат примерно по 20 столбцов как на лицевой, так и на оборотной стороне. Почерк — мелкий и изящный. Форма пяти табличек чечевицеобразная*. На этих табличках содержатся всего по два словарных эквивалента, а иногда — только один. Остальные таблички достигают размера от 5 до 12 см.

Порядок приводимых шумерских слов во всех табличках, кроме, разумеется, чечевицеобразных, акрографический. Канонический порядок знаков (иногда он перебивается отдельными дополнительными знаками) следующий: NĪG, KA, SAG, Ū, SA, É, GIŠ, ŠU, ŠĀ, A, ŠE, IGI, GĪN, UD, AN, MI, DI, KI, NI, NA, TI, EN, GAB, PA, SĪK, KASKAL, AL, DU, SU, GŪ, HĪ, SUM, SAR, NAM, SI, ŠE, ZAG, PI, TŪG, HŪL. Этот порядок совпадает с порядком знаков, которому следует самая последовательная из всех шумерских словарных серий, тексты которой начинаются с выражения ŠĒ.BAR.UNKEN¹. Эта серия не засвидетельствована ни в Фаре, ни в Абу-Салабихе. Но зато надо иметь в виду, что другие тексты принадлежат к традиции, известной как в Фаре, так и в Абу-Салабихе: это списки профессий, список птиц, список рыб, а также некоторые списки слов, такие, например, как список в тексте TM.75.G. 1927, параллельный SF 15 и 16, а также IAS 5 и 6. Ставший в последние годы знаменитым список топонимов имеет соответствие в Абу-Салабихе².

Таким образом, писцовая школа из Эблы взяла за основу словарную серию, имеющую, бесспорно, месопотамское происхождение, и пополнила ее эблаитскими соответствиями. Эти соответствия следуют за каждым шумерским словом либо в виде пояснения,

* Речь идет о табличках для школьных упражнений.— *Прим. ред.*

либо в виде отдельной графы *, либо, что реже, включаются в ту же самую графу, например в тексте ТМ.75.G.2001+; ** во многих текстах такие соответствия помечены знаком Winkelhaken, то есть «углышком», следующим за последним знаком слова. Порядок размещения здесь еще полностью зависит от шумерских списков, тогда как начиная с периода Исина и Ларсы во всех словарях стали, как известно, выделять один столбец для шумерских, другой — для семитских слов. Эблаитская система именно тем и неудобна для нас, что поскольку в ней нет особого столбца, предназначенного для эблаитского (что может быть вызвано также и стремлением сэкономить место), то даются не все эблаитские эквиваленты и поэтому отсутствуют отождествления самых употребительных слов, которые нам легче всего было бы интерпретировать.

Термины, постоянно встречающиеся в хозяйственных документах, не имеют толкований в словарях ***. Для металлов же есть следующие примеры: kù-gi, ba r₁; kù, a-ba r_x (=GÜG.GÜG), DILMUN: gín; для сельскохозяйственных понятий: i-giš, gá pa-ki, gá pa-keš da-ki, ti-la (связано с крупным и мелким рогатым скотом); для работ, имеющих отношение к изготовлению тканей и изделий из них: a k t u m · t ú g; для административных понятий: ga ra š₄, ma š ki m · e · gi₄, ni g · ki · z a. Странным образом в эти списки попало также слово pa-se₁₃

* Шумеро-аккадские тексты Раннединастического периода (за редчайшими исключениями) разлиновывали на горизонтальные полосы сверху вниз на лицевой стороне и снизу вверх на оборотной (за исключением итогов или колофона, писавшихся опять сверху вниз); каждая полоса разлиновывалась на вертикальные «графы», или «коробочки», или «ячейки» (cases), в которых помещалось от одного отдельного слова или синтагмы до отдельного предложения; внутри графы знаки располагались в одну-две вертикальные строки. Размещение строк внутри графы в транслитерации не воспроизводится, за исключением тех случаев, когда расположение отдельных знаков не соответствует их порядку чтения, что встречается вплоть до периода РД II. При написании табличку поворачивали на 45° или даже на 90°. Позже (по-видимому, со II тысячелетия до н. э.) текст стали и при чтении поворачивать на 90°; полосы сделались вертикальными столбцами, идущими слева направо на лицевой стороне (л.), справа налево на оборотной (об.); графы стали горизонтальными, а расположение знаков — всегда слева направо. По традиции раннединастические таблички в фотографии и прорисовке публикуются именно таким образом, то есть со столбцами вертикально, а графами горизонтально. При транслитерации «столбцы» обозначаются римскими цифрами, а «графы» — арабскими. Эблаитские писцы пользовались раннединастической системой расположения текста на табличке. — *Прим. ред.*

** «+» означает здесь наличие дополнительных фрагментов под другими инвентарными номерами. — *Прим. перев.*

*** Следует заметить, что технические термины, употребляемые в эблаитских хозяйственных текстах, хотя и обозначаются шумерскими идеограммами (логограммами), однако едва ли не в большинстве случаев не совпадают с употребляемыми в храмовых и царских хозяйствах Южной Месопотамии, что пока крайне затрудняет правильное понимание этих текстов. — *Прим. ред.*

'Люди', которое, наоборот, следует считать эблантским (от корня *nš), хотя оно, будучи взято здесь в форме множественного числа, редуцировано, как идеограмма (ср. A r c h i 1979, с. 111 и сл.).

Что касается соотношения между шумерскими словами и эблантскими глоссами, то, взяв за основу текст ТМ.75.G.2000+, мы увидим, что графа G1Š, например, состоит из 150 слов, 90 из которых имеют глоссы; соответственно в графе ŠU—36 слов с 17 глоссами, в графе È—23 слова с 16 глоссами.

И подобно тому, как некоторые одноязычные словарные списки бывают дополнены шумерскими фонетическими чтениями, так и два словаря из Эблы, кроме шумерского идеографического и эблантского фонетического написания, иной раз дают еще и шумерское фонетическое чтение, например z ú-ur = z u-u, u r = 'à-ša-gu-um (ТМ.75.G.1404 л. IV 2—4, ТМ.75.G.2008 л. V 9—11).

Порядок шумерских слов в больших текстах и в текстах, представляющих собой выдержки из них, иногда заметно различается, и количество слов, имеющих глоссы, тоже колеблется от текста к тексту. По-видимому, выбор слов, которые надлежало снабдить переводом, был полностью отдан на усмотрение писца. Остановимся, например, на подсерии G1Š. В одноязычном тексте ТМ.75.G.2422 мы видим такую последовательность: giš-BE, giš-mar, giš-ra, giš-l, giš-ti, giš-ti-ĜI, giš-geštin-kur, giš-ban, giš-gúr-gúr, giš-saĥar-2, giš-gígir-é-4, giš-gígir-4, giš-gígir-2, giš-gígir-SUM-4, giš-gígir-ĜAR.ĜAR, giš-ig, giš-SAL, giš-du, giš-du-du и т. д. Большой двуязычный текст ТМ.75.G.2000+ строго следует этому порядку, но снабжает глоссами всего лишь несколько слов: для слова giš-mar дается глосса si-ša-nu-um; для giš-ti-ĜI — глосса si-gi-lu-um; для giš-saĥar-2 — ma-ba-da-ra, для giš-gígir-ĜAR-ĜAR — gâr-gâr-tum. Тот же порядок соблюдается и в другом большом тексте, ТМ.75.G. 2001+, где в одном случае приводится только эблантский вариант, а именно ma-ba-da-la (как раз пример знаменитого чередования r/l, столь свойственного графической системе Эблы). Текст ТМ.75.G.1448, состоящий из V+V столбцов, нарушает указанную выше последовательность, вставляя giš-ban и giš-ti-ĜAR после giš-ti; затем сразу идет giš-na š, который в других текстах отнесен дальше; в целом рассматриваемый параграф имеет только две глоссы: sa-gi-lum и gâr-gâr-tum. Табличка была составлена не с целью осмыслить всю подсерию G1Š, так как в ней содержатся только первые 77 слов из общего числа 150, которые должны были бы в нее войти, и она странным образом начинается двумя последними словами предыдущей подсерии, то есть È (причем слово é, как это часто бывает со словами, завершающими подсерию, не имеет глоссы).

Из 150 шумерских слов подсерии GIŠ лишь около 25 (1/4) засвидетельствованы также в табличках III—VII серии ҒAR-га = Ғu-bullu, причем многие из них не снабжены эблаитским соответствием, как, например, giš-bala, giš-ban, giš-erín, giš-geštin, giš-gi, giš-gígir, giš-ig, giš-kak, giš-ná, giš-ра, giš-šilig, giš-túg*. В других случаях мы имеем полное совпадение эблаитского слова с аккадским: gēštu (GIŠ.PI.TÚG) 'ухо, мудрость', акк. ḫasīsu имеет глоссу ḫa-zi-zu-um (В л. V 12, ТМ.75.G.1301 об. II 2), а также глоссу ḫa-zi-zú(KA), без мимации (С об. I 1; глосса отсутствует в А л. XI 11). Если мы перейдем к названиям растений, то картина получится следующая: giš-li 'можжевельник', акк. burāšu, глосса — ba-ra-su-um (С л. IV 5), а также без мимации: ba-ra-su (А л. X 47, В л. IV 9^а); или же: giš-šinig (GAD.NĀG) 'тамариск', акк. būnu, глосса — ba-nu (С об. II 2), а также i-zu ba-ne (А л. XI 22, В л. V 21); в последнем случае переведен также и детерминатив giš 'дерево', акк. išu, за которым дальше следует род. падеж. Мы видим, что в эблаитском гласный а соответствует гласному и в первом случае и гласному i во втором случае*. На противоположную ситуацию указывает глосса для слова giš-gišimtar 'финиковая пальма', акк. gišimtaru, где в А л. XI 29 стоит глосса sa-ma-lum (в В и С глоссы нет); писец, очевидно, решил, что начало слова представляет собой детерминатив giš, и поэтому опустил его (здесь следует еще обратить внимание на чередование г/л)**. В А л. XI 20 и В л. V 19 giš-paga 'растение солянка' имеет глоссу gi-li-tum, которая соответствует акк. qiltu. В С об. I 11, иначе — URU.GA.TUM; можно было бы подумать о чтении gi-ga-tum с редко встречающейся перестановкой (инверсией) знаков, но корень здесь — *qly, и если переход г > l хорошо известен, то этого нельзя сказать относительно перехода l > г. Примером замены одной шумерограммы другою может служить giš-ḫašḫur (MA×gubú) 'яблоня', где в качестве глоссы вместо акк. ḫašḫuru дается ti-ni-du (С л. III 7) 'фиговое дерево' (акк. tittu, мн. ч. tīnātu, др.-евр. tēnā, араб. tīn), тогда как эта глосса должна была бы быть эквивалентом шумерского giš-ta (А л. X 38^а, В л. IV 1^а и сл.). В тексте ТМ.75.G.1674 упоминается la-ḫa ti-tum 'кувшин фиг'; таким образом, ti-ni-du можно рассматривать как эпентезу со вставным n, а ti-tum — как результат ассимиляции этого n из формы /ti'n-t-um/. Ср. также акк. tīnānu ('род яблони': АНw, s.v.) = giš-ḫašḫur = giš-pēš. Часто глоссы не соответствуют аккадским словам, например giš-arin, акк. eripnu имеет глоссу: su-ḫa-tum (А л. XII 31, В л. VI. 22).

* ba-nu чит. (baipu). — *Прим. ред.*

** Более вероятно, что это самостоятельное эблаитское слово. — *Прим. ред.*

Подсерия NIG содержит около 150 шумерских слов, как и старовавилонский словарный список Nig-ga = makkiġu; но слова, общие обоим спискам, очень редки, их не более десятка, к тому же некоторые, как, например, nig.DU.DU, не имеют эблаитской глоссы. И здесь соответствия шумерского и эблаитского не всегда те, что содержатся в вавилонском списке; так, в списке Nig-ga nig-pa-m-ta разъяснено при помощи неопределенного местоимения mīmma (<miṣ(u)-ma) (ср. ANw s.v.; MSL 13, 116, 46: mi-im-ma šum-šu); а в TM.75.G.2284+ (=D) (об. VII 7 и сл.) в качестве соответствия приведены nig-pa-m = mi-pa-ma-ma. Также в D, об. VIII 12 и сл. nig-ū-ru-um имеет в качестве глоссы da-li-mu, а в Nig-ga приведена форма женского рода ta-li-i[m <-tum>] (MSL 13, 116, 48) от *tlm; а форма муж. рода talim (уже засвидетельствованная в староаккадском, MAD 3 s.v. 'брат-близнец'; ANw, s.v. 'любимый брат'), например в серии L ú = ša, соответствует tam-ma (MSL 12, 109, 188). В вавилонском списке появляется nig-dùg-ga и его отрицательная форма nig-pu-dùg-ga (MSL 13, 98, 80—81, ср. также 116, 51). В тексте D л. V 3 и сл. nig-dùg имеет соответствие du-bu-a-tum (ср. акк. ūbātu 'дружба'), а редуцированная форма nig-dùg-dùg — da-bu 'хороший'. Наконец, в тексте А л. III 28 и сл. nig-gig приравнено к ga-ti-šum, тогда как в Nig-ga оно, наоборот, имеет в качестве эквивалента ikkibu 'табу', а также форму, производную от *mrš (MSL 13, 9 и 30). Однако ga-ti-šum /qadiš-um/ соответствует аккадскому qaššum 'посвященный, святой' и, следовательно, 'запретный', которое, таким образом, параллельно слову ikkibu.

Общие выражения между подсерией E (23 слова) и соответствующей подсерией Proto-Kagal также редки: это é-gi₄-a (= gal-la-tum, акк. kallātu 'невестка'), é-NUN, é-tur, é × šā.

В целом в списках из Эблы по сравнению с месопотамскими списками II тысячелетия до н. э. употребление детерминативов, обозначающих классы слов, распространено больше, но чаще бывает аномальным:

1) па-м-е-п = ma-li-gú-um (В об. XI 11 и сл.); па-м-па-те-п = du-da-li-gú-um (В об. XI 13 и сл.). Если понимать ma-li-gú-um как отвлеченное существительное типа la2i3 'царственность', то шумерское соответствие па-м-е-п правильно; зато отклоняющейся формой является форма па-м-па-м-е-п (с удвоением показателя отвлеченного существительного), которая соответствует du-da-li-gú-um, отглагольному отвлеченному существительному в породе DT от *mlk. В пользу такого толкования, предложенного П. Фрондзароли (Fronzaroli 1979, с. 6), остается тот факт, что

в хозяйственных текстах как соответствие для *malikum* 'царь' употребляется еп, а не п а м - еп.

2) *pīg-sal = ga-gu* (D л. VI 13 и сл.) 'тонкий', от **rqq*, акк. *sal-la = raqu*.

3) *pīg-tuš = šu-ba-du* (D л. VII 13 и сл.), *šu-ba-tum* (A л. III 12) 'местопребывание', от **šb**, акк. *šubtu = t u š*.

4) *šà-k i-ág = du-du* (A об. II 25 и сл., В л. X 43 и сл.) 'любимый; любовь', слово детского языка; акк. *dādu = k i-ág šà-ḥul-gíg = ba-rí-ù da-du* (A об. III 3 и сл., В л. XI 12 и сл.), *ba-rí-um da-du* (TM.75.G. 11312 III 4 и сл.) 'дурная любовь', ср. ар. *bāriḥ* 'предвещающий дурное', др.-евр. и уг. *brḥ. šà-ḥul-gíg*, соответствует старовавилонской форме *lumun libbi*, ср. CAD, L, с. 250 (попытка произнести *ba-rí-ù* от **blī*, акк. *balu* 'без', *belū* 'угаснуть' неубедительна, ибо переход *l > r*, как сказано выше, не засвидетельствован).

5) *še-àr-àr = da-à-nu-um* (A об. V 7 сл.), *da-à-num* (В л. XIII 12) 'молоть', от **ḥn*; акк. *ḥenu = àr-àr*.

Значение шумерского слова в словарных списках иногда бывает изменено:

6) *šà-g a l** = gār-su-um* (A об. II 10 и сл., В л. X 29 и сл.) 'живот', от **krš*; акк. *karšu = u z u - šà*.

7) *si-g₄-tuš-pīg = li-ba-tum* (A л. IV 13 и сл.), ср. *labānu* 'делать кирпичи', *si-g₄ = libittu* 'кирпич'.

Шумерское слово бывает дополнено личным местоимением, которое, однако, в переводе не передается. Присутствие такого местоимения, ошибочно не воспринимавшегося как таковое, возможно, и является причиной того, что даже широкоупотребительные слова попали в число снабженных глоссами, например:

8) *a m a - m u* (шум. 'моя мать') = *ù-mu-mu**** (В об. IX 37 и сл.) 'мать' (общесемитское).

9) *šeš-mu* (шум. 'мой брат') = *a-ḥu-um* (В об. IX 34 и сл.) 'брат' (общесемитское).

10) *(a - m u)*, (A об. III 40, В л. XII 5) 'мой отец' не имеет глоссы.

Шумерское иногда может не соответствовать слову, засвидетельствованному в месопотамских списках:

11) *pīg-ku₃ = ba-da-tum* (A л. III 34 и сл.); ср. акк. *badādu* (в форме D) 'растрачивать', ар. *badda* 'делить'; в действительности аккадским соответствием для *ku₃* 'разделять' является *raḡsu*.

* Точнее, **wtb*. — Прим. ред.

** В южномесопотамских хозяйственных текстах *šà-g a l* означает 'корм, пропитание'. — Прим. ред.

*** Об этом написании см. в заключительной статье. — Прим. ред.

12) *piḡ-tur* = *ša-a-tum* (А л. III 18 и сл.), мы должны, очевидно, подразумевать здесь **sht* 'пренебрегать, повреждать', но тогда ожидалось бы написание *sa*.*

Некоторые соответствия производят впечатление заимствованных из шумерского:

13) *ṡu lu* (DIM₄) = *bù-gu-lu-um* (А об. XII 8 и сл.) *bù-gu-lum* (В об. IV 6) 'солod', здесь эбллитское слово совпадает с акк. *būḡlu*; но имеется также *ṡu lu* (ŠE.PAB.PAB) = *ṡu-gu-lu-um* (А об. V 34 и сл., В об. III 27).

Приводимые соответствия в разных текстах часто имеют варианты:

14) <i>e me</i>	(KA + ME)- <i>bala</i>	= <i>da-da-bi-lu</i>	(D об. VII 2 и сл.)
»	»	= <i>a-bi-lu-um</i>	(А л. V 13 и сл.)
»	»	= <i>a-ba-lu-um</i>	(ТМ.75.G.1404 л. III 11 и сл.)
»	»	= <i>a-ba-um</i>	(ТМ.75.G. 2008 л. V 5 и сл.)

В связи со 2-й и 3-й формами, причастием и инфинитивом, напомним акк. *aṗalum* 'отвечать, удовлетворять' (4-я форма представляет собой неправильное написание), между тем 1-я форма является абстрактным отглагольным образованием ДТ от **pl*.*

Что касается других вариантов, в которых один согласный не выражен, то следует еще отметить:

15) *pād* = *pa-ba-um* (А об. VI 36 и сл.), *pa-ù-um* (В л. XV 4).

16) *giš-ŠU.ME* = *ša-mi-mu* (С л. IV 11 и сл.), *še-ri-mi-nu* (А л. X 53 и сл.).

Примерами чередования гласных могут служить:

17) *giš-ti-ḡI* = *sa-gi-lum* (С л. II 1 и сл.), *si-gi-lu-um* (А л. X 13 и сл., В л. IV 6 и сл.).

18) *giš-gi₄-BAD* = *šu-mu-gi-lu* (С л. V 1 и сл.), *ša-ma-gi-lu-um* (А л. X 55 и сл.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта серия названа Дж. Петтинато в его книге «livre de l'assemblée», то есть «книгой собрания» (см. Pettinato 1979, с. 261). Для того чтобы понять ŠE.BAR, можно действительно обратиться к корню **špr*, но тогда следовало бы назвать серию «liste de la totalité», то есть «списком совокупности»; этот список составлен в одном из семитских центров, скорее всего, в Центральной Месопотамии.

* Может быть, к араб. *thw/y, twy* 'оскорблять, унижать' < **twy*? — Прим. ред.

³ ТМ.75.Г.2231 и IAS, с. 91—111, см. Pettinato 1978, с. 50—73. Список профессий см. Pettinato 1976, с. 169—178; список птиц см. Pettinato 1978, с. 165—178.

³ А = ТМ.75.Г.2000+; В = ТМ.75.Г.2001+ (в целом соответствует А); С = ТМ.75.Г.1448.

⁴ См. по этому поводу Fronzagli 1982, с. 92—95.

Д. О. Эдцард

К ТИПОЛОГИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТЕКСТОВ ИЗ ЭБЛЫ

Классификация административных («хозяйственных») документов в отличие от классификации договоров и юридических документов в ассириологии разработана еще довольно слабо. Достаточно сказать, что, несмотря на большое количество частных исследований, мы до сих пор не располагаем типологическим описанием административных документов III династии Ура. Первую попытку создать типологию такого рода для текстов из Эблы предпринял Дж. Петтинато в разделе «Tipologia» своего «Каталога клинописных текстов из Тель-Мардиха / Эблы» (Pettinato 1979, с. XXII и сл.). При этом он руководствовался содержанием текстов и операциями, которые в них затронуты (в той мере, в какой это пока можно установить); кроме того, Петтинато приводит в примечаниях термины и выражения, характерные для соответствующих текстов.

Наряду с классификацией, опирающейся на содержание, представляются еще две возможности. (1) Можно попытаться реконструировать круг обязанностей административных лиц, то есть проводить классификацию в первую очередь с точки зрения просопографии. Важным препятствием на пути к этой, как нельзя не признать, отдаленной цели оказывается отсутствие точных датировок. (2) Можно, однако, на первых порах ориентироваться по формуляру текста и исходить из ключевых выражений, встречающихся в текстах (key-words, mots-clef). Последний способ является наиболее

Dietz Otto E d z a r d. Erwägungen zur Typologie der Verwaltungstexte aus Ebla. Настоящая статья, переведенная с немецкого, представляет собой сокращенное изложение доклада, прочитанного по-французски под названием «Essai de typologie des documents présargoniques de la Mésopotamie et la classification des textes administratifs d'Ebla» на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

абстрактным из всех трех. Именно на нем мы бы и хотели остановиться несколько подробнее, хотя нельзя не подчеркнуть, что все три упомянутые здесь возможности классификации текстов отнюдь не исключают друг друга.

Ключевые выражения (например, *š u b a - t i* 'получать') имели строго ограниченное и очень точное значение. Если в одном тексте такие выражения встречаются несколько раз, то возникает вопрос, равны ли они между собой по рангу или занимают по отношению друг к другу какие-то иерархические ступени. При выяснении точного значения современный филолог и историк экономики часто сталкивается с большими трудностями. Нам бы хотелось лишь поставить здесь некоторые вопросы и указать на существующую проблематику.

Вначале несколько слов о внешнем оформлении. Административный документ III тысячелетия до н. э., откуда бы он ни был, из Фары / Шуруппака, из Гирсу, из Эблы или из другого места, всегда пишется как сплошной текст. Какое бы то ни было внешнее членение текста обычно отсутствует. Части документа почти никогда не бывают отделены друг от друга. Лишь в итоговой части мы иногда располагаем зрительным подспорьем — пропуском половины или целого столбца (если, конечно, для этого на табличке остается место). Нам надлежало бы всюду, где оно есть, отражать в наших транслитерациях обычно легко обнаруживаемое членение текста; это улучшило бы обзор текста и для нас самих, и для наших читателей. См. ниже разбор текста ТМ.75.G. 1377.

Очень обобщенно мы можем разделить административные тексты на три основных типа, которые касаются как живых существ, так и неодушевленных предметов: 1-й тип — учет расходов или потерь; 2-й тип — учет доходов, прибыли; 3-й тип — учет наличности или инвентаря.

Иногда бывает, что направление административной операции (выдача или получение) не обозначено, поскольку для чиновника того времени оно было очевидным. См. списки типа "п серебра ЛИ₁, п серебра ЛИ₂...; итого п серебра; ЛИ_x". В таком случае из формуляра не ясно, являются ли ЛИ₁ и т. д. лицами, которые сдают, или лицами, которые получают соответствующие количества серебра. О роли ЛИ₁ и т. д., как и о роли ЛИ_x, в котором хотелось бы видеть лицо, ответственное за данное ведомство, нам остается только догадываться. Скорее всего, здесь могла бы помочь просопография: полезно было бы узнать, в какой функции встречаются ЛИ₁ и т. д. и ЛИ_x в других случаях (конечно, если предполагать их тождественность)?

Из административных архивов III тысячелетия до н. э. в Месопотамии пока лучше всего исследованы архивы храма богини Баба

(^dBa-Ū) в Гирсу (Телло)¹. Мы приводим ниже, без притязания на полноту и не имея в виду какие-либо совпадения с ключевыми словами в эблитских текстах, список ключевых выражений, встречающихся в текстах из Гирсу (ср. Вауег, 1972):

A (расход):

ba	'выдавать'
bal	'передавать'
dé	'выливать', 'возливать'
de, (DU)	'уносить'
-na-ta-gar	'выделять'
gú-na-gar	'относить на чей-то счет'
giš-tag	'жертвовать', 'резать в жертву'
ḫa-la	'распределять, выделять'
kú	'съедать, (у)потреблять'
lá	'отвешивать, платить'
sum	'давать'
šu-a gi,	'возвращать, возмещать'
-ta-zi	'вычитать'

B (доход):

gar	'класть, ставить'
šu-ti	'получать'
tûm	'приносить'

C (наличие)

šu-na gál	'иметь у себя (в своей руке)'
kurum (IGI.GAR)-AG	'проверять'
níg-ú-gum	'владение (такого-то)'
šid	'считать, сосчитать, присчитать'

Кроме того, следует упомянуть термин *písa n-dub(-ba)* 'корзина для табличек'. Таблички с такой пометкой служили этикетками, которые «прикреплялись» к емкостям для табличек, имевшим вид корзин, причем в такого рода емкостях хранились документы определенного типа, относившиеся к определенному времени и к определенному ведомству. Для Эблы нам пока такого рода этикетки неизвестны.

Перечень ключевых слов и выражений того типа, который существует для Гирсу и только что приведен нами, был бы очень желателен и для Эблы, но время для него еще не настало. Составление такого перечня для Эблы еще потребует серьезной предварительной работы по выяснению значения терминов, причем в нее следует вовлечь возможно большее количество опубликованных текстов².

Каковы трудности, с которыми нам при этом предстоит столкнуться, можно показать на примере текста ТМ.75.G.1377, протранслитерированного и переведенного Дж. Петтинато (см. Pettinato 1979, с. 188—193). Этот текст можно расчленить на 18 параграфов + сумма + итог + дата.

§: 1 (I 1—3), 2 (I 4—II 5), 3 (II 6—III 1), 4 (III 2—4), 5 (III 5—7), 6 (III 8—IV 2), 7 (IV 3—5), 8 (IV 6—V 3), 9 (V 4—8), 10 (VI 1—3), 11 (VI 4—7), 12 (VII 1—5), 13 (VII 6—VIII 5), 14 (VIII 6—об. I 1), 15 (об. I 2—7), 16 (об. I 8—II 3), 17 (об. II 4—8), 18 (об. III 1—3).

За суммой (об. VI 1) следует итог (об. VI 2—V 1): (2) dub GAR (3) *nig-sa₁₀* (4) *š u - b a l - A G* (5) *nig - b a* (6) MUL (7) *m u - D U* (об. V 1) *l u g a l - l u g a l*.

Это мы оставим пока без перевода.

Ключевые выражения в тексте лишь отчасти совпадают с теми, которые встречаются в итоге. Для наглядности приводим соответствующие выписки:

a) п серебра UNKEN.AG вещь/и ‘п серебра, предназначенное для переработки в ...’: § 1, 4, 11.

b) п серебра *š u - b a l - A G* п золота ... ‘п серебра, обмененное на (или: обменная цена) п золота ...’: § 2, 3, 17.

c) п серебра *š u - b a l - A G* п лазурита: § 6.

d) п серебра *nig - s a₁₀* вещь/и ‘п серебра покупная цена за (или: доход от продажи) ...’: § 5, 7—10.

e) п серебра (. . .) ЛИ *š u b a₄ - t i* ‘п серебра (. . .) ЛИ получил’: § 12—14.

f) п серебро вещь/и ...: § 15, 16, 18.

Мы видим тесное соответствие между *nig - s a₁₀* в итоге об. VI 3 и в § 5, 7—10 (выше d), в которых *nig - s a₁₀* является ключевым выражением.

То же касается *š u - b a l - A G* в итоге об. VI и в § 2, 3, 6 и 17 (выше b).

Только с величайшей осторожностью можно говорить о связи между *nig - b a* в итоге об. VI 5, с одной стороны, § 12—14 (выше e), содержащими ключевые выражения *š u b a₄ - t i*, с другой стороны.

С чем тогда увязать MUL (итог об. VI 6) и что значит это выражение? *

И наконец: следует ли относить *m u - D U l u g a l - l u g a l*, (итог резюме об. VI 7—V 1) только к отдельным параграфам или, как полагает Петтинато на с. 187, оно представляет собой обобщающее понятие, относящееся ко всем параграфам?

Мы предлагаем для итога следующий перевод:

‘Табличка . . . (GAR), (о таких действиях, как) покупка, об-

мен, направление (куда-либо) . . . (MUL) — поставка/и „лугалей“¹.

Для того чтобы классифицировать текст в целом, определяющим является, понимаем ли мы *mu-DU lugal-lugal* как частное или как общее понятие.

Здесь следует также указать, что в тексте имеется еще одна трудность, обойденная Петтинато: сумма, как она подсчитана нами, составляет 58 (+x) мин 19¹/₂ сикля серебра, тогда как в тексте сказано, что сумма соответствует всего лишь 56 минам 50 сиклям.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что в случаях заметных расхождений между результатом, подсчитанным нами, и суммой, указанной в табличке, ошибка в вычислениях, безусловно, должна быть отнесена на наш счет, а не на счет нашего древнего коллеги, разумеется, пока не доказано обратное. Если наш результат больше, то нужно думать, что некоторые числа по непонятным нам причинам в то время не суммировались. Однажды я уже пытался (в *E d-z a g d* 1981, коммент. к № 13) произвести сложный подсчет вслед за своим древним предшественником.

Мы предлагаем здесь, как это уже следует из заглавия, всего лишь некоторые соображения к вопросу о типологической классификации эблаитских документов. Главное пока — накапливать опыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. последнюю крупную обобщающую работу — Вауер 1972.

² В Эбле к указанным трудностям присоединяются и другие, увеличивающие неуверенность в получаемых выводах. Это, во-первых, наша недостаточная осведомленность о том, как читалось ключевое выражение, записанное шумерограммой, по-шумерски или на «эблаитско-аккадском»; во-вторых, остающийся нерешенным вопрос о том, следует ли переводить шумерограммы в Эбле по образцу текстов из Гирсу. В связи с вопросом, что подставлять в тексте — шумерское слово или его семитский перевод, следует напомнить о таких немецких бухгалтерских терминах, как *Giro*, *Konto*, *Storno*, *Saldo* и др., которые являются именно немецкими словами, а не «италограммами». В качестве предостережения от механической передачи «на манер Гирсу» пусть послужит следующий пример: *GÜ.AN.ŠE* обозначает в Гирсу общий итог, то есть сумму более высокого порядка, а *šu-nigin* — частную сумму более низкого порядка; в Эбле же соотношение понятий *AN.ŠE: GÜ(1)* и *šu-nigin* как раз обратное.

▪ См. последнее высказывание автора в Edzard 1981, с. 4, под соответствующим словом.

• Петтинато переводит 'per le stelle' ('для звезд') и поясняет, что слово 'звезда' следует понимать в смысле 'божество' («stella» nel senso divinità, с. 193). Для административного термина это не кажется мне убедительным; однако конструктивного предложения, чтобы объяснить это место, у меня нет.

III. ИСТОРИЯ

Х. Кленгель

АРХИВЫ ЭБЛЫ И ИСТОРИЯ СИРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Данная работа представляет собой предварительные заметки, которые следует рассматривать как своего рода опыт создания истории Сирии III тысячелетия до н. э. С одной стороны, данные археологических и письменных памятников, дошедших до нас из мест, расположенных за пределами Эблы, недостаточны для реконструкции исторического развития Сирии в течение периода Ранней бронзы; с другой стороны, обильный материал, обнаруженный в царских архивах Эблы, его значение для истории Сирии и даже шире, для истории всего Ближнего Востока, пока еще слишком мало изучены как в количественном, так и в качественном отношении. Историк должен отдавать себе в этом полный отчет и терпеливо ждать, пока фундамент для его исследований не станет достаточно надежным. И тем не менее было бы полезно определить исторический фон эблитских архивов и методологические критерии оценки относящихся к ним текстов.

Прежде всего, целесообразно задать себе вопрос, какой уровень экономического и социального развития следует ожидать в районе Эблы. Не вызывает никаких сомнений, что здесь имела длительная традиция земледелия, восходящая к так называемой неолитической революции. Это земледелие существовало в основном за счет осадков, но мы можем предполагать, что, кроме того, здесь также было — пусть в ограниченной мере и на ограниченной территории — земледелие или садоводство, связанное с использованием речной воды. Долины Северной Сирии относятся к области, на которую распространяется влияние средиземноморского климата и где уровень ежегодных осадков колеблется между 250 и

* Horst Klengel. The archives of Ebla and Syrian History: problems and perspectives. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia», Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

500 мм¹. Весьма возможно, что в III тысячелетии осадки были даже более обильными, чем теперь, так как на это время приходится самая последняя фаза плейстоценового периода, следы которого обнаруживаются на обширных пространствах между Африкой и Центральной Азией². Только в самом конце III тысячелетия произошел переход к более сухому климату, повлекший за собой некоторые изменения границ земледелия и расселения³. Почвы северной части Сирии хороши для земледелия, а рельеф не представляет серьезных препятствий для их обработки. Что касается ирригации, то не исключено, что вода реки Кувейк в какой-то степени использовалась для производства продуктов питания, аналогично тому, как это делалось в долинах Оронта (Габ) и Евфрата (K I e p g e l, в печати; 1979, с. 77—87). Весьма высокую плотность заселения района вблизи Кувейка в период Ранней и Средней бронзы, бесспорно, нельзя считать случайной. В любом случае область вокруг Эблы должна была производить продукты питания в количестве, достаточном, чтобы прокормить существовавшие здесь города и села и иметь излишек для торгового обмена. Только достаточно высокая продуктивность сельского хозяйства позволяла высвободить часть населения для несельскохозяйственных занятий.

Высокие урожаи района Эблы получили теперь отчетливое подтверждение и в эблантских текстах (Matthiae 1977, с. 193 и сл.; Pettinato 1979, с. 171 и сл.). Возделывание винограда и использование маслин значительно увеличивали эффективность северосирийского сельского хозяйства, распространяя производство продуктов питания на районы, где злаки не росли⁴. Помимо этого, мы располагаем многочисленными данными о разведении скота как в районах культурного земледелия, так и в девственных степях (Pettinato 1979, с. 176; Archi 1979, с. 1—33).

Развитие сельского хозяйства было неперенным условием расцвета многочисленных поселений и увеличения их площади⁵. Именно для северных частей Сирии мы располагаем результатами нескольких исследований, единодушно указывающих на высокую плотность населения во времена Ранней и Средней бронзы — даже более высокую, чем в более поздние периоды, за исключением римского времени. Сошлюсь хотя бы на работы, касающиеся окрестностей Телль-Мардиха, районов Габ, долины Африна, а также Джабуля и Амука, района вокруг Газиантепа и т. д.⁶ Большинство поселений существовало здесь на протяжении весьма длительного времени, что свидетельствует о стабильности уровня сельскохозяйственного производства, хотя могли случаться и годы неурожая и голода. Эти археологические данные подтверждаются большим количеством наименований населенных пунктов, упоминаемых в текстах из Эблы, тогда как письменных памятников из областей,

находящихся за пределами Сирии, очень мало, и все они группируются вокруг нескольких центральных поселений⁷. Не входя в противоречие с результатами только что упомянутых работ, можно попытаться локализовать большую часть наименований населенных пунктов, упоминаемых в экономических текстах из Эблы, в пределах Северной и Центральной Сирии. Многие из этих наименований следует рассматривать как наименования маленьких деревень или даже хуторов, которые не оставили после себя никаких следов.

Важной причиной развития и процветания некоторых центральных поселений, и прежде всего самой Эблы, была торговля. Возделываемые и хорошо орошаемые районы Северной Сирии пересекались к тому же транзитными путями, что позволяло расположенным на них населенным пунктам извлекать для себя определенную выгоду. Эбла была расположена особенно благоприятно: между Евфратом и Средиземным морем и вместе с тем на пути, ведущем через внутреннюю Сирию с севера на юг и пролегающем восточнее реки Оронта⁸. Уже на протяжении III тысячелетия до н. э. Сирия играла роль моста между экономически и социально развитыми государствами Южной Месопотамии и долиной Нила. Товары, которые доставлялись вдоль Евфрата и затем через Сирию, происходили подчас из весьма отдаленных стран, даже из Афганистана (лазурит, сердолик) и областей по ту сторону Персидского залива⁹. Предметы, обнаруженные в Эбле, отчетливо свидетельствуют о существовании торговли, которая велась на очень далекие расстояния с посредническим участием многих населенных пунктов, причем товары доставлялись даже из Египта¹⁰. Для того чтобы разобраться в характере торговой деятельности Эблы, не следует пренебрегать потребностями и экономическими возможностями как шумерского, так и египетского общества.

Торговый путь шел вдоль Евфрата через Мари и либо отклонялся от реки у Эмара в юго-западном направлении, проходя через Эблу¹¹, либо, как это видно из результатов исследований в районе затопления на сирийском участке Евфрата и в Кебане, вел в Анатолию. Этот путь был особенно удобен с точки зрения снабжения водой караванов ослов. Мы пока не располагаем данными об использовании в III тысячелетии до н. э. южного пути, пересекающего Сирийскую степь и проходящего через Тадмор/Пальмиру.

Значение Гублы/Библа как пункта, из которого товары доставлялись в Египет на судах, отчетливо подтверждается раскопками в Губле и египетскими текстами. Хотя упоминание названия города Гублы в текстах из Эблы и поныне является спорным, мы все же с уверенностью можем предположить, что Губла была как раз теми наиболее важными воротами, через которые доставлялись

предметы египетского происхождения, обнаруженные во внутренней Сирии ¹². Именно под этим углом зрения следует рассматривать развитие эблаитской внешней торговли, включавшей в международный обмен также и товары местного производства ¹³. Торговые связи Эблы с другими пунктами Сирии и примыкающих областей отчетливо отражены в текстах эблаитских архивов. Пока еще трудно точно определить охватываемые ими географические границы; но все-таки, если достаточно четко дифференцировать данные текстов, восходящих к месопотамской писцовой традиции, и данные собственно эблаитских текстов, то эти границы, несомненно, сузятся ¹⁴.

Развитие ремесла неотделимо от торговли, так как оно представляет собой дальнейший шаг в разделении труда. О росте специализации в области ремесел в Эбле свидетельствует как большое количество профессий, упоминаемых в текстах, так и разнообразие предметов, найденных при раскопках. И по ранее публиковавшимся текстам II тысячелетия до н. э. долины Северной Сирии уже были хорошо известны как важные центры прядения шерсти и ткачества ¹⁵. Расцвет этих производств уже в период, засвидетельствованный архивами Эблы, сам по себе не вызывает удивления; неожиданностью является другое: мы узнаем о колоссальном количестве шерсти, которое производилось в Северной Сирии этой поры, и о чрезвычайной высокой степени специализации, связанной с ее обработкой (Pettinato 1979, с. 176 и сл.; Archi 1979, с. 1—33). Как явствует из текстов, посвященных животноводству, изготовление тканей и изделий из них в основном или даже полностью опиралось на ресурсы собственной страны и соседних областей. Что же касается металлургии, то здесь ситуация была иной. Мы пока не располагаем данными о том, чтобы Эбла контролировала районы, из которых могли происходить золото, серебро, медь и олово ¹⁶. Каким же образом Эбла расплавлялась за ввозимые металлы? Обработка драгоценных камней, таких, как лазурит и сердолик, предполагала наличие торговых связей с Иранским плато, где минеральное сырье подвергалось очистке и предварительной обработке, прежде чем его отправляли по торговому пути в Месопотамию, Сирию и Египет (Pettinato 1979, с. 147 и сл.; Tosi, Piregno 1973, с. 15—23).

Таким образом, социальный прогресс в Эбле, как свидетельствуют письменные и археологические данные, был вызван и стимулировался следующими тремя основными факторами. Прежде всего, это развитое сельское хозяйство, главным образом богарное земледелие, требовавшее разделения труда, обмена и стабилизации поселений. Во-вторых, это активные контакты, преимущественно торговые, с другими политическими и экономическими единицами.

И наконец, в-третьих, это накопление товаров и навыков, образовавшихся вследствие той роли, которую Эбла играла как посредник в обмене между далеко отстоящими друг от друга и от самой Эблы областями Восточного Ирана и Египта.

В результате подобного развития самое позднее около середины III тысячелетия до н. э. произошло ускорение социальных процессов в Эбле и других пунктах Сирии, также находившихся в благоприятных условиях. Родовой строй быстро пришел в улагод, хотя он и не был полностью заменен институтами нового общества, разделенного на социальные классы. Решительный шаг к переходу в новое социальное качество был сделан именно тогда, когда возникла частная собственность на средства производства, и в первую очередь на обрабатываемую землю. С одной стороны, собственником земли и скота являлось государство (или дворец, но, по-видимому, не храм), причем государство выступало в лице царя, который в то же время был сувереном всей эблантской территории. С другой стороны, тем звеном, через посредство которого отдельные семьи могли осуществлять свое право на частную собственность на землю, была община. Некоторые эблантские тексты показывают, каким именно образом царь передавал деревни другим лицам¹⁷. Очевидно, он действовал в качестве суверена, передающего доходы от этих поселений своим сыновьям и другим лицам¹⁸. Чиновникам и военачальникам платили за их услуги государству по системе перераспределения, большей частью путем передачи доходов¹⁹. Храмы, по-видимому, разделяли с дворцом как его ответственность, так и его доходы; очевидно, здесь, в отличие от ситуации в раннединастической Южной Месопотамии, между храмом и дворцом не было серьезного соперничества²⁰. О количественном соотношении размеров земельной собственности дворца, с одной стороны, и отдельных семей общинников, с другой, мы ничего точно не знаем, по крайней мере в настоящее время. Однако мне лично кажется, что по качеству обработки земли дворцовое хозяйство было более прогрессивным, разумеется с точки зрения исторической, а не моральной²¹.

Пока еще трудно определить, в какой момент расслонившееся общество Эблы и Северной Сирии начало превращаться в общество классовое. Нельзя также провести различие между разными социальными слоями с точки зрения их отношения к средствам производства²². Само по себе существование свободных и рабов недостаточно для характеристики общества. Впечатление, возникающее на основании текстов, опубликованных до сих пор, подтверждает гипотезу о том, что основной производительной силой был свободный крестьянин или ремесленник и что общество Эблы не может называться рабовладельческим,

Другой проблемой, важной с точки зрения характеристики социального строя, является проблема политической власти. В какой мере царь и его сановники сумели освободиться от родовых уз? Иными словами, существовала ли уже абсолютная политическая власть, позволявшая в случае необходимости действовать против общины, из которой сама эта власть произошла? Насколько мы можем судить, население внутри Эблы и вокруг нее группировалось по территориальному, а не по родовому, племенному или этническому принципу²³. Сам же царь был главой урбанизированной территории, а не племенной конфедерации. Он не обожествлялся, но и не находился в конфликте со жреческой верхушкой. На прочность его положения не влияли нужды экстенсивного ирригационного сельского хозяйства: если ирригация вообще существовала, она не требовала центрального контроля, с руководством ирригацией вполне могли управиться местные власти. Но именно царь был представителем интересов Эблы по отношению к другим политическим единицам, и именно он заключал договоры. Можно полагать, что царская власть обычно переходила от отца к сыну, и у нас пока нет сведений о существовании выборов или хотя бы процедуры общественного признания царя, вроде той, что практиковалась при так называемой «военной демократии»²⁴.

С другой стороны, имеются данные о существовании совета старейшин. Этот совет не обязательно должен был походить на тот, о котором известно по временам племенных обществ, хотя само подобное учреждение восходит к поздне родовому, доклассовому обществу. Нам не следует также излишне прибегать к библейским аналогиям, так как они отражают другой уровень исторического развития²⁵. Царь и старейшины упоминаются рядом в нескольких эблаитских текстах, что может свидетельствовать о чрезвычайно важной роли последних. Но истинная власть не обязательно находит отражение в этой двойственности. Легко допустить, что царь мог и не следовать рекомендациям старейшин, если он располагал возможностью опереться на другие социальные силы (ср. эпическое сказание «Гильгамеш и Агга»). Для окончательного суждения по этому вопросу нужно знать гораздо больше о старейшинах Эблы, их положении в обществе и их отношении как к аристократии различных кварталов столицы, так и к аристократии городов и сел вне Эблы²⁶.

И хотя остается еще много нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения текстов, мы можем, опираясь на данные архивов Эблы, рассматривать ее как раннее государство. Была ли она также и империей? Первые впечатления как будто указывали на это. Но теперь мы научились быть более осторожными²⁷. То, что Эбла подчинила себе или контролировала несколько соседних

территорий (ТМ.75.G.2436), что она, возможно, заключила торговый договор с Ашшуром (ТМ.75.G.2420) * и осуществила завоевание Мари (ТМ.75.G.2367) **, наряду с упоминаниями Эблы в надписях царей Аккада указывает на заметную политическую силу, которой обладала Эбла, будучи более чем просто небольшим сирийским государством в числе прочих ²⁸. Не исключено, что Эблу, какой она предстает в своих архивах, можно сравнить с Ямхадом, который, судя по источникам, был до его разрушения хеттами крупным государством. Однако мы не станем называть Эблу империей, чтобы не впасть в преувеличение и не допустить ложных сопоставлений, которые могут следовать из такого наименования. Термин «империя» имеет как качественный, так и количественный аспект. В качественном смысле под империей подразумевается территориальная интеграция государств или, точнее, объединение территорий или племенных единиц различного уровня социального и экономического развития. В античный период такие империи образовывали компактную территорию. В количественном отношении империя — это государство весьма значительной протяженности, хотя, разумеется, невозможно определить минимально необходимые размеры ²⁹.

Историческая интерпретация текстов из Эблы пока еще не скоординирована с соответствующими письменными источниками из других частей Ближнего Востока, и недостаток необходимых сведений обязывает нас быть осторожными в выводах. Материалы, происходящие из Египта и Месопотамии и относящиеся к Северной Сирии, уже собраны и подвергнуты оценке. Мне хотелось бы кратко изложить здесь некоторые предварительные итоги.

Что касается Египта ³⁰, то археологические данные о его контактах с районом Ливана имеются начиная с доисторического периода. Некоторые предметы, обнаруженные при раскопках в долине Нила и датированные концом IV и началом III тысячелетия до н. э., показывают, что эти контакты продолжались и развивались. Они подтверждаются либо материалом изделий (например, лазурит) ³¹, либо их иконографией (печати, палетки) (см. Helck 1971, с. 7 и сл.; Boehmer 1975, с. 495—514; 1974, с. 15—40). Полученные данные позволяют предположить, что Сирия играла роль посредника в торговых связях, осуществлявшихся на большие расстояния. Египетские надписи, найденные в Губле, упоминают имена фараонов начиная с тинисского периода, причем особенно часто в период IV—VI династий (Chéhab 1969, с. 1—47).

* Это предположение, выдвинутое Дж. Петтинато, оказалось несостоятельным. — *Прим. ред.*

** См. об этом статьи Арки и Эдгарда в настоящем сборнике. — *Прим. ред.*

Египетский импорт леса с сирийского побережья хорошо описан в текстах VI династии, впервые упоминающих Гублу как порт назначения египетских кораблей. Мы можем не сомневаться, что область Гублы находилась под определенным влиянием Египта, но до сих пор еще неясно, распространялось ли это влияние в глубь страны. Эбла была одним из крупнейших центров на пути из Средиземноморья к Евфрату, и предметы, происходящие из Египта, обнаружены там далеко не случайно³².

Материал из Месопотамии ставит перед нами другие проблемы. Несмотря на то что имеются сравнительно богатые археологические находки, указывающие на экономические и культурные контакты между ранними городами-государствами Южной Месопотамии и Северо-Западной Сирии, исторические упоминания начинаются с весьма общих притязаний Лугальзагеси, похваляющегося, что он контролирует все страны вплоть до Верхнего моря³³. Однако мы до сих пор не располагаем доказательствами каких-либо его военных действий, имевших целью выход к Средиземному морю, и можем рассматривать его слова как своего рода политическую программу, отражающую границы торговых связей. Такое отсутствие письменных данных несколько удивляет, но, может быть, здесь уместно будет вспомнить о Мари, положение которого как посредника в торговле с Сирией, возможно, сужало горизонт южномесопотамских экономических текстов; военные действия Эблы против Мари, бесспорно, имели целью добиться непосредственного контроля над торговлей по Евфрату³⁴. Мы также должны иметь в виду, что торговые интересы Месопотамии были в основном направлены в сторону Иранского нагорья и позже на районы у Персидского залива и за ним. Однако с развитием в Месопотамии территориальных государств ситуация изменилась, вследствие чего надписи Саргона и Нарам-Сина с их хорошо известными упоминаниями Эблы³⁵ отражают намерение этих царей проторить дорогу к Средиземноморью и горам Тавра при помощи военной силы. Привязка некоторых археологических данных из Северной Сирии к предполагаемому контролю, осуществлявшемуся царями Аккада, пока еще не является точно установленной и поэтому не помогает в решении вопросов хронологии³⁶.

Что же касается упадка политической силы и экономического благосостояния Эблы в конце III тысячелетия, после периода, засвидетельствованного архивами, то следует избегать переоценки последствий военных походов царей Аккада. Не исключено, что более важную роль здесь сыграли демографические и экономические сдвиги, которые произошли в этот период³⁷. Упомянем лишь некоторые из них: растущее значение аморейского элемента в Северной Сирии и Месопотамии; падение Древнего царства в Египте и

ослабление египетской торговли с Азией; начало включения критской торговли в восточносредиземноморскую; изменения, происшедшие на Иранском нагорье и в его торговых центрах; перемещение главных путей между Евфратом и средиземноморским побережьем дальше к северу, ближе к развивающемуся городу Халебу (Алеппо); более частое использование пути, пересекающего Сирийскую пустыню через Тадмор (Пальмиру); возможно, также ухудшение условий земледелия в районе Эблы. Считать какое-либо одно из этих изменений единственной причиной падения роли Эблы было бы совершенно неправомерно. К тому же мы должны отдавать себе отчет в том, что Эбла осталась одним из важных центров Сирии, а рост ее благосостояния продолжался, о чем выразительно свидетельствуют предметы, обнаруженные в царских захоронениях периода Средней бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Wirth 1971, с. 99, и сл, 378 и сл. Автор характеризует климат как «степной, испытывающий влияние Средиземного моря».

² Kuźwart 1960, с. 674—679; Liverani 1968, с. 77—89; обобщающая работа: Butzer 1972.

³ Мы не располагаем данными о фундаментальных изменениях климата в исторический период; однако имеется много случаев, которые могли бы быть приведены как примеры отступления земледелия и границ заселения после нескольких лет засухи. Изменение характера растительности и возможностей обработки земли происходило в результате самой деятельности человека, главным образом из-за сведения лесов. Однако можно предполагать, что такое ухудшение условий земледелия не слишком далеко продвинулось в течение III тысячелетия до н. э.

⁴ По эгейским материалам см. Renfrew 1972, с. 482.

⁵ Дж. Петтинато (см. Pettinato 1979, с. 128) оценивает население Эблы и окружающих ее поселений примерно в 260 000 чел., но ни метод его исследования, ни полученный результат не кажутся убедительными.

⁶ Liverani 1965, с. 107—133; Courtois 1973, с. 53—99; Matthers et al. 1978, с. 119—162; Maxwell-Hyslop et al. 1942, с. 8—40; Braidwood, Braidwood 1960; Archi, Pecorella, Salvini 1971; см. также Liere 1963, с. 107—122.

⁷ Соответствующий материал собран теперь в Edzard, Farber, Sollberger 1974, том 1 (Досаргоновский и саргонидский периоды, 1977) и том 2 (Третья династия Ура, 1974). В первом томе этого издания упоминаются наименования: Аман, Арма-

нум (= Алеппо?), Эбла, Ярмути, Мари, Нирраб (= Нейраб?), Катним (= Катна), Улисум (= Уллаза?), Уршу и Джебель Бишри; во втором томе: Арманум, Эбла, Губла/Библ, Мари, Мукиш (в устье Оронта), Терка (Ашара) и Уршу.

⁸ Сезонные смещения уровня воды в Оронте и разливы Габа не благоприятствовали прокладке путей вдоль самой речной долины, которая только в Каркуре, Ашарне и Шейзаре пересекалась дорогами, спускающимися с высот, расположенных к востоку от долины. Путь с севера на юг, пересекающий Сирию и ведущий через Хаму, Катну и Дамаск, упоминается в соннике, см. *O r p e n h e i m* 1956, с. 313 (старовавилонский итинерарий).

⁹ См. литературу, приведенную в статье автора, *K l e n g e l* 1976, с. 325—329.

¹⁰ *H e l s k* 1971, с. 4 и сл.; *R a u p e* 1968, с. 58—61. Прекращение поставок лазурита в Египет в первой половине III тысячелетия до н. э. примерно на двести лет находится в соответствии с положением, сложившимся в Месопотамии, и подтверждает гипотезу о существовании дальней транзитной торговли лазуритом через Месопотамию (и Сирию) вплоть до Египта. Драгоценные камни, обнаруженные в Эбле, можно рассматривать не только как предмет импорта, но и как своего рода плату дворцу за транзит.

¹¹ Эмар неоднократно упоминается в экономических текстах из Эблы и может быть локализован с уверенностью; значение евфратского пути также вполне определенно отражено открытиями в Хабуба Кебира и Джебель-Аруда.

¹² По поводу контактов долины Амука с Египтом см. *B g a i d w o o d*, *B g a i d w o o d* 1960, с. 270, 341. Отсюда, однако, не следует, что в устье Оронта существовала гавань, имевшая значение для торговли с внутренней Сирией. Здесь нельзя не отметить, что Угарит (*U₃-ga-ga-at*), расположенный ближе к Эбле, чем Губла, не играет никакой роли в экономических документах из Эблы; см. *G a g e l l i* 1980 и *A r c h i* 1980с (переводы этих статей см. в наст. сб.). Впечатление о преимущественной ориентации эблаитской торговли в сторону Евфрата, с одной стороны, и о малом внимании, уделяемом в эблаитских текстах Угариту, Губле (Библу) и прочим пунктам средиземноморского побережья, с другой, вынуждает нас поставить вопрос о том, не имелись ли на самом деле, кроме Эблы, и другие сирийские центры, которые осуществляли контроль над торговлей между прибрежными районами и внутренней Сирией.

¹³ *P e t t i n a t o* 1979с, с. 171—233; *P e t t i n a t o* 1979, с. 192 и сл. Петтинато, пожалуй, преувеличивает роль Эблы в торговле на дальние расстояния. Этот сирийский город, по имеющимся данным, контролировал лишь определенный отрезок торгового

пути, а именно тот, который вел из Центральной Сирии к Среднему Евфрату (см. прим. 13).

¹⁴ Archi 1980с, Garelli 1980 (переводы этих статей см. в наст. сб.). Месопотамская традиция находит отражение в так называемом «атласе»: Pettinato 1978, с. 50—73. Мы до сих пор не располагаем убедительными данными о наличии контактов между Эблой и Критом или хотя бы Кипром, что не мешает Дж. Петтинато (см. Pettinato 1979с, с. 186; см. выше, прим. 13) утверждать, что «Эбла несомненно имела связи с островом Кипр», ссылаясь при этом на словарь, в котором ugudu ('медь') = kà-pá-lum/ karaḡum) ТМ.75.G.1678 III 6). [Видимо, имеется в виду семитское слово 'слиток', аккад. g/kubāru.— Прим. ред.] Но даже если такое чтение эблаитского слова верно, очень трудно объяснить, почему в Эбле для Кипра употреблен топоним, известный нам только из греческой традиции, а не топоним 'Алашия', под которым он фигурирует в текстах из Мари (Dossin 1939, с. 111) и в других ближневосточных источниках. Дж. Петтинато даже находит возможным (ук. соч., там же) отождествлять топоним am-ni^{kl}, встречающийся в «атласе» (ст. IX 4), с критским топонимом Амнисос. Однако эта гипотеза не подтверждается ни контекстом, на который дается ссылка, ни археологическими данными; см. Renfrew 1972, с. 444 и сл.

¹⁵ Ср. текстильные изделия из Ямхада, упоминаемые в текстах из Мари; см. Klengel 1965, с. 11.

¹⁶ Отождествление эблаитского kà-ni-šu с анатолийским Kaniš/Kültepe (Pettinato 1980, с. 67 и сл.; 1979с, с. 186; см. прим. 13) невозможно; см. Garelli 1980 (перевод статьи в наст. сб.). В принципе необходимо проводить строгое различие между контактами, влиянием, подчинением и интеграцией.

¹⁷ ТМ.75.G.1952, 1470, 1625, 6030, 6031 согласно изданию Петтинато, с. Pettinato 1979а (МБЕ I). См. также Fropzagli 1979, с. 3—16.

¹⁸ Данное предположение может быть подтверждено тем фактом, что — в соответствии с ТМ.75.G.1766 (Fropzagli 1979) — срок действия права пользования пожалованной землей ограничивался десятью годами. В Сирии теснейшие параллели таких передач обнаруживаются в материалах из Алаха VII; см. Klengel 1974, с. 273, и сл.; 1979, с. 435 и сл.

¹⁹ Сам факт получения «рациона» лично царем (Pettinato 1979, с. 95) не обязательно предполагает, что власть в Эбле еще не была персонифицирована (Pettinato 1979, с. 289 и сл.).

²⁰ Такое положение дел находится в полном соответствии с ролью храмов, какой она описана в источниках из районов, находящихся за пределами аллювиальных долин Месопотамии и Нильской

долины, таких, как Алалах VII, Угарит, Хаттуса, и т. п.

²¹ Pettinato 1979, с. 187 и сл., характеризует экономику Эблы как преимущественно государственную. Материал из царских архивов, судя по всему, подтверждает данный вывод. [Это, конечно, объясняется тем, что до нас дошли документы только из государственных архивов.—Прим. ред.]

²² Pettinato 1979, с. 127 и сл., упоминает две категории жителей Эблы: «сыновей Эблы» и чужеземцев. Но они не представляют собой общественных классов.

²³ По мнению Дж. Петтинато, см. Pettinato 1979, с. 83, эблаитский материал указывает на племенные отношения, но доказательств этому пока нет. Ссылка на библейские аналогии не может считаться убедительной, так как они отражают совершенно другую историческую реальность.

²⁴ См. Archi 1979a, с. 560 и сл., против Дж. Петтинато (Pettinato 1977, с. 235); А. Арчи (Archi 1979, с. 91—95) против Дж. Петтинато (Pettinato 1979, с. 79). См. также Archi AnEB—перевод статьи см. в наст. сб.

²⁵ Этот вопрос уже широко обсуждался, см. Archi 1979, с. 556—566; Pettinato 1980, с. 49—72; Archi 1980b, с. 17—47. Исследуя характер какого-либо общества, историк вправе обращаться к материалу из других регионов или периодов, но, конечно, если он при этом в достаточной мере учитывает конкретную ситуацию, отражаемую соответствующими письменными источниками. Если признавать закономерный характер экономических и социальных процессов, который обуславливает возможность повторения хода развития как в пространстве, так и во времени, то можно попытаться найти типологические аналогии, которые позволят лучше понять данную ситуацию. Это, однако, не означает, что исследуемые процессы находятся в прямой или опосредствованной связи с теми, которые с ними сопоставляются.

²⁶ Ср. также старейшина Мари, упоминаемых в тексте из Эблы (TM.75.G.2420), а также в Pettinato 1979, с. 103 и сл. Из этого, однако, разумеется, не следует, что общество Мари того времени было родовым или племенным.

²⁷ Pettinato 1979, с. 111 и сл. рассматривает Эблу как «первую великую империю Древнего Востока», однако указывает на с. 205 и сл., что термин «империя» следует понимать в экономическом смысле.

²⁸ Bergant, Weitzmann 1979, с. 136. Здесь Эбла рассматривается как небольшой город-государство, наподобие лоскута, составляющего совместно с другими ему подобными своего рода «лоскутное одеяло».

²⁹ О размерах территории Эблы см. Archi 1979, с. 110 и сл.

(люди из Харрана и Марду/Джебел-Бишри, несущие службу в Эбле); Matthiae 1979, с. 115 и сл. (район Джаббуля, возможно, Умм эль-Марра?); Archi 1980с, с. 2 и сл. (перевод см. в наст. сб.; государство Хамат с собственным царем располагается на севере — Уршу и Ирридум); Garelli 1980 (перевод см. в наст. сб.).

³⁰ Helck 1971, с. 4—37; относительно датированных египетских предметов, обнаруженных в Эбле, см. Scandone-Matthiae 1979, с. 33—43; 1980 (перевод статьи см. в наст. сб.).

³¹ См. составленный Дж. Пейном список мест в Египте, где вплоть до конца Древнего царства встречается лазурит (Paupé 1968, с. 58—61).

³² Scandone-Matthiae 1979, 1980 (см. прим. 30) с дальнейшими ссылками.

³³ В тексте говорится об «обеспечении безопасности» торговых путей, ведущих к Верхнему морю; см. Kurper, Sollberger 1971, с. 94. [Дословно: «бог Энлиль... от Нижнего моря по Тигру и Евфрату до Верхнего моря открыл мне путь». — Прим. ред.]

³⁴ Pettinato 1977, с. 20—28; 1979, с. 103 и сл. См. также договор TM.75.G.2268 (MEE I № 1706) и сведения, приводимые в TM.75.G.2561 (MEE I № 2000). Если из списка исторических текстов, составленного Петтинато, MEE I, с. XXVIII и сл., изъять все те, которые не содержат данных о политической истории, то останется очень мало документов. Царских надписей в Эбле для периода Ранней бронзы еще вообще не найдено.

³⁵ Hirsch 1963, с. 34 и сл.; см. также прим. 33—Kurper, Sollberger 1971, с. 99, 107 и сл. Историческая оценка дана Боттеро (см. Bottéro 1968 с. 7 и сл.). Представляет интерес, что Нарам-Син упоминает по имени только царя Армана, но не царя Эблы (см. уже Pettinato 1977, с. XXVII).

³⁶ См. литературу, приведенную в работе автора — Klengel 1970, с. 119. Хотя письменные данные из Месопотамии не дают прямых указаний, способных помочь в разрешении хронологической проблемы, однако по палеографическим и археологическим соображениям можно указать приблизительно на XXIV век до н. э., см. работы Э. Солльберже, П. Маттиэ и М. ван Лоона в Ап. Еб.

³⁷ Даже сильно разрушенные города, как, например, Хатгуса и Вавилон, обычно вскоре после их падения оказывались заселенными вновь и опять приобретали политическое значение. Только в случае коренных изменений условий жизни, вызванных силами природы или человека, такие города полностью утрачивали свое значение, приходили в упадок или же оказывались покинутыми их жителями.

А. Арки

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА ЭБЛЫ в III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Достаточно полную картину организации эблантского государства дать пока еще нельзя. Это, разумеется, не удивляет тех, кто изучает общества III тысячелетия до н. э. на древнем Ближнем Востоке. Структура месопотамских городов-государств, таких, как Шуруппак, Адаб, Лагаш, Киш и Ниппур (для периода, непосредственно предшествующего Эбле и современного ей), в ряде аспектов известна нам до сих пор неполно и приблизительно, несмотря на то что доступные нам источники опубликованы уже много лет назад.

По-эблантски 'царь' — *mal(i)kum*, это общесемитское слово, весьма распространенное в западном ареале. Однако в Эбле его написание встречается нечасто, преимущественно в сочетании с личными именами и при противопоставлении женскому роду — *malik-um*. Писцовое правило, по-видимому, предписывало употреблять вместо этого слова шумерограмму е п. Отклонения от указанного правила встречаются редко, например ТМ.75.G.1933 л. YIII 2 и сл.: *I-mi-ig-NI/mal-lik/I-za-ri-lum*^{kl}. Словарный текст ТМ.75.G.2000(+)* дает в качестве соответствия отвлеченному понятию *pa-th-e-p* 'царство' слово *ma-li-gú-um* (Fronzagli 1979 с. 6)**.

Зато около сорока личных имен содержат элемент *ma-lik*, как,

Alfonso Archi. About the organisation of the Ebla State. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

* Знак + после номера текста означает наличие дополнительных фрагментов под другими номерами.— *Прим. перев.*

** Словарный текст передает форму отглагольного имени /*maliku*/ 'царствование', в то время как остальные тексты дают форму /*mal(i)ku*/ 'царь':— *Прим. ред.*

например, A-bù-Ma-lik 'М.— отец', A-na-Ma-lik 'Это я — М.', Еп-па-Ма-lik 'М.— милостив', Ib-du-Ma-lik 'Слуга Малика' (I г - AN-Ma-lik не может рассматриваться как вариант предыдущего, так как это был бы единственный случай, когда слову Malik предшествует детерминатив божества, и, следовательно, данное имя следует читать Iг-an-Ma-lik), Du-bu-ḥu-Ma-lik 'Жертвоприношение для М.', Ib-na-Ma-lik 'М. создал', Ib-ḥur-Ma-lik 'М. собрал', Ruzug-ga-Ma-lik 'М.— защита'. Во всех приведенных тефорных личных именах Malik, видимо, нужно понимать как эпитет божества, а не как имя божества, потому что оно не встречается в культовых списках.

Казалось бы, если термин lu ga l, который по-шумерски значит 'царь', в Эбле не встречается, то можно думать, что соответствие malikum — e п является следствием того, что в аккадском ареале слову lu ga l эквивалентно слово šaḡum и что по каким-то причинам здесь, в Эбле, предпочли местное слово mal(i)kim другому шумерскому слову, тоже обозначавшему верховного властителя, но с несколько иным смысловым оттенком. Однако дело обстоит как раз наоборот: lu ga l представляет собой титул, который носили высокие представители эблаитской администрации!

С другой стороны, титул e п применяется по отношению не только к царю Эблы, но и ко всем правителям в области, над которой господствовала Эбла, от Хамы на Оронте до Туттуля и Эмара на Евфрате. Таким образом, эта логограмма была употребительна для всей Северной Сирии при обозначении понятия «царь». Естественно, что и в эблаитской канцелярии ее применяли по отношению ко всем царям, даже если это были цари весьма отдаленных городов, не находившихся под непосредственным влиянием центрально-южной Месопотамии, как, например, Абарсаль и Хамази, к востоку от Евфрата (второй город — даже за Тигром). И наоборот, царь Мари, крупного города-соперника, обычно именуется местным титулом lu ga l, который, несомненно, должен читаться šaḡum (см. Archi 1981, с. 130).

Можно было бы подумать, что это просто вопрос терминологии. Однако слова e п и lu ga l имеют каждый свой собственный исторический смысл, и в Шумере тоже неравнозначны. Первое слово является более древним и связано с царственностью в знаменитом городе Уруке, где оно первоначально указывало на власть в религиозной сфере. Но с другой стороны, lu ga l, термин, имеющий отношение к Кишу: ср. lu ga l - ki š — является важнейшим титулом со времени Месалима (XXVI в. до н. э.).

Противопоставление, которое мы наблюдаем в текстах из Эблы между e п (употребительным во всей северной области) и lu ga l (употребительным в Мари, являющемся местом соприкосновения с центрально-южной Месопотамией), восходит к тому, которое су-

ществовало в Шумере. Однако имеются также некоторые намеки на взаимопроникновение обеих систем, хотя более вероятно, что и в других городах эблантского района одновременно существовали один *en* и несколько *lugal*'ей (*lugal-lugal*), как это было в самой Эбле. См., например, TM.75.G.1348 об. II 15—III 9: *laktum-TÜG*/(III 1) *līb-III-š_a-DAR* / *lNE-li/zabar/en* / *laktum-TÜG līb-III-š_a-DAR* / *lNE-li/zabar/lugal Ir-i-tum** / *A-ga/šum-DUB maškim A-mu-ra*.

En Иридума упоминается довольно часто; *Iritum* соответствует *Irrite* II тысячелетия, который следует локализовать к востоку от Харрана. В приведенном отрывке *en*, упоминаемый до *lugal*'я, возможно, также относится к *Iritum*'у; или возьмем TM.75.G.1925 об. V 4—7: *mutúm/Dam-da-II/lugal/Sa-nu-ga-at^{kl}*; VI 3 и сл.: *Iš-má-Da-mu/lugal Du-ub^{kl}*; VI 6—8: *I-ti-NE/lugal/Ab-sa-um^{kl}*; VII 2—5: *mutúm/Iš-má-Da-mu/lugal/Na-na-ab^{kl}*.

В качестве наименования должности *en* часто встречается в городах *Dub* (который, вероятно, соответствует городу *Tuba* II тысячелетия — см. *Matthiae* 1979, с. 160) и *Absa'um* (пишется также *Ab-š_u/su/zu^{kl}*).

Итак, титул *en* в принципе не сводится к обозначению царя Эблы и потому не является указанием на принадлежность к более высокому рангу, чем тот, к которому принадлежит любой *lugal* в месопотамских областях. Следовательно, мы должны прийти к выводу, что при установлении соответствия между эблантским и шумерским словом (разумеется, в досаргоновский период) реальная функция, выражаемая шумерскими титулами, учитывалась лишь весьма приблизительно. Иначе говоря, исходя из наблюдения, что в Месопоталии *šagum* соответствует слову *lugal*, для эблантского *mal(i)kim* было принято отождествление с неким шумерским титулом для очень важного лица, а именно с *en*. С другой стороны, в Эбле *šagum*, вероятно, значило 'вельможа, вождь', так же как в западносемитском ареале II и I тысячелетия до н. э. Вследствие этого данный титул вместе с его шумерским эквивалентом *lugal* употреблялся по отношению к должностным лицам, занимавшим в царстве самые высокие посты непосредственно после царя.

Предложив такое толкование, мы получаем возможность отождествить высший слой дворцового чиновничества и тем самым всей администрации эблантского государства. Для этого нам следует обратиться к анализу документов, сохранившихся в разных архивах дворца. Помещение, которое находилось перед главным архивом и которое называют теперь вестибюлем, было одним из тех мест, где изготовляли и писали таблички: это доказывается найденными здесь костяными стилями для письма на глине и приспособле-

ниями для лощения табличек, сделанными из камня. В боковых же помещениях, примыкавших к главному архиву, хранились царские письма и распоряжения, документы, регистрирующие учет тканей и драгоценных металлов. Все обнаруженное здесь относится ко времени последнего царя династии, Ибби-Зикира. Эту группу табличек нужно рассматривать особо, отдельно от материалов центрального архива, охватывающих документы, касающиеся в основном правителей трех предшествующих поколений. Далее, внутри административного квартала, в помещении со скамьями, пристроенными к стенам, были найдены перечни полей и продуктов земледелия, большей частью ячменя, а также поставок скота (всего — несколько сот инвентарных номеров). Следовательно, здесь находился сектор, в котором помещалась сельскохозяйственная администрация.

Третий архив (еще на несколько сот инвентарных номеров) был затем обнаружен в небольшой комнате по соседству с подиумом, предназначенным для царского трона, к северу от двора для аудиенций. Эта комната примыкает к лестнице, которая вела в жилые помещения. Найденный здесь архив был посвящен учету пищевых продуктов (ячменя, бобовой и гороховой муки, растительного масла и солода для приготовления пива), предназначенных для царского стола, для стола придворных, чиновников и женского персонала, занимавшегося перемалыванием зерна и прядением; кроме того, здесь снабжали провизией гонцов, которых посылали ко дворам других стран — в Урса'ум, Харран, Эмар, а также в Мари и Киш. Здесь регистрировались ежедневные и ежемесячные расходы, и тексты, естественно, охватывают ограниченный период времени. Поскольку, опираясь на личные имена, встречающиеся в этих документах, мы вправе датировать их временем Ибби-Зикира, то нет сомнений в том, что мы имеем здесь дело с текстами, относящимися к снабжению продовольствием в последние месяцы существования эблайтского государства. Между тем аналогичные документы в центральном архиве отсутствуют; нет здесь и табличек, касающихся получения мелких групп животных, в то время как именно они составляют большую часть месопотамских архивов (достаточно вспомнить об архивах III династии Ура). Учитывая сказанное, следует полагать, что документы такого рода аннулировались и уничтожались по мере включения в ежемесячные и годовые сводки. Исключение составляют отдельные документы, касающиеся выплат драгоценными металлами. Это же касается некоторых царских писем и распоряжений, надобность в которых могла утрачиваться по мере исполнения. И в самом деле, в центральном архиве сохранилось немного писем по сравнению с малым архивом в вестибюле, но зато здесь имеются разнообразные решения по вопросам, связанным

с наследованием и актами дарения (для которых документы имели силу доказательства), а также несколько международных договоров. А то обстоятельство, что на деревянном столе, обнаруженном во дворе для аудиенций, некогда лежали найденные при раскопках таблички большого формата с хозяйственными текстами времени Ибби-Зикира, представляющие собой ведомости за месяц, всего 21 штука, по-видимому, подтверждает реконструируемую нами архивную практику. Совершенно очевидно, что эти таблички были только что написаны и что после проверки их, вероятно, собирались поместить в центральный архив.

Существовавшее распределение помещений для нужд архивов кажется мне в основном ясным и соответствующим всем частям административного деления.

Последний из трех перечисленных «малых архивов», тот, который занимался учетом продуктов питания, расходуемых при дворе, представляет собой самую удобную отправную точку для попытки установить структуру дворцовой администрации и выявить ее ядро. В списке рационов (§ e - b a) «на 1 день», in 1 u, (TM.75.G. 111 л. I 1—III 10) читаем: «5 хлебов и 2 хлеба g. для царя; 2 1/2 хлеба для царицы; 2 хлеба и 1 хлеб g. для царей; 3 хлеба для сыновей (II) царей; 4 хлеба для Дубуху-Хадда; 2 хлеба для Ибдура (и) Илзи; 2 хлеба для сыновей царя (Эблы); 2 хлеба для дочерей (III) царя (Эблы); 2 хлеба (и) 1 хлеб g. для [..]; [×]š., 8 хлебов для старейшин; 4 š. (и) 1 хлеб для друзей¹ царя Арми» (5 ninda 2 ninda ga-zi-tum en 2^{1/2}, ninda ma-lik-tum 2 ninda 1 ga-zi-en-en 3 ninda dumu-nita-nita (II) en-en 4 ninda Du-bu-ḥu-[d'Ä-d] a 2 ninda Ib-du-ra Il-zi 2 ninda dumu-nita en 2 ninda dumu-mi (III) en 2 ninda 1 ga-zi [..]× [×]GIŠ-šilig 10 lá-2 ninda AB×Áš 4 GIŠ-šilig 1 ninda ku-li en-en Ar-mi^{kt}).

Приведенный документ хорошо представляет всю группу аналогичных текстов. Важно, что здесь указана норма питания, на которую каждое из перечисленных лиц имеет право, чем данная практика выгодно отличается от практики, существовавшей, например, при дворе Зимри-Лима, царя Мари: там была принята собирательная формулировка «питание царя и (его) людей» — partān šarrim u šābim.

Но кто же те цари, которые вставлены в тексте между царской четой и ее детьми и которые в других списках непосредственно следуют за царем Эблы (TM.75.G.299 л. I 3—6: 4 ninda EZEN××AN še en wa* en-en²)? Было высказано предположение, что царь Эблы избирался «на время», на определенный, а именно

* Более вероятно чтение, предложенное И. Е. Гельбом, — wu. — Прим. ред.

семилетний, срок, и что цари, упоминаемые в нашем тексте, были теми царями, которые, отбыв свой срок царствования, оставались при дворе (P e t t i n a t o 1979, с. 78—79). Но сколь ни необычны Эбла и ее культура, трудно допустить, что именно в этом вопросе могла иметь место столь уникальная ситуация, при которой царствование было не пожизненным, а ограничивалось определенным сроком, и бывшие цари сидели за тем же столом, что и правящий царь. Да и хронологические данные противоречат этой гипотезе. Известно, например, что предпоследний царь Эблы Ибриум правил очень долго, так долго, что в последние годы разделял трон со своим сыном Ибби-Зикиром, сыновья которого были в это время уже взрослыми. Поэтому невозможно предположить, чтобы в последний год правления Ибби-Зикира (то есть в год разрушения Эблы) были бы еще живы не только его отец Ибриум, но и предшественник Ибриума Ареннум (а это необходимо, чтобы оправдать множественное число «цари» — е п - е п).

И гипотеза, согласно которой речь идет о жертвоприношениях умершим правителям, также должна быть отброшена как противоречащая общему контексту. Очевидно, документы, о которых мы говорим, подразумевают царей и вельмож других стран, которые гостили в Эбле. И действительно, в других списках эти «цари» упоминаются вместе с «гонцами» (ТМ.75.G.406 IV 2—3, 4—5: е п - е п w a k a s₄). А документ, относящийся к тому же самому архиву (ТМ.75.G.541 об. I 1—II 6) и касающийся распределения растительного масла (здесь речь идет о '2 s i l a хорошего растительного масла для городов Туба, . . . Эмара, ... Урса'ума...'), заканчивается следующим образом: '21 s i l a масла: расход (на) царей (то есть на царей этих городов); [x] сосудов [масла]: расход (на) гонцов' (è е п - е п... è k a s₄- k a s₄)². Видимо, царь Эблы получал свои полномочия не «повременно»!

Упоминание старейшин в этом списке ставит перед нами еще одну проблему. В обществе, для которого монархия уже является привычным институтом, старейшины представляют основные семейные группы, входящие в некий совет, который, по крайней мере теоретически, противостоит царю. Здесь же все иначе: старейшины включены в дворцовую структуру настолько органично, что их служанки получают определенный рацион (зерно в качестве š e - b a для '30 служанок * старейшин', $30 d a m A B \times \dot{A} S$ в

* В Эбле идеограмма $d a m$ означает женскую челядь, а в Южной Месопотамии — супругу. Причина — та же, что в случае с идеограммой $i u g a l = \dot{s} a g - g u (m)$: по-восточноеврейски (аккадски) 'attatu(m) (что и передается идеограммой $d a m$) означает только 'жена, супруга', а по-западноеврейски — и вообще 'женщина'. — Прим. ред.

ТМ.75.G.453 л. I 1—2, об. IV 6—7). Это могло бы навести на мысль, что в Эбле и внутри дворца сохранялись какие-то пережитки племенной организации, тем более что переход царствования от отца к сыну имел место только в последнем поколении династии, так как Ибриум, предпоследний царь Эблы, не мог быть сыном своего предшественника Арениума. С другой стороны, однако, нельзя не заметить, что Эбла была вполне урбанизованной цивилизацией. Мало того, Эбла вписана в культурный контекст, совершенно аналогичный ей самой. Я хочу этим сказать, что мы напрасно стали бы искать в Эбле положение, подобное тому, которое существовало в Мари в старовавилонское время, когда дворцовая структура и племенные группы полукочевников находились в зависимости друг от друга. Тексты торговых сделок и другие хозяйственные тексты постоянно указывают исключительно на городские центры, будучи составлены по следующей схеме: '(платья) для царя (e n) города T; (платья) для его (то есть города) старейшин (AB × AŠ); (платья) для его стража (ma-za-lum)' или '(платья) для гонца/купца (k a s₄/l ú k a r) города T'. Здесь есть только одно исключение: в стандартном перечне текстильных товаров, отправляемых одновременно таким адресатам, как царь и чиновники Урса'ума, Эмара и других городов, появляется имя некоего Шурагарру без прибавления каких бы то ни было топонимических указаний: '(платья) для Шурагарру; (платья) для его братьев (š e š - š e š); (платья) для его старейшин (AB × AŠ); (платья) для его людей (g u r u š - g u r u š)'⁴. Похоже, что речь здесь идет о главе племенной группы.

В связи с вопросом о взаимоотношениях между царем и старейшинами в Месопотамии III тысячелетия до н. э. давно уже велись споры о том, как следует оценивать данные, содержащиеся в эпических произведениях (Jacobsen, 1957, с. 91—140; 1970, с. 132—170). Теперь же Эбла на материале своих экономических текстов наглядно показывает, что такая двойственность представляла собой политический институт, находивший признание в международных отношениях от средиземноморского побережья до Киша. Не существует таких стандартных списков распределения изделий из ткани, в которых бы рядом с царем данной местности не упоминались также старейшины, которым полагалось примерно столько же предметов, сколько царю. Например, '1 мантия, 1 туника и пояс царю Эмара; 2 мантии; 2 туники и 2 пояса его старейшинам' (l'à-da-um-TÜG-II 1 a k t u m -TÜG 1 ib-IV-TÜG-š a₄-GÜN-en 1-mar^{kl} 2 'à-da-um-TÜG-II 2 a k t u m -TÜG 2 ib-III-TÜG-š a₄-GÜN — ТМ.75.G.1443 л. II 7—11). Количество предметов одежды для старейшин меняется от текста к тексту, и, по-видимому, не зависит от реального количества получателей. Так же обстоит дело

и в отношении одного из самых знаменитых городов Месопотамии, Киша: '3 мантии, 3 туники, 3 пояса и 3 слитка (золота) по 40 сиклей для (царей) Нагара, Аду и Киша; 7 мантий, 7 туник, 7 поясов и 1 слиток (золота) в 20 сиклей, 6 слитков (золота) по 16 сиклей для старейшин Киша' ($'\grave{a}$ -da-ulm-TÜG-II) 3 a k t u m -TÜG 3 í b - III-TÜG-š a -GÜN 3 DIB š a - pi Na-gàr^{ki} 'Ā-du^{ki} Ki š^{ki} 10 l á -3 'à-da-um-TÜG-II 10 l á-3 a k t u m -TÜG 10 l á -3 í b - III-TÜG-š a -GÜN 1 DIB ŠÚ+ŠA 6 DIB 16 AB×ĀŠ-AB×ĀŠ Ki š — TM.75.G.2335 л. VI 19—VIII 7). Это касается и Мари. Согласно тексту TM.75.G. 1953, большое количество серебра в течение нескольких лет было послано из Эблы царям этого города вместе с их старейшинами (Arché 1981, с. 131—134).

Формулы типа 'ЛИ₁ и ЛИ₂, старейшины дворца', например, '(2 платья) A-da-gàr wa A-zi-za AB×ĀŠ-AB×ĀŠ SA.ZA^{ki} (TM.75.G. 10079 об. III 19—24), показывают, что в Эбле старейшинами называли некоторых высокопоставленных чиновников, относившихся к дворцовой иерархии*.

Неизвестная ранее логограмма SA.ZA^{ki} обозначала дворец (в широком смысле). Это SA.ZA^{ki} занимало значительную часть городской территории, на что указывают такие места в текстах, как следующее: '25 sí la масла (для) SA.ZA^{ki} и Эблы: на 1 день, пища для работников', 25 sí la šu-NI SA.ZA^{ki} wa Ib-la^{ki} in l u, k ú g u r u š (TM.75.G.233 л. IV 6 — об. I 3). В площадь, занимаемую SA.ZA^{ki}, вероятно, не входили жилища «гурушей» и некоторые мастерские, например изготовлявшие одежду, размещавшиеся в пригороде. Но все категории персонала, начиная с купцов, ведавших караванами (d a m-g à r), и кончая певчими (p a r), составляли часть структурной единицы, называемой SA.ZA^{ki}. В одном тексте говорится: 'певчие (относящиеся к) SA.ZA^{ki} и (к) Мари', (í b-l á-í b-l á) p a r SA.ZA^{ki} wa Ma-ri^{ki} (TM.75.G.2366 об. X 10' — 14'); как видим, здесь подчеркнута принадлежность к SA-ZA^{ki}, а не к Эбле! Именно SA.ZA^{ki} было сердцем города. Ежемесячные ведомости получения овец перечисляли прежде всего ряд жертвоприношений, предназначенных для храмов богов (é - é) (приблизительно 200 голов). Затем следовали овцы, потребляемые при дворе: царем, царицей, вельможами и свитой, всего около пятисот голов. Итого, 700 голов овец, 'полученных' (g a b a-g u) из SA.ZA^{ki}. Таким образом, в SA.ZA^{ki} включались все храмы важнейших божеств (таких, как Кура, Адад, Иштар и т. д.), и они не имели собственной

* Совет старейшин не мог состоять из 2—3 лиц, поэтому в данном случае идеограмму AB×ĀŠ не следует переводить как 'старейшины'. Ни в одном городе Месопотамии старейшины и их люди не получали довольствия из дворца. Поэтому, во всяком случае для Эблы, AB×ĀŠ лучше переводить как 'советники (царя)'. Однако они же могли быть старейшинами в Кише.— Прим ред.

административной организации. Во главе церемоний жертвоприношений оказываются члены царской фамилии, что же касается культового персонала, то определить функции отдельных лиц пока не представляется возможным. В этом отношении Эбла решительно отличается от шумерских городов, даже если иметь в виду, что значение храма в шумерском обществе порой сильно переоценивалось.

Божества принимают форму определенных ипостасей, являющихся объектами культа при дворе. Так, существует особый бог Солнца, почитаемый в SA.ZA^{ki}, то же касается Расапа и Идакуля. Но самое большое число жертвоприношений получает Кура (божество, имя которого с трудом поддается объяснению в рамках семитских языков). Кура — самое главное божество Эблы, которое в юридических текстах выступает в триаде совместно с богом Солнца и с Ададом (Хаддой), в некоторых экономических текстах, видимо, представляет всех богов. Приведем суммирующую часть из списка зерновых поставок: 'Сумма: 100 мер z., хлеб для старейшин; 12 1/2 мер z., хлеб для бога Кура; 5 месяцев; 127 мер для царя. Пища из SA.ZA^{ki}' (AN.ŠE.GŪ l mi-at gú-bar za-la-tum n i n d a AB AŠ 12¹/₂ gú-bar za n i n d a ⁴Ku-ra 5 i t u l mi-at 30 lá-3 gú-bar e n k ú SA.ZA^{ki} — ТМ.75.G.345 об. II 1—8). Здесь отчетливо выделяются три крупные категории: царская семья, старейшины (в эту группу, возможно, следует отнести и других чиновников) и боги⁶.

В тексте ТМ.75.G.535 об. X 1—5 термин SA.ZA^{ki} тоже противопоставляется только Эбле: AN.ŠE.GŪ (зерно) k ú SA.ZA^{ki} wa Ib-la^{ki}. Также к SA.ZA^{ki} принадлежат и гуруши, организованные в отряды: '(зерно) для гурушей 50 поселений на 1 день. Пища из SA.ZA^{ki}, (g u r u š-g u r u š 50 é-d u r u, i n l u, k ú SA.ZA^{ki} — ТМ.75.G.266 об. I, 5—8)⁷. Но в ТМ.75.G.427, касающемся поставок (m u-t ú m) муки на семь лет, SA.ZA^{ki} включен в состав 'дворца царя' — é-e n⁷.

С другой стороны, в ТМ.75.G.336 é-e n противопоставлен не только деревням гурушей (é-duru^{ki}), но и 'высокому дому' (é-m á ħ) '(дому) колесниц' (gígir^{ki}) и 'дому' a m (é-a m)⁸.

Этот é-a m представляет собой склад металлов (главным образом недрагоценных). В одном годовом отчете (ТМ.75.G.1642) отмечены 14 615 бронзовых полос (GIS-g u z a b a r). Поскольку минимальный вес этих полос составлял около 10 сиклей (то есть 77 граммов), то общий вес передаваемого на склад металла должен был составлять по меньшей мере 11 центнеров. Далее сообщается о 100 золотых полосах (около 8 кг) и 840 серебряных полосах (64 кг) как поставке (m u-t ú m) города Дулу (текст допускает понимание 'для Дулу' и 'из Дулу').

Вероятно, в пределах дворцовой территории размещались также

мастерские ремесленников — кузнецов (é-s i m u g) и плотников (é-p a g a r), кварталы рабов (é-i r₁₁) и некоторые складские помещения, как, например, помещение для хранения растительного масла (é-i-g i š) или 'дом шерсти' (é-s i k i), где хранились ткани и изделия из них. Мы располагаем небольшим количеством малых табличек, посвященных годичным проверкам, в которых различаются разные виды одежды, но приводятся цифры, соответствующие их общему количеству за определенный промежуток времени, например '4042 одеяния, 430 лучших поясов, 2837 поясов: поступление; во втором и первом году. Налицо в „шерстяном доме“, 4 li-im 42 t ú g - í ú g 4 mi-at 30 í b-III-TÚG-š a₄-GÜN 2 li-im 8 mi-at 40 l á-3 í b-III-TÚG-GÜN DÚB 2 m u w a l m u a l-g a l é-s i k i (TM.75.G. 1820). Однако это помещение служило также в качестве одной из сокровищниц, где, в частности, хранились золото и другие ценные предметы. Их перечень приводится в одной из табличек: 'Сумма: 8 мин 11 сиклей золота... налицо в „шерстяном доме“: за 2 года', AN.ŠE.GÜ 10 l á-2 m a-n a l l k ù-g i. . . a l-g á l é-s i k i l ú 2 m u (TM. 75.G.2076 л. III 1—8). По-видимому, наименование «дом шерсти» унаследовано от тех времен, когда шерсть была одной из главных ценностей, хранившихся здесь.

SA.ZA_x^{ki}, то есть дворцу в самом широком смысле, противопоставят пригородные поселения — u g u-b a r. Это совершенно бесспорно вытекает из следующего короткого текста: '7000 сосудов масла: налицо в u g u-b a r; 4000 сосудов масла: налицо в SA.ZA_x^{ki}. 6 месяцев', 7 li-im la-ḥa i-g i š a l-g á l u g u-b a r 4 li-im la-ḥa i-g i š a l-g á l SA.ZA_x^{ki} i t i i-ba₄-sa (TM.75.G.1842). Именно в пригороде находились жилые помещения, например для служанок (d a m-d a m), вероятно использовавшихся для работ по прядению и по помолу зерна. Так, в тексте TM.75.G. 560 об. II 1—III 1: 'Сумма: 1022 меры ячменя: [рацион] для служанок. На 7 месяцев. 80 мер нового ячменя: рацион для служанок царя, (в) u g u-b a r. На 4 (?) месяца', AN.ŠE.GÜ 1 li-im 22 š e g ú-bar [š e-b a] d a m-d a m i n 7 i t i 80 š e b a r g i b i l š e-b a d a m-d a m e n u g u-b a r i n 4 i t i. Если шумерское u g u-b a r, соответствующее аккадскому karḡum, имеет здесь то же значение, что и в Месопотамии, то оно относится к территории за пределами городских стен. А вся внутренняя территория, следовательно, занята исключительно SA.ZA_x^{ki} (то есть дворцом). Из приведенного отрывка, касающегося масла, которое хранится в u g u-b a r и в SA.ZA_x^{ki}, выясняется, что в топографическом смысле наименование «Эбла» включает как дворец, так и пригородные поселения. И в самом деле, в словарных списках эблантским соответствием для u g u-b a r является i-ri-a-tum, производное от существительного 'ir 'город' в угаритском, древнееврейском и финикийском языках.

Шумерское выражение $\acute{e}-d u g u_5$ имеет в Эбле совершенно иное значение, хотя в месопотамских списках ему, как и $u g u-b a g$, соответствует аккадское *karḡum*. В эблаитских списках перевод $\acute{e}-d u g u_5$ не приводится, а употребляется оно для обозначения таких отрядов работников (а также их жилищ), во главе которых стоит надсмотрщик ($u g u l a$). Имелись $\acute{e}-d u g u_5$, состоявшие из работников ($g u g u \acute{s}$): '10 мер ячменя, хлеба для работников в 1 месяц', в день. . . (Сумма): 300 мер ячменя, хлеб для работников в 1 месяц, 10 *š e b a r n i n d a g u g u \acute{s}-g u g u \acute{s} 40 $\acute{e}-d u r u_5^{k1}$ i n l u_4 . . . 3 m i - a t š e b a r n i n d a g u r u \acute{s}-g u g u \acute{s} l i t u* (ТМ.75.G.530 л. VI 6 об. I 7). Бывает также, что $\acute{e}-d u g u_5$ состоит из *pa-se₁₁* (акк. *pišā*) 'людей' (ТМ.75.G.529 л. I 1: I m i 53 $\acute{e}-d u r u_5^{k1}$ 10 *pa-se₁₁*). Наконец, указывается, что 500 таких $\acute{e}-d u g u_5$ зависят от дворца SA.ZA^{k10}. Но многие стороны организации этих $\acute{e}-d u g u_5$ остаются неясными. Так, например, наряду с тремя $\acute{e}-d u g u_5$ 'сотоварищей' (*k u-l i*) царевича Дубуху-Хадда (ТМ.75.G.307 л. I 7 — II 2; ср. ТМ.75.G.408 л. IV 6—8) имеются также несколько $\acute{e}-d u g u_5$ плотников (*p a g a g*) и кузнецов (*s i m u g*) (ТМ.75.G.408 л. III 1—4); может быть, они как-то связаны с рабочими отрядами плотников и кузнецов. Но есть случай, когда вслед за $\acute{e}-d u g u_5$ упоминается имя высокопоставленного должностного лица, которому, следовательно, подчиняется $\acute{e}-d u g u_5$; иногда за $\acute{e}-d u g u_5$ следует наименование города, например Мари (ТМ.75.G.307 об. II 4—5; 408 л. IV 11—12: 2 $\acute{e}-d u g u_5$ Ma-ri^{k1}): здесь, возможно, речь идет о группах лиц родом из Мари.

Очевидно, основная единица, входящая в $\acute{e}-d u g u_5$, обозначается шумерским словом 'дом' (\acute{e}). Например, в списке рационов читаем: '(хлеб) для домов 4 $\acute{e}-d u g u_5$ ', $\acute{e}-\acute{e}$ 4 $\acute{e}-d u g u_5$ (ТМ.75.G.297 л. III 6 об. I 1).

До нас дошла пространная табличка (ТМ.75.G.10250), представляющая собой кадастр, касающийся 4580 такого рода единиц, или 'домов' (\acute{e}), состоящих из 'людей' (*pa-se₁₁*). Последние перечислены по деревням, к которым они относятся, причем все деревни представляют собой совершенно аналогичные образования. Первая группа «домов» состоит из 'работников' ($g u g u \acute{s}$), другие из 'земледельцев' (*e p g a g*) или рабов (*i g₁₁*) дворца, скотоводов, виноделов, ремесленников, например кузнецов и плотников. Таким образом, эти «дома» формировались из лиц, имевших различное социальное положение, и иногда представляли собой специализированные производственные единицы. Если считать, что в каждом «доме» было в среднем 4 человека *, мы получим в итоге 18 320 человек,

* Вероятно, имеются в виду только самостоятельные лица, главным образом взрослые мужчины. — *Прим. ред.*

которые находились в прямой или косвенной зависимости от дворца, и все прямо или косвенно были связаны с земледелием. Это еще один показатель того, насколько централизованной была экономика Эблы.

Несколько $\acute{e}-d u g u$, составляли $k \acute{a}$; этот шумерский термин обозначает не только 'ворота', но и 'городской квартал'. Например, 40 $\acute{e}-d u g u$, составляли квартал, находившийся под началом некоего Барзамау, надсмотрщика города Ларугаду. Иногда главные должностные лица дворца возглавляют «кварталы», которые включают по два-три десятка 'людей' ($na-se_{11}$).

Что перед нами: персонал административных «контор» или торговых? Как бы то ни было, именно на основании своей принадлежности к таким «конторам» их персонал получал свои рационы. Например, '521 мера пшеницы ($g\acute{u}-bargig$) для 2 $k \acute{a}$ Хара-Иля' (ТМ.75. G.1959 л. III 3—5). В заключение нельзя не отметить, что восстановление городской структуры по текстам является делом чрезвычайно трудным.

Что касается снабжения города Эблы, то мы должны обратиться к уже упомянутым выше ежемесячным отчетам о забытых овцах. Здесь имеются три статьи поступлений. Первая — это животные, принесенные в жертву в храмах, вторая — животные, потребляемые при дворе; обе величины затем складываются и представляют собой цифру поставок ($g a b a-g u$) для дворца ($SA.ZA_{11}^{ki}$); наконец, третья статья включает животных, получаемых в качестве 'питания в пути' ($n \acute{i} g-k a s k a l$; $k a s k a l-k a s k a l$) представителей дворца, направляемых в другие города или деревни. Общая сумма колеблется между 800 и 1500 головами в месяц, а самые большие цифры достигают 3500 и даже 4600 голов.

В отношении продуктов земледелия данные весьма многочисленны, но чрезвычайно трудны для подсчета. Прежде всего, нам неизвестно, чему соответствуют единицы измерения площади, которыми пользовались эблантяне ($g \acute{a} n a-k e \acute{s} d a-k i$: может быть, «связанные» поля, то есть поля, находящиеся под прямым контролем дворца?), а также единицы измерения сыпучих тел (самая крупная из них — $g\acute{u}-bar = kub\bar{a}r$ от семит. $kab\bar{a}ru$ 'быть тяжелым, толстым'). Кроме того, эблантские чиновники лишь изредка датировали документы.

Один документ (ТМ.75.G.10039, сведений для датировки нет) дает следующую общую картину: '157 500 единиц площ. ди: на питание «работников» ($g u r u \acute{s}-g u r u \acute{s} k \acute{u}$); 11 860 единиц (меньше 1/10) на питание должностных лиц $u r_x$; 22 230 единиц для плотников дворца ($n a g a g-n a g a r SA.ZA_{11}^{ki}$); 19 020 единиц для старейшин; 9870 единиц для плотников пригородов ($n a g a g-n a g a g u g u$).

в а г); 17 700 единиц для «порученцев» надсмотрщиков домов * (то есть производственных единиц: m a š k i m - m a š k i m u g u l a - é - u g u l a - é), итого — 229 000 единиц площади'. Похоже, что перед нами сводка сельскохозяйственных угодий, предназначенных для полного обеспечения всех живущих в городе Эбле.

Это лишь один из большого числа документов, имеющих в рассматриваемом архиве III тысячелетия до н. э., который так насыщен данными, что мог бы стать идеалом грез для многих историков, изучающих экономику других стран древнего мира. Однако эти данные трудно понять, и еще труднее дать им соответствующую оценку. Как, например, надо понимать то обстоятельство, что участок, предназначенный для «работников», в 10 раз превосходит участок, отводимый для старейшин?

Третий документ (ТМ.75.G.1976), по-видимому составленный на основе иных критериев, содержит сведения о рационах (š e - b a) как для «работников» (g u g u š), так и для царей и царевичей. Поскольку «работникам» предназначалось 3323 меры ячменя в месяц, годовой объем должен был достигать примерно 40 000 мер. И это именно в то время, когда в соответствии с первым из рассмотренных нами документов поля, предназначавшиеся для «работников», по-видимому, могли производить в четыре раза больше. Таким образом, перед нами, с одной стороны, цифры, которым трудно дать соответствующее объяснение, а с другой — масса аналитических данных, содержащихся в десятках других текстов, которые нужно привести в соответствие с этими цифрами. Труд и терпение, которые здесь необходимо затратить, совершенно не гарантируют положительного результата **.

Длинные каталоги полей показывают, что часть чиновников получал «кормления» индивидуально. Стандартной нормой, по-видимому, было 200 мер площади (но иногда цифра падает до 50 мер), и каждая такая стандартная единица включала еще пару мулов (b i g - B A R . A N) для пахоты. Привожу пример из текста (ТМ.75.G.1826 л. IX 3—7): «600 мер площади поля (g á n a k e š d a - k i), три пары мулов: для ЛИ+ЛИ, (это для) людей, занятых (изготовлением) вина (lú - g e š t i n)'. Обычно профессия тех, кто получал корм-

* Здесь Арки, по-видимому, переводит неправильно: надо, вероятно, «машкинов» и старост домов'. Термин m a š k i m имеет в различные периоды истории разное значение, но обычно означает представителя одних властей или групп лиц, участвующих в деятельности (других) органов власти. — Прим. ред.

** Противоречия здесь нет. По аналогии с условиями Южной Месопотамии той же эпохи можно заключить, что царско-храмовые работники получали либо продуктовые рационы, либо участки земли, либо (реже) и то и другое. Поэтому трудно было бы ожидать, чтобы между суммой рационов, выдававшихся работникам из казны, и площадью выдававшихся им лично участков существовало какое-либо обязательное постоянное соотношение. — Прим. ред.

ление, не указывается. Если это все же случается, то речь идет о 'плотниках' (p a g a r), наблюдающих (букв. надсмотрщиках) за мулами или же о писцах (d u b - s a r), судьях (d i - k u s), жрецах (pašišu) и т. д. Царевичи, как, например, Ипдура, один из сыновей Ибби-Зикира, получали большие «кормления», состоявшие из нескольких тысяч мер площади. Такого рода недвижимое, возможно, наследственное имущество описано подробно в инвентарных списках следующего типа: '4400 мер площади: в деревне Барга; 1000 мер площади: в деревне Гатиду; 2000 мер: в деревне Аба'у' и т. д. (ТМ.75. G.1992 л. П—5). Но кто были те официальные лица, которые имели право на оплату своей деятельности, не получая «кормлений», соответствовавших определенным служебным категориям? В настоящее время мы не можем ответить на этот вопрос даже предположительно.

Для всей совокупности документов из Эблы характерен колоссальный разрыв между огромной массой экономических данных и чрезвычайно малым числом «нитей», за которые можно было бы ухватиться с целью осмыслить эти данные. Остановимся на отчете (š i d), или инвентарном списке, касающемся 'дома плотника' (é - p a g a r), то есть мастерской, где эти ремесленники выполняли свою работу (ТМ.75.G.1432). Мы ожидали бы увидеть перечень материалов, хранившихся здесь, подобный тому, который содержится в инвентарном списке склада металлических изделий (é - a m), упомянутом нами выше, но ничего подобного здесь нет. А имеется, прежде всего, перечень продуктов питания: 3 кувшина масла, 20 сосудов пшеничной муки, 4 — гороховой муки и т. д. Затем упоминается небольшое количество серебра — всего до полукилограмма, 7200 мер ячменя, 600 овец и, наконец, 700 стрел или дротиков (GIS-t i - HAR).

Таким образом, документ посвящен продовольственному снабжению этой мастерской, но не только: упоминаются также дротики или стрелы, то есть предметы, изготавливаемые самими ремесленниками *. Какие бы то ни было указания на сроки или время отсутствуют, но, судя по всему, этот документ охватывает период продолжительностью в один год.

Теперь рассмотрим инвентарный список дома (š i d é) некоего Дуби, живущего в небольшом городке (Sarrap) и имеющего звание 'купца' (l ú - k a r) (ТМ.75.G.2092). Здесь перечисляются «3 килограмма серебра; 30 предметов одежды; 70 шкур; шерсть» и несколько мер ячменя. Затем в отдельной графе прибавлено 5 ки-

* Нет указаний на то, чтобы стрелы или дротики вообще изготавливались плотниками; скорее всего, речь идет о снабжении плотников оружием на случай вызова их в составе ополчения. Вероятнее всего, речь идет о стрелах; 700 стрел соответствовало бы примерно 20 колчанам или 20 возможным стрелкам из лука.—
Прим. ред.

лограммов серебра и некоторое количество шерсти первого сорта (принадлежащие) «богу Расапу города Саррапа». Возможно, Дуби получал первую группу предметов в связи со своей профессиональной деятельностью, а вторую за то, что управлял местным храмом. Но здесь мы оказываемся в области чистых гипотез*.

Большие итоговые суммы, которые встречаются в административных текстах, показывают, что экономика была сильно централизованной, хотя и царевичи, и другие официальные лица и непосредственно осуществляли владение землей. Так как документы, дошедшие до нас, имели какое-то отношение к царским архивам, следует полагать, что это были либо акты царского пожалования, либо царские декреты, подтверждавшие переход собственности по наследству. Формула, применяемая в первом случае, имеет следующий тип: 'на 10 лет царь предоставляет и дает тебе имущество' (букв. дом) в деревне Байтайн', 10 tu en sa g-du, wa i-pa-sum-kum é in Ba-da-a (TM.75.G.1766 л. I 6—II.7; Fronzaroli 1979, с. 4). Во втором случае формула такая: 'судебное решение царя и дворца: решено и внесено (в архив); судебное решение (для) ЛИ', di-ku, en wa SA.ZA^{kl} di-ku, wa šu tu-DÚB di-ku, Ú-ti (TM.75.G.1452 об. II 1—9; Fronzaroli 1980, с. 34—36). Но имеется также несколько документов, представляющих собой добровольное соглашение заинтересованных лиц по поводу завещательного распоряжения или же фиксацию устного соглашения сторон. По-видимому, представители властей здесь не участвуют, и канцелярия дворца ограничивается регистрацией соглашения между заинтересованными лицами, которые они клятвенно обязуются соблюдать.

Имущество фиксируется суммарно с указанием на его местопребывание: 'х мер площади земли в (деревне) T, виноградник (GIŠ.NU.SAR GIŠ-geštin) в (деревне) T'. Как правило, такого рода пожалования включают, помимо участка земли, также и дом; короче говоря, речь идет об усадьбе с угодьями или хуторе. Некий Ибду-Эштар получает десяток таких «домов», все вблизи разных городов или деревень, причем один из них оказывается в непосредственной близости от Иридума, хорошо известного города недалеко от Харрана. В заключение в документе сказано: «дома Ибду-Эштара, которые царь дал ему», то есть в данном случае пожалованные «дома» были территориально разбросаны (TM.75.G.1668). Максимальную земельную единицу образовывала деревня. Несколько царевичей имели по целому десятку деревень. Если в качестве образца

* Так, это мог бы быть, с одной стороны, личный капитал Дуби как купца, с другой — капитал, вложенный храмом его городка в торговые операции Дуби как официального агента.— *Прим. ред.*

для сравнения мы позволим себе взять общества, подобные Алалаху и Угариту, которые хотя и моложе более чем на целое тысячелетие, но, вероятно, сохраняли архаичные способы производства, то мы увидим здесь сельскохозяйственные угодья, располагающиеся вокруг деревень, каждая из которых находится на попечении надсмотрщика, и включенные в производство, использующее трудовую повинность жителей деревни.

Мы не располагаем сведениями о собственности отдельных домов на землю и о персонале этих «домов». Существует всего лишь один инвентарный список, касающийся «дома», понимаемого как производственная единица, однако точные функции его здесь никак не определены (в тексте просто сказано: «в руках», то есть «во владении», некоего Ури; ТМ.75.G.1383). На деле такой «дом» больше чем просто сельскохозяйственная единица, поскольку упоминается также и какая-то мастерская, возможно прядильня. Документ перечисляет только движимое имущество, а из персонала — лишь женщин и их детей. Этот документ начинается с перечня сосудов с разного рода мукой и зерном, а также сосудов с вином и маслом; дальше следуют предметы обстановки: примерно 30 кроватей (G I Š - п á), 100 табуретов (G I Š - s ú) и т. д. Затем перечисляются люди: 82 служанки* и 43 (их) сына. И наконец, живность: 90 овец и несколько голов крупного рогатого скота. Как бы то ни было, перед нами интересный документ об организации труда в обществе III тысячелетия до н. э.

Что касается управления государством, то оно осуществлялось царем и группой официальных лиц (числом около 12), носивших шумерский титул *l u g a l*, который, несомненно, читался по-семитски *šaggu*, но обозначал царевича, вельможу, как это принято в западносемитских языках, а не царя. Эти лица фигурируют совместно с царем примерно в сорока документах, где речь идет о поставках. Из общего числа документов этого рода, дошедших до нас в хорошей сохранности и относящихся к сфере деятельности царя, тринадцать принадлежат Ибриуму и примерно столько же его сыну — Иббизикиру, восемь — Ареннуму и два — Игриш-Халаму, двум царям — предшественникам Ибриума. А так как можно полагать, что эти тексты представляют собой годовые отчеты, то это означает, что мы в состоянии проследить деятельность соответствующего административного сектора более или менее непрерывно на протяжении царствования трех из пяти правителей династии (это подтверждает, что эблайтская династия находилась у власти примерно 50 лет).

Типология документов имеет свою эволюцию. При Ибриуме в первую графу текста включаются поставки (*m u - DU*), предназна-

* Может быть, просто женщины? — *Прим. ред.*

чавшиеся царю, то есть поступления из секторов, управляемых чиновниками, непосредственно отвечавшими перед царем. Доходы Ибриума составляли от 300 до 600 мин серебра и от 1 до 7 мин золота, к которым еще следует прибавить всякого рода кинжалы, столы и другие предметы из драгоценных металлов, наряду с предметами одежды (количество последних достигало 2800 единиц). Вторая графа касается чиновников, которые упоминаются всегда парами и которые, хотя и принадлежат к числу «вельмож» (l u g a l), имеют дополнительный титул «судей» (d i - k u s). В период царствования Ибриума на смену первой паре судей, занимавших свои посты со времени Ареннума, пришла через несколько лет следующая пара, которой предстояло служить до прихода Ибби-Зикира. Поставляли эти судьи только одежду. Далее идут 10 или 11 «вельмож» с их поставками в серебре, колебавшимися в сумме от 60 до 80 мин. Третья графа показывает поставки от «стран» (k a l a m - t i m - k a l a m - t i m) (таких, как Харран, Эмар, Туба), которые хотя и управлялись независимыми династиями, но находились в сфере гегемонии Эблы. Здесь размер поставок невысок: всего двадцать мин серебра. Наконец, после нескольких дополнительных граф документ заканчивается общим итогом, причем указывается, что все перечисленное «налицо», то есть поступило во дворец (a l - g á l SA.ZA^{ki}). Со времени Ибби-Зикира размер поступлений заметно увеличивается, достигая в среднем 1000, а иногда даже 1500 мин серебра и от 5 до 10 мин золота. Совершенно очевидно, что размеры поставок обоих металлов взаимосвязаны. В тот год, когда количество серебра равнялось 700 минам, количество золота достигает 90 мин. Учитывая, что стоимость золота по отношению к серебру была 5 : 1, 90 мин золота соответствовали еще 450 минам серебра. Количество изделий из тканей тогда же составляло примерно 5000 единиц.

При Ибби-Зикире оба судьи исчезают из списка «вельмож». Это, однако, вовсе не означает, что институт судей был упразднен, поскольку люди с этим званием фигурируют в списке выдаваемых районов, который следует датировать временем правления данного царя.

В правление Ареннума четкой формы документов описываемого типа еще не существовало. Графа, касающаяся правителя, могла размещаться как в начале, так и в конце; судьи появлялись в списке без соблюдения какого-либо иерархического порядка; графы, касающиеся дани чужих стран, отсутствуют.

Каковы же были функции «вельмож»? Тексты дают об этом крайне скудную информацию. Только об одном из этих людей иногда говорится, что он — «наблюдающий (букв. надсмотрщик) за мулами», из чего следует, что он отвечал перед дворцом за поступления из этой отрасли животноводства. Некоторые другие «вельможи»,

хотя это бывает очень редко, именуются «надсмотрщиками» городов. Тексты не содержат никаких сведений, которые позволяли бы думать, что эблаитское царство имело деление на провинции, возглавляемые «вельможами». Скорее всего, «вельможа» стоял во главе каждого города и каждой деревни. В одном документе времени Ареннума, единственном в своем роде, несколько сот работников состоят при каждом «вельможе», причем общее количество работников — 7000 человек, что представляет значительный контраст в сравнении с 4700 работниками дворца. По-видимому, упоминаемые «вельможи» отвечали за управление административными секторами, которые, как, например, разведение домашнего скота, находились за пределами дворцовой территории. Из немногих годовых отчетов выясняется, что как раз некоторые из этих «вельмож» отвечали одновременно за животноводческое хозяйство царя и за скот, поступавший в качестве дани. Вполне возможно, что в области земледелия действовала аналогичная система организации.

Но что же означают мины серебра, зафиксированные в качестве поставок от «вельмож»? Несомненно, только часть дохода с того сектора, за который они отвечали, а именно часть, не включавшую сельскохозяйственные продукты. А что можно сказать о тканях и изделиях из них, которые должен был поставлять «вельможа»? И откуда в этом случае брались большие количества царского серебра, если союзные города были обязаны платить относительно немного? Указанная проблема оборота цветных металлов на уровне, необычном для древнего Ближнего Востока, остается нерешенной и требует дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ku-li=эбл. la-ù-um; ср. др.-евр. le'am, араб. la'āmā, но акк. ibrum.

² См. также ТМ.74.G.266 I 1—4: 4 ninda sagšu en wa en-en.

³ И из других табличек архива ясно, что эти цари были царями *других* городов. См. ТМ.75.G.233 I 1—II 4: '10 sila масла: расход для царей; 1 sila (масла) для Энна-Малика; 1 sila (масла) для царевича Илара; 1 sila (масла) для царевичей', 10 sila i-giš è-en-en 1 sila En-na-Ma-lik 1 sila dumu-nita en I-la-ar^{kl} 1 sila dumu-nita en-en (ТМ.75.G.235 и 251 аналогичны).

⁴ ТМ.75.G.2525 об. VII 4 и сл.; ТМ.75.10256 об. IX 2 и сл.; ТМ.75.G.2590 об. X 8 и сл.; ТМ.75.G.1828 об. VII 12 и сл.; ТМ.76.G.530 об. VII 7 и сл.

‡ Бог Кура засвидетельствован также в следующих списках районов: ТМ.75.G.220, 231, 276, 299, 325, 344, 345, 406, 411, 440, 445, 530. В тексте ТМ.75.G.344 Кура упоминается вместе с Самаганом, а в тексте 530 — с dingir-dingir-dingir. Текст ТМ.75.G.570 представляет собой список жертвоприношений нескольким богам.

⁶ См. также ТМ.75.G.570 л. V 5—8; 15 é-duru^{kl} SA.ZA^{kl} kú in l u₄.

⁷ Текст опубликован Дж. Петтинато, см. Pettinato 1974—1977, с. 2—28.

⁸ См. Pettinato 1976, с. 2—11. Не включены в состав «дворца царя» также служанки и чиновники U-а, что видно из ТМ.75.G.538 об. VI 1—7; AN.ŠE.GU l li 8 mi-at še bar é-en 7 mi-at 70 še bar še-ba dam l mi-at 36 še bar še-ba ú-a. Это é-en встречается в экономических текстах не очень часто. Имеются также «дворцы» Ибриума (уже царя), но главным образом за пределами города Эблы. ТМ.75.G.1319 об. IV. 10—V 3: (15 тканей) du mu-mí-du mu-mí a-am-a-am é-en (20 тканей) dam-dam é Ib-rí-um; ТМ.75.G.1839 об. X 12—17: (12 тканей) gé me-gé me é Ib-rí-um in Da-na-á š^{kl} и т. д.

⁹ ТМ.75.G.531 об. III 4—7; 5 mi-at é-duru^{kl} in HI.IGI.DU₅ in HI.IGI.DU₅ SA.ZA^{kl}. Ср. ТМ.75.G.401 об. II 1—5; 2 mi-at 50 é-duru^{kl} kú SA.ZA^{kl} in u₄ IGI.HI.DU₅; ТМ.75.G.570 л. V 5—8; 15 é-duru^{kl} SA.ZA^{kl} kú in l u₄.

П. Фрондзароли

ЦАРСКОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ ИЗ АРХИВОВ ЭБЛЫ

1.

В первом номере журнала «Studi Eblaiti» был опубликован акт царского дарения, который предвосхищает юридический институт, до сих пор известный лишь из текстов II тысячелетия до н. э. (F r o n z a r o l i 1979b, с. 3—16). В архивах Эблы сохранились также тексты, которые находят точное соответствие в правовой практике Месопотамии III тысячелетия до н. э.¹ Речь идет о выписках из судебных решений, обозначавшихся в эпоху III династии Ура как *d i - t i l - l a* и называемых в Эбле «судебными решениями» (*d i - k u*).

Текст ТМ.75.G.1452 представляет особый интерес из-за вмешательства в правосудие самого царя. Вначале будет приведен текст и различные уровни его толкования, затем мы кратко укажем на его сходство и различие с документами *d i - t i l - l a*, предоставив более глубокий анализ документа специалистам в области права III тысячелетия до н. э.

ТЕКСТ *

л. (I)

1) gār-ra-mu^{kl} 2) wa 3) u g u l a - sù 4) wa 5) 3 u r u^{kl} k u r^{kl} 6) wa 7) u g u l a - sù 8) šu-a-gú^{kl} 9) l ú a-paṅ-gú-pu 10) wa

1) Карамму * 2) и 3) его надсмотрщик 4) и 5) три поселения (в степи 6) и 7) его надсмотрщик, 8) (село) Du-Agū, 9) которое (принадлежит) Aban-Kūnu 10) и

Pelio F r o n z a r o l i. Un verdetto reale dagli archivi di Ebla.— «Studi Eblaiti», III, 1980, pp. 33—52.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

(II)

1) u g u l a - sù 2) ḥa-zu-wa-nu^{ki} 3) wa 4) u g u l a - sù 5) ša-ba-ḥa
6) wa 7) u g u l a - sù 8) i-zu-ra-túm^{ki} 9) wa 10) wa-ri-lum 11) lù
kul-ba-an^{ki}

1) его надсмотрщик, 2) (село) Ḥassuwān 3) и 4) его надсмотрщик, 5)
(село) Šabaḥa 6) и 7) его надсмотрщик, 8) (село) Yiṣarātum 9) и 10)
Warilum, 11) которые (принадлежат селу) Kulban,

(III)

1) ki 2) a-a-su^{ki} 3) ki 4) a-mi-túm 5) in 6) sa-x^{ki} 7) ki 8) ià-a-
bi-tum^{ki} 9) ki 10) a-sa-ra^{ki} 11) ki 12) na-pa-ku-tu^{ki}

1) земля 2) Ayašu, 3) земля 4) A'midum 5) в (=на территории)
6) sa-x^{ki}, 7) земля 8) Yarıtum 9) земля 10) Ašara 11) земля
12) Nabakūtu,

(IV)

1) lú ni g - á - g á - 2 2) da-ḥir-li-im 3) dumu-mi 4) i-ri-ik-da-mu
5) dam-dingir 6) wa 7) i-na-sum

1) которые распределены 2) (некоей) Taḥīr-Li'm, 3) дочерью 4) Yi-
rik-Damu, 5) жрицей, 6) и 7) отданы

об.(I)

1) [da-ḥi]r-[i]i-[i]m 2) ù-ti 3) in u₄ 4) ḥú l - sù 5) áš-da 6) u₄-za l - u₄-
za l - sù

1) Taḥīr-Li'm 2) (некому) 'Udi 3) в день 4) его праздника 5) на
6) все дни его.

(II)

1) di-ku₈ 2) en 3) wa 4) sa-x^{ki} 5) di-ku₈ 6) wa 7) šu mu-dúb
8) di-ku₈ 9) ù-ti 10) al 11) i-ri-ik-da-mu

1) Судебное решение 2) царя 3) и 4) sa-x^{ki}: 5) присудили 6) и 7)
положили на сохранение (?) 8) судебное решение 9) (для) 'Udi 10)
против 11) Yi'rik-Damu

(III)

1) wa 2) gú-ba-lum 3) 2 dumu-nita 4) i-ri-ik-da-mu

1) и 2) Kubaγum'a, 3) двух сыновей 4) Yi'rik-Damu. (далее без
текста)

(IV)

1) mu 2) til 3) Ma-ri^{ki}

1) Год 2) (когда) уничтожен 3) (город) Мари.

* Об этом термине см. статью А. Арки об организации государства Эблы в
настоящем сборнике.— *Прим. ред.*

2. УРОВНИ ПОНИМАНИЯ

2.1. Написание. Для эблаитской письменной традиции характерны знаки, написанные четко и аккуратно. Если она допускает варианты, то употребляются необычные формы. См. особенно характерное эблаитское написание AL (об. II : 10) в противоположность редким образцам, более близким к традиционной месопотамской графике (например, в ТМ.75.G.2396 об. III : 1; 2561 об. IV : 7,15).

В строке I : 9 знак PAN написан только тремя клиньями (горизонтальный — восходящий — горизонтальный), а не четырьмя, как в Фаре (LAK 38) * и в других текстах III тыс. до н. э. (F o s s e y p. 856, MAD II ^a, p. 232, №256). То же написание встречается в других текстах канцелярии (таких, как ТМ.75.G.1444 л. II : 7, III : 3, V : 9), а также в списках слов (например, в gi š - r a n, ТМ.75.G.2000+ л. X : 18). Подобная форма знака PAN — упрощение той, которая встречается в словарных списках топонимов ТМ.75.G.2231 л. II : 19, где чтение подтверждается параллелями из Абу-Салабиха ⁴.

Знак KI написан в своей обычной форме (LAK 440); когда он занимает целую ячейку, однако принимает упрощенную форму, выступая как детерминатив топонимов в конце ячейки (как на л. I : 1, 5, 8 и т. д.). Употребление двух форм лишь отчасти объясняется наличием или отсутствием свободного пространства: см. написание упрощенной формы в первой строке л. I : 5 и более полной — во второй строке той же ячейки.

В текстах Эблы BA и IGI различаются только горизонтальным клином, который в BA пересекает вертикальный. В нашем тексте следует отметить более аккуратное написание BA на л. II : 5 и об. III : 2 (с начальной частью знака, написанной как в знаке IGI в LAK 421 a), в противоположность л. II : 11 (с начальной частью знака, написанной как в знаке IGI в LAK 421 b).

Эблаитское написание знака HUL, засвидетельствованное на об. I : 4, отличается от LAK 183 маленьким начальным горизонтальным клинышком. То же написание встречается и в словарных списках (например, ТМ.75.G.1774 л. I : 5; 2000+ л. VI : 35').

Эблаитское написание знака DUB в сочетании š u t u - DUB, засвидетельствованное на об. II : 6 — вариант LAK 41. Аналогичное написание встречается в словарных списках в том же сочетании (ТМ.75.G.1426 л. VI : 4; 2000+ л. XIV : 41; 2003 + л. X + VIII :

* Тексты из Фары, знаки которых сведены вместе в LAK, относятся к РД II периоду, см. статью И. М. Дьяконова в настоящем сборнике. — *Прим. ред.*

x+ 29'). Знак явственно отличается от BALAG, хотя он тоже является вариантом LAK 41; этот знак засвидетельствован в словарных списках как название музыкального инструмента (ТМ.75.G.1426 об. VII : 7; 2000+ об. II : x+3; 20003+ л. x+X : x+22)⁵. Ни один из этих знаков не возводим к LAK 632⁶.

Наконец, отметим написание знака IDIM (=AŠ×U), засвидетельствованное на об. IV : 2. В эблаитских текстах этот знак последовательно отличается от BAD (=AŠ + U), используемого в написании имени божества ^dBe, что было уже отмечено Арки (A r c h i 1980, с. 14).

2.2. Логограммы. Почти все шумерограммы в своей логографической функции имеют значения, обычные для староаккадских текстов. Рассмотрим некоторые из них:

u g u l a (v. I : 3). При анализе текста ТМ.75.G.336 Дж. Петтино пришел к выводу, что pa-se₁₁ есть фонетическое написание, параллельное логограмме u g u l a; по его мнению, эблаитское слово, которое Петтино переводит как 'префект', следует сопоставить с еврейским nšy 'князь'. Последующие разыскания ясно показали, что pa-se₁₁ — более общее обозначение должностных лиц, которое следует рассматривать в ряду слов, обозначающих понятие «человек» в других семитских языках⁶. Написание wa-ki-lu-pa, которое могло бы быть эблаитским соответствием логограммы u g u l a (в таком случае сопоставимого с акк. waklum), встречается в ТМ.75.G.2366 л. VI : 2 в неясном контексте.

u r u (л. I : 5): эблаитское произношение слова, означающего 'город', неизвестно. Существительное 'ir, вероятно, обозначавшее 'город' в угаритском, финикийском и еврейском, все же засвидетельствовано в производном i-ri-a-tum 'селение' (ТМ.75.G.10023 л. IV : 21)⁹.

k i (л. III : 1): в месопотамских словарных списках и в аккадских текстах этой шумерограмме соответствует ašgum 'место' (CAD, A, II, с. 456; ANw, с. 82 b), eršetum 'земля', (CAD, E, с. 308 и сл.; ANw, с. 245a), qaqqatum 'почва' (ANw, с. 900 b). Контекстуальное значение k i ясно выступает из сравнения с формулой, использованной в ТМ.75.G.2514; последний документ по структуре отчасти параллелен нашему¹⁰. В нем приводится последовательность k i 'ā/T 'земля недвижимости (принадлежащей местности) T'¹¹. Что касается возможной разницы по сравнению с формулой T/wa/u g u l a-sù, используемой в первой части текста, можно указать, что местности, упоминаемые как k i/T, представляются менее важными¹².

I ú (л. IV : 1): в текстах канцелярии эта шумерограмма может вводить относительное придаточное предложение, чередуясь с фоне-

тическими написаниями, передающими различные формы определительно-относительного местоимения /dū/¹³.

piġ-á-gá-2 (л. IV: 1): эта шумерограмма находит соответствие в ТМ.75.G. 1456 л. II: 14'; 1583 л. II: 1; 1620 об. VII: 5; 2304 л. II: 3; кроме того, piġ-á-gá-3 засвидетельствовано в ТМ.75.G. 1620 об. VII: 7; 1768 об. VIII: 2; и piġ-á-gá-4 в ТМ.75.G. 2514 об. VI: 7. Двухязычный словарный список ТМ.75.G. 2284+ воспроизводит подряд piġ-á-gá-2/piġ-á-gá-4 (л. IV: 18—V: 1), не приводя эблайтского эквивалента. В текстах канцелярии эта шумерограмма встречается как технический термин после перечисления земельных участков, переданных чьим-либо сыновьям (ТМ.75.G. 1452; 1620; 1768; 2514), реже в других контекстах (когда речь идет об овцах в ТМ.75.G. 2304 и о злаках в ТМ.75.G. 1456)¹⁴. Особенно в первом случае перевод 'имущество освобожденное', то есть 'не подлежащее исковым претензиям' — обмеренное и удостоверенное Дворцом, было бы контекстуально оправданным. Но это же значение в словарном списке ТМ.75.G. 2284 закреплено за шумерограммой piġ-á-gá=ša-gú-um (л. II: 2)¹⁵, глоссу к которой следует, видимо, толковать как /ḡakuw-um/, параллельное ассир. zakūm (вин. падеж zaquam)¹⁶. Можно, кроме того, предположить, что эта шумерограмма сопоставима с шумерограммой á-á-g-gá '(отдавать) распоряжение'¹⁷, с упрощением написания, подобным наблюдаемому в piġ-tu-sá 'свадебный дар' (например, ТМ.75.G. 1935 л. VIII: 10; 1321 об. IV: 6; 2238 об. VII: 5) вместо piġ-mi-ús-sá. В этом случае шумерограмма могла бы иметь значение 'распоряжение; то, что было установлено распоряжением'. Числительное, которое во всех приведенных отрывках следует за шумерограммой, могло бы относиться к разделению на доли первоначально единой совокупности имущества.

dam-dingir (л. IV: 5). Написание dam-AN было передано Дж. Петтинато как dam-am, и истолковано как 'супруга'. (Pettinato 1979a, с. 188, № 1964). В действительности эблайтские контексты никогда не указывают имени мужа женщины, так обозначенной¹⁸ (в отличие от обычной формулы 'ЛИ/dam^mЛИ 'такая-то, жена такого-то'). Это обстоятельство, а также наличие одноязычного шумерского списка, который в копиях из Нузи упоминает dam-dingir среди других жриц¹⁹, подтверждают, что данная шумерограмма обозначала женщину, исполнявшую культовые функции.

ḡúl (об. I: 4). Формула in u, ḡúl-sù — обстоятельство времени, которое довольно часто встречается в текстах канцелярии, например, ТМ.75.G. 1265 л. X: 11; 1286 л. IV: 4; 1322 л. IV: 3; 10079 об. II: 5. Во всех этих текстах формула непосредственно следует за именем человека, получающего ткани: 'ткани/ЛИ₁ (lú ЛИ₂)/in u, ḡúl-sù'²⁰. Иногда вместо всей формулы употребляется

только *hú1*, например, в таких текстах: '(ткани)/*T/š u tu - d ú b / hú1*' (TM.75.G.1324 л. IX : 14—17); '(ткани)/*š u tu - d ú b / hú1*/ЛИ' (TM.75.G.1345 об. V : 11—14); '(ткани) / ЛИ / *T / ní g-AN,AN/hú1*' (TM.75.G.1345 об. I : 3—7)²¹.

Истолкование *hú1* может основываться на месопотамских данных, которые идентифицируют с ним *hidūdum* 'радость, праздник' (CAD, H, с. 183; ANw, с. 344b) и *hadūm* 'радоваться' (CAD, H, с. 25; ANw, с. 307b). Это значение шумерограммы было, конечно, известно эбллитским писцам, как показывает упоминание в списках сочетания *g ù - hú1* (TM.75.G.1774 л. I : 5; 2000+ л. VI : 35'), что в месопотамской традиции соответствует *g ù - hú1 - la* 'крик радости' (MSL, XIII, с. 246, 7 : 6'). Однако определить эбллитский эквивалент *hú1* нет возможности, поскольку составная идеограмма *g ù - hú1* глоссируется просто *tu-tu* (TM.75.G.1774 л. I : 6)²². В эбллитском языке тем не менее должен был употребляться семитский глагол **hdw/y* 'радоваться', который содержится в уменьшительном личном имени собственном *ha-ti-a* (TM.75.G.521 об. VI : 12). Это гипокористик, соответствующий ономастическому типу, достаточно полно засвидетельствованному в аккадских текстах саргонидского периода²³.

u₄ - z a l - u₄ - z a l (об. I : 6). В словарных двуязычных списках *u₄ - z a l* засвидетельствовано без пояснительной глоссы (TM.75.G.2000+ об. IX : X+ 11; 2003+ об. I : 20). Кроме того, шумерограмма появляется в административном тексте в обстоятельстве времени *áš-da/2 u₄ - z a l* (TM.75.G.11010+ л. III : 10 и сл.). В этом типе документов день месяца, на который приходится запись, указывается формулой *in x (u₄)*, как в следующих случаях: *in 4 u₄* (TM.75.G.2075 об. I : 3); *in 8* (TM.75.G.1764 л. V : 14; 2075 л. I : 5; 2238 л. V : 27; л. VII : 12; л. IX : 9; 11010+ л. VI : 6; л. VII : 7; об. IV : 11). Шумерограмма *u₄ - z a l* вместе с предлогом *áš-da*, возможно, означает что-либо отличное от простого указания на дату, быть может, 'в течение двух дней' или 'через два дня'. Такая интерпретация согласуется со значением 'через день', которое *u₄ - x - z a l* имеет в шумерских экономических текстах²⁴ и со старовавилонской глоссой *u₄-tu-um š[u]-te-eb-ru-um*, эквивалентной шум. *u₄ - z a l - la* (MSL, XIII, с. 258; ср. ANw, с. 1921b).

В нашем тексте *áš-da / u₄ - z a l - u₄ - z a l - sù* можно, как нам представляется, перевести 'на протяжении его дней'. Функционально эта формула может иметь то же значение, что *i-na ar-kà-aṭ ṭiṭi^{mi}* букв. 'на длительность дней' (PRU VI, 178 : 6')²⁵. Это указывает, что срок действия дарения не ограничен.

d i - k u₆ (об. II : 1). В аккадских словарных списках этой шумерограмме соответствует *daūūpūt* 'судья' (CAD, D, с. 28 и сл.; ANw, с. 151a), однако такая же логограмма может употребляться

и для *dīnum* 'суд' (CAD, D, с. 150 и сл.; АНw, с. 171в) и, в средне-вавилонских личных именах, для *dīanum* 'судить' (CAD, с. 100а; АНw, с. 167в). В эблаитской традиции *dī-ku*, имеет своим эквивалентом *ba-da-gu da-pe-um* (ТМ.75.G. 10023 об II : 19). Первая часть глоссы бесспорно соответствует сем. *bdq 'пронзать', имеющему продолжение и в акк. *batāqum* (С о h e n 1970, с. 46а, s.v. BDR; с. 90а, s.v. ВТК/Q). Написание второй части можно объяснить, допустив, что писец хотел обозначить родительный падеж, отсюда *da-pe-i(m)* (l). В таком случае /*badāq-u daup-im*/ 'решить судебное дело' точно соответствует акк. *dī-na ra-ra-su* (MSL, XIII, с. 178, 8, 11). Сохранение дифтонга в эблаитском при акк. *dīnum* (ассир. *dēnum*) аналогично отмеченному в других текстах ²⁶.

Глагол **dup* засвидетельствован в Эбле в личных именах собственных, как в *DA-NA-L u g a l* (ТМ.75.G. 1443 об. VI : 12)*, или в имени божества ^o*Da-i-in* (ТМ.75.G. 1417 об. V : 12) ²⁷.

š u m u - d ú b (об. II : 7). Это слово, обозначающее часто упоминаемую в административных текстах деловую процедуру, засвидетельствовано в словарных списках без пояснительной глоссы (ТМ.75.G. 1426 л. VI : 4; 2000+л. XIV : 41; 2003+л. x+VIII : x+29). На основе контекста А. Арки предложил пока условный перевод 'зарегистрировал' (см. А г с h i 1979, с. 17); Дж. Петтинато переводит *dú b* 'вручение', а *š u m u - d ú b* 'вручил' (P e t t i n a t o 1979b, с. 127; 1979а, с. 11, № 63, № 64). В нашем контексте это могло бы означать, что указ был передан в канцелярию.

t i l (об. IV : 2); Знак IDIM (=AŠ×U) имеет значение *t i l* или *u g*, в зависимости от контекста (А г с h i 1979, с. 11; 1980, с. 16, прим. 26). В датировочных формулах и в других определениях времени IDIM может относиться к личному имени или к названию местности (страны). В первом случае оно указывает на смерть названного человека и, следовательно, должно читаться как *u g*, ²⁸. Во втором случае IDIM (читается *t i l*) бесспорно сообщает о военном поражении упоминаемой страны ²⁹.

Очень вероятно, что первоначально формула была развернутой и включала имя победившего эблаитского царя. Полное значение шумерограммы выясняется из сравнения с более детальными обозначениями времени, например: <in *u*> *mar-tu*^{kl}/*t i l*/*wa*/*u d u* /-*sù* /*t ù p - š è* (ТМ.75.G.1317 л. XI : 7—12) '<когда> он уничтожил (народ) Марду и побил его овец'. Еще более интересен текст ТМ.75. G.2561, где *an-pa ... a l - p a d* 'я разорю' (букв. 'разломаю, разобью') относится к *š e - sù* 'его хлеба' (об. IV : 12—15), (*an-pa*)...*t ù p - š e* 'я убью' относится к *am-u d u - sù* 'его скоту'

* Это имя вряд ли имеет отношение к глаголу *dup*; читать /*Da-na-* 'силен царь'. — *Прим. ред.*

(об. IV : 16—18), (an-na)...*tii* ‘я уничтожу’ относится к *pa-se_{ii}-sù* ‘его людям’ (об. IV : 19—V : 1)³⁰.

2.3. Фонетические написания. В первой части текста фонетические написания применяются почти исключительно для названий местностей, о которых см. ниже 2.4.

a-raṣ-gú-ni (л. I : 9). Это личное имя, трудно поддающееся истолкованию. Первый элемент может быть отождествлен с семитским существительным *abn- ‘камень’, представленным, вероятно, и в a-raṣ-ià (ТМ.75.G.52 об. II : 22). Второй элемент встречается в других антропонимах в положении, где можно предполагать имя божества или имя нарицательное. Самое распространенное среди этих имен — i-ri-gú-ni (например, ТМ.75.G.1276, об. II : 1), бесспорно принадлежащее к ономастическому типу /yí'rik-ИБ/ ‘Да будет его жизнь долгой, о (имя божества)!’; об интерпретации этого ЛИ см. ниже s.v. i-ri-ik-da-ni. Слово gú-ni может быть производным от *kwn ‘быть постоянным’ или даже от *kpw 0/2 ‘почитать’³¹. Это эблаитское личное имя, так же как и уменьшительное от него, указывало бы в таком случае на ономастический тип /'ab(a)n-ИБ/, который можно сопоставить с аморейскими антропонимами, начинающимися с того же элемента³².

wa-ri-lum (л. II : 10): личное имя собственное, возможно, сопоставимое с древнесабейским wgw'l (Müller 1962, с. 112, s.v. wgw.) и с евр. ugw'l (название местности), ugu'l (HAL, с. 417a, 418b), которые можно образовать от глагола *w₂gw ‘бросать’³³. Для эблаитского антропонима и евр. ugw'l возможно также происхождение от *w₂gw/y ‘вести, направлять’³⁴. Стяжение конечной гласной первого элемента с начальной гласной второй после выпадения согласного // засвидетельствовано в староаккадском (MAD II³, с. 127).

a-mi-tum (л. III : 4) : личное имя, известное также по другим текстам (например, ТМ.75.G.2527 л. x+XII : 4), очевидно содержащее глагол *'md ‘опираться, ставить, присоединять’, засвидетельствованное в словарном списке (ТМ.75.G.2000+об. IX : x+32). Если эблаитский ономастический тип может сравниваться с аккадскими антропонимами, засвидетельствованными начиная со старовавилонского периода (CAD, E, с. 139 и сл.; ANw, с. 211b), то речь идет, видимо, о форме глагола в I л. ед. числа, за которой следует уменьшительный суффикс -um:/a'mid-um/ ‘я искал прибежища (у божества)’*.

da-ḥir-li-im (л. IV : 2): женское личное имя, принадлежащее к ономастическому типу /taḥir-ИБ/ ‘такое-то божество избрало’ с глагольной формой, согласованной с носителем имени, как это обычно

* Возможно также чтение /yamtittum/ от корня *um₂, может быть, ‘десница’, — Прим. ред.

в эблаитской ономастике (F'ionzagoli 1979, 275—281). Знак **НAR** можно было бы также прочесть как **тиг**, следовательно, /**ta-tig-IB**/ 'такое-то божество увидело'³⁵. Следует, однако, отметить, что в другом языке, который продолжает семитский лингвистический архаичный тип, а именно в аккадском, имена собственные, содержащие глагол ***тиг**, не дают форм 3-го л. ед. числа³⁶. По этой причине и судя по существованию аналогичных форм, написанных со знаком **НIR**, а также имен, содержащих глагольную форму **qtI** того же глагола³⁷, предложенная здесь интерпретация кажется мне более вероятной. По той же причине чтение **-тиг-**, напротив, вероятно в теофорных именах с первым элементом **a-НAR-**, например, 'a-tig-da-mu (TM.75.G.1430 л. IV : 2) /'a-tig-IB/ 'я увидел (имя божества)', или 'да увижу (имя божества)!'³⁸.

i-ri-ik-da-mu (л. IV : 4). Личное имя, принадлежащее к ономастическому типу /**yi'rik-IB**/ 'да продлится жизнь, о (имя божества)!', засвидетельствованному также в **i-ri-gu-nu**, см. выше s.v. **a-rap-gu-nu**, **i-ri-ik-il** (TM.75.G.1324 л. VI : 2), **i-ri-ik-ma-li(k)** (TM.75.G.730 л. XI : 4) и в различных уменьшительных формах, например: **i-ri-ik-ia** (TM.75.G.1853 л. I : 2), **i-ri-gu-um** (TM.75.G.1219 л. III : 3). Относительно вхождения семитского глагола ***rk** 'быть длительным, долгим' (Co hen 1970, с. 33а, s.v. 'RK, I) в состав ЛИ ср. староаккадские имена типа **pa-la-šu-lirik**³⁹ 'да удлинится его жезл!'^{*}. В эблаитском это значение могло быть выражено без частицы **lu**, как показывают и другие антропонимы⁴⁰.

u-ti (об. I : 2). Состав и значение этого личного имени неясно. Написание позволило бы истолковать его как 1 л. ед. ч. формы **uqtI** глагола ***wf** 'находить', но все антропонимы с этим глаголом как в староаккадском, так и в аморейском, указывают на форму **uqtII**⁴¹. Поэтому предпочтительнее иное толкование. Эблаитские словарные списки содержат отождествление **b a r - u š = u-tum** (TM.75.G.2003+ +об. XII : 359; 10023 л. II : 12), что, основываясь также на употреблении этой шумерограммы в административных текстах⁴², можно интерпретировать как сравнимое с акк. **paḡššum** 'палка, жезл', следовательно, эблаитскую глоссу можно сопоставить с араб. 'ūd 'кусок дерева, палка' (L a n e 1874, с. 2190b). Тогда наш антропоним может считаться уменьшительным, типа нигде больше не засвидетельствованного /'ūd-I-IB/ '(имя божества) — моя опора', в значении 'моя защита'. Ср. **i-tum-ba-la** (TM.75.G.336 л. I : 1; 10076 л. IX : 12), принадлежащее к ономастическому типу, который хорошо засвидетельствован в аккадском и может интерпретироваться как '(имя божества) — жезл (как опора)'⁴³.

āš-da (об. I : 5). Предлог комитативного значения, сравнимый

* Возможно также понимание 'да продлится его срок', — *Прим. ред.*

с акк. *ište, išti*. Форма с гласным -а, как отметил Гельб (Gelb 1977, с. 23), сохраняется и в старовавилонских текстах. В эблаитских текстах существует также предлог *aš-du*, обычно имеющий значение движения от места, и предлог *aš-ti*, который мог бы означать 'около' (например, *aš-ti/ma-ri^{ki}*, ТМ. 75.G.1402 л. IV : 6). Об употреблении *aš-da* для обозначения определенного момента или периода времени, см. *aš-da/2 u₄ - z a l* (рассмотрено в 2.2 s.v. *u₄ - z a l - u₄ z a l*).

al (об. II : 10). Предлог /'al/ очень часто употребляется в административных текстах, где, по-видимому, имеет значение 'за кем-либо, на счету кого-либо'⁴⁴. Что касается нетехнического употребления, ср. *e₁₁/al-ma/T/DU/ar-ḥis ar-ḥiš* (ТМ.75.G.12137+л. VII : 1—5) 'поднимись к (название местности), иди быстро-быстро'. В нашем контексте этот предлог обозначает, что решение было принято против двух сыновей *Yi'rik-Damu*.

gú-ba-lum (об. III : 2). Личное имя, сравнимое со староаморейским антропонимом *gu-ba-gu-um* (Burgellati 1966, с. 147), которое можно интерпретировать как /kubaḡ-um/⁴⁵. Уменьшительная схема *lu2aḡ3* часто встречается в арабских и южноаравийских именах собственных (Beeston 1962, с. 28, § 24 : "2c; Fischer 1972, с. 47, § 81); следует заметить, что в аккадском языке та же форма имела бы рефлекс * *kubīr-um*. Эблаитскому была известна схема *lu2a3* со значением субстантивированного прилагательного, примером чего является слово от семитского корня **kbḡ* 'быть большим' — *gú-baḡ* 'большая мера', частое в административных текстах.

2.4. Топонимы. Первые шесть местностей обозначены в нашем тексте по формуле: *T/wa/uḡu|a-sù* ('название местности) и ее надсмотрщик. При этом для шестой местности надсмотрщик обозначен по имени и месту происхождения (*wa-ri-lum/lú kul-ba-an^{ki}* л. II:10). Менее ясна функция уточнения *lú a-raḡ-gú-nu* (л. I:9), которое следует за названием третьей местности, непосредственно перед выражением *wa/uḡu|a-sù*. Все шесть местностей засвидетельствованы и в других эблаитских текстах. Рассмотрим эти топонимы:

gāḡ-ra-mu^{ki} (л. I : 1). Топоним, очевидно, идентичный *ga-ra-mu^{ki}* (ТМ.75.G.2420 л. III : 8), который появляется в списке земель, находящихся во владении эблаитского царя. Ср. аккадское существительное *kaḡarḡmu* 'место хранения', известное начиная со средне-ассирийского периода. От той же основы — топоним *ga-ra-ma-an^{ki}* (например, ТМ.75.G.1591 об. IX : 9); ср. также *gāḡ-mu^{ki}* (например, ТМ.75.G.1591 л. VIII : 10).

3 uḡu^{ki} kuḡ^{ki} (л. I : 5). В экономических текстах *kuḡ^{ki}* поставляет овец центральной администрации (ТМ.75.G.2112 л. III : 1; 2222 л. II : 4; а также *kuḡ - kuḡ^{ki}*, 1845 л. III : 4). Возможно, здесь *kuḡ^{ki}* обозначает не 'гору' в собственном смысле слова, а

высокую степь, населенную полукочевыми племенами⁴⁰. Та же местность указана как место военного поражения народа Марду: <in u>mar-tu^{kl} /t i l/ in ku r^{kl} (ТМ.76.G.524 л. VI : 9) 'когда он уничтожил (народ) Марду в степи'.

šu-a-gú^{kl} (л. I : 8). Топоним, упоминаемый и в других текстах (например, ТМ.75.G.1669 л. I : 3). Он образован по модели /dп-ИБ/ 'тот, который (принадлежит) ИБ' (Fronza 1979, с. 12, прим. 45). Теофорный элемент ^dа-gú засвидетельствован в антропонимике; см., например, i-ti-a-gú (ТМ.75.G.1320 об. IV : 4); ruzur-ga-a-gú (ТМ.75.G.336 об. II : 5).

ha-zu-wa-pu^{kl} (л. II : 2). Очень часто упоминаемый в текстах топоним; обычное написание — ha-zu-wa-an^{kl} (например, ТМ.75.G.1769 л. VII : 6), в исключительных случаях ha-zu-wa-an-pu^{kl} (ТМ.75.G.1920 л. VI : 4). Постоянное написание с -zu- не позволяет отождествить этот топоним с Hašu'anum месопотамских источников (RGTC, I, с. 70 и сл.). Этот последний город в описании военного похода против Мари обозначается как ha-su-wa-an^{kl} в соответствии с правилом (ТМ.75.G.2367 л. IX : 6). Часто встречающийся ha-zu-wa-an^{kl} должен был быть центром, более близким к эблантской зоне, и в таком случае сравним с ^{URU}Ha-aš-šu-wa-aš /hassuw-as/ хеттских источников (вероятная локализация — район Евфрата, к северу от Каркемиша) (RGTC, VI, с. 97).

i-za-ra-túm (л. II : 8). Топоним, который, вероятно, сравним с акк. iṣṣatu 'букв. 'граничная черта' (CAD, I, с. 206) и может быть истолкован как /yiṣar-at-um/.

Вторая часть списка земельных владений состоит из пяти местностей, четыре из которых обозначены формулой k i / T, рассмотренной выше, 2.2, s.v. k i. Отнесение к личному имени в случае k i / a-mi-túm/in/s a - x^{kl} 'земля Амидума в Sa - x^{kl}', (л. III : 3—6), бесспорно указывает на то, что делимое владение занимает лишь часть территории этого поселения. За исключением последнего центра, топонимы, упомянутые в этой части текста, видимо, являются обозначениями маленьких селений. Рассмотрим следующие топонимы:

a-a-su^{kl} (л. III : 2). Засвидетельствовано и в других текстах (например, ТМ.75.G.1759 л. X : 5).

ià-a-bi-tum^{kl} (л. III : 8): возможно, следует сопоставить с ià-arù-túm^{kl}, центром, связанным с культом божества ^dNI-da-kul (ТМ.75.G.2377 л. V : 7; 2379 об. II : 7); встречается также в административных текстах (постоянно в написании с -rù-, ТМ.75.G.10019 л. VI : 8)⁴¹. Написание нашего текста может представлять собой аморейский вариант топонима, произведенный от *wru 'быть полноценным, красивым'⁴² /uarīy-t-um/.

па-ра-ку-ту (л. III : 12). Этот топоним возводим к *nbk/g 'бить ключом, вытекать'⁴⁹. Ср. обозначения понятия 'источник' в угаритском как nbk (наряду с prk), mbk и соответствующие топонимы⁵⁰.

2.5. Стороны в судебном процессе. Текст не уточняет имени царя, которому принадлежит документ. Датировочная формула (об. IV : 1) установлена как принадлежащая царю Ibri'um'u, (см. Pettinato 1979a, с. XXXIII).

Из заключительной части текста (об. II : 8—III : 4) ясно следует, что судебное дело начато по иску двух сыновей Yi'rik-Damu (один из которых также носил имя Yi'rik-Damu, другого звали Kubaum) против, 'Udi, в связи с земельными владениями, которые тот получил от их сестры, Tahir-Li'm.

Среди всех этих лиц наиболее известен ответчик 'Udi, упомянутый как сын Ibri'um'a в многочисленных текстах (например, ù-ti/d d u m u - n i t a / i b - r i - u m , ТМ.75.G.1742 л. II : 3). Из двух истцов Kubaum мне пока неизвестен. Имя Yi'rik-Damu, напротив, неоднократно появляется в текстах канцелярии, но атрибуция его затруднительна. В частности, невозможно твердо определить, относится ли документ ТМ.75.G.2514, перечисляющий земельные владения, врученные сыновьям Yi'rik-Damu, к отцу или к сыну, носящим это имя в нашем тексте. Вероятно, но не бесспорно, что речь идет о сыне; в документе не появляется ни имя Kubaum, ни имя Tahir-Li'm, и не встречается ни один из топонимов, упомянутых в нашем тексте, за исключением sa-x^{ki} (§ e 'à/s a - x^{ki}, ТМ.75.G.2514 л. I : 7).

3. ОЦЕНКА ДОКУМЕНТА

Значение документа в общем достаточно ясно, несмотря на невозможность уточнить ряд обстоятельств и событий, о которых идет речь. В ответ на иск сыновей Yi'rik-Damu судьи сперва устанавливают законность владения его сестры (л. IV : 1—5); затем подтверждают юридическую силу дарения (л. IV : 6—об. I : 6). Текст не позволяет заключить, на каком основании жрица передала в дар перечисленные владения.

Сведений о брачном договоре нет, даже если допустить, что da m d i n g i r могла вступать в брак*. Формула in u₄/h u l - sù (об. I : 3 и сл.) встречается в административных текстах, без других пояснений, как уже было отмечено.

Как мне кажется, документ представляет юридический интерес двойного свойства. С одной стороны, он показывает существование

* На древнем Ближнем Востоке женщина не могла выступать как сторона или свидетельница юридического акта иначе как вместе с отцом, мужем или сыном, если только не была жрицей или гетерой.— *Прим. ред.*

В эпоху наших архивов в районе Северной Сирии типа документа, впоследствии богато представленного шумерскими *dī-ti-lā* эпохи III династии Ура. С другой стороны, он свидетельствует о вмешательстве в судебные дела самого царя, что в документах III династии Ура встречается в высшей степени редко⁵¹.

Следует указать, что закрепление юридической силы оспариваемой сделки происходило в *dī-ti-lā* при помощи клятвы свидетелей даже тогда, когда в судебное дело вмешивался царь. Та же процедура была известна в Эбле, как показывают заключительные фразы ТМ.75.G.1430:

л. IV	1. <i>ba-dir-túm</i>	1. Pāirtum (и)
	2. <i>iš₁₁-gi-ba-ir</i>	2. Yišgi'-Ba'ir
	3. <i>pa m - k u₅</i>	3. поклялись.
	(без текста)	
	1'. <i>dī - k u₅</i>	1. Судебное решение
	2'. <i>a-mur-da-mu</i>	2. (для) A'mur-Damu
	3'. <i>wa</i>	и
	4'. <i>ama - sù</i>	его матери.

В нашем тексте, напротив, нет упоминания о клятве свидетелей, как и в указе о царском пожаловании ТМ.75.G.1766 (Fropz and Goli 1979). Такой же могла быть и мотивировка: вмешательство царя представляет абсолютную гарантию, которая делает ненужным участие свидетелей.

Как в вышеупомянутом шумерском документе, участие царя в судебном деле не исключает участия в нем и других судей, которые в нашем тексте обозначены формулой *Sa - x^{kl} dī - k u₅* (об. П1: 4), что бесспорно означает 'судьи Sa - x вынесли решение'.

Это упоминание не согласуется с гипотезой, согласно которой топоним *Sa - x* обозначал административное здание внутри Эблы, и указывает скорее на присутствие судей в этом городе для решения дел, которые касались ее территории или, возможно, ее жителей^{*}.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дж. Петтинато указывает, что он не смог идентифицировать текстов чисто юридического характера (см. Pettinato 1979a, 1979, с. ХХІХ, прим. 106). Публикуемый здесь текст был описан им как «Исторический текст. Передача городов и селений как сва-

* Наиболее вероятно, что *Sa - x^{kl}* означало не административное здание внутри Эблы и не отдельное селение, а всю территорию государственных владений в Эбле или собрание ее жителей. Этим может объясняться и участие в деле самого царя.— *Прим. ред.*

дебного дара Тамур-Лим правителю Ути» (Pettinato 1979a, с. 67, № 890). Текст ТМ.75.G.1430, заключительные формулы из которого мы приводим в разделе 3, описав как «Лексический текст. Школьное упражнение (обработка экономического текста)» (Pettinato 1979a, с. 65, № 868).

¹ Таблица размером 8,2×1,7. Документ, прекрасно сохранившийся, был найден в зале Архива L2769 административного комплекса, у северной стены, сектор А, слой 1.

² Писцы Эблы нерегулярно обозначали мимацию. Есть, однако, достаточные свидетельства того, что это надо отнести за счет письменной традиции, а не реального произношения, см. об этом Frongoli 1980, раздел «Предварительные заключения». Топонимы без мимации, таким образом, правильнее передавать как *Karatti(m)*, *Ayašu(m)* и т. д. [Возможно, однако, что в топонимах и вообще именах собственных неупотребление мимации было нормой арханского происхождения. — Прим. ред.]

³ Указано Дж. Петтинато (см. Pettinato 1978, с. 59).

⁴ Соответствующая эблаитская глосса — *gi-na-rúm* (ТМ.75.G.1426), *gi-na-ru₁₂-um* (ТМ.75.G.2000+), *gi-na-lum* (ТМ.75.G.2003+), то есть /kinnār-um/ 'лира' — слово, распространенное в западно-семитском ареале и в клинописи засвидетельствованное только в Мари и Угарите (CAD, K, с. 387 b; ANW, с. 480b).

⁵ Ср. Landsberger 1949, с. 191 и сл., с. 199; недавно также Borger 1978, с. 398, № 352.

⁶ Pettinato 1976, с. 12, прим. 19; перевод 'надзиратель' сохранен в Pettinato 1979, с. 159 и сл.

⁷ Что касается обозначений в других семитских языках, см. HAL с. 78 s. v. 'nš. Возможно, более древняя форма этого существительного — *niš-, сохранившееся в акк. nišū (pl. tantum) и в араб. 'ins- (coll.), см. Diakonoff 1965, с. 32, прим. 44; также DRS, с. 26, s. v. 'nš, l. Эблаитская форма, которую, видимо, следует истолковать как /paš-ī/ соответствует, как кажется, араб. nās- (coll.) и евр. nšum, nāšim; в последнем языке употребляется эвфемистически в смысле 'женщины'. Необходимо отметить, что это слово в эблаитских текстах всегда употребляется в форме родительного/винительного падежа множественного числа и может удваиваться, что типично для логограмм (pa-se₁₁-pa-se₁₁, например, ТМ.75.G.1391 л. II : 4; 1986 об. IV : x+3).

⁸ См. Frongoli 1979, с. 9, s. v. uḡu.ḅar.

⁹ То, что эти документы близки между собой, показывает также употребление одного и того же технического термина в конце перечислений (pīg-á-gá-4 /dum-u-nita-dum-u-nita/ЛИ, об. VI : 7 и сл.).

¹¹ Так, в ТМ.75.G.1444 л. VI : 4 и сл., VII : 11 и сл., VIII : 18 и сл.

¹² Следует обратить внимание на то, что, когда уточняется площадь участка земли, для его обозначения используется формула *k i / ЛИ* (ТМ.75.G.2514 об. II : II и сл.); *k i / 'à / ЛИ* (там же, об. II : 7—9), или же *g á n a - k i / ЛИ*; *g á n a - k e š d a (-k i) / ЛИ* (например, в ТМ.75.G.1767; 1724); об интерпретации мер площади в эблаитских текстах см. *A g c h i* 1980, с. 8 и сл.

¹³ Об этом местоимении см. статью Фрондзароли «Проблемы эблаитской фонетики» в настоящем сборнике; об относительном предложении см. пока там же, раздел 2.4.4.

¹⁴ Контекст ТМ.75.G.1583 в настоящий момент истолковать невозможно.

¹⁵ Шумерограмма *á ga* соответствует акк. *madādam* 'измерять', CAD, M, I, с. 5. В эблаитских словарных списках появляется также *á - á ga* (ТМ.75.G.2000+ об. I : x+13; 2354 л. I : 3) в обоих случаях без объяснительной глоссы.

¹⁶ Об употреблении знаков серии ŠA в соответствии с сем. **q* см. выше, с. 148 в настоящем сборнике. Об отражении в различных языках сем. **qkw/y* см. HAL, с. 258a, s.v. *zkh*; о техническом значении 'быть свободным от повинностей' см. CAD, Z, с. 26 и сл.

¹⁷ Соответствующее акк. *wu''urum*, CAD, A, II, с. 318a, s.v. *águ*.

¹⁸ См. тексты, цитируемые в *A g c h i* 1979, с. 109, прим. 8.

¹⁹ MSL, XII, с. 73, 18; также CAD, E с. 173 b, где можно найти это и другие обозначения жриц.

²⁰ Реже встречается эта формула в других контекстах, как, например, при уточнении, кому предназначается взнос *tu-tútm* в виде металлов.

²¹ Дж. Петтинато интерпретирует это существительное, которое он читает *pi-tul*, как 'собственность «Звезды»' (Pettinato 1979, с. 231) или 'владение «Звезды»' (Pettinato 1979, с. 237, 244). Арки предположительно переводит его как 'приношение богам' (*A g c h i* 1979b, с. 111). Шумерограмма упомянута в словарных списках без глоссы (ТМ.75.G.2000+ л. II : 12; 2284+ л. IV : 8). Нужно заметить, что в словарных списках отдельно отмечено *'m ul* (ТМ.75.G.1825+ об. IX : x+7; 2000+ об. IX : x+40; 2003+ об. II : 5), а также *tu l - tu l* (ТМ.75.G.1825+ об. IV : x+7). Первое переведено *gak-kab* (ТМ.G.1825+ об. IV : x+6), /*kakkab*/ 'Звезда', второе — *ga-ma-tútm* (ТМ.G.1825+ об. IV : x=8; 2000+ об. IX : x+41; 2003+ об. II : 6), /*kaum-at-um*/, несомненно ср. акк. *kintum* 'семья' (CAD, K, с. 375 и сл.; ANw, с. 478a) и ср. соответственные западные формы со значениям 'созвездие Плеяд...

²⁸ Ср. вавил. *tiššiti*, возможно заимствование из шум. *ti₁-ti₁*, согласно CAD, M, II, с. 198 b.

²⁹ MAD III, с. 126; об эпохе III династии Ура см. MAD III, с. 127; SET, 242, 13.

³⁰ Oppenheim «AOS», XXXII, с. 58 sub F 4; ср. Falkenstein 1956, с. 174, s. v. *zal*; Landberger 1949, с. 254, прим. 31; ср. также Pettinato 1979b, с. 186, который переводит этот фрагмент 'накануне третьего дня' (Pettinato 1979b, с. 178). [Выражение *u₄-x-zal*, возможно, означает 'в день x вечером'. — Прим. ред.]

³¹ Эта формула в аккадском языке Угарита является калькой с западной формулы, засвидетельствованной в памятниках I тыс. до н. э.: *l'rk utum* 'в будущем, навечно' (Ps. 93 : 5; Lam. 5 : 20); о значении, аналогичном значению в нашем тексте, см. Ps. 23 : 6, где данное выражение стоит в параллелизме к *kl-utu hu* 'все дни моей жизни'.

³² Fronzagli 1979b, с. 8, s.v. 'à; id.; 1980, s.v. /aun-aun/; в той же статье приводятся примеры /kaun-at-um/ (в прим. 27) и /kubaun-um/ (§ 2.3, s.v. *gú-ba-lum*).

³³ Следует отметить передачу *u-* в начале слога в форме причастия * *dāiṣ-* (⁴*Da-i-in*).

³⁴ См. примеры в двух статьях Арки, цитированных выше; ср. также чтение *u₇* = акк. *mātum* 'умирать' (CAD, M, с. 421b; ANw, с. 634 b).

³⁵ Дж. Петтинато переводит нашу формулу 'год поражения (?) Мари' (Pettinato 1979a, с. 68, № 890) и 'год конца (?) Мари' (Pettinato 1979a, с. 143, № 1543). А. Арки переводит 'год, когда Мари погиб' (Archi 1979b, с. 111). Ср. *til* как эквивалент акк. *gamāṣum* 'покончить' (CAD, G, с. 25; ANw, с. 276b) и акк. *qatūm* 'погибать, кончаться' (ANw, с. 911 b).

³⁶ Синтаксический строй эблитского языка еще не изучен настолько, чтобы определить, может ли наша формула быть переведена 'год <в который> он уничтожил (народ) Мари' или она должна переводиться 'год уничтожения (народа) Мари'. Во втором случае также могла бы идти речь о сокращении более полной формулы с глаголом в форме *uqtī*.

³⁷ Ср. то же написание в *gú-nu^{kl}*, *gú-nu^{kl}*, название местности, связанной с культом *Rasap'a* (Dahood, Pettinato 1977), по топонимическому типу напоминающее *kwn* в районе Баалбека (HAL, с. 444a).

³⁸ Geib 1980, с. 46, s.v. 'ABN.

³⁹ Об отражении этого корня в различных семитских языках см. HAL, с. 417 b, s.v. *urh* I.

⁴⁰ См. HAL, с. 416 s.v. *urh* III, что связывается с акк. *warṣum*.

³⁵ Так считает Дж. Петтинато (см. Pettinato 1979a, с. 67, № 880; 1979, с. 125, прим. 47).

³⁶ CAD, A, II, с. 9 и сл. о староаккадском см. Roberts 1972, с. 100, прим. 278.

³⁷ Fgonzagoli 1979, с. 276 и сл.; с. 281, прим. 51; там же также о типах /hāga-ИБ/, /yihir-ИБ/.

³⁸ Об ономастических типах, содержащих формы дезидератива без частицы lu, см. Fgonzagoli 1979, с. 276, § 2.1; см. также антропоним: i-ri-ik-da-tu ниже.

³⁹ MAD III, с. 64; об интерпретации см. ANw, с. 817 а, А2.

⁴⁰ См. прим. 38.

⁴¹ CAD, A, II, с. 520, так же в аморейском, согласно Gelb 1980, с. 269, s.v. WT'.

⁴² Например, TM.75.G.1353 л. II : 3, об интерпретации которого см. Milano 1980, с. 15, прим. b (TM.75.G.1353 л. II : 4).

⁴³ MAD III, с. 213 и сл.; об интерпретации см. ANw, с. 817а, А2.

⁴⁴ См. пока Archi 1980, с. 19 оттиска.

⁴⁵ О сохранении дифтонга в эблаитском см. прим. 26. [Однако возможно и чтение gubār- как уменьшительное от *gabr-'муж' — Прим. ред.]

⁴⁶ То же значение может иметь акк. šadûm применительно к степям западного нагорья, Heidel 1949, с. 233; ANw, с. 1125 а, s.v. šadû(m), 10; о значении семитского *šadw- см. Fgonzagoli 1968, с. 259.

⁴⁷ Pettinato 1979а, с. 200, № 4922; Петтинато читает i-a-ru_x- (=ka)-tù^{kl}.

⁴⁸ Об отражении в различных семитских языках см. HAL, с. 404b, s. v. urh.

⁴⁹ Этот глагол, хорошо представленный в сирийском ареале арамейскими диалектами (Broskeltapp 1928, с. 410b), считается вариантом *nb' 'вытекать', который имеет гораздо более широкое распространение.

⁵⁰ Название источника засвидетельствовано также в библейском нарах legomepon pbku-um (Job 38 : 16); ср. также HAL, с. 514, s.v. mbk.

⁵¹ Falkenstein 1956, I, с. 24, II, 114; 1957, III : 19; ср. упоминание судебного решения Нарам-Сина (UECP 9, 205, № 83 : 55—58), см. Falkenstein 1956, I, с. 10, прим. 1.

Табличка ТМ.75.С.1452, лицевая сторона. Древнее положение текста.

Табличка ТМ.75.Г.1452, оборотная сторона

Э. Сольберге

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ЭБЛОЙ И «АШШУРОМ»

1. ВВЕДЕНИЕ

О существовании рассматриваемого здесь текста (ТМ.75.G.2420) впервые сообщил в 1976 г. Дж. Петтинато, истолковавший его как договор между Эблой и Ашшуром (см. Pettinato 1976, с. 48; 1976а, с. 14). Той же точки зрения он продолжает придерживаться и в опубликованной позже работе Pettinato 1978, где этот текст имеет № 1859. В двух своих статьях Петтинато отождествил не названного в тексте царя Эблы с «Эбрумом» (для этого имени теперь предлагается более правдоподобное чтение «Ибриум»), не сопроводив свое отождествление какой-либо оценкой в первой из названных статей, и считая его лишь вероятным — во второй. В настоящее время Петтинато не возвращается более к имени Ибриума, но он продолжает настаивать на отождествлении царя «Ашшура» с Тудией (Tudiya) (см. Pettinato, 1979, с. 81, 110 и сл.). К сожалению, Ашшур не является партнером Эблы по договору, и Тудия здесь тоже ни при чем.

2. «АШШУР»

а) В топониме, транслитерированном Петтинато как a-šur^{kl}, чтение -šur, соответствует написанию VAR.SILA¹. Эти два знака размещены последовательно, не образуя единого составного знака, что предусматривает предложенная Петтинато транслитерация, хотя свойственное клинописи стремление к экономии места при письме и создает порой обманчивое впечатление единства двух разных зна-

Edmond Soliberger. The so-called treaty between Ebla and «Ashur». — «SEb», III, 1980, pp. 129—155. (Перевод статьи дается в сокращении.)

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

ков. По указанной причине я бы предпочел для названного выше топонима, по крайней мере предварительно, чтение *a-bar-sal^{ki}*.

б) В своем письме царю Эблы³ Энна-Даган как будто бы однажды называет Иблуд-Иля царем Мари и Абарсая (VI 5—9)¹. Но до нас дошли также и надписи самого Иблуд-Иля. Если бы он в самом деле был бы еще и царем Ашшура, неужели он бы скромно промолчал, утаив это от нас?

с) Ашшур действительно упоминается в списке топонимов из Абу-Салабиха, изданном Биггзом (Biggs 1974), где имеет вид *aš-LĀL+RIN*, с использованием неоднократно засвидетельствованного написания *LĀL+RIN* для /šur/⁴. Но соответствующее наименование в списке топонимов из Эблы⁵ имеет написание *a-[slu-x-ur⁶*, а не *a-bar-sal₄*.

д) Личное имя *a-šu-ur-ma-lik* (см. Pettinato 1978, с. 268) могло бы послужить другим примером слогового написания имени собственного Ашшур, если понимать его как Ашшур-малик, личное имя, хорошо известное, например, из староассирийских текстов, где Ашшур бесспорно является именем божества. Однако в эблантском тексте, как любезно сообщил мне И. Е. Гельб в своем письме от 2 декабря 1980 г., *a-šu-ur*, весьма возможно, представляет собой повелительную форму от *ašar*- 'снабжать (пропитанием)', а *-ma-li-ik* скорее имя божества, нежели имя нарицательное 'царь'.

е) Наконец, в договоре есть место (В 13а), отчетливо указывающее (в той мере, в какой это вообще позволяет данный текст) на наличие торговли по водному пути между Эблой и Абарсаяем, что было бы весьма сложным предприятием, если бы речь действительно шла об Ашшуре.

3. ТУДИЯ

а) Имя первого ассирийского царя якобы упоминается в договоре в написании *NI.A.UD.DU*, которое Петтинато читает, начиная справа налево, *du-ud-*, и, продолжая слева направо, *-i-a*⁷. В работе Pettinato 1976, с. 14 это имя у него имеет вид *Dūd-Ja*, а в работе Pettinato 1980, с. 68, если я правильно понял, превращается в *Ja-dud*, форму, которую ассирийский писец, якобы по ошибке, написал с конца, вследствие чего получилось *Dud-Ja*, изменившее это имя до полной неузнаваемости. Странная идея!⁸

б) В том же месте статьи в ОА 19 читаем перевод: 'Ja-dud/Dud-Ja, signore di Assur' ('Яа-дуд/Дуд-Яа, правитель Ашшура'). Это может соответствовать только строкам 193—195 договора: *NI.A.UD.DU e n a-bar-sal^{ki}*. Но переводчику не повезло: *NI.A.UD.DU* здесь завершает предложение, а *e n* является первым словом следующего. *NI.A.UD.DU*, встречающееся в договоре двенадцать раз, является

на самом деле шумерской глагольной формой ⁹, которую следует читать *i - a - è* и которая, хотя я не могу объяснить ее ни с грамматической, ни с лексической точки зрения, всегда завершает предложение, описывая последствия невыполнения одной из сторон принятых договорных обязательств. Ср., например, строки В 13b, 413 и сл.: (животные) *he-mu-tù su-ma nu-he-mu-tù i - a - è* '(животных) он доставит, если не доставит — *i - a - è*'.

4. РАМКИ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Надеюсь, что исчерпав вопрос о названии города и имени царя, мы вправе теперь обратиться к самому договору, но предварительно мне хотелось бы сделать некоторые оговорки. В октябре 1979 г. во время краткого пребывания в Тель-Мардихе мне удалось выполнить транслитерацию всего текста ¹⁰. Кроме того, я получил от руководства Археологической миссии отличные фотографии. Результаты моей дальнейшей работы, продолжавшейся, хотя и с перерывами, около года, могут показаться довольно скудными, в особенности если учесть, сколько мест так и остались не переведенными или просто непонятными, даже в тех случаях, когда значение отдельных слов вроде бы достаточно ясно. Но не следует забывать, что изучение эблантского языка еще «не вышло из пеленок», хотя гладкие переводы отдельных текстов, часто предлагаемые без какой бы то ни было транслитерации, могут создать впечатление, что на самом деле все обстоит иначе. Если мы вспомним, как трудно бывает даже теперь, после почти целого века исследований, дать бесспорный перевод некоторых шумерских текстов, нам не придется удивляться тому, что «уровень понимания», как выразился Фрондзароли, касаясь вопросов методологии, применительно к эблантскому еще не слишком высок. Можно надеяться, что систематическое издание эблантских словарных текстов, самоотверженно осуществленное компетентными учеными, окажет в нашем деле существенную помощь. Пока же я не думаю, чтобы стоило бесконечно просиживать над трудными текстами в надежде самому отгадать все их загадки. Мне кажется гораздо более конструктивным оперативно публиковать пусть даже несовершенные результаты, полученные отдельными лицами, уповая, что другие смогут опереться на них и пойти дальше. Именно с такими чувствами я предлагаю настоящее издание специалистам в области клинописи ¹¹.

5. СТРУКТУРА ТЕКСТА

Данный текст можно разделить на три основные части: преамбулу, статьи договора и формулу проклятий.

А. Преамбула (столбцы 1—111) дает обзор владений обеих сторон, причем по не вполне понятным причинам владения Эблы перечислены подробно, а владения Абарсалья указаны в весьма общих выражениях. Все эти зависимые территории разделены на две части: одну, включающую четыре группы населенных пунктов, общим числом шесть, и другую, включающую тринадцать групп населенных пунктов, общим числом четырнадцать, причем все названные пункты находятся под юрисдикцией Эблы. За каждой из двух частей следует своего рода итог эблитских владений и заявление, которое представляет собой всего лишь подтверждение того не слишком удивительного факта, что владения Абарсалья действительно являются его владениями ([стк. 92—99] b à d - b à d / kul-a k i / l ú šu / e n / eb-la^{kl} / in šu / e n / eb-la^{kl} [стк. 100—105] l ú šu / [e n] / [a-bar-sal]^{kl} / [in šu] / en / a-bar-sal^{kl}). Таким образом, этот обзор не может представлять собой какого-либо определения новой границы между Эблой и Абарсалем, содержащего список населенных пунктов, владение которыми некогда оспаривалось, а ныне согласовано. Как бы то ни было, контраст между подробным описанием эблитской территории и беглым упоминанием абарсальской так и остается без объяснения. Преамбула, по всей видимости, заканчивается предостережением относительно последствий несоблюдения договора.

В. Основная часть текста (столбцы 112—607) состоит из восемнадцати статей, причем принцип их размещения не очевиден. Следует также подчеркнуть, что границы отдельных статей не всегда легко поддаются определению и что некоторые из них, возможно, нуждаются в дальнейшем подразделении или должны быть определены иначе. В особенности это касается статей, имеющих лакуны.

С. Договор завершается, как этого и следовало ожидать, формулой проклятия (столбцы 608—623).

Прежде чем перейти к переводу договора, необходимо указать, что ни царь Эблы, ни царь Абарсалья не названы в нем по имени. Не было ли это способом указать, что договор касался не просто двух царей, заключивших его, а налагал обязательства на оба царства навечно?

[Дальше автор дает разбор текста построчно, однако перевод не образует вполне связного текста. Затем следует индекс топонимов и индекс отдельных слов.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ SĪLA имеет также чтение SAL₄.

² TM.75.G.2367 переведен в статье Петтинато без транслитерации, см. Pettinato 1977, с. 24 и сл.; 1979, с. 105 и сл. В обоих случаях последние 14 строк текста оставлены без перевода со ссылкой на то, что табличка якобы повреждена, но фотография показывает, что это не так.

³ По крайней мере так утверждает Петтинато. Но на табличке мы видим, что словосочетание *ib-lul-il e n ma-ri^{kl} ù a-bar-sal^{kl}* — не единственное в своем роде, — словосочетания такого типа повторяются еще три раза: *ib-lul-il e n ma-ri^{kl} ù T₁ ù T₂ ù T₃*; *ib-lul-il lu ga l ma-ri^{kl} ù T₄ ù T₅ ù T₆*; *ib-lul-il lu ga l ma-ri^{kl} ù T₇ ù T₈ ù T₉* (подробней о различии между *e n* и *lu ga l*, которое игнорируется Петтинато в данном контексте, см. в другой моей статье). И вот, невзирая на строгий параллелизм всех приведенных контекстов, Петтинато только в одном случае, именно в том, который касается Абарсали, принимаемого им за Ашшур, предлагает перевод 'царь Мари и Ашшура'. Хотелось бы знать, почему?

⁴ Однако обозначение удвоения \ddot{s} является здесь необычным и неожиданным.

⁵ Текст TM.75.G.2231, опубликованный Петтинато (см. Pettinato 1978, с. 54 и сл.). Автор здесь справедливо отметил строгий параллелизм этого текста со списком из Абу-Салабиha. Я, однако, не могу согласиться с мнением Петтинато, будто эблаитский и абу-салабиhский тексты являются дубликатами, во всяком случае, не в строгом смысле слова; особые возражения вызывает утверждение, якобы эблаитский список является более ранним, чем абу-салабиhский (Pettinato 1976, с. 52). Во-первых, эблаитские таблички вообще относятся к более позднему времени, чем абу-салабиhские (об их датировке см. мою статью *Notes sur la paléographie des textes d'Ebla* в сообщениях Римского симпозиума «La civiltà di Ebla» [перевод статьи опубликован в настоящем сб. — *Прим. ред.*]); во-вторых, большое количество включенных в список эблаитских слов представляют собой слоговые передачи логографических написаний списка из Абу-Салабиha.

⁶ Это видно по фотографиям, сверенным А. Арки с подлинниками в сентябре 1980 г. Петтинато читает *a-šu₁-ur*.

⁷ Pettinato 1976, с. 48. Он и теперь читает *-jà*, хотя и сохраняет направление чтения всех остальных знаков в строке справа налево; однако *jà*, или, верней, *ià*, поскольку транслитерация *jà* не является признанной, представляет собой чтение знака NI, а не сочетания знаков NI-A.

⁸ Она покажется еще более странной, если учесть, что автор

приписывает ее Ф. Р. Краусу, ученому, пользующемуся международным признанием; разумеется никаких ссылок при этом не приводится, потому что сослаться не на что. На самом же деле у Крауса сказано, что личные имена древних царей рассматриваемого региона были именами нарицательными или же омонимами имен нарицательных, придуманными или искаженными (Kraus 1965, с. 4). По иронии судьбы, единственным именем, для которого Краус отваживается предложить перевод, является «недоступное пониманию» (Петтинато) имя Тудии (Tudiya).

* Биггз в работе Biggs 1980, с. 81 и сл., пришел независимо к тому же выводу.

¹⁰ Мне хотелось бы поблагодарить докторов А. Бахнасси и А. Бунни из Дамаска и доктора Хаятта из Халеба, а также П. Маттиэ за предоставленную мне возможность работать с эблаитскими табличками в Халебском музее. Я также весьма признателен Альфонсо Арки, Джованне Биге и Пелио Фрондзароли, с которыми я обсуждал отдельные тексты, как в Халебе, так и в Эбле.

¹¹ Петтинато, который, следует думать, продолжал изучать текст договора и после того, как впервые протранскрибировал его, тем не менее при включении этого текста в свой Каталог (Pettinato 1978) в рубриках «уровень изученности» и «уровень понимания» ограничился указанием «протранскрибирован». И хотя Петтинато часто делает ссылки на договор, он до сих пор опубликовал из него перевод всего лишь трех коротких отрывков, см. стк. 37—40 в Pettinato 1976, с. 13; 112—132, без транслитерации, в Pettinato 1979, с. 109 и 608—623 — там же, с. 110. Я говорю об этом не в укор, а просто потому, что нахожу такое положение дела прекрасно иллюстрирующим те большие трудности, которыми изобилует этот сложный текст.

Д. О. Эдцард

КТО БЫЛ ЭННА-ДАГАН, ЛУГАЛЬ МАРИ?
(Новые соображения по поводу письма Энна-Дагана
из Мари тм. 75. г. 2367)

Текст типа «еп-та + личное имя», опубликованный в обработанном виде Дж. Петтинато (Pettinato 1980, с. 231—245) и изученный с точки зрения истории документального жанра Б. Кинастом (Kienast 1980, с. 247—261), до сих пор фигурировал как главное свидетельство в пользу продолжительного похода Эблы против Мари. Считалось, что результатом этого похода было назначение эблайского военачальника по имени Энна-Даган на трон правителя Мари¹. Однако, мне кажется, этот текст допускает также и совершенно другое истолкование. Поэтому возникает необходимость заново проанализировать весь документ, имеющий особо важное историческое значение. Мы сохраним здесь членение на параграфы, предложенное Петтинато (у него I—XIII, здесь — I — 13), а вводную часть письма (в тексте I 1—7) обозначим «§ 0».

При анализе текста следует исходить из того, что, хотя документ и был найден в Эбле, но происходит он все-таки из Мари, а последнее обстоятельство до сих пор в достаточной мере не учитывалось. Следовательно, специфические особенности этого текста, если таковые обнаружатся (будь то в орфографии, морфологии, синтаксисе или лексике), должны рассматриваться как характерные прежде всего для Мари, а не для Эблы².

§ 0. Автор письма Энна-Даган, 'правитель' (е п) (страны *) Мари, обращается к (NI-па)³ 'правителю' (е п) Эблы.

§§ 1—3. Первые три параграфа составлены в соответствии с формулой: а) T. . .⁴, б) sá-ù-tu e n Ma-ri^{kl} GIN.ŠÈ, в) du_e - k i r i_e in T (параграф 1)/in T. . . d u_e - k i r i_e (§§ 2, 3) g a r.

Dietz Otto E d z a r d. Neue Erwägungen zum Brief des Enna-Dagan von Mari (ТМ.75.G.2367).— «SEb», IV, 1981, S. 89—97.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1981

* Слово «страны» добавлено здесь и ниже в русском переводе, чтобы показать падеж несклоняемого топонима, например, Мари и др.— *Прим. перев.*

sá-ù-tu в § 4 и сл. больше не встречается. Петтинато (OgAn с. 19, 236, 243) рассматривает эту форму как *infinitivus absolutus* от глагольной основы *šwm/šum* 'класть, ставить' и переводит 'я осадил', хотя нельзя сказать, что 1 л. ед. ч. бесспорно вытекает из контекста, а при трактовке 'класть' как 'осаждать' допущена известная натяжка.

Я вижу две возможные интерпретации sá-ù-tu: а) либо Sá-ù-tu представляет собой личное имя правителя Мари — по очевидному параллелизму с последующими параграфами, в которых еп или l u g a l Мари всякий раз называется по имени; б) либо sá-ù-tu является глагольным именем (типа *raġisu* или *raġġisu*), связанным в качестве «тавтологического инфинитива» со спрягаемой глагольной формой того же корня, которая, по всей вероятности, имеет форму основы D. В качестве соответствующей спрягаемой глагольной формы следовало бы тогда рассматривать GĪN.ŠĒ*. В этом случае выражение sá-ù-tu. . .GĪN.ŠĒ, исходя из контекста, должно переводиться примерно как *'победоносно поразить', а проще для GĪN.ŠĒ следовало бы избрать перевод *'победить'.

По поводу *du₆-kiri*, см. перевод Г. Зельца, приведенный Кинастом (Kienast 1980, с. 259 и сл.): 'Hügel (und) Weingärten' ('холмы и виноградники' = **tīlū* и *kaṣmū**). Однако обращает на себя внимание, что в §§ 5, 7 и 10 этот оборот сочетается с числами, что, возможно, свидетельствует о том, что слова, входящие в него, соответствуют одному понятию и должны переводиться одним словом.

Я предлагаю для §§ 1—3 следующий перевод:

Альтернатива а) 'Т... (=прямой объект) Sá-ù-tu, правитель Мари, *победил; в Т... он "развалины и руины" оставил'.

Альтернатива в) 'Т... (прямой объект) правитель Мари *победоносно поразил; в Т... он (и т. д., как в (а))'.

Можно еще попытаться пойти на ухищрение и допустить, что GĪN.ŠĒ и *g a g* — глагольные формы 1 л. ед. ч. (т. е., что текст написан от имени отправителя): но тогда либо sá-ù-tu в качестве глагольного имени повисает в воздухе, либо мы оказываемся перед необходимостью рассматривать Sâ-ù-tu еп *Ma-ri^{ki}* как еще один прямой объект при глаголе GĪN.ŠĒ и присоединить его к ряду топонимов. Но бессознательное сочинение (ù перед Sá-ù-tu отсутствует!) выглядит здесь настолько странным, что приходится решительно отказаться от попытки переводить глагольные формы 1-м лицом.

* Точнее '(разрушенные) городища и холмы' — обычная формула в позднейших аккадских надписях, выражающая результат разрушения городов во время военного похода. В западносемитском **kaṣm-* означает 'виноградник', в восточносемитском (аккадском) — только 'холм'. — *Прим. ред.*

Последствия, вытекающие из предлагаемой здесь новой интерпретации, весьма существенны: в этом случае речь идет не о победе над Мари, а о победе самого Мари над рядом мест за пределами его территории.

§ 4. a) ù T... , b) Iš-tup-Šar i u g a l M.^{kl} GÍN.ŠĒ, (c) in T... d u₉ · k i r i₉ g a r 'И затем (ù) T... (=прямой объект) Иштуп-Шар, царь Мари, *победил; в T... он (и т. д., см. выше)'.⁶

При таком понимании, которое логически вытекает из сказанного в §§ 1—3 (Петтинато опять примысливает в конце (a) 'я осадил'),— перед нами предстает еще один победитель из Мари, а вовсе не побежденный! На этот раз он назван i u g a l, а не e n.

Нетрудно представить себе, что отправитель, оглядываясь назад, рассказывает о событиях, происходивших в течение некоего исторического промежутка времени, а не об одном походе.

В (a) и (c) оба T, а именно I-maḡ^{kl} и La-la-NI-um^{kl}, тождественны. Такое полное совпадение наблюдается только в этом параграфе. Но в (a) представляет трудности третий член, то есть ù ga-ni-um Eb^{kl} 'и... Эблы'. Петтинато переводит 'камышы Эблы', а Кирист (с. 256) — совершенно иначе: 'Колония ([kāmum]) Эблы'⁶. На мой взгляд, это выражение, по-видимому, параллельно выражению ga-ni-um š u - d u₉ в § 5.

Грамматический разбор. Если в качестве падежного окончания отделить -um, то его можно рассматривать как именительный падеж или локатив-адвербиалис; в последнем случае возможен также status constructus (ср. тип šillum Suen 'в тени Суэна'). Обстоятельство места здесь все же трудно допустить из-за предшествующего ù 'и'⁶. Именительный падеж, однако, противоречил бы восприятию ряда T... как прямых объектов к глаголу *'победить'. С точки зрения формы для ga-ni-um подходит только status constructus от имени, в котором -m является третьим корневым согласным. Но вывод, кажущийся естественным с точки зрения формы, не всегда оказывается правильным. Очень может быть, что перед нами несклоняемое наименование места; ср., например, раньше в том же тексте La-la-NI-um^{kl}.

§ 5. a) ù T... ga-ni-um š u - d u₉ , b) Ip-lul-II e n M.^{kl} ù A.BAR. QA^{kl}* GÍN.ŠĒ in T, c) ù 7 d u₉ k i r i₉ (...) gar.

Здесь текст начинает заметно отклоняться от обычной формулы. В (a) мне непонятно ga-ni-um š u - d u₉. Петтинато переводит š u - d u₉ как 'я одолел', что, однако, является догадкой по контексту. Судя по ga-ni-um Eb^{kl} в § 4 (a), здесь š u - d u₉ должно скорее быть существительным.

⁶ Читать A-bar-sal^{kl}, см. выше, с. 256.— *Прим. ред.*

Перевод (b) и (c): '... Иплул-Иль, правитель (страны) Мари и...'¹⁰
в/при Za-ḥi-ga-an^{kl} *победил, и он оставил семь „развалин и руин“.

Исходя из нашего понимания §§ 1—3 и 4, мы допускаем, что в лице Иплул-Иля из Мари здесь вводится третий победитель в сражении.

§ 6. z) Ip-lul-Il e n M.^{kl}, a) ù T... , b) Ip-lul GIN.ŠÈ, c) ù d u₆-k i r i₆ g a r.

Если полагать, что принятое нами деление на параграфы правильно, то мы имеем здесь формулу с именем в casus pendens, выдвинутым вперед (z) и со следующим за ним повторенным (b) субъектом: '(Что касается) Иплул-Иля, повелителя (страны) Мари, (то) затем (ù) T... (= объект) Иплул-Иль (= субъект) *победил, и он (и т. д., см. выше)'.
В отличие от Петтинато я не вижу здесь (так же как в параграфах 10 и 11) сложной титулатуры: 'правитель (страны) Мари и S., и A., и A.' Она была бы здесь весьма странной, тем более, что в §§ 10 и 11 она бы уже звучала совершенно по-иному. Скорее функция следующего за casus pendens (z) первого ù та же, что и ù в начале §§ 4, 5 и 7: то есть, 'далее', 'и затем'¹¹.

§ 7. a) ù T... , b) Ip-lul-Il l u g a l M.^{kl} GIN.ŠÈ c) 2 d u₆-k i r i₆ g a r.

'И затем T... (= прямой объект) Иплул-Иль, царь (страны) Мари, *победил; он два (и т. д., см. выше)'.
Иплул-Иль, названный в §§ 5 и 6 e n, здесь, как и в параграфах 8, 10, 11 и 13, именуется l u g a l. Мы, наверно, должны видеть в этом какой-то специальный (стилистический?) прием отправителя, который сам себя титулует e n; но какой именно прием?¹²

§§ 8—9. a) i n T₁ ù i n é - n a T₂, è Ip-lul-Il l u g a l M.^{kl}, b) ù m u - D U E b - l a^{kl} T₃ š à - s ù T₃ š u b a₄ - t i, c) ù l - m a r^{kl} Í B × S A L (?) d u₆-k i r i₆ g a r.

'Из T₁ и из... T₂ Иплул-Иль, царь (страны) Мари, отправился и „поставку“ из Эблы в T₃, он получил; и...'.
Замечания по поводу (a):
è следует скорее всего воспринимать нейтрально в значении 'выходить, отправляться'; это вполне соответствует контексту. Перевод Петтинато ('убежал') — произвольная натяжка, опирающаяся на предположение, что текст по своему общему настроению враждебен Мари.

é - n a мне неясно. Петтинато переводит 'крепость' ('дом из камня'). Но может ли n a переводиться здесь 'камень'? По крайней мере, в Эбле в значении 'камень' засвидетельствовано NI + UD = = n a¹³.

По поводу (b):
Что имеется в виду под 'поставкой' из Эблы? m u - D U в канце-

лярском языке представляет собой нейтральное выражение для 'поставки, поступивших, поставленных предметов', так что напрашивающийся перевод 'дань' оказывается расширением смысла, для которого текст не дает основания.

š à - sù T₃ Петтинато переводит 'который находился там; в T₃ я получил', причем он предполагает (см. Pettinato 19.., с. 244), что -sù «предвосхищает родительный падеж». С последним я готов бы был в принципе согласиться. Во всяком случае, я считаю более вероятным, что š a - sù с «дословным» значением 'внутри него' соответствует логограмме для *libbim (в лок.-adv. падеже) или какому-либо иному выражению со значением 'внутри', причем -sù 'него' присоединяется в застывшей форме ¹⁴.

Вполне возможно, что в §§ 8—9 (b) говорится о помощи, которую Иплул-Иль принимал во время своего похода. Упомянуть об этом (с благодарностью) в письме к правителю Эблы было бы вполне уместно.

По поводу (с):

Здесь мне неясны синтаксис и выражение IB × SAL(?).

§ 10. z) Ip-lul-Il lu gal M.^{ki} a) ù T... , b) GfN.ŠÈ in T... , c) ù 7 du₆-kiri₆ gar.

'(Что касается) царя (страны) Мари, (то) он затем (ù) T... (= прямой объект) в T победил, и он семь (и т. д., см. выше)'.¹⁵

Синтаксис этого параграфа мне представляется таким же, как в параграфе 6; разница лишь в том, что субъект, выдвинутый вперед, при предикате не повторяется.

Я не могу согласиться с чтением и интерпретацией Петтинато одного топонима. Ka-pa-ne^{ki} об. II 8 Петтинато понимает как «Ханаан», хотя и помещает его в Северной Сирии. Я бы предпочел менее обязывающее чтение Ga-pa-NE^{ki} ¹⁵.

§ 11. z) Ip-lul-Il lu gal M.^{ki} a) ù T... b) GfN.ŠÈ, c) En-pa-Da-gan e n M.^{ki} du₆ + kiri₆? gar.

'(Что касается) Иплул-Иля, царя Мари, (то) он затем T... (= прямой объект) победил; (однако) Энна-Даган, правитель Мари, „развалины и руины“ (?) оставил'.¹⁶

Этот параграф является единственным, в котором имеются два различных персонажа. Вместе с тем он представляет собой апогей длинного ряда аналогично построенных параграфов (1—10). Я склонен думать, что рассказ, начало которого повествует о прежних победоносных походах Мари, подходит здесь к настоящему: победа, начало которой было положено Иплул-Илем, завершается теперь его преемником, отправителем данного письма. Восстановление du₆-kiri₆ кажется мне весьма правдоподобным, хотя не исключено, что здесь, в вершине повествования, для создания эффекта

внезапности («aprosdoketon») * могло стоять и другое выражение.

§ 12. ma-da-a in i-gi š KALAM.TIM KALAM.TIM š u-d u.

Где проходит граница, отделяющая заключительный абзац от остального текста, неясно. Перевод, предлагаемый Петтинато, 'скипетры (ma-ša-a) в масле страны я обвязал' (Pettinato 1980, с. 244), отмечен им самим как весьма ненадежный; мне лично этот перевод кажется почти столь же непонятным, как и оригинальный текст.

ma-da-a, возможно, представляет собой именительный или винительный падеж двойственного числа + притяжательный суффикс 1 л. ед. ч. 'оба мои . . . '.

§ 13. x x x x, x x x x, x . . . , x x RU, Ip-lul-II lu gal M.^{kl}, . . . , si-na-at.

Не поддается интерпретации; неясно также, где именно проходит граница между этим параграфом и предыдущим.

В конце письма следовало бы ожидать какого-то заключительного сообщения адресату, формулы вежливости или чего-нибудь в этом роде.

Линия, ограничивающая последний столбец «слева», не доведена до самого «низа». Остальная часть таблички не исписана, и никаких линий на ней нет — факт, свидетельствующий о том, что текст закончен.

РЕЗЮМЕ

Мы предлагаем вывод, радикально отличающийся от интерпретации Петтинато и Кинаста: Письмо Энна-Дагана, (правителя) Мари, правителю Эблы содержит отчет о военных успехах трех предшественников отправителя, описываемых им в хронологическом порядке от прошлого к настоящему. Не исключено, хотя мы не можем это доказать, что перед нами своего рода «рекомендательное письмо» нового правителя Мари, в котором он «представляет» самого себя своему «коллеге» в Эбле, однако имя последнего остается скрытым от нас ¹⁹. Не исключено, что многочисленные топонимы могли вызывать ассоциации, важные с точки зрения взаимных отношений. При этом следует обратить особое внимание на §§ 8—9 (m u -DU из Эблы). Сказать больше я пока не берусь. Как бы то ни было, рассуждения и статьи о «сообщении, касающемся обширного похода Эблы против Мари», утратили теперь всякий смысл.

* Апросдокетон (*греческ.*) — поэтическая фигура введения чего-либо неожиданного, ошеломляющего. — *Прим. ред.*

Параграф	Возвоенные населенные пункты	Завоеватель	Место битвы	Формула du _g -kiri _g
1	A-bù-ru ₁₂ KI KALAM.TIM KALAM.TIM ù Il-gi ₍₄₎ KI Be-la-an KI	Sá-ù-mu en Ma-ri KI		in KUR.KI La-ba-na-an
2	Ti-ba-la-at KI ù Il-wa-NI KI	»		in KUR.KI AN-ga-i([x])
3	KALAM.TIM KALAM.TIM Ra-'à-ak KI ù NI-rúm KI ù Aš-al-du KI ù Ba-DUL KI	»		in zà [x]-AN in Na-ḡal
4	ù I-mar KI ù La-la-NI-um KI ù ga-nu-um Eb-la KI	Iš-tup-Šar lugal M. KI		in [m]ar KI ù in La-la-NI-um KI
5	ù Ga-la-la-NE-NI KI ù ... KI ù ga-nu-um šu-du _g	Ip-lul-II en M. KI ù A.BAR. QA KI	in Za-ḡi-ra-an KI	(7 du _g -kiri _g)
6	ù Ša-dab _g KI KALAM.TIM K. TIM ù Ad-da-li-NI KI Bur-ma-an KI ù A-ri-sum KI Iú Su-gú-rúm KI	Ip-lul-II lugal M. KI		(du _g -kiri _g)
7	ù Ša-ra-an KI ù Dam-mi-um KI	Ip-lul-II lugal M. KI		(2 du _g -kiri _g)
8—9	(in NE-ra-at KI ù in é-na ḡa-zu-wa-an KI)	»		(неясно, см. выше)
10	ù Na-ḡal KI KALAM.TIM K. TIM ù Nu-ba-at KI Ga-KAM KI ù Ša-dab _g KI	»	in Ga-na-NE KI	(7 du _g -kiri _g)
11	ù Bar-ra-a-ma KI-II KALAM.TIM K. TIM ù A-bù-ru ₁₂ KI [B]e-la-an KI ù Ti-ba-la-at KI	» En-na-Da-gan en M. KI		(du _g -kiri _g)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Pettinato 1977, с. 24—26; 1979, с. 103—108; с полнотой нанесенным на карту маршрутом на с. 104; Kienast 1980, с. 247, прим. 1.

² Ср., например, постоянно встречающееся ù 'и' вместо значительно более употребительного в Эбле wa. Все же распределение wa и ù следует изучить более пристально. [И. Е. Гельб предлагает читать wu и (w)ù.— *Прим. ред.*]

³ Нужно также разграничить употребление предлогов si-in и NI-na; не ясно, употребляются ли они во вводной части писем в зависимости от места написания письма или же произвольно? Петтинато в своем обосновании цитирует NI-na преимущественно из внутренних частей текстов, но не из их начала.

⁴ ON = Ortsname (нем.) = «топоним» [в тексте русского перевода — Т]; «Т. . .» обозначает различные перечисляемые топонимы, либо соединенные союзом ù, либо имеющие при себе приложение; раскрытие сокращенных обозначений «Т. . .» см. в таблице, приложенной в конце настоящей статьи.

⁵ С ссылкой на древнееврейский словарь. По поводу методической сомнительности подобных ссылок см. у автора — Edzard 1981, с. 58 и сл.

⁶ Ср. ga-du-gu₂, u-ga-da-ra [qatūru/qatturu yuqaṭ-ṭara(n)] букв. 'он (непреренно) воскурит воскурения', ARET 2 № 34 VIII 11—IX 1; ù-na-ba-ga-ma na-bu-ù 'я тебя буду...' MT.75.G.1444 XIII 12—13 (см. SEb IV [1981], с. 53). Впрочем, предлагаемое нами альтернативное объяснение недостаточно обоснованно: 1) «тавтологический» инфинитив стоит непосредственно перед или после спрягаемой глагольной формы, тогда как выше он отделен от нее другим комплексом. 2) Наиболее подходящим соответствием для GIN.ŠE, во всяком случае в южном староаккадском, является ša'agum (см. прим. 7), которое никак не может быть отождествлено или связано с sá-ù-mu.

⁷ GIN.ŠE подробно рассмотрено у Кинаста (см. Kienast 1980, с. 257. и сл.). Впрочем, уже давно было известно, что входящее в него ŠE не является шумерским послелогом. См., например, у автора — Edzard 1957, с. 104, прим. 507 (в конце). [Фрондза-роли считает t ù n - š è. Логограмма представляет собой сокращение староаккадского логографического выражения t ù n - k á r b í - s í g 'оружием сразил'.— *Прим. ред.*]

⁸ Петтинато понимает ga-nu-um как qanūm 'тростник' (от *qanw-). Кинаст же (Kienast 1980, с. 256, прим. 17), опираясь на утверждение о «нередко встречающемся чередовании плавных . . . и но-

совых...», выводит из ga-pu-um слово kāgum, что является несомненной натяжкой.

⁹ Кинаст, ук. соч., переводит весь ряд T в локативном падеже: «(в) Эмаре, Лалани'уме и (в) колонии Эблы я победил...» (Kienast 1980). Это, однако, недопустимо, так как отправление в тех случаях, когда он подразумевает 'в', непременно так и пишется.

¹⁰ Петтинато читает A.BAR.QA^{kl} = Ašur^{kl}, то есть 'город Ашшур'. Обоснованные возражения против такого чтения и замену его другим, а именно A-bar-sal^{kl} предлагает теперь Э. Сольберже (см. Solberg 1980, с. 129—131; перевод статьи см. в наст. сб.).

¹¹ Следует обратить внимание, что в данном тексте нигде не встречается весьма употребительное в Эбле ар 'и затем'.

¹² [Заметим чередование титулов ep//lugal в эпосе 'Гильгамеш и Ага', а также lugal//epšī в текстах Э-ана-тума, правителя Лагаша.— *Прим. ред.*]

¹³ Ср. ARET 2, Словарь, с. 4 и др. [м. б. 'из дома своего'?— *Прим. ред.*]

¹⁴ Чтение libbuššu следует исключить, так как конструкция типа «в нем, (а именно в) T» (тип badal), насколько мне известно, не засвидетельствовано; выражаю благодарность А. Шпиталеру (Мюнхен) за любезно предоставленную им справку.

¹⁵ Это касается и других мест, где Петтинато читает 'Ханаан', как, например, ^dBAD Ga-na-na-im^{kl}, MEE 2 № 48 об. V 4 (нисба?); ^dBAD Ga-na-na упоминается в Pettinato 1979, с. 280.

¹⁶ В то время как в Pettinato 1979, № 1806 автор еще думал об Ар-Эннуме, в исследовании текста он вообще отказывается от отождествления правителя Эблы с каким-либо конкретным лицом.

А. Арки

СВЯЗИ ЭБЛЫ И МАРИ

Благодаря углубленному филологическому анализу и тщательному исследованию параллелизма отдельных фрагментов Д. О. Эдцард дал совершенно новую интерпретацию письма ТМ.75.G.2367¹. Согласно этой интерпретации, Энна-Даган был правителем династии Мари, а не эблитским полководцем, покорившим Мари, и само письмо было им послано (возможно, в начале его царствования) неизвестному нам правителю Эблы в качестве своего рода меморандума о его собственных военных походах и походах трех его предшественников, Са'уму, Иштул-Шара и Иплул-Иля, на территорию Среднего Евфрата, входившую также и в сферу интересов Эблы.

Совершенно очевидно, что в этом письме (в отличие от того, что утверждалось ранее) не мог описываться путь, пройденный эблитским полководцем с целью занять трон Мари, так как о завоевании этого города даже не упоминается. И действительно, никакого описания пути в тексте не содержится; зато о девяти населенных пунктах говорится, что они были разрушены дважды — следовательно, походы, о которых идет речь, относились по меньшей мере к двум различным периодам. Это вполне согласуется с интерпретацией Эдцарда. В конечном счете сам Дж. Петтинато, реконструируя по карте так называемый «маршрут похода», предполагает, что Энна-Даган не спускался южнее слияния Хабур с Евфратом, а от этого места повернул к Эбле². Таким образом, согласно интерпретации Петтинато, Энна-Даган называет себя царем Мари, хотя никогда там не бывал; а чтобы обосновать свои притязания, пишет, сидя в Эбле, «собственный военный бюллетень или полевой журнал»³.

Уже во вступительной формуле письма, а также в дальнейшем

Alfonso Archi. I rapporti tra Ebla e Mari. — «SEb», IV, 1981, pp. 129—166. (Перевод статьи дается в сокращении.)

© Missione archeologica italiana in Siria, 1981

Энна-Даган называет себя е п'ом, то есть 'царем' Мари, следуя, таким образом, терминологии, принятой в Эбле. Что касается его предшественников, то Са'уму (наиболее отдаленный по времени) назван е п'ом (3 раза), Иштуп-Шар — l u g a l'ем (1 раз), а Иплул-Иль именуется обоими титулами — е п'ом (2 раза) и l u g a l'ем (5 раз). Возможно, Энна-Даган, обращаясь к царю Эблы и стараясь подчеркнуть, что сам имеет тот же ранг, что и адресат, намеренно избегал термина l u g a l, который в Эбле мог относиться к высоким должностным лицам, но не царю. Быть может, двойственность значения слова l u g a l в числе других обстоятельств и ввела Петтинато в заблуждение. Действительно, Энна-Даган в ряде эблаитских документов фигурирует с титулом l u g a l, который переводится Петтинато как 'управляющий' ⁴. Однако именно в данном случае l u g a l не может служить в качестве обозначения чиновника эблаитской администрации, потому что, как известно, этим титулом называли себя цари Мари (что прежде всего видно из их собственных документов) и именно в таком смысле он и должен был восприниматься эблаитянами в упомянутых текстах.

Энна-Даган никогда не включается в число эблаитских l u g a l'ей. Хотя в некоторых царских списках и упоминается некий Еппа-ВЕ (возможно, ВЕ означает 'Даган'), но это, по-видимому, не имеет никакого отношения к имени царя Мари, которое всегда пишется Еп-на ^{6b}Da-gan/ga-an ⁶.

Находилось ли, однако, Мари в зависимости от Эблы? Название года D I Š m u t i l Ma-ri^{kl} 'год, когда погибло Мари' (ТМ.75.G.1452; 2105), конечно, само по себе не доказывает причастности Эблы к гибели Мари. Не говоря уже о том, что интерпретация слова 'погибло' здесь ненадежна.

Документ ТМ.75.G.2193 оценивает 'дары', pi-g-ba, переданные трем царям Мари, Иплул-Илю, NI-zi и Энна-Дагану, а также чиновникам этого города, в 2188 мин (сирийская мина — 470 г) серебра (около 1028 кг) и 134,26 мин золота (около 63 кг). Было желание видеть здесь запись 'контрибуции, выплаченной городом Мари царю Эблы в результате данного похода' ⁶. Но в тексте на самом деле сказано, что эти суммы — итог денежных поступлений 'за время (царствования)' (in u d - u d, л. IV 4, об. III 2) трех правителей. Эти поступления распределяются между царем, старейшинами и чиновниками e - g i, m a š k i m в следующих пропорциях (соотношение между мерами серебра сдвинуто в ущерб правителю):

	серебро	золото
Иплул-Иль: царь	— старейшины	6,32:1
царь	— e - g i, m.	4,26:1
		им же 6,17:1

	e-gi ₄ m.— старейшины	1,48:1
	царь — старейшины	3,12:1
	царь — e-gi ₄ m.	1,99:1 им же 5,75:1
	e-gi ₄ m.— старейшины	1,56:1
Энна-Даган:	царь — старейшины	2,87:1
	царь — e-gi ₄ m.	1,98:1 им же 5,92:1
	e-gi ₄ m.— старейшины	1,44:1

Таким образом, становится ясно, что данный документ нельзя связывать с *tu-tum Eb-la^{ki}* на л. IX 12—13 (§ VIII) из письма Энна-Дагана, где к тому же царь NI-zi вовсе не упоминается. Не исключено, что различие в общем количестве даров, преподнесенных каждому из правителей, следует отнести за счет разницы в длительности их царствования.

Текст ТМ.75.G.1953 регистрирует дары в золоте и серебре, относящиеся к царям, а также к старейшинам и e-gi₄ maški m:

	серебро	золото
Иплул-Иль	1164,20	89,30
Старейшины	184,18	
e-gi ₄ maški m	272,38	14,46
NI-zi	154,30	17,27
Старейшины	49,30	
e-gi ₄ maški m	77,17	3,00
Энна-Даган	153,50	
Старейшины	53,48	
e-gi ₄ maški m	77,50	1,40
Всего:	2188,01*	134,26

Синтаксическое положение термина *nig-ba* не позволяет судить, идет ли речь о 'дарах' из Мари или, напротив, для Мари. Тип сочетаний, в которых встречается *nig-ba*, неоднозначен, например:

(а) дар кого-либо:

(предметы)/*nig-ba/en/* BE Dudulu^{ki} (ТМ.75.G.10182 об.

XI 8—11)

« /*nig-ba/maliktum/* ^dBARA₁₀-iš (ТМ.75.G.10182 об.

VIII 2—5)

« /*nig-ba/en/en/* Armi^{ki} (ТМ.75.G.10188 об.

IX 7—11)

(то есть: '[предметы]—дар от ЛИ для ИБ или для ЛИ');

* 1 сикль серебра не включен писцом в общую сумму.

(b) дар кому-либо.

(предметы) /n í g - b a / e n / Ibbi-Zikir / l - n a - s u m (ТМ.75.G.2350 об. V. 7—11)

« /n í g - b a / e n / Ħaraia / l - n a - s u m (ТМ.75.G.2341 об. III 1—5)

« /n í g - b a / e n Imar^{kt} / in / Sudur^{kt} š u b a_a - t i (ТМ.75.G. 2594 об. III 15—IV 3)

(то есть: [предметы] — дар для ЛИ, титул; ЛИ дал/в Т получил).

Следовательно, для определения значения термина *n í g - b a* необходимо всякий раз исходить из исторического или реального контекста.

В случаях употребления слова *n í g - b a*, зафиксированных в ТМ.75.G.2592, достаточно ясно, что речь идет о дарах со стороны царей (*l u g a l*) некоторых городов, а также со стороны старейшин Мари и одного *l u g a l'*я, который точнее не определен, но которого, бесспорно, надлежит считать царем Мари: чиновники по имени GIBIL-za-II и Дур-дулум и в других текстах встречаются именно в связи с Мари.

К NI-zi, правителю, который, согласно тексту, касающемуся «даров» Мари, царствовал между Иплул-Илем и Энна-Даганом, относится формула датировки в ТМ.75.G.1368 об. X 5—8: *in u d / NI-zi / l u g a l / 3 m u* 'когда NI-zi (был) царем; (на) 3 года / 3-й год'. NI-zi фигурирует также в формуле датировки в ТМ.75.G.1299, документе, в котором регистрируются «дары» NI-zi (царский титул которого подразумевается) и старейшин. Поскольку Мари специально не упоминается, очевидно, что и на этот раз речь идет о «дарах» из этого города. На об. II 3 имя некоего Энна-Дагана стоит первым в списке других «дарителей», — возможно, это — будущий царь Мари⁸. Ср. также ТМ. 75. G. 1987.

Обмен «дарами» происходит в обоих направлениях: из Мари в Эблу и из Эблы в Мари: так, текст ТМ.75.G.1866 исчисляет меры серебра, данные Ареннумом, царем Эблы, NI-zi, царю Мари (здесь, между прочим, содержится важный синхронизм). Однако речь тут идет об очень небольшом количестве серебра, всего лишь о 2,3 кг. Ясно, что обмен ценными металлами происходил совершенно не в пользу Мари, в особенности, если сравнивать с данными документа ТМ.75.G.2225, по которому царь и старейшины Мари «дали» за неуказанный период времени 323,3 кг серебра и 19,8 кг золота.

Часть текстов касается Энна-Дагана. Так, в ТМ.75.G.1293 некоторые «взносы», *m u - t ú m*, то есть входящие ценности, тут же регистрируются как исходящие, в дар Энна-Дагану, л. I 1—III 1: *5 m a - n a b a r_a ; k ú / m u - t ú m / Ik-na-Da-mu / UL.K1 / l gú-lilum [kù]-gi / TAR 5 gin DILMUN k ú - g i / m u - t ú m / Ti-ir / è /*

n i g b a / En-na-^dDa-gan / l u g a l / 2 š u t u -DÜB '5 мин серебра: взнос Икна-Даму. 1 [золотой браслет (в) 35 д. -сиклей* золота: взнос (некоего) Тира. Исходящее: дар для Энна-Дагана, царя; 2 передачи'. См. также об. IV 7—V 5: 10 g i n DILMUN b a r_e; k ù / AB × ĀŠ t a š k i m -sù / l k a s k a l / āš-du / En-na-^dDa-gan / l u g a l '10 д.-сиклей серебра: для старейшины и его maškim'a; 1 путешествие от Энна-Дагана, царя' *.

Но, как уже было сказано выше, если «дары» и посылались в Мари, то другие (и гораздо более существенные) поступали из Мари в Эблу. В ТМ.75.G.1271 записано количество золота и серебра, посланное Энна-Даганом: 'Итого: 34 мины и 36 сиклей серебра, 2 мины золота от (āš-du) Энна-Дагана царя (l u g a l) (за) 1 год (первый год?)'. Речь идет о «дарах» со стороны царя, его брата, старейшин, чиновников t a š k i m - t a š k i m, а также о средствах, необходимых для приобретения других предметов¹⁰: л. I 1: 5 m a - n a b a r_e; k ù / l m a - n a k ù - g i / l u g a l / 5 m a - n a T A R 5 g i n DILMUN b a r_e; k ù / (II 1) AB × ĀŠ. AB × ĀŠ / i n u d / i z i g a r / / I - h u š - z i - n u / I š - g i - d a - a r / II - D a - m u / š u t u - D Ü B / (III 1) 2 m a - n a b a r_e; k ù / . . . / (IV 3) n i g - b a / G u l - l a / š e š / E n - n a - ^d D a - g a n / x (=20) g i n DILMUN b a r_e; k ù / m a š k i m (V 1) i n u d / i z i - g a r / G I Š . D U G . D U / . . . / (об. IV 5) 10 m a - n a b a r_e; k ù / š u b a l - a k / 2 m a n a k ù - g i / (V 1) l u g a l / M a r i ^{ki} '5 мин серебра, 1 мина золота: царя (Мари). 5 мин 35 д.-сиклей серебра старейшин. Когда (был месяц) i z i - g a r; Ихуш-Зину, Ишки-да'ар, Иль-Даму вручили. 2 мины серебра . . . дар Гуллы, брата Энна-Дагана. 20 д. сиклей серебра: t a š k i m 'a. Когда (был месяц) i z i - g a r . . . 10 мин серебра, чтобы обменять на 2 мины золота: царя Мари'.

Так же обстоит дело и в ТМ.75.G.1354, где в колофоне написано: 'Всего: 95 мин 54 сикля серебра, 1 мина золота: документ даров Энна-Дагана; (за) x+1 год/x+1-й год'¹¹. Кроме того, золото и серебро, соотносенные в ТМ.75.G.1564 с Энна-Даганом, старейшинами Мари и его чиновниками-taškim в указанные месяцы или по различным случаям, должны интерпретироваться как отчисления Эбле.

Аналогичную структуру имеет ТМ.75.G.1233. В первом его разделе перечисляются такие дары Энна-Дагана и его t a š k i m - t a š k i m, как серебро, золото и разные предметы. Во втором — количества, сравнимые с теми, которые упоминаются в первом разделе, но вместо Энна-Дагана появляется 'чашеносец' — s a g i .

* Перед обозначением меры веса золота и серебра (сиклей) в эблантских текстах ставится знак, который в шумерском языке означает остров Дильмун. Его значение в данном контексте неизвестно. По-видимому, он не обозначает страны, так как при нем нет детерминатива страны. В русском тексте этот знак передается буквой «д.».— *Прим. ред.*

Далее следуют другие акты передачи, определяемые административным термином $\dot{s} u m u$ -DUB, — всего в количестве 126 мин и 43 сикля серебра и 8 мин и 5 сиклей золота (здесь следовало бы дополнительно учесть количества металлов, упомянутые в местах лаку).

Многочисленные упоминания о Мари в эблаитских текстах указывают на экономическое господство Эблы над Мари. Достаточно обратиться за подтверждением хотя бы к таким текстам, как ТМ.75.G.2452 или ТМ.75.G.528 (последний относится ко времени Иббизикира).

Отметим, что политические соглашения ($d u b \dot{u}$ - $\dot{s} u$ - $g i$ 'документ указа', от * $w\dot{s}r?$), такие, как ТМ.75.G.2268, времени Иббизикира и Шура, регулировали также и торговые отношения, ср. л. 16—11 15: $m i$ - $n(u)$ / $M a$ - $r i^{k i}$ / $s i$ - $i n$ / $I b$ - $l a^{k i}$ / $d u$ - $d u$ / \dot{u} - $m a$ / $s i$ - $i n$ / $K i$ $\dot{s}^{k i}$ / $d u$ - $d u$ / $m i$ - $p u$ / $M a$ - $r i^{k i}$ /(II 1) $w a$ / $\dot{s} u$ $b a_4$ - $t i$ / \dot{x} l.../(12) $w a$ / \dot{e} / $d a$ - m - $g \dot{a} r$ / $I b$ - $l a^{k i}$... 'Любой, кто из Мари отправляется в Эблу, и отправляется в Киш, любой из Мари тогда возьмет... тогда пошлет торговец (из) Эблы ...'.

К сожалению, лаконичность этих документов, свойственная, впрочем, всем месопотамским текстам того времени, оставляет неясными многие аспекты социальной структуры Мари, в том числе и механизмы выплаты дани. Так, например, в тексте ТМ.75.G.1559, судя по колофону — '28 мин и 11 д.-сиклей серебра: старейшины Мари; за 4 года', — речь идет на первый взгляд о количестве серебра, переданном старейшинами Мари Эбле за четырехлетний период. Однако при более пристальном изучении возникает хронологическая неясность. Параграфы 1—4 касаются IV, VII, IX, XI месяцев первого года, тогда как параграфы 5 и 6 относятся ко II, V месяцам второго года, а 7-й охватывает период с XII месяца второго года по X месяц третьего года. Если исходить из того, что указание колофона должно совпадать с текстом, то придется допустить, что параграф 8 касается XI месяца уже не третьего, а четвертого года.

Важно отметить, что большинство параграфов заканчивается административным термином \dot{e} (а в случаях его отсутствия, в параграфах 4, 7 и 8 он подразумевается). Этим термином характеризуются «исходящие» ценности. Следовательно, речь не может идти о приношениях старейшин Мари Эбле, если только не встать на точку зрения, что сам текст был написан не в Эбле, а в Мари, что, однако, представляется мало правдоподобным. Можно также предположить, что указанное количество серебра (поставленное старейшинами Мари) пошло на вручение посланникам ($m a \dot{s} k i m$) царя Мари (Энна-Дагана) и другим чиновникам ($r a \dot{s} : g a$) для деятельности, каким-то образом связанной с Эблей.

Изученные автором тексты, касающиеся дарений, позволили

ему, помимо всего прочего, показать относительную хронологию правителей Эблы и Мари, а также некоторые важные синхронизмы. См. ниже таблицу, составленную автором].

Относительная хронология

Эбла	Мари
	Са'уму
	Иштул-Шар
Ареннум	Иплул-Иль
	Ni-zi
Ибриум	Энна-Даган
	Ику-Шар
	Иги
Ибби-Зикир	Хида'ар
	Шура

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. в настоящем сборнике с. 261—269.

² Взгляды Петтинато изложены им в следующих работах: Pettinato 1977, с. 20—28; 1979, с. 103—108 и рис. IV, 4; 1980, с. 231—245.

³ Следует признать, что неправдоподобность этой ситуации (например, хотя бы то, что Энна-Даган якобы обращается с подобным документом к своему собственному городу) заставляет отдать предпочтение проведенной Б. Кинастом параллели с восьмым походом Саргона II Ассирийского (721—705 гг. до н. э.), в особенности в той ее части, которая касается трактовки письма Энна-Дагана с историко-литературной точки зрения. См. Pettinato 1980, с. 247—261, особенно с. 249.

⁴ Pettinato, MEE 2, с. 54: № 6 об. VI 3; с. 100, № 13 об. V 5.

⁵ Об En-na-VE в списках lugal-lugal см. TM.75.G.1350 л. II 4; TM.75.G.1459 об. II x+4; TM.75.G.1702.

⁶ Pettinato 1977, с. 27; 1979, с. 107 и сл. Достаточно взглянуть в документ, чтобы убедиться в необоснованности доводов Петтинато, полагающего, например, что в этом тексте указана также и доля контрибуции, причитающаяся Энна-Дагану как полководцу и якобы составляющая 15% всей востребованной дани.

⁷ Петтинато в MEE 2, с. 302, пишет, напротив, следующее: «Так как интерпретация Ni-zi как имени собственного неточна . . . ,

спросим себя, не следует ли понимать *lugal* 'управляющий' как сокращение от *lugal-sa-za_x^{ki}* 'глава управления'. Относительно *NI-zi* см. также ТМ.75.G.2412 л. I'x+I—II'1:[x kù]-gi/lugal/NI-zi/(II 1) . . . , II 1—3:4 ma-na kù-gi/lugal/Ma-ri^{ki}.

⁸ Текст опубликован в МЕЕ 2, с. 113—115 Петтинато, который, однако, не отметил здесь связи с Мари. [Этот текст приведен в оригинале данной статьи Арки полностью.— *Прим. ред.*]

⁹ Текст был опубликован мною в *Archi* 1980, с. 16—21 отписка, и повторно опубликован Петтинато без ссылки на предыдущее издание, о котором ему, однако, было известно (см. там же с. XVIII), что противоречит правилам, принятым в ученом мире.

¹⁰ Документ опубликован в МЕЕ 2, с. 53—57, но нуждается в новом переводе, который бы устранил противоречия, имеющиеся в переводе Петтинато. Так, например, на с. 54 у него сказано: «В переводе данного отрывка *lugal* . . . и $AB \times \dot{A}\dot{S} - AB \times \dot{A}\dot{S}$ поняты как дополнения цели... Эту интерпретацию следует коренным образом изменить, рассматривая I 3 и II 1 как *genitivus subjectivus*, и переводить '5 мин серебра управителя... Ихушзину вручены'. Определяющей для разрешения загадки и понимания отрывка в целом является заключительная часть, где особенно важно значение, придаваемое предлогу *áš-tù*: если он означает 'от' ('от такого-то действующего лица'), то, конечно, предпочтение должно быть отдано второму переводу; если же этот предлог соответствует *aš-tá* и *áš-ti* и, следовательно, может иметь значение 'с' . . . , тогда преимущество на стороне первого перевода». Теперь же в переводе, заново сопоставляемом им с текстом, Петтинато, отождествляя *áš-du* с 'от', возвращается к тому, что он называет «первым переводом», то есть рассматривает выражение $AB \times \dot{A}\dot{S} - AB \times \dot{A}\dot{S}$ как «дополнение цели» ('для')!

¹¹ Ср. *Pettinato*, МЕЕ 2, с. 239—242.

IV. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КРУГОЗОР ЭБЛЫ

П. Гарелли

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТОПОНИМИКЕ ИЗ АРХИВОВ ЭБЛЫ

Предметом настоящего исследования являются около 1280 топонимических названий, происходящих из трех источников. Прежде всего, это список, включающий примерно 635 топонимов из так называемого Каталога Дж. Петтинато (Pettinato 1979a). Затем группа из 28 табличек, транслитерацию и фотографии которых мне передал П. Маттиз; здесь упоминаются примерно 500 населенных пунктов, но так как названия 140 из них совпадают с перечисленными в упомянутом Каталоге, то общее количество топонимов, встречающихся в обоих указанных источниках, можно сократить с 1135 до 1000¹. К этим двум основным группам надлежит добавить еще 290 топонимов из *Atlante geografico*, (Pettinato 1978, с. 50—73), при этом около десятка из них уже засвидетельствовано в первом и втором источниках; впрочем, имена из третьего источника я оставляю пока в стороне², чтобы сосредоточить свое внимание на 1000 наименований из первых двух.

Из названного числа лишь около двадцати имен известны или имеют правдоподобные аналогии с ранее засвидетельствованными топонимами. Однако следует учесть, что в опубликованных А. Арки текстах, касающихся скотоводства (Archi 1979, с. 6—9), упомянуты топонимы, которые, очевидно, соответствуют названиям деревень в окрестностях Эблы. Я насчитал их около сорока, причем часть из них фигурирует также и в Каталоге Петтинато, и я несколько не удивлюсь, если многие другие неизвестные селения, названия которых редко встречаются в текстах из Эблы, окажутся деревнями, чьи следы тщетно было бы отыскивать в наших топонимических словарях.

¹ Paul G a r e l l i. Remarques sur les noms géographiques des archives d'Ebla. Текст доклада, прочитанного на симпозиуме «La civiltà di Ebla: archeologia e filologia». Рим, 1980.

© Missione archeologica italiana in Siria, 1980

В таком исследовании, как наше, внимание должно быть направлено на те населенные пункты, частое упоминание которых само по себе дает основания предположить, что это были города. Но здесь нас поджидает опасность. При отождествлении топонима нельзя опираться только на его внешнюю форму или на его кажущееся сходство с каким-либо другим топонимом. Конечно, такого рода сопоставления неизбежны и даже необходимы: морфологическое сходство может направить нас на верный путь. Но непременно следует учитывать то, что я для простоты назвал бы «контекстом», то есть одновременное упоминание вместе с данным и других топонимов, уже отождествленных или поддающихся отождествлению; характер и степень важности местных властей, связанных с топонимом, а также характер и смысл упоминаемых в тексте хозяйственных операций; все это может помочь нам убедиться, действительно ли два сравниваемых населенных пункта были расположены близко друг от друга². Памятуя об этих необходимых предосторожностях, можно позволить себе нижеследующие замечания.

1) Названия известных городов, отождествление которых не оспаривается и которые написаны таким же образом, как их писали в последующие эпохи, или же хотя и другими знаками, но соответствующими орфографическим привычкам архаического периода для того же чтения:

- Каркемиш: *Gâr-ga-mi-iš^{ki}*, ср. в Мари *Kar-ka-mi-iš/is_x* (UŠ). Ж.-М. Дюран обратил мое внимание и на следующие формы, подтверждающие чтение *-is* в старовавилонский период: *Kâr-ga-lmje-si-ù-um* (ARM XIX 299, 3) и *Kar-ka-mi-sa-yu* 'житель Каркемиша' (ARM XII 747, 5)⁴.
- Харран: *Ḫar-ga-an^{ki}*, чаще без удвоения *g*, что нормально для архаических периодов; но встречается также форма *Ḫar-ga-nim^{ki}* (3092 II 4 SEb I, с. 111), ср. в Мари: *Ḫa-ag-ga-nim^{ki}/Ḫa-ga-nim^{ki}* (род. п.).
- Имар: *Î-mar^{ki}*, ср. в Мари *I-ma-(a)-ar^{ki}* (на Евфрате, вблизи Мескене).
- Мари: *Ma-ri^{ki}*, как в самом Мари в досаргоновский и в саргонидский периоды.
- Нагар: *Na-gâr^{ki}*, ср. *Na-gâr^{ki}* в хурритском тексте AO 19938, 18 — Ж. Нугейроль RA 42 (1948), с. 6, 8; логограмма саргонидского и старовавилонского периода (CT 52, 175, 3, 6) *NAGAR^{ki}*, а в Мари — *Na-ga-ar^{ki}* (город племени Идамарац, на севере от Мари, на р. Хабур).
- Урсум: *Ur-sá-um^{ki}*, ср. Гудеа, статуя B V 53 ^{uru}*Ur-šu hur-sag-Eb-la-ta* '(из) города Урсу, из гор Эблы', в Мари: *Ur-su-ú^{ki}*,

Ur-si-im^{ki} (род. п.). Ср. AbВ 2, 143, 19: Ur-sum*.

Последние четыре из приведенных населенных пунктов имеют правителей, которые называются EN, а в Мари иногда, кроме того, упоминается и их LUGAL; очевидно, оба термина здесь синонимичны, так, Ѓi-da-ag назван I u g a l Мари (1249 F VI 29), и существует документ, который датирован годом, 'когда умер I u g a l' (1547 F III 4 = A g c h i, с. 22), — датировка года по дате смерти чиновника, хотя бы и высокопоставленного, была бы невозможна. В датировке документа № 1574 (A g c h i 1980, с. 16, № 26; 1979, с. 22) упоминается смерть I u g a l'a Mari и e'na [Kak]mim'a, что ставит их на один уровень. Нетрудно заметить, что титул указывается далеко не всегда, так, например, Хидар, который назван царем, назван в том же тексте и просто Ѓi-da-ag Ma-gi^{ki} (1249 л. IV 6). Таким образом, отсутствие титула в обнаруженных до сих пор текстах само по себе не доказывает, что, скажем, Каркемишем и Харраном не правил EN.

2) Отождествления, предлагаемые для случаев, когда те или иные города заведомо находились в том же районе, что и другие, нам уже известные, или же когда они упоминаются вместе с населенными пунктами того же географического района:

- A-ba-tum^{ki}: ср. в Мари A-ba-(at)-tim (род. п.) на Евфрате между устьем Белиха и г. Мескене (Эмаром).
- 'A-ma-du^{ki}: Хамат, совр. Хама. Пишется также 'A-ma-ad^{ki} (11589 IV 6). Городом правит EN: см. A g c h i 1980, с. 2—3**.
- Du-ub^{ki}: может быть, тождествен городу Tu-ba в текстах Ала-лаха VII, который П. Маттиэ предлагает локализовать в долине между Халебом и Евфратом, в области Джаббуль: M a t t h i a e 1979, с. 115—118.
- Du-du-lu^{ki}: возможно, представляет собой Tuttul. См. в Мари: Tu-ut-tu-ul, а также в хеттских источниках: ^{uru}Du-ud-du-ul-(la), местность в районе устья Белиха на Евфрате: см. A g c h i 1980, с. 4. Может быть тождествен Du-du-la^{ki}, упоминаемому в Каталоге.
- Du-pe-er^{ki}: по всей вероятности, Тунип в Северной Сирии, вблизи Хамата: см. P e t t i p a t o 1979, с. 281. В Алалахе VII Tu-ni-ip^{ki}; в Угарите и эль-Амарне Du/Tu-ni-ip^{ki}. Упоминание названия 'A-ma-du^{ki} позволяет думать, что Тунип не тождествен Хамату, вопреки предположению М. Астура (см. A s t o u r 1977, с. 64). Но высказанные им соображения позволяют локализовать Тунип недалеко от этого города.

* Ср. также позже Ur-šu, U-gi-uš-šu. — *Прим. ред.*

** Напомним, что в староаккадской и в вавилонской письменности знаком 'a передаются звукосочетания /ha/ или /ha/. — *Прим. ред.*

- Ir-i-tum^{kl}: в Мари: Ir-ri-id, вблизи Каркемиша, к востоку от Евфрата; в хеттских источниках: Ir-ri-ta/e, и в Алалахе: Ir-ri-di(?) *.
- Mar-dum^{kl} или Mar-dú^{kl}: встречается вместе с Эмаром (1238), Харраном (309) и Мари (2401), локализуется А. Арки (A r c h i 1979, с. 107—111) возле гор Джебель-Бишри по ассоциации с наименованием племени периода III династии Ура Mar-dú 'амореи'. Однако в Эбле речь идет о городе, управляемом EN'ом и являющемся местом культа бога I-da-ku^l.

Без твердой уверенности к названным топонимам можно еще добавить:

- Ab-zu^{kl}: может соответствовать ^{uru}Ab-zu в районе Хомса, известному из хеттских источников.
- Na-sa-sar^{kl}: город упоминается в тексте 1263. Ср. в Мари: Na-za-za-ar, и в хеттских текстах: Na-ša-a-šar, вблизи Тунипа, северней Хамы. В Ugaritica V, № 74, 6' и 8' читаем: i-na ^{uru}Na-ša-ša-ri (см. A s t o u r 1973, с. 74).

Таким образом, мы имеем 15 городов, которые могут быть отождествлены с уже известными без сколько-нибудь серьезных звуковых изменений, причем все они находятся в Северной Сирии, в районе, расположенном между Халобом, Хомсом и Абу-Кемалем (Мари). Отметим, что 9 из них находятся на подступах к Евфрату и к его притокам, и как раз они упоминаются чаще всего. Контакты, как мы видим, ориентированы преимущественно в сторону Евфрата. Сюда еще можно прибавить десятка два городов, упоминаемых в описании похода против Мари и прокомментированных Дж. Петтинато (Pettinato 1979, с. 103—108).

Сказанное здесь побуждает нас поместить в тот же район также и места, названия которых известны нам и по текстам из Алалаха (A s t o u r 1963, с. 239—240), а именно:

- A-da-bi-ig/gú^{kl}: ср. A-da-bi-ik^{kl} (Ал. VII).
- A-šu-nu/pi^{kl} (1525, 1451): A-šu-ni (Ал. VII).
- Lu-ba-an^{kl}, ср. Lu-ba-ni. (в текстах из Эблы место культа Идакуля):
- Mu-га-ar^{kl}: Mu-га-ar (Ал. VII).
- Na-na-bu^{kl} (1389): Na-na-ab^{kl} (Ал. VII).
- Ū-nu-bù/bi^{kl} (1262): Ūn-nu-ba.

В том же районе можно, вероятно, локализовать и поселение I-га-ар, упоминаемое вместе с Лубаном (1229. л. с. 11, 13). Следует учесть, что исход на -an характерен для названий городов, расположенных на среднем Евфрате, в особенности в районе Сагаратума. В архивах из Мари таких наименований насчитывается не менее

* Так же в среднеассирийских надписях.— *Прим. ред.*

26, например Аппан (вблизи Мари), Бархан (вблизи Сагаратума), Бисан (там же), Бит-Каппан (там же), Дагилан и Мишлан (вблизи Терки), Каттунан и т. п.

3) Тем не менее существует также известное количество часто упоминаемых наименований, отождествление которых наталкивается на определенные трудности. Так, например, обстоит дело с *Ag-mi*, которое Дж. Петтинато рассматривает как имя собственное. С его точки зрения, это существительное 'город', которое в отдельных ситуациях обозначает всеми подразумеваемый город, то есть Эблу. В работе Pettinato 1979, с. 87, № 2 упоминается редуцированная форма *ag-mi ag-mi*: «*ag-mi ag-mi* с детерминативом топонима ^{kl} или без него... Думаю, что это — именная форма, вполне аналогичная, если не тождественная форме *eg-me/mi*, которая представляет собой множественное число от 'уг 'город'. См. AfO 25, с. 25, л. VIII, 15».

Однако это невозможно по двум причинам. С лингвистической точки зрения 'уг не может дать *ag-mi*, а именно в такой форме данный топоним чаще всего и употребляется. На худой конец 'уг может дать *eg-*, но совершенно непонятно, почему предпочтение отдается форме *ag-* и почему за ней постоянно следует форма множественного числа, причем совершенно аномальная: *-mi*; неясно также, зачем могло понадобиться подчеркнуть это множественное число *a/eg-mi* удвоением *ag-mi ag-mi* *. Да и сам Петтинато в своей работе об Эбле переводит выражение ITU *eg-me* единственным числом: 'месяц города' ⁵. Мало того, на с. 28 он пишет: ⁶*ga-sa-ar ag-mi^{kl} ag-mi^{kl}* '(бог) Расапа городов' (во мн. ч.), что странно, поскольку прочие места культа Расапа представляют собой определенные, поименно названные города, как ⁷*'A-ta-ni^{kl}*, ⁸*Gú-nu^{kl}*, ⁹*Tù-ne-ér^{kl}* или ¹⁰*Ši-'à-am^{kl}* ⁶.

С другой стороны, можно привести решающий довод, который полностью исключает отождествление с Эблой; так, в тексте 1382, F. II, с. 2—5 речь идет о переселении в города ^{kl}*Eb-la^{kl}* wa *Ag-mi^{kl}* ⁷. Между тем ассирийцы не отправлялись *ana Aššur u alim* ('в Ашшур и город'), равно как римляне не отправлялись (*ad*) *Romat et urbem* ('в Рим и в город!'). Достаточно было сказать *alim* и *urbs*, имея в виду Ашшур и Рим. Мало того, в тексте 1249, F. V, 14, 19 речь идет о тканях, пожертвованных правителем (города) *Na-gàr^{kl}*, причем говорится об *l t ú g g ù n Ag-mi^{kl}*, а в строке 21 — об *l d ù l - t ú g Eb-la^{kl}*. Упоминание этих двух названий с интервалом всего лишь в две строки дает основания считать, что это названия разных городов.

* Как известно, в эблантском письме повторение логограммы, а иногда и фонетического написания существительного есть обычный прием графической передачи множественного числа.— *Прим. ред.*

Тогда как же объяснить упомянутое *ag-mi ag-mi*? Прежде всего, можно подумать о сопоставлении с топонимами, которые различают определениями *TUR* и *MAH*, например *Mar-ra-at-TUR^{kl}* (1556, V, 2) и *Mar-ra-at-MAH^{kl}* (VII, 3: ср. *A r c h i* 1979a, с. 1, 18); *Du-u-bu^{kl}* (2377, F, III, 7) и *Du-u-bu-TUR^{kl}* (F III, 4: ср. *A r c h i* 1979, с. 108) или же *Maš-bar-du^{kl}* (1216 л., 1, 3) и *Maš-bar-du-TUR^{kl}* (F VII, 5) *. В тексте 1558, F III, 1 речь идет о *Bi-ir^{kl}* (*A. A r c h i* 1979a, с. 17), а в строке 4 — о *Bi-ir-2^{kl}*. Можно было бы понять последний пример как 'Вig во второй раз', но тогда неясно, почему цифра 2 помещена перед *kl*. Между тем в тексте 2377 F в строке I 6 читаем *Da-ri-tum^{kl}*, а в строке II 2: *Da-ri-tum^{kl}-2* (*A r c h i* 1979, с. 107). Следовательно, цифра 2 может ставиться как до, так и после *kl*. А так как в приводимом примере дается перечисление центров культа Идакуля, то это означает, что имелось два места с одним названием. То же, вероятно, касается и предыдущего примера. Таким образом, могли существовать два места с омонимичными названиями, причем одно место могло быть более важным, чем другое, что и следует из употребления *TUR* и *MAH*.

Что же касается *ag-mi ag-mi*, то здесь, пожалуй, следует отдать предпочтение другому объяснению, подсказанному мне Д. Эдвардом. Раз существительные в Эбле пишутся без обозначения слоговыми знаками категорий числа, падежа и рода, можно допустить наличие относительных прилагательных от топонимов, имеющих форму нисбы. Тогда *Ag-mi^{kl} Ag-mi^{kl}* могло бы значить 'люди (города) Арми', 'армийцы' *. То же самое значение можно было бы допустить даже для нередуцированной формы в соответствии с текстом 1274F л. 9, где после перечисления тканей читаем: 3 *Ag-mi^{kl} al-KU Gi-za-an^{kl}*, что, кажется, можно перевести: '3 армийца, живущие в Гизане', если только здесь не следует видеть эллиптическое выражение: '3 (человека из) Арми, живущие в Гизане'.

Все это, конечно, не помогает нам узнать местонахождение города — кроме того, что он должен был находиться близко от Эблы. Учитывая параллельное употребление наименований Эблы и Арми (*Eb-la^{kl} wa Ag-mi^{kl}*) в тексте 1382 II 5, не следует ли рассмотреть аналогичный параллелизм в надписях Нарам-Суэна: *Ag-ma-nam^{kl} ù Eb-la^{kl} / SAG.GIŠ.RA Ag-ma-nim^{kl} ù Eb-la^{kl}* ¹⁰? Но как объяснить различие в исходе слов? У меня пока нет окончательного ответа на этот вопрос, но важно обратить внимание на варианты, отмеченные Дж. Петтинато при сопоставлении городов из списков Эблы и Абу-Салабиха (*Pettinato* 1978, с. 248): *Sá-mu^{kl}* (Эбла) = *Sá-ma-pu^{kl}* (Абу-Сал.); 139: *Su-da-an^{kl}* (Эбла) = *Súd^{kl(1)}* (Абу-Сал.). К сожалению, эквиваленты к *Ar-me^{kl}* (*Pettinato* 1979, с. 212) в списке на табличках из Абу-Салабиха обломаны. Отметим также, что в текстах из Мари встречается удлинение гласных в исходе

основы, как, например, Qattuna, Qattunān, Qattunānum (ARM XVI/1 s. v.). Если бы такое объяснение оказалось приемлемым, оно могло бы привести к интересным результатам, так как позволило бы поместить Agtānum в районе Халеба; иначе этот важный город в текстах Эблы не был бы представлен. Только одно упоминание, а именно Ga-la-bi-ik^{ki} (встречается в Каталоге), имеет сходство с Ga-la-bi из Мари. Но остается неясным удвоение конечного -i, в связи с чем Петтинато добавляет: «см. также Ga-la-bi-ik^{ki}».

Другая проблема возникает в связи с наименованием города Du-lu^{ki}. Петтинато читает это наименование GUB-lu^{ki} и усматривает здесь город, который он отождествляет с Библом¹¹. Однако по этому поводу можно сделать два замечания.

Замечание первое: прежде всего, возникает щепетильный вопрос, можно ли в данную эпоху придавать одной и той же шумерской логограмме разные фонетические чтения. Сам Петтинато в своем Каталоге нигде не принимает для знака DU чтения gub; случай, который занимает нас, — единственное исключение.

В древние периоды, а именно в наиболее раннем свидетельстве, относящемся к периоду III династии Ура, это наименование пишется Gu-ub-la^{ki}, в Мари — Gu-ub-la(a)^{ki}, в Угарите имеем a-la^{ku} Gu-ub-li (PRU VI, с. 126, № 10) или Gu-ub-la-a[?] (там же, 81, 2, 3, 5). Лишь начиная с периода эль-Амарны написания Gu-ub-la и Gub-la начинают чередоваться. Кроме Угарита и одного случая, когда название стоит в родительном падеже, в исходе слова всегда бывает либо -la, либо -la-a.

Замечание второе: интересующий нас город Du-lu^{ki} часто упоминается вместе с населенными пунктами Северной Сирии. А. Арки в работе A g s h i 1980, с. 3, отметил, что он обычно бывает назван в текстах, касающихся тканей, после Уршума и до Ирритума и Харрана. Таким образом, речь идет о районе Биреджика, Каркемиша и Харрана к востоку от большого изгиба Евфрата. В тексте 1382 л. XV II DU-lu^{ki} даже стоит между Sa-MI+ŠITA₂(?)^{ki} * и Armi^{ki}. Наименование это встречается в работе Pettinato 1978, но отсутствует в соответствующих версиях из Абу-Салабиha, а это заставляет думать, что речь идет о небольшом центре местного значения (см. ниже, с. 291 сл.). В этих условиях предпочтительнее сохранить чтение Du-lu^{ki} и полагать, что соответствующий город находился в Сирийской Месопотамии.

Наименование города, написанного Sa - ^{ki} ,

* В других статьях читается Sa-x^{ki}, Sa-za^{ki} и является обозначением центра Эблы и ее государственного хозяйства.— *Прим. ред.*

Дж. Петтинато читает $S a \cdot MI + \dot{S}ITA$ 'дом господина', откуда и предлагаемое им понимание 'наместничество' ¹². Это мог бы и в самом деле быть эблантский административный центр, но знаки не похожи ни на MI , ни на $\dot{S}ITA$, и, следовательно, предлагаемая Петтинато интерпретация лишается основания. Сам Дж. Петтинато выражает законное удивление по поводу того, что этот город не встречается в списках административных центров Эблы (Pettinato 1979, с. 166). Кроме того, А. Арки ссылается на текст 2045, в соответствии с которым 12 человек отправляются из $S a \cdot x^{ki}$ в $Alaga^{ki}$ так, будто бы речь идет о рядахых поселениях ¹³. Наконец, $S a \cdot x^{ki}$ является одним из мест культа бога Идакуля: он входит в число $u g u^{ki} u g u^{ki}$ (I. V, 6), среди которых упоминаются беспорядные города, такие, как $Luban^{ki}$ и $Mardum^{ki}$, управляемые EN' ами, а также простые деревни, такие, как $Du \cdot u, bu^{ki}$ и $G\ddot{a}r \cdot gu, s^{ki}$, засвидетельствованные в тексте 1669 в числе тех деревень, чье начальство ($u g u l a \acute{e} \cdot d u g u, s^{ki}$) должно обеспечивать централизованные поставки ¹⁴. Пока для $S a \cdot x^{ki}$ не засвидетельствовано имя какого-либо EN' а ¹⁵, но то обстоятельство, что это наименование встречается часто, заставляет думать, что речь идет о важном центре, а приведенные выше подробности дают основания полагать, что этот центр находился в районе Эблы.

4) Продолжает оставаться неясной проблема о деревнях, расположенных вблизи Эблы; между тем ее решение могло бы объяснить обилие топонимов, не известных по другим документам. В своем исследовании, посвященном разведению и распределению скота, А. Арки отметил, что животные распределялись по населенным пунктам, которые обычно не упоминаются в текстах, касающихся поставок тканей и называющих крупные центры, зависящие от Эблы ¹⁶. На этом основании А. Арки пришел к выводу, что в связи с распределением скота дается перечень небольших населенных пунктов, чаще всего просто деревень, в окрестностях самой Эблы. Это соображение весьма правдоподобно и могло бы в какой-то мере объяснить, почему так часто встречаются наименования иначе неизвестных населенных пунктов. Я их насчитал 42. Кроме того, три хозяйственных и административных текста, которые касаются покупки эквидов $BAR \times AN$ (1283), передачи определенных количеств серебра (1451) или же постоянного местопребывания различных $u g u l a$ (1625), перечисляют 58 поселений, являющихся, по-видимому, всего лишь деревнями. Подобным же образом «дома», предоставляемые сыновьям Эбриума, разбросаны по 28 незначительным населенным пунктам, за исключением одного лишь $S A \cdot x^{ki}$. В связи с расчетами за поставки ячменя упоминается еще 15 топонимов, см. Pettinato 1979, с. 115—117, 155—156, 207.

Кроме того, не следует упускать из виду местá культа бога Ида-

куля. Дело в том, что это чисто эблаитское божество почиталось не на всей территории Эблы, и мы пока не знаем, простиралось ли его влияние вплоть до самого Евфрата. Самыми отдаленными из известных центров почитания Идакуля являются 'A-ma-du^{ki} и Mag-dum^{ki}, то есть районы Хамата (Хамы) и предгорьев Джебель-Бишри. Однако 'A-ma-du^{ki} не назван в списках 2377/79, перечисляющих места культа Идакуля, не встречаются в них и A-gu₁₂-ga-du^{ki} и I-NI-bu^{ki}, упоминаемые в связи с царскими дарениями (A g s h i 1979, с. 109). Следует отметить, что все эти четыре города управлялись EN'ами. Таким образом, оба эти списка не являются исчерпывающими, однако наше внимание должна привлечь одна деталь: упоминание деревень Du-u₁-bu^{ki} и Gār-gu₁₂, под которыми, вероятно, подразумеваются три деревни, так как существуют два Du-u₁-bu^{ki} и одно из них называется «малым» (TUR). Поэтому можно предположить, что и другие неизвестные или редко встречающиеся наименования, как, например, A-ba-um^{ki} (см. Pettinato 1979a), также относятся к деревням.

Общее число упоминаемых мест культа Идакуля достигает 42. Если присоединить к ним еще 40 деревень, указанных в текстах, касающихся скотоводства ¹⁷, то получится 82 топонима, не поддающихся отождествлению, хотя и можно допустить, что все они находились в окрестностях Эблы и, уж во всяком случае, в пределах Северной Сирии. Прибавив к ним сотню деревень и 20 городов, перечисленных нами выше ¹⁸, получим общее количество порядка 200 населенных пунктов, которые находились к северу от воображаемой оси, соединяющей Хамат с Мари. Названная цифра представляет собой одну пятую часть всех топонимов, упомянутых в обеих группах архивов, рассмотренных здесь (см. с. 278). Велико искушение отнести к тому же району большинство топонимов, новых для нас и не известных по более поздним источникам. Но прежде необходимо рассмотреть все области, находящиеся на периферии интересующего нас района, вдоль средиземноморского побережья, в Малой Азии и в Месопотамии (в самом широком смысле последнего наименования).

5) Вопрос о Малой Азии не отнимет у нас слишком много времени, так как он целиком сводится к проблеме топонима Kà-ni-šu^{ki}. Конечно, его сближение с каппадокийским Канишем весьма соблазнительно, невзирая на то что исход на -и никогда не встречается в староассирийских табличках, где это наименование всегда имеет вид Kà-ni-iš или Kà-ni-iš, с ki или без него. Само это обстоятельство не может считаться серьезным возражением, если принять во внимание наличие таких чередований написаний, как A-da-bi-gú/ig^{ki}, A-da-ti-gú/ig^{ki}, A-te-na-ad/du^{ki}, Ma-nu-wa-ad/du^{ki}, Sal-ba-ad/du^{ki}, U-ti-gú/ig^{ki}, Za-ra-mi-iš/šu ¹⁹, которые являются вариантами одного и того же топонима.

Этот город $K\grave{a}-n\grave{i}-\acute{s}u^{ki}$ встречается впервые в перечне из «17 стран ($k a l a m^{ki} k a l a m^{ki}$), находящихся в руках царя Эблы»²⁰, и Дж. Петтинато, опираясь на данные этого перечня, пришел к выводу, что могущество царя простиралось и на Малую Азию. Это, однако, маловероятно по нескольким причинам. Прежде всего, в результате сличения с оригинальным текстом, осуществленного Д. Эдгардом, выяснилось, что знак $QALAM$ следует читать UN , хотя в архаическом написании разница между этими двумя чтениями совсем незначительна. Таким образом, получается, что речь идет о «17 народах (или группах населения) в руках царя Эблы». Далее, странным представляется, что в тексте не упоминается ни один из больших городов, расположенных между Канишем и Сирийской равниной, таких, как Hugama , Luḫusattia или Salahṣua . Не изменили ли они в отличие от Каниша свои названия в промежутке между периодом, который нас интересует, и временем староассирийских торговых поселений? Этого, конечно, нельзя полностью исключить, хотя, если учитывать значение, которое указанные центры сохраняли вплоть до самого падения Хеттского царства, такая перемена может показаться странной: ведь до самого конца Hugama соответствовала названию Hugma , Luḫusattia — названию La(hu)wazantia , а название Salahṣua осталось без изменений.

Не следует ли рассматривать перечень из 17 городов как некий итог больших побед, считая, что $Kaniṣu$ здесь означает Малую Азию в целом? Однако ни один из остальных 16 городов не вызывает ассоциаций с известными наименованиями, кроме одного — Lu-a-tim ; но как раз маловероятно, чтобы последний был в самом деле «городом», так как он фигурирует в числе населенных пунктов, поставляющих в Эблу рогатый скот (1858: $A g c h i$ 1979, с. 2: Lu-a-tim^{ki}). Возможно, что он тождествен $\text{Lu}_2\text{-a-tum/tim}^{ki}$, встречающемуся в табличке 1731 перед $I\text{-pa}^{ki}$ и Du-lu^{ki} . Это сопоставление снова приводит нас в Сирийскую Месопотамию, и я охотно разделю бы точку зрения Арки ($A g c h i$ 1979а, с. 564), согласно которой горизонт царей Эблы не простирался за пределы Антитавра. А «17 народов», среди которых упоминается $Kaniṣu$, могли быть переданы царю Эблы в результате договора, заключенного им с одним из ее непосредственных соседей и подытоженного вышеупомянутым текстом 2136.

Вряд ли есть смысл говорить здесь о гипотезе, в соответствии с которой $\text{'\ddot{A}-du}^{ki}$ отождествляется с Ḫattu , страной Хатти. Прежде всего, одной страны Хатти не было, пока Анитта многими столетиями позже не осуществил объединение, и упоминание города $\text{'\ddot{A}-du}^{ki}$ в так называемом договоре с Ашшуром * уже по одной только этой

* Как сейчас доказано, договора между Эблой и Ашшуром не существовало; вместо $A\acute{s}ṣur$ читается $Abarzal$. — *Прим. ред.*

причине заставляет думать, что не могло быть и речи о *Ḥattu*. Отсутствие Каниша делает приведенную гипотезу тем более невероятной (A r c h i 1979a, с. 563, прим. 23). Претензия Мари к царю 'Ā-du^{ki}, якобы оказавшего Эбле помощь людьми (P e t t i n a t o 1979, с. 122), позволяет думать, что эти два города располагались недалеко друг от друга, о чем свидетельствует также упоминание 'Ā-du^{ki} в длинных перечнях сирийских поселений, приводимых в текстах 522 и 524 ²¹. Впрочем, Дж. Петтинато как будто и сам отказался от приведенного отождествления (P e t t i n a t o 1979b, с. 68).

Если отсутствие контактов с Малой Азией совершенно не удивляет, то было бы поразительно, если бы Эбла не поддерживала отношений с городами средиземноморского побережья, в частности с Угаритом, который должен был служить ей естественным портом. Между тем этот город упоминается только в работе P e t t i n a t o 1978, притом в форме U₀-ga-ga-at^{ki}, что любопытно, так как и в самой Рас-Шамре встречается вариант Ū-ga-gat, который Ж. Нугейроль в дубликate текста 17.130 (PRU IV, с. 103—105) прочел как Ū-ga-git_x. Не исключено, что город Agwad встречается в форме 'Ā-ga-wa-ad (№ 197) и в виде варианта 'Ā-ur₄-ad^{ki} (Абу-Салабиx) (A r c h i 1980, с. 2). Это кажется вполне правдоподобным, тем более что оба эти города легко вписываются в географические рамки, намечаемые нами *. Такое расширение географических рамок могло бы объяснить засвидетельствованные связи с Египтом, а также с Кипром (P e t t i n a t o 1979, с. 206) **. Совершенно не исключается, что в один прекрасный день обнаружится беспорное упоминание Библа.

Встречаются, однако, сомнительные и даже явно ошибочные отождествления. Нет уверенности в том, что A-ḡ₁₂-ga-du^{ki} действительно является городом Iḡata. Речь идет о важном городе, управляемом EN'ом и имеющим интенсивный обмен с Эблей, но вместе с тем это один из центров культа Идакуля (A r c h i 1979b, с. 110). Даже если город Iḡata не слишком отдален от Эблы, кажется удивительным, что культ Идакуля распространился на эту часть побережья.

Отождествление Ва-ц₀-ga-du^{ki} с Бейрутом совершенно исключено. Не говоря уже о весьма приблизительных фонетических соот-

* Предположение кажется маловероятным, так как 'Ā-ga-wa-ad, 'Ā-ur₄-ad надо читать /H/Ḥagwad/t/, /H/Ḥawrad/t/, между тем как название Арвада начинается с фонемы /ʾ/, а не с /h/ или /ḥ/. — Прим. ред.

** Прочтение названия Кипра в эблаитских текстах представляется сомнительным. — Прим. ред.

ветствиях, названное поселение находилось в распоряжении деревенского «надзирателя» (*u gu la é - du ru^{kl}*) из числа занимавшихся, если судить по тексту 1669, цитированному выше (с. 285), учетом поставок оружия и сосудов из окрестностей Эблы. Чтения, на которые опираются отождествления с палестинскими городами Газой, Мегиддо и Самарией, как показал А. Арки (*A r c h i* 1980, с. 5 и сл.), ошибочны. Что касается *Si-da-mu^{kl}*, то это название тоже фигурирует среди центров культа Идакуля, а это явно противоречит какой бы то ни было попытке отождествления с отдаленным Содомом²³ к югу от Мертвого моря. И в самом деле, можно в крайнем случае продлить воображаемую ось Мари — Хамат до окрестностей Арвада, но в настоящее время было бы затруднительно пытаться расширить сферу распространения эблантских связей дальше к югу. Это распространение скорее ориентировано в сторону Евфрата, и потому естественнее было бы направить наши поиски в сторону Месопотамии.

По правде говоря, общность культурных факторов, образовавшаяся в результате восприятия шумерского письма и шумерских идеограмм, а также создания текстов лексикографического и политического содержания, аналогичных шумерским, в гораздо большей мере свидетельствует о связях с Месопотамией, чем административные архивы, опубликованные и прокомментированные до настоящего времени. Разумеется, очень привлекательна попытка отождествления *Kak-mi-um^{kl}* с городом, засвидетельствованным в формах *Kak-mi^{kl}* и *Ka-ak-mu-um/mi-im^{kl}* в текстах из Месопотамии III династии Ура и старовавилонского периода, а также в текстах из Мари. Он находился к востоку от Тигра, в области Гутниум. Конечно, это далеко, но не следует забывать, что правители Эблы поддерживали связь с *Hamazi*, тоже расположенным к востоку от Тигра, между Верхним Забом и Диялой²⁴. Контексты, в которых встречается Какмиум, носят довольно общий характер: речь идет о тканях правителя города и о купцах (*l ú k a r*) Какмиума; упоминается год, когда умерли царь Мари и царь Какмиума²⁵. Поселениями, названия которых фигурируют в этих текстах, охватывается довольно обширная территория: наряду с городами, расположенными к западу от Евфрата, мы находим здесь Мари, Нагар, Харран (текст 1249), Эмар, Ирритум (текст 2525) и *Dub-gu₁*. Последний ставит нас перед той же проблемой, что и Какмиум, так как какой-то *Dub-gu-um^{kl}*, расположенный севернее Уммы, встречается в надписи Утухегаля. В тексте 1389 г. 114 ткани из *Dub-gu₁* упоминаются непосредственно вслед за тканями из Какмиума. Однако если Гири, сын царя Эбриума, получает в удел город Какмиум, то его локализация по другую сторону Тигра исключается²⁶. Таким образом, Какмиум может быть лишь населенным пунктом, одноимен-

ным с тем, который расположен в окрестностях Эблы: то же кажется и Dub-ru₁₂*.

Маловероятно, чтобы Ib-al^{ki}, упоминаемый рядом с Харраном и Марду в тексте 309 л. II 2, можно было сопоставить с E-ba-al^{ki} III династии Ура, который был отождествлен с Awa/Awap к северо-востоку от Суз. Также и Il-wu-um^{ki} вряд ли сопоставим с саргонидским Il-PI-um^{ki} времени Саргона, который упоминается в Шуруппаке. В тексте 2525 речь идет о Na-mu-ru₁₂ lu kar Il-wu-um^{ki}, но в тексте 1369 некий ma š ki m Ib-al^{ki} делает взнос в городе Il-wu-um^{ki} (л. XIV 12), что, казалось бы, лишает правдоподобия предложенную гипотезу. Кроме того, в соответствии с описанием похода против Мари (Pettinato 1979, с. 105), город Iwi находится на территории Белана. Аналогичные замечания могут быть сделаны и относительно наименования Ha-lam^{ki}, которое напоминает саргонидский Ha-la-am^{ki}. В тексте 1389 IV 4 речь идет о ткани, которую подарил Il-'a-ak-ka-da-mu d' A-da lu Ha-lam^{ki} ('богу Ададу Халамскому'), но в тексте 1382 л. XIII 10 говорится о тканях из Ирритума, полученных в Халаме. Отсюда вытекает, что Халам находился недалеко от Эблы, как и большинство других населенных пунктов, упомянутых в этом тексте. Он назван среди поселений, поставляющих эквидов и находящихся под властью ugu_{1a} (см. 1451 FV 6). Именно в этом географическом секторе обнаруживается наибольшее число названий, похожих по звучанию, что само по себе ни о чем не говорит, так как совпадения могут быть случайными; к тому же следует учесть, что ни один из этих топонимов не встречается ни в Pettinato 1978, ни в различных версиях из Абу-Салабиха. Так что все они вызывают сомнение, и больше всех Ki š^{ki} **. Весьма любопытно, что наименование этого города встречается в двух текстах среди сирийских топонимов (Pettinato 1979a, 2224—2227, 2236—2260).

Остается рассмотреть вопрос об Ашшуре, который пытались увидеть в написании A-BAR+SILA^{ki} 27. Эта логограмма неизвестна; предположение А. Арки, что BAR представляет собой 'a container for SILA' ('емкость, в которой помещается SILA') и читается š/sil/r(a), с чередованием l/r 28, кажется надуманным. Споры нет,

* Как показал Д. О. Эдзард (см. Edzard 1981, с. 57), в тексте, о котором упоминает П. Гарелли, нет речи о передаче удела в Какмиуме царевичу Гири; в тексте говорится: «и раб его (даря Эблы), надзиратель (поселения) Gú-še-bu, принес присягу и вернулся в Какмиум». После этого отдельно говорится о дарах царевичу Гири.— *Прим. ред.*

** В статье A g s h i 1981 показано, что месопотамский город Киш и его царь нередко упоминаются в текстах из Эблы, однако речь идет о сравнительно незначительных торговых и культурных, но не политических связях. Там же указано на вероятность близости г. Ebal к Кишу.— *Прим. ред.*

договор, заключенный между царями Эблы и A-BAR+SILA, заставляет думать, что этот город играл важную роль. Конечно, Ашшур здесь бы вполне подошел, тем более что Эбла поддерживала связи с городом Хамази, расположенным еще дальше на восток. Но другие написания ставят такую трактовку под сомнение. Так, в Pettinato 1978 под № 102 фигурирует город A-šu₁₂-ur^{ki}, соответствием для которого в одной из версий из Абу-Салабиha является Aš-LĀL+LAGAB, написание которого близко традиционному Aš-LĀL+SAR, к тому же личное имя A-šu-ur-ma-lik (см. Каталог) неоднократно засвидетельствовано. В свете приведенных примеров уместно спросить, можно ли таким же образом читать A-BAR+SILA и не лучше ли пока полностью воздержаться от каких-либо суждений по этому вопросу **.

Длинный перечень топонимов, содержащийся в тексте 2231, названном Дж. Петтинато «Географическим атласом» (Pettinato 1978, с. 52—71), не особенно полезен для изучения исторической географии интересующего нас периода. Слишком много населенных пунктов так и не поддаются отождествлению. Поддающимися отождествлению можно считать только следующие наименования: U₃-ga-ga-at (5: Угарит), Ak-šu-wa-ak^{ki} (99: Акшак?), A-šu₁₂-ur^{ki} (102: Ашшур), EN.LIL^{ki} (177: Нилпур), 'A-ga-wa-ad^{ki} (197: Арвад) **, Есть в этом перечне такие населенные пункты, как U₃-ga-ni^{ki} (3, а также 9: Ur-an^{ki}), A-ba-ù^{ki} (53), которые, возможно, соответствуют местам культа Идакуля, а именно городам Û-ga-an^{ki} и A-ba-um^{ki}. Упоминаются также Ti-lum^{ki} (162), Lu-ba-nu^{ki} (183) и Du-lum^{ki} (257), которые, скорее всего, можно отождествить с Ti-la^{ki}, Lu-ba-an^{ki} и с Du-lu^{ki} из административных архивов Эблы, так как для них отсутствуют эквиваленты в Абу-Салабиhe, как, впрочем, и для A-ba-ù^{ki}.

Приведенные примеры в сочетании с фактом отсутствия в данном перечне таких важных городов, как Мари, Эмар, Каркемиш и Харран, заставляют полагать, что перед нами отнюдь не географический атлас, а просто обыкновенный словарный список; на ту же мысль наталкивает и сплошной подбор городов, начинающихся на GIS- (124—127), что находится в полном соответствии с принципами месопотамских словарных пособий, в особенности в списках «Forerunners» ('предков') более поздней серии HAR-га=hubullu (MSL XI). Этот список был, вероятно, составлен в Абу-Салабиhe и дополнен в Эбле наименованиями местных поселений, не попавшими в исходный перечень. Для нас этот список более всего важен

* Арки в дальнейшем отказался от своего первоначального чтения и считает, что речь в тексте договора идет о городе Abarsal. Эта точка зрения, по-видимому, имеет шансы стать общепринятой. — *Прим. ред.*

** См. выше, редакционное примечание к с. 290. — *Прим. ред.*

тем, что он является свидетельством приобщения эблитских писцов к интеллектуальным достижениям Месопотамии.

Подтверждением этому служит табличка 1521 (A g s h i 1980, а. 1), заканчивающаяся перечислением городов или областей Лагаша, Ниппура, Адаба, Шуруппака, Уммы, Элама, Дильмуна и Гирсу*, которые не встречаются в административных архивах Эблы (кроме Дильмуна в связи с серебром)*. Даже если Эбла не находилась в прямых отношениях с городами Шумера и Аккада — наименование Agade вообще не встречается, — ее связи были гораздо больше ориентированы в сторону Месопотамии, чем в сторону Средиземноморья. Так же, очевидно, будет обстоять дело и для большинства сирийских городов периода великих империй. По всей видимости, Эбла уже подчинилась этой общей ориентации. Империя Эблы охватывает главным образом районы Северной Сирии, расположенные к западу от Евфрата, и ее следует представить в виде гибкой системы взаимоотношений, аналогичной той, которая существовала в Аккаде. Другие формы господства, принципиально отличные от данной, были бы чистейшим анахронизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За исключением ТМ.75.G.713, все таблички, которыми я занимался, включены в Pettinato 1979a. Это ТМ.75.G.1216, 1249, 1262, 1263, 1265, 1273, 1274, 1276, 1283, 1286, 1369, 1375, 1381, 1382, 1389, 1451, 1525, 1681, 1695, 1709, 1713, 1725, 1729, 1731, 1868, 2525 и 76.G.525. Как правило, топонимы этих табличек не встречаются в Каталоге, за исключением незначительной части топонимов из табличек 1262, 1263, 1273, 1283, 1286, 1381, 1389 и несколько большего числа из 1276 и 76.G.525.

* См. мои замечания на с. 291.

² Вымышленный пример может показать, какая здесь нужна осторожность. Допустим, что путешественник, отправившийся из Du-lu^{kl}, название которого Дж. Петтинато читает GUB-lu^{kl} и отождествляет с Библом (см. с. 284), прибывает в U-ti-ig^{kl}. Можно подумать, что он находится в Утике вблизи будущего Карфагена, то есть все еще в финикийских или протофиникийских пределах. А если учесть, что Эбла поддерживала тесные отношения с Хамази, на границе с Ираном, то иному журналисту империя Эблы могла бы показаться прообразом империи Омейядов!

* Речь идет не о городе Дильмуне на Бахрейских островах, а только о знаке DILMUN, характеризующем меры веса для серебра и, по всей вероятности, имеющем в таком контексте совсем иное значение. — *Прим. ред.*

⁴ Ссылки на топонимы, имеющиеся в Каталоге, здесь не приводятся. Что касается других топонимов, то в качестве примера дается по одной ссылке, чтобы не увеличивать чрезмерно объем настоящего сообщения.

⁵ Форма *in er-mi* встречается в 76.G.523 л. 1, 10—11; Дж. Петтинато переводит это место 'в городе царства' (Pettinato 1979, с. 205). Это же слово в форме *in ir-mi* он упоминает в своей книге (Pettinato 1979, с. 225).

⁶ Этот город не является Сихемом (др.-евр. *šākām*), как полагает автор. Он скорее всего может быть отождествлен с одним из центров культа бога *I-da-kul*, который называется *Šè-'à-mi^{kl}* и расположен вблизи Эблы: см. текст 2377.F.IV, 3=2379.F.IV, 3, опубликованный А. Арки (Archi 1979, с. 108). Относительно редупликации *agmi^{kl}* *agmi^{kl}* см. ниже.

⁷ После упоминания тканей и серебряного кольца далее говорится: (10) *lin u d* (11) *I I-du* (II, 1) *Da-ti-iš-ma* (2) *GAR(?) + AŠ-tenú^{kl}* (3) *Eb-la^{kl}* (4) *wa* (5) *Ar-mi^{kl}* (6) *d u - d u - sù* (7) *d ú b*. Относительно персонажа (?) *Da-ti-iš-ma*, о перемещении которого (*d u - d u - sù* 'его хождение') сказано в тексте (*d ú b = b a l a g*) см. *Da-ti.^dTU* в Каталоге.

⁸ О различиях этого типа см. Astour 1977, с. 54. Ж. М. Дюран сообщил мне, что в старовавилонский период центр Сиппара назывался *Sippar gabûm*.

⁹ Это не снимает трудностей, связанных с пониманием сочетания *'ga-sa-ar agmi^{kl} agmi^{kl}*, так как «Расап армийцев» так же трудно объяснить, как «Расап города». Следовало бы снова свериться с текстом, но ссылка на него в Pettinato 1979, с. 141 отсутствует.

¹⁰ Упомянут в Edzard, Farber, Sollberger 1977, с. 18: *Agmānūm*.

¹¹ См. в его Каталоге на слово *Gub-lu^{kl}*; Pettinato 1979b, с. 171; 1979, с. 81, 206, 230.

¹² Pettinato 1979b, с. 89, пример 9 и RSO, 50 (1976), с. 13.

¹³ SEb I (1979), с. 112. Так же обстоит дело в тексте 1713 = Pettinato 1979a, 1151.

¹⁴ Archi 1980, с. 11 и сл. См. перевод статьи в наст. сборнике.

¹⁵ По сведениям А. Арки, этим поселением, вероятно, управлял лугаль.

¹⁶ Archi 1980a, с. 17. Такого рода поселения напоминают URU.UDU из Телль Билла, см. Вi. 21, 3; 37, 1 и Список в Вi. 47.

¹⁷ На самом деле число деревьев 42, но следует исключить 2 наименования, общие для обоих списков.

¹⁸ Городов перечислено не 20, а 24, но следует исключить *Aṣṣadu, Mardum, Luban* и *S a -x*, упоминаемые повторно в разных рубриках.

¹⁹ Текст 1274.F.XIV, 12. Остальные извлечены из Каталога.

²⁰ Текст 2136: *Pettinato* 1978, с. 51—52 = *Pettinato* 1979, с. 123.

²¹ Каталог, 6520 и 6522. Ж. М. Дюран посоветовал мне сопоставить это 'A-du^{kl} с *Ḥattu* в текстах из Мари.

²² См. *Pettinato* 1980, с. 67. Относительно *Сихема* см. выше с. 282 и прим. 6. Похожие наименования могут указывать на пункты и районы, которые, судя по эпиграфическим данным, ничего общего не имеют и находятся далеко друг от друга. Так, Ж. М. Дюран обратил мое внимание на то, что город *U-ri* у хеттов отнюдь не соответствует вавилонскому Опису, а обозначает подчиненную Египту область вокруг Дамаска. [Из ханаан. **Ṫbe* < хурр. *Ābe* 'осел'. Дамаск славился своими черными выючными ослами. — *Прим. ред.*]

²³ Упоминается в работе *Archi* 1979а, с. 564, но этот город не указан в Каталоге.

²⁴ См. 1369.F.III, 12; 1729 л. V, 3; 1389 л. I, 20. Перевод 'торговец, купец' для *Iú kar* ('человек пристани') вполне правдоподобен; см. *Pettinato* 1979, с. 239, 1.9.

²⁵ См. *Pettinato* 1979, с. 92 со ссылкой на текст 1444. Другие фрагменты того же текста опубликованы там же, с. 115—116. Речь идет о «домах», переданных сыновьям Эбру, см. об этом здесь выше, с. 285 и *Pettinato* 1979, с. 115—117, 155—156, 207.

²⁶ *Pettinato* 1976, с. 48. Две транслитерации, приводимые в Каталоге, *A-šur_x/šur_y^{kl}* на самом деле, как утверждает Э. Солльберже на основании дополнительной сверки с текстом, представляют собой одну: *A-šur_z^{kl}*.

²⁷ *Archi* 1980, с. 4 и прим. 11. См. перевод статьи в наст. сборнике.

²⁸ Учитывая, что знак *SAR* представляет собой *ŠE.LAGAB*, не исключено, что *AŠ-LĀL+LAGAB*, встречающееся в Абу-Салабихе, на самом деле, как сообщил мне Ж. М. Дюран, — результат ошибки писца: *AŠ-LĀL+(ŠE).LAGAB*.

²⁹ Ж. М. Дюран уведомил меня, что это касается и хеттских царских архивов: *Uḡaka* (*Ur*) упоминается в литературных текстах о Гильгамеше и о Нарам-Сине; Ниппур — в одном аккадском гимне (*KBo IX, 45*), а также в теогонии (*KUB XXXIII, 120*).

А. Арки

ЗАМЕТКИ О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ КРУГОЗОРЕ ТЕКСТОВ
ЭБЛЫ
III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКИ

В эблаитских данных, касающихся топонимики, мы должны строго различать четыре слоя. Первый слой включает наименования городов Шумера и городов других стран, связанных с Шумером, которые стали известны в Эбле из шумерских словарных списков. Мне пока знаком только один пример такого рода, содержащийся в тексте ТМ.75.G.1521, где, после перечисления различных количеств металлов (л. 1 х+3—5:[x] *па-па ап-па \$a₆/10 па-па а-баг_x (GAR₆.GAR₆)/10 ап-па dilmun*) и предметов из металла и дерева, в заключительной графе перечисляются 9 топонимов (на обороте имеется только колофон)¹:

л. X 5) unu ^{ki}	Урук
6) lagaš (ŠIR.BUR.LA.KUL) ^{ki}	Лагаш
7) nibru (EN.LIL) ^{ki}	Ниппур
8) adab (UD.NUN) ^{ki}	Адаб
9) šurupak (SU.GAR.RU) ^{ki}	Шуруппак
10) umma (GIS.ÚĜ) ^{ki}	Умма
11) elam (NIM) ^{ki}	Элам
12) dilmun ^(kk?)	Дильмун
13) gi[r-su] ^{ki}	Ги[рсу]

Во второй слой входят топонимы другого словарного списка, а именно ТМ.75.G.2231, дубликаты которого найдены в Абу-Салабихе². Знаменательно, что крупные шумерские города (за исключением Ниппура, № 177) не входят в этот словарный список, тогда как те немногие населенные пункты, которые удается отождествить,

Alfonso Archi. Notes on Eblaite geography.— «SEb», II, 1980, pp. 1—16; «SEb», IV, 1981, pp. 1—17. Перевод статей дается в сокращении.
© Missione archeologica italiana in Siria, 1981

разбросаны по чрезвычайно обширной территории, от центральной Месопотамии (например, Акшак, № 99) до побережья Сирии (например, Угарит, № 5; Арвад, № 197). Без сомнения этот список, включающий 289 топонимов, не посвящен специально данным, касающимся исторической топонимики Эблы. И в самом деле, лишь незначительная часть перечисленных в списке топонимов засвидетельствована также в исторических и в экономических документах. Приведем хотя бы *ti-lum^{ki}* (№ 162) и *lu-ba-pu^{ki}* (№ 183), которые соответствуют *ti-la^{ki}* и *lu-ba-an^{ki}*³. А Угарит, который в связи со своим местоположением должен был бы быть естественным портом Эблы на средиземноморском побережье, насколько мне известно, вообще не встречается в эблантских хозяйственных документах⁴. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что рассматриваемый список не был составлен в Эбле.

Третий слой включает города, с которыми царство Эблы имело политические и экономические договоры, а четвертый слой — это населенные пункты, находившиеся непосредственно на территории царства Эблы. Топонимы, относящиеся к четвертому слою, встречаются в десятках административных документов (например, в пожалованиях деревень членам царской семьи и в приказах, касающихся чиновников) и, кроме того, в отчетах о сельскохозяйственных работах, например, о разведении скота или выращивании злаков, об изготовлении растительного масла и т. д.⁵. Небольшое количество исторических текстов, равно как и тысячи документов, касающихся поставок тканей и изделий из них, а также металлических изделий, содержат много наименований, относящихся к третьему слою, но включают также и топонимы четвертого слоя, то есть названия населенных пунктов самого царства Эблы, которое несомненно не было особенно велико. Находившийся к югу от Эблы город Хамат — совр. Хама (*'a-ta-du^{ki}*)⁶ — имел уже своего собственного царя, *e p'a*; а судя по тому, что нам известно сегодня, весьма мало вероятно, чтобы в то время у Эблы могли существовать сколько-нибудь тесные взаимоотношения с городами, расположенными еще дальше к югу; ведь не следует упускать из виду, что даже теперь, несмотря на проведение больших землеустроительных работ, от Хомса до Дамасского оазиса на расстояние 150 километров по прямой простирается пустыня. И в северном направлении уже имели свои местные правящие династии Уршум (*ur-sá-um^{ki}*) и Иритум (*ir-i-tum^{ki}*, соответствующий Igrite II тысячелетия до н. э.), локализуемые к востоку от Евфрата, примерно вблизи современной сирийско-турецкой границы. То же относится и к многим другим центрам. Отсюда следует вывод, что политическая ситуация в Северной Сирии в течение второй половины III тысячелетия до н. э. не должна была принципиально отличаться от положения, известного нам

для первой половины II тысячелетия, когда многие города, фактически независимые в том, что касалось их местного самоуправления, все же находились под гегемонией Халеба или Мари. И в центральной Месопотамии с ее Эшнунной и Вавилоном пока политика Хаммурапи не одержала верх, ситуация была аналогичной. После Уршума и до Иритума и Харрана в текстах, касающихся изделий из тканей, обычно упоминается город, наименование которого пишется DU-lu/lum^{kl}. Для него было предложено отождествление с Библом (gub-lu(m)^{kl}) (см. Pettinato 1979b, с. 171, V 21). Такая идентификация кажется сомнительной: прежде всего нужно показать, какими шумерскими логограммами в их первичном значении эблаитский силлабарий пользовался как фонетическими знаками. Хотя рассматриваемые тексты представляют собой отчеты о выработке за месяц и поэтому сообщают данные иного рода, нежели те, что содержатся в отчетах о торговых операциях, однако эти тексты бывают составлены в определенной последовательности. Приведенный выше порядок перечисления городов, встречающийся весьма часто, несомненно благоприятствует локализации названного города к северу от Халеба, а следовательно, никто не мешает нам прочесть его название как du-lu/lum^{kl} в соответствии со значениями, применявшимися в староаккадском силлабарии, который не так уж сильно отличается от эблаитского⁷. Что же касается Харрана (ḥa-ra-an^{kl}), то в связи с ним употребляется слово ba-da-lum 'торговец' в таком же контексте, в каком для других городов применимо слово e n 'царь'. Это обстоятельство проливает свет на заметную роль, которую играл Харран в торговых отношениях, уже начиная с III тысячелетия до н. э.⁸

Среди городов к востоку от Эблы, в долине Евфрата, чаще других упоминается Эмар (i-mar^{kl}): уже в то время он был портом Северной Сирии на Евфрате. Зато Туттуль (du-du-lu^{kl}), который, очевидно, должен быть локализован в устье Белиха, упоминается значительно реже. Очень важный обмен товарами происходил с Мари; главным предметом импорта в Мари была шерсть, которая производилась в Эбле. Из Мари торговые караваны добирались иногда до Киша. Дорога же дальше на север вела к Ашшуру⁹. Хотя название этого города имеет ранее неизвестное написание a-BAR × ×SILA^{kl}, его отождествление следует считать бесспорным¹⁰. Ведь Эбла заключила с этим городом весьма обстоятельный политический договор, содержавший также параграфы о торговле по реке

⁷ Как показал Э. Солльберже (S o l l b e r g e r 1980, см. перевод в наст. сб.), название этого города надо читать A-bar-sila (Abarsil, Abarsal?); не отождествляется ли он с хорошо известным из месопотамских текстов городом A-KA-sil (читать, возможно, *A-ra_x-sal), находившимся в Верхней Месопотамии?— *Прим. ред.*

(этот договор сохранился на табличке ТМ.75.G.2420, написанной особенно изящным почерком). В письме Энна-Дагана (ТМ.75.G.2367) царь Мари назван также царем города a-BAR x SILA^{kl} — обстоятельство, для нас неожиданное и немаловажное. Однако, поскольку этот город не был завоеван войском Эблы, следует считать, что он был расположен дальше к востоку. Учитывая, наконец, что первый знак в его названии имеет чтение А, мы путем исключения должны прийти к выводу, что подразумевается Ашшур¹⁰.

Хотя общее число топонимов, упоминаемых в текстах из Эблы, достигает нескольких сот, их отождествление, за немногими исключениями, связано с большими трудностями. Прежде всего, по крайней мере в данное время, в документации имеется разрыв: более поздние данные из архивов Угарита и Алалаха, с одной стороны, и Мари, с другой, касаются районов, лишь отчасти совпадающих с теми, с которыми поддерживала контакты Эбла. Мало того, мы уже видели, что большинство текстов являются не чем иным, как документами о получении и отправке товаров; мы располагаем сведениями всего лишь об одном маршруте, о том, по которому следовал Энна-Даган при завоевании Мари*. Однако важные указания содержатся в некоторых соглашениях и договорах, например, в упоминавшемся выше договоре с Ашшуром, в котором содержится список поселений, показывающих границы между сферами влияния обоих государств.

2. ГАЗА, МЕГИДДО И САМАРИЯ

В указателе топонимов, включенном Дж. Петтинато в каталог части клинописных текстов из Эблы (Pettinato 1979a), на с. 276 приведено наименование ga-za^{kl}, которое без колебаний отождествлено с городом Газа, одним из важнейших в пятиградии филистимлян (совр. Газа).

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что в тексте написано ga-sa^{kl}. (Такое написание встречаем во всех местах, на которые даны ссылки, и именно такое написание должно быть принято на основании инвентарных карточек, использованных в каталоге.) Между тем, отождествление с Газой наводит на странные мысли об эблайтской фонологии. Получается, что фрикативный звонкий зубной /z/ передается в эблайтском при помощи /s/, а трактовка эблайтских фрикативных веларных, в частности /ɣ/, не совпадает с трактовкой этого звука в других семитских языках (тель-амарские написания следующие: URUḥa-za-ti, URUaz-za-ti), а скорее нахо-

* См., однако, статью Д. О. Эдгарда в настоящем сборнике.— *Прим. ред.*

дится в соответствии с системой, употребляемой в Септуагинте и других более поздних версиях, таких, например, как Иерусалимская Библия (здесь также содержится материал для понимания вышеупомянутого зубного)²¹

Отождествление *ga-sa^{ki}* с Газой поражает и с историко-экономической точки зрения: три текста из шести, где этот населенный пункт упомянут, касаются вопросов земледелия. Так, под № 211 сказано: ('назначение земельного участка и рабочей силы сельского поселения Гасы'); а под № 6512 уточнено: 'отчет о зерновых: ячмене, эммере и муке (*še, ziz, šik_x*). Территория Эблы, как указывалось выше, простиралась всего на несколько десятков километров. Учитывая, что Хамат имел собственного царя, совершенно неправдоподобно, чтобы в Эбле отводилась земля и составлялись подробные отчеты о зерновых, предназначавшихся для Газы, находящейся на крайнем юге палестинского побережья (не говоря о том, что вообще неизвестно, существовало ли в этом месте поселение, современное Эбле Раннего бронзового века). Отсюда с полной очевидностью следует, что *ga-sa^{ki}* — скорее всего деревня вблизи Эблы. Это подтверждается и тем, что Гаса управлялась простым 'надсмотрщиком', *u g u l a*: ТМ.75.G.1451 л. 1 б: *u g u l a ga-sa^{ki}*. О Гасе как земледельческом центре см. в конце настоящего раздела.

На с. 277 того же каталога находим *ma-bu-tù^{ki}* (где транслитерация *tù* соответствует знаку *du*). Памятуя, что автор каталога считает, что «шумерские логограммы были включены в эблайтский силлабарий в чисто фонетической функции» (см. Pettinato 1979, с. 66) можно попытаться прочесть *ma-gíd-du^{ki}* (*BU = gíd*; но фонетическое чтение *gíd* засвидетельствовано лишь начиная со среднеавилонского и среднеассирийского периода). Такое написание соответствовало бы написанию, засвидетельствованному для Мегиддо в тель-амарнских текстах: *URU ma-gíd-du^{ki}* наряду с *URU ma-ki-du^{ki}*²². Однако на основании сверки, сделанной по фотографии текста ТМ.75.G.1286, на который дана ссылка в индексе, в строке об. III 13 содержится совсем другое чтение, а именно *má-bar-du^{ki}*. Между тем, это единственный топоним, который можно было бы по ошибке прочесть *ma-bu-tù^{ki}*: топоним же *ma-bu-tù^{ki}* как таковой просто отсутствует.

Дальше, на с. 278 значится *sa-ma-ri₆-a^{ki}* (*ri*, действительно является одним из шумерских (!) чтений знака *DU* в его значении 'идти'; оно приведено в списке *S^b = MSL III, 132 I 16*, где указано, что одной из форм множественного числа для 'идти' является (*e -*) *re*, (K r e s c h e r 1967, с. 1—11). Для этого топонима не предлагается каких-либо отождествлений, и он никак не комментируется, но на ум немедленно приходит ханаанский город. Дело однако в том, что такое наименование в тексте ТМ.75.G.1669²³, на который

дана ссылка, просто отсутствует. Какое именно место подразумевается в ссылке на каталог, неясно, — то ли об. III 10: ma-sa-du-x^{kl}, то ли IV 3: l'ja-ma-du^{kl} 14. Но это ничего не меняет*.

Привожу транслитерацию текста ТМ.75.G.1767, в котором встречается топоним ga-sa^{kl}:

- л. I 1) 2 li 2 mi 60 g á n a-k e š d a-k i 2) l l i g i š-i-g i š
3) a l-KU 15
II 1) zú-ba-lum 2) l ú ħu-ba-ra 3) š u b a-ti
4) l l i l m i g á n a-k e š d a-k i 5) 5 m i g i š-i-g i š
6) a l-KU
III 1) ip-du-[r]a 2) l ú en-na-il 3) š u b a-ti
4) 6 m i g á n a-k e š d a-k i 5) 5 m i g i š-i-g i š
d i r i-d i r i
IV 1) ga-sa^{kl} 2) 3 mi 10 g á n a-k i 3) ma-NE^{kl}
4) 2 mi 30 g á n a-k i l ú
об. I 1) ù-x-za-du^{kl} 2) 2 m i g á n a-k i 3) ma-ga-LUM 4) 2 m i
g á n a-k i
об. II 1) ŠA.DU 2) en-na-il 3) mu-sa-ti-sa 4) in 5) ga-sa^{kl}
III—IV (без текста).

Перевод

- л. I 1) 2260 мер поля 2) 1000 оливковых деревьев 3) имеется (?);
II 1) Зубалум, 2) который (принадлежит) Хубаре, 3) получил.
4) 1100 мер поля 5) 500 оливковых деревьев 6) имеется (?);
III 1) Иптура, который 2) (принадлежит) Энна-Илю 3) получил.
4) 600 мер поля 5) 500 оливковых деревьев остается —
IV 1) (поселение) Гаса. 2) 310 мер земли 3) (поселение) Мане(?),
4) 230 мер земли, которая
об. I 1) (принадлежит селу) х, 2) 200 мер земли 3) в Magāgum
4) 200 мер земли,
II 1) которая (принадлежит) 2) Энна-Илю, 3) приказавшему
отдать ее 4) в 5) Гасу/Гасе.

Понимание этого текста опирается на ключевые слова — g á n a-k e š d a-k i и g i š-i-g i s. Для первого (имеются также написания g á n a-k e š d a, g á n a-k i и k i, по-видимому, не различающиеся по значению) самым очевидным следует считать значение 'поле'. Однако такой перевод нуждается в объяснениях. Маловероятно, чтобы эблайтское i k u не соответствовало бы месопотамскому (3528 м²), или, по крайней мере, не было бы сравнимо с ним по порядку величины; но тогда получается, что площадь возделанного

* Лат. Samaria греч. Σαμαρεία — европейские написания наименования города, называвшегося по-древнееврейски Šamaḥn, по-арамейски Šamaḥn, по-аккадски Samerina, и который, по древнееврейским данным, был построен при царе Омри в IX в. до н. э. — Прим. ред.

поля по своим размерам сильно отличается от участков, известных нам из других ближневосточных источников. Так, по «селению Гасе» (л. IV 1; ср. об. II 5), учитывая данные первых трех граф, получается 3960 і k u. Текст саргонидского периода, в котором приводятся очень большие площади полей, описывается следующим образом: «список из 14 очень больших полей в 14 местностях с именами их обладателей. Общий размер полей 1830 ику»¹⁴. В отличие от этого, в Эбле выражению g á p a-k e š d a-k i (и его вариантам) обычно предшествуют числа, дающие в сумме несколько сот и даже тысяч единиц. Поэтому, если расчет касается единиц ику, то мы должны прийти к выводу, что эблаитская экономика была строго централизованной и что дворец учитывал не индивидуальные участки земли, а сразу всю возделываемую площадь, относившуюся к данной деревне или же контролируруемую данным чиновником*. Другая возможность состоит в том, что единицей меры были не ику, а SAR (=35283 кв. м; 100 SAR = 1 і k u). В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что наименьшей цифрой, фигурирующей в расчетах g á p a-k e š d a-k i, обычно бывает 100.

Для giš-i-giš больше всего подходит перевод 'оливковое дерево'. Если учесть, что соотношение между g á p a-k e š d a-k i и giš-i-giš от текста к тексту бывает весьма различным, то становится ясно, что оливковые роши служили дополнением к вышеупомянутым полям. Исходя из расчета, что под 1000 оливковых деревьев (л. 12) отводилось приблизительно 4 гектара земли (то есть несколько больше, чем 11 ику, если поля g á p a-k e š d a-k i действительно измерялись в ику), мы получим большую диспропорцию между площадью под оливковыми деревьями и площадью под другими культурами (в особенности, если учитывать условия в районе Эблы). Однако следует подчеркнуть, что синтаксическая конструкция с š u b a-ti, имеющаяся в II—II 3 и в II 4—II 3, скорее указывает, что речь идет вообще не о площадях земли и не об оливковых деревьях, а о получаемых с них сельскохозяйственных продуктах. Текст TM.75.G.1724, подводя итог, называет сумму 17500 g á p a-k e š d a-k i, тогда как при записи отдельных величин в нем используется только выражение g á p a-k i; это указывает на тождество обоих слов

л. I 1) 7 mi g á p a-k i 2) lu-ra-an^{ki} 3) 1 li 3 mi g á n a-k i
 4) ḫ-sa-ḫ^{ki} II 1) 8 mi g á n a - k i 2) NE[?]-ba-a-du^{ki} 3) 1 li g á -
 n a - k i 4) a-dar-du^{ki} 5) 2 li III 1) g á p a-k i ša-da^{ki} 3) 6 mi
 g á p a-k i 4) i-gi-mu^{ki} 5) 4 mi g á n a-k i 6) la-la-mu^{ki} IV

* В этом нет ничего невозможного. В приводимых А. Арки двух документах речь идет, если считать g á p a-k e š d a равным шумерскому і k u, о более чем 2500 и менее чем 6000 га земли, т. е. в пределах 2—7 кв. км — площадь, вполне возможная для крупного царского селения.— *Прим. ред.*

1) 2 mi g á n a-k i 2) ša-ga-mu^{ki} 3) 5 mi g á n a-k i 4) (без текста) об. I 1) PI-gi-mu^{ki} 2) 8 mi g á n a-k i 3) ħar-ti-a-mašⁱ / /ba^{ki} 4) I li 7 mi g á n a-k i II 1) uš-ma-du^(ki) 2) 2 li g á n a-k i 3) gi-lu^{ki} 4) 5 mi g á n a-k i 5) am^r-rí-du^{ki} 6) (без текста) III 1) (без текста) 2) 5 li g á n a-k i 3) x-uš-bù^{ki} 4) ba-ra 5) (без текста) IV 1) AN.ŠĒ.GU I rí-pap 2 li 5 mi* g á n a-k e š d a-k i 2 (без текста)

3. О НАДЕЖНОСТИ «КАТАЛОГА»

Проверка топонима *sa-ma-ri₆-a^{ki}*, фигурирующего в индексе вышеупомянутого «Каталога»¹⁷, заставила нас повторно обратиться к тексту ТМ.75.G.1669 и к соответствующим данным инвентарной картотеки, опубликованной в каталоге. Это была единственная причина, побудившая нас произвести сверку с указанной табличкой, но результат этой сверки заставил внимательно отнестись к оценке каталога в целом. Правда, нужно сказать, что личные имена и топонимы приводятся в каталоге весьма редко. Обычно инвентарные рубрики содержат только инвентарный номер каждой описываемой единицы, указания на место ее находки (следует учесть, что таблички происходят всего лишь из четырех мест городища), на место хранения таблички (это во всех случаях музей Халеба)¹⁸, на форму таблички, на степень ее сохранности, на количество столбцов и на разновидность текста.

Ниже я выборочно перечисляю расхождения между данными, полученными при сверке с текстом, и данными инвентарных рубрик¹⁹.

В: с) 16 столбцов: 8 на лицевой стороне и 8 на оборотной (в «Каталоге» 7 столбцов на об. и соответственно в общей сложности 15 столбцов; 8-й столбец не принимался во внимание, потому что был процарапан, когда глина таблички уже успела подсохнуть).

Е: личные имена:

об. IV 9, V 10 a-KA-gù-ra	(Кат.: a-bù- ^d Ku-ra[?])
VI 13 sá-mu-um	(>: sa-mu-um)
топонимы: л. V 4 ba-gi-na-at ^{ki}	(>: šī-ki-na-at ^(ki)) ²⁰
VII 9 mu-lu ^{ki}	(>: mu-ku ^(ki))
VIII 5 a-za-ki-ir ^{ki}	(>: a-za-ki-ū ^(ki))
об. I 3 uš-du-lum ^{ki}	(>: ik-du-lum ^(ki))
II 3 ab-ba-a-ū ^{ki}	(>: ab-ši-a-ū ^(ki))
8 an-na-áš-du ^{rki}	(>: na-aš-bī ^(ki))
III 10 ma-sa-du ^{r-xki}	(>: sa-ma-ri ₆ -a ^(ki))
V 8 sar-ra-bù ^{ki}	(>: šar-ma-bù ^(ki))

* В итоге должно получиться 17500, а не 12500.

Но для отождествления еще одного топонима, приведенного в инвентарной рубрике, а именно *ib-ḥi-lu^{kl}*, не хватает воображения. Чтобы облегчить читателю возможность проверки, привожу ниже транслитерацию, сделанную по фотографии.

л. [1] I 1) l gír ma[r-t]u kù-gi 2) má-x[-x] 3) šu-a-gú^{kl}
 4) BAD 5) é-duru^{kl}-máḥ [2] 6) 2 gír mar-tu TI kù-gi
 7) 2 gú-li-lum a-bar_x (GAR_s.GAR_s) [kù-gli(?) [x] 2? II 1)
 [x x x k] ù-[gil] 2) i-bi-šum 3) wa 4) wa-bi-sum 5) BAD
 6) du-bi-zi-piš 7) du-úr^{kl} 8) 2 ugula é-duru^{kl}-2 [3] 9) 2 gír
 mar-tu TI kù-gi 10) 2 gú-li-lum a-bar_x (GAR_s.GAR_s)
 bar_s: kù 11 III 1) [] 2) [x x (x)]-[alb^{7kl}(I) 3) ma-na-sa-ù 4) gār-
 ru_s^{kl} 5) BAD 6) ib-dur-i-sar 7) gur-sa-NE-ù^{kl} 8) l ugula é-du-
 ru^{kl}-4 [4] 9) l gír mar-tu KA x LAGAB x AN kù-gi 10)
 l gú-li-lum a-bar_s (GAR_s.GAR_s) IV 1) [x x (x)] x x 2) sa-gi-lu^{kl}
 3) BAD 4) l gír mar-tu šir-za bar_s: kù ga-me-ù kù-gi
 5) l gú-li-lum a-bar_x (GAR_s.GAR_s) 11 6) a-mu-du 7) sa-gi-lu^{kl}
 8) BAD V 1) [l gír_x mar-tu] [gla-[mle-]ù] bar_s: kù 2) l gú-li-
 lum a-bar_x (GAR_s.GAR_s) 11 3) en-na-il 4) ba-gi-na-at^{kl} 5) BAD
 6) EN.ZU.EN 7) 2 ugula é-duru^{kl}-5 [5] 8) l gír mar-tu
 ga-me-ù bar_s: kù VI 1) [] 2) BAD 3) a-da-lu 4) má-NE^{kl} 5) wa
 6) i-i-bù 7) NE-ir^{kl} 8) 2 ugula é-duru^{kl}-6 [6] 9) l gír mar-
 tu ga-me-ù bar_s: kù 10) gú-li-lum a-bar_x (GAR_s.GAR_s)
 bar_s: kù TAR-2 VII 1) [] 2) [BAD] 3) i-[b]li-um 4) wa 5) ša-ù-um 6)
 2 ugula é-duru^{kl}-7 [7] 7) l gír mar-tu ga-me-ù bar_s: kù
 8) mi-ga-ià 9) mu-lu^{kl} 10) BAD 11) ib-u_s-mu-ut 12) wa 13) ir-da-ḤUŠ[?]
 VIII 1) [...^{kl}] 2) [x ugula é-duru^{kl}-x] [8] 3) 4 gír mar-tu
 ga-me-ù bar_s: kù 4) ir-ḤUŠ[?]-za-NI 5) a-za-ki-ir^{kl} 6) ti-da-na-ù
 7) a-te-na-at^{kl} 8) ib-ri-um o6. l 1) ḥar-ba-du^{kl} 2) il-gú-uš-wa-bar
 3) uš-du-lum^{kl} 4) BAD 5) ir-ŠĒ-bar-ru_s 6) l ugula é-duru^{kl}
 11 7) (без текста) [9] 8) [] x 9) [l gír mar-tu ga-me-ù(?) bar_s:
 kù 10) l gú-li-lum II] 1) a-bar_x (GAR_s.GAR_s) bar_s: kù 11
 2) ib-dur-ià 3) ab-ba-a-ù^{kl} 4) BAD 5) i-ti-i-lam 6) NE-du-NE^{kl}
 7) NI *-ba-ià 8) an-na-šš-du^{kl} 9) 2 ugula é-duru^{kl} [-x] [10]
 10) [3 gír mar-tu ga-me-ù(?) bar_s: kù] III 1) 3 gú-li-lum
 a-bar_x (GAR_s.GAR_s) bar_s: kù -11 2) ir-i-ba 3) dar-áb^{kl} 4) ga-
 bí-a-nu 5) wa 6) AN-mu-ti 7) a-ra-ab^{kl} 8) BAD 9) iš-la-ià 10) ma-sa-
 du[?]-x^{kl} 11) 2 ugula é-duru^{kl}-10[?] [11] 12) [3? gír mar-tu
 ga-me-ù(?) bar_s: kù] 13) [] IV 1) ù-du-ba-an^{kl} 2) la-gi 3) [']là-má-
 du^{kl} 4) NI-ba-ià 5) ir-ḤUŠ^{7kl} 6) BAD 7) mar-a 8) wa 9) a-KA-gú-ra
 10) 2 ugula é-duru^{kl}-4 [12] 11) l gír mar-tu ga-me-ù
 bar_s: kù 12) ŠĒ-bù 13) NE-du-NE^{kl} 14) [] 15) [] (?) V 1) i-ti-ib
 2) ḥar-ma-du^{kl} 3) ugula é-duru^{kl} [13] 4) 2 gír mar-tu

* Знак NI необычен, но это личное имя встречается также на об. IV 4, VI 2.

ga-me-ù ba_r:kù 5) ba-du-ru, 6) za-ra-a⁷-š^u^{ki} 7) ib-gi-da-mu 8) sar-ra-bù^{ki} 9) BAD 10) a-KA-gú-ra 11) x-x^{ki} 12) a-ba-ra-nu 13) ti-in^{ki} 14) 2 u g u l a é - d u r u^{ki}-5[+2⁷] [14] VI 1) l g í r m a r - t u KA.AG 2) NI-ba-ià 3) ba-u₂-ra-du^{ki} 4) BAD 5) i-a-sa-du-x 6) ga-du-la^{2ki} 7) i-lum-BALA 8) du-u₂²-bù^{ki} 9) u g u l a é - d u r u^{ki}-8 10) ir-a-lum 11) ib-dur-i-sar [15] 12) l g í r m a r - t u KA.AG 13) sá-mu-um VII 1) [B]AD 2) x-ga⁷-NI 3) [x x] x-a^{ki} 4) ir-a-lum 5) šá-ub^{ki} [16] 6) l g í r m a r - t u ga-me-ù ba_r:kù 7) i-a-lu 8) gár-ga-me-zu^{ki} 9) BAD 10) en-na-gú-nu 11) ħa-ra-zu^{ki} 12) en-na-ià 13) a-'à-x-gú^{ki} [17] VIII * 1) [x g í r m a r - t u (?)] ga⁷[-me-ù] (?) ba_r:kù 2) i-ti-ik⁷-li-im 3) má-NE^{ki} [18] 4) x g í r m a r x x x 5) x g í r m a r ba_r:kù 6) AN-ba-lum 7) BAD⁷ 8) [x-]HUS [x]

Этот текст можно представить в виде таблицы (см. след. стр.). Итак, речь идет о том, что кинжалы m a r - t u из золота и серебра и чаши gú-li-lu²¹ из свинца или из сплава свинца с серебром передаются людям, обозначенным по топониму, к которому они имеют отношение. В заключение приводится слово BAD, которое можно понимать как til 'окончено', в смысле 'действие закончено'²². Наконец, одно или два личных имени, вслед за которыми приводится топоним, охарактеризованы затем как u g u l a é - d u r u^{ki} 'надсмотрщики деревни'. Этой формуле всюду предшествует число 2, кроме граф [3] и [8], где стоит число 1, и граф [12] и [14], где чисел нет вовсе. Эти числа не связаны с лицами, указанными в предыдущей графе.

За названием каждой деревни следует цифра; цифры эти возрастают, но № 3 пропущен, тогда как остальные цифры потом повторены, как, например, № 4 в [11]. В [1] имеется m á ħ (AL), возможно, со значением maĥĥi 'первый' (однако в месопотамских словарных списках в качестве соответствия слову 'первый' приводится IGI).

И в тексте TM.75.G.336 видим ту же последовательность: é - d u r u^{ki} - m á ħ, é - d u r u^{ki}-2, é - d u r u^{ki} (-4). За данной последовательностью идут слова é - e n, é - m á ħ, g i g i r^{ki}, é - AM. Именно это ввело в заблуждение Петтинато и побудило его интерпретировать é - d u r u^{ki} как 'район города' и предположить, что Эбла была разделена на четыре квартала²³. Опубликованный здесь текст показывает, что дело, всего вероятнее, обстояло совершенно иначе, а именно: и в TM.75.G.336 речь идет о деревнях вблизи Эблы.

* Столбец был дописан, когда табличка уже почти высохла.

[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	[7]	[8]
1 предмет ЛИ+Т	2+2 предме- та ЛИ	2+2 предме- та {ЛИ+Т} ЛИ+Т	3+3 предме- та {ЛИ+Т} BAD ЛИ+Т	1+1 предмет {ЛИ}	1+1 предмет {ЛИ}	1 предмет ЛИ+Т	4 предмета ЛИ+Т ЛИ+Т ЛИ+Т ЛИ+Т BAD ЛИ
BAD	BAD ЛИ+Т	BAD ЛИ+Т	ЛИ+Т BAD ЛИ	BAD ЛИ+Т ЛИ+Т	BAD ЛИ ЛИ	BAD ЛИ+ЛИ(+Т) ЛИ	
...máb	2 u g u l a...2	1 u g u l a...4	2 u g u l a...5	2 u g u l a...6	2 u g u l a...7	{x u g u l a...x}	1 u g u l a... 11
[9]	[10]	[11]	[12]	[13]	[14]	[15]	[16]
{1+1} предмет ЛИ+Т	{3+3} пред- мета ЛИ+Т ЛИ+ЛИ+Т	3 предмета {ЛИ+Т} ЛИ+Т	1 предмет ЛИ+Т	2 предмета ЛИ+Т ЛИ+Т	1 предмет ЛИ+Т	1 предмет ЛИ	1 предмет ЛИ+Т
BAD ЛИ+Т ЛИ+Т	BAD ЛИ+Т	BAD ЛИ ЛИ	{BAD} {ЛИ?} ЛИ+Т	BAD ЛИ+Т ЛИ+Т	BAD ЛИ+Т ЛИ+Т	BAD ЛИ+Т ЛИ+Т	BAD ЛИ+Т ЛИ+Т
2 u g u l a...[x]	2 u g u l a... 10,	2 u g u l a... 10,	2 u g u l a...4	2 u g u l a...5 [+2?]	2 u g u l a...8 ЛИ ЛИ		

4. КРЕПОСТИ ЛУАТУМА *

Считалось, что табличка ТМ.75.G.2136 «содержит самое древнее упоминание города Каниша как столицы государства, подвластного Эбле» (Pettinato 1978, с. 51). На самом же деле отождествление Ga-ni-šu^{ki} с Канишем (л. IV 1) еще нуждается в доказательстве. Текст в целом заслуживает подробного исследования, которое будет вскоре опубликовано в журнале «Studi Eblaiti».

Лучшему пониманию названного документа весьма содействует другой текст, а именно ТМ.75.G.1975, где перечисляются крепости Луатума, которых «в итоге оказывается 52» (об. V 1—2). В данном тексте (= В) встречается не только Луатум, но и еще 4 других топонима из 17, имеющих в ТМ.75.G.2136 (= А) ²⁴. Эти 4 топонима — просто наименования укреплений страны Луатум ²⁵.

А		В	
л. I 2	Lu ₅ -a-tum ^{ki}	об. V 2	Lu-a-tim ^{ki}
II 1	Zi-ri-ba ^{ki}	IV 3	Zé-ri-ba ₄ ^{ki}
	2 Hu-bù-ša-an ^{ki}	III 2	Ha-bù-sa-an ^{ki}
	3 Ti-na-ma-zu ^{ki}	II 6	Ḍin-ma-za-ù ^{ki}
	4 Gi-za-nu ^{ki}	IV 2	Gi-za-nu ^{ki}

В связи с наименованием Ziriba уместно вспомнить ^{URU}Zi-ri-ra, KUB XIX 27 IV 12, приграничный город в районе Каркемиша на Евфрате в хеттский период.

Два других топонима вызывают ассоциации с городами, расположенными вблизи Угарита: Саманагу (В л. I 2) — с šmngy, Сараману (В об. I 4) — с ṭrnn ²⁶.

Текст ТМ.75.G.1858 сообщает о «1300 головах рогатого скота для царя (Эблы)», поступивших из Луатума, который, следовательно, должен был быть важным скотоводческим центром (А г с h i 1980, с. 2 оттиска). ТМ.75.G.1300 об. III 17—V 12 регистрирует поставку одежды, причем получатели разбиты на группы следующим образом:

1) царь города I-NI-tum^{ki}, трое старейшин, один его 'представитель' (ma ški m);

2) правитель города Urša'um (Uršum), называемый badalum, его 'представитель' (ma ški m), его страж (ma-za-lum /mašsar-um/);

3) Азазакеш ('azazakeš) города Дуб (Tuba), который скорее всего является царем, его ma ški m, его страж;

4) старейшины Луатума, относящиеся к lú 2-šu ('двойке') Китира и старейшины, относящиеся к группе Išgībar-KA (другие одежды для старейшин Луатума перечисляются также на об. VIII 6—8) ²⁷.

* Раздел дан в сокращении. — *Прим. ред.*

Луатум, согласно этому тексту, управлялся не царем, а просто советом старейшин.

[Далее автор приводит текст, в котором перечислены 52 населенных пункта, подытоженных как «итого 52 укрепления (страны) Луатум».]

Б. ДЕРЕВНИ, ПЛАТЯЩИЕ ПОДАТИ И УПРАВЛЯЕМЫЕ

Выше я опубликовал текст, касающийся деревень, находящихся под контролем *ugula* 'надсмотрщика'²⁸. Из этих деревень шли поставки для центральной администрации; разводился скот для царя, то есть в пользу государства²⁹. В приводимом ниже тексте, ТМ.75.G.1451, речь идет о поставках небольших количеств серебра, собранных, несомненно, по небольшим поселениям³⁰ следующими шестью сборщиками: Sa-KA-ga из Ir-NI ([1]: 6 мин); Зубу ([2]: 40 сиклей); Мига́йа ([3]: 26 сиклей); Пузурра-Малик ([4]: 3 мины и 10 сиклей); Ибдур-Ишар ([5]: 2 мины и 55 сиклей); Ida-NI-kiṣu ([6]: 9 мин и 4 сикля; в итоге получается на 54 сикля больше). [В связи с двумя топонимами в тексте упоминается термин *níg-ki-za*, который автор отождествляет с аккад. *redūm*, и с *redūtum*, *redūtum*, предположительно имеющим значение 'побор'.]

а) ТМ.75.G.1297. На л. I 1—IV 6 приведен список поставляемого: '(поставка, *m u - t ú m* от (царя) Ибриума'. Затем, на л. IV 7—VIII 4 приведены поставки серебра на сумму 62 мины и 50 сиклей от высших чиновников (*l u g a l - l u g a l*). Далее следуют поставки, *m u - t ú m*, из нескольких населенных пунктов, и этот раздел заканчивается следующим образом, об. V 2—6: AN.ŠE.GU 15 *m a - n a* 53 *g í n* DILMUN *b a r₆ - k ú / 6 m a - n a* ša - p i 47 *g í n* DILMUN *k ù - g i / m u - t ú m / n í g - k i - z a / e n* 'Итого: 15 мин 53 сикля серебра, 6 мин 47 сиклей золота; поставка; побор царя'. Колофон таблички включает в окончательный итог эти три поставки, *m u - t ú m*, равно как и другие, зарегистрированные в заключительных разделах.

б) ТМ.75.G.2262. Поставки (*m u - t ú m*) от населенных пунктов и отдельных лиц; л. I 1—3: '5 мин золота; поставка от населенного пункта Каблун...'. В колофоне, об. II 1—4, сказано: AN.ŠE.GU 10 *m a - n a* 16 *k ù - g i / 10 l á - 3 t i - g i - n a / n í g - k i - z a / e n* 'Итого: 10 мин 16 (сиклей) золота, 7 т., побор царя'. К этому тексту имеется параллельный — ТМ.75.G.2076.

в) ТМ.75.G.2072. После перечисления нескольких поставок (*m u - t ú m*) от разных населенных пунктов следует: л. VIII 3—5: AN.ŠE.GU 20 *l á - 3 m a - n a* *b a r₆ - k ù / n í g - k i - z a / e n* 'Итого: 17 мин серебра; побор царя'.

d) TM.75.G.1310; приводим здесь лицевую сторону. л. I 1) 3 m a -
па х(=20) а п - па 2) š u b si-in 3) 30 m a - па а - b a r y
(GAR_s) (II 1) UNKEN-а k 2 mi-at¹⁸ g u - k a k - g i d 10 2) n í g -
k í - z a 3) Du-bù-ĥu-^dĀ-da '3 мины 20 сиклей олова, чтобы спла-
вить с 30 минами меди, чтобы сделать 200 полос³¹ по 10 (сиклей)
каждая; побор Дубуху-Хадды'. Отсюда следует, что потери при
плавке не учитываются, так как общий вес металла 2000 сиклей,
то есть тот же, что у 200 предметов по 10 сиклей (75 г) каждый. Со-
отношение олова и меди 1 : 9.

e) TM.75.G.2062. Поставки, а также подарки (n í g - b a) золота
и разных предметов. Об. VIII 1—5: AN.ŠĒ.GU 89 m a - па l á - i
k ù - g i / è / n í g - k í - z a / e n / l ú 8 m u 'Итого: 89 мин 49 (сик-
лей) золота; расход (буквально 'выход'); побор царя, который
(приходится) на 8 лет'.

f) TM.75.G.2086. Список предметов, в основном золотых пласти-
нок, выданных отдельным лицам из разных поселений. Л. I 1—4:
'1 мина золота, 1 полоса (для) Думуру (из) Арми...'. В колофоне,
об. IV 3—6, сказано: AN.ŠĒ.GU 10 m a - па 16 k ù - g i / n í g -
k í - z a / e n / è 'Итого: 10 мин 16 (сиклей) золота; побор царя;
расход'.

n í g - k í - z a может, следовательно, относиться и к металлу,
и к предметам, как в качестве поставок (m u - t ú m): а — d, так
и в качестве расхода (è): е — f. Оно не каеается передвижения иму-
щества, а определяет право, которое отдельные лица, связанные
с этим n í g - k í - z a, имеют на само имущество. Таким образом,
это имущество может как приобретаться, так и отчуждаться.

Следует подчеркнуть, что Ma-NE^{ki} встречается дважды: л. I 7
(его u g u l a) и V 5; Arimu на л. IV 7 не то же лицо, что Arimu,
упоминаемый на об. VI 8 и находящийся в стране A-BAR.SĪLA;
(это, по-видимому, мешает отождествлению данного топонима
с Ашшуром, отставившемуся нами выше, см. A r c h i 1980, с. 4).

На л. VI 3—7, помимо 7 мин серебра, перечислены '70 сосудов
масла, (емкостью) 20 qû'; ša-ti представляет собой род. пад. ед. ч.(?)
от определительно-относительного местоимения.

Текст TM.75.G.1964 более труден. Список топонимов время
от времени прерывается замечанием: 'и его надсмотрщик' (wa u g u -
l a-zù). Сельскохозяйственные продукты упоминаются дважды; на
л. стороне III 5—7 сказано: '(T): его ячмень должен быть выдан',
ср. л. III 9—IV 4: '(T) [и?] его надсмотрщик и его вино'. Населенный
пункт Darinu л. VI 5 засвидетельствован также как один из центров
культы бога NI-dakul³² < . . >.

6. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ РАЗНЫМ ЛИЦАМ *

Недавно опубликованный документ, содержащий постановление **, указывает на принадлежность поселения и его надсмотрщика некоему Ути. ТМ.75.G.1470 перечисляет 5 деревень в Sa-x, 'которую Иш-Даму, человек некоего Даба'у, дал Гири, сыну (царя) Ибриума'; это надо понимать в том смысле, что доходы с этих деревень принадлежат отныне царевичу Гири.

Текст ТМ.75.G.1470

л. I 1) Sa-x^{ki} 2) Šè-ra-du^{ki} 3) Ša-ba-du^{ki} 4) Ib-su^{ki} 5) Ū-du-lum^{ki}
 II 1) Ba-ti-in^{ki} 2) l ú IŠ₁₁-Da-mu 3) l ú Da-ba-ù 4) i-n a-s u m III
 1) Gi-ri 2) d u m u-n i t a 3) Ib-rí-um 4) (без текста) об. (без текста).

Следующий текст, ТМ.75.G.1625, наоборот, перечисляет 'поселения, (которые) Ирти, сын (царя) Ибриума Ингар'у [. . .]' (л. IV 2—7). Аругаду (об. IV 7) — один из центров культа NI-dakul'я, божества, с которым связаны Шадуду (об. III 1) и Удулум (л. I 5), упомянутые в предыдущем тексте **.

Текст ТМ.75.G.1625

л. I (x+1)ḫ[-. . .] 2) Ga-[d]la-nu^{ki} II (x+1) Ti-ma-du^{ki} III 1) M[a]ḫ²-
 -ḫ^(ki) 2) u g u l a-sù 3) 'A-a-ma-du^{ki} IV 1) u g u l a-sù 2) Gi-ti-
 [d]la-dab^{ki} 3) Ū-du-sa^{ki} об. I 1) Mu-du-lu^{ki} 2) u g u l a-sù 3) Gu-na-ù^{ki}
 4) u g u l a-sù II 1) Ū-puzur₁-nu^{ki} 2) NE-ba-ra-du^{ki} 3) u g u l a-sù
 4) Sa-du-úr^{ki} 4) Da-lu-ba^{ki} III 1) Ša-da-du^{ki} 2) Da-nu-LUM^{ki} 3) š u
 m u-a k 4) é 5) Gi-za-an^{ki} 6) Du-šè-ri^{ki} 7) A-ru₁ga-du^{ki} IV 1) (без
 текста) 2) u r u^{ki} u r u^{ki} 3) Ir-ti⁴ d u m u-n i t a 5) Ib-rí-um 6) [I]n-
 -gàr 7) [x]-ḫ

7. О «ГОРОДАХ ДОЛИНЫ СИДДИМ» ** В ЭБЛЕ

Дж. Петтинато объявил около четырех лет тому назад, что в Эбле упоминаются «города долины (Сиддим)». Но лишь недавно он опубликовал написания трех из них со ссылками на тексты, однако без попытки доказать предлагаемые им отождествления **.

а) Содом. Наименование этого города якобы тождественно эблантскому топониму Si-da-mu^{ki}. Ссылка дана на ТМ.75.G.524 (текст, касающийся поставок изделий из ткани), в котором на об. I приводится следующий перечень: Ti-in^{ki}, 'A-šu^{ki}, Dur-URU^{ki},

* Раздел дан в сокращении.— Прим. ред.

** Долина Сиддим и ее пять городов—Содом, Гоморра, Ада, Севоним и Сигор — упомянуты в Библии, Быт. 14; 2. Долина Сиддим (ныне Вади 'Араба) находится к югу от Мертвого моря; согласно Быт. 19, Содом и Гоморра были истреблены серным огнем.— Прим. ред.

Du-ma-pa^{kl}, Si-da-mu^{kl}, A-ḫa-da-mu^{kl}, I-ra-ar^{kl}. (Pettinato 1979, с. 260). В тексте не содержится ничего, что давало бы основание для локализации Сидаму на берегу Мертвого моря. Зато тот же топоним фигурирует в ТМ.75.G.2377 л. IV 8=2379 об. I 5. Эти две таблички дают список поселений, связанных с культом бога ^dNI-daku^l'я; в их числе упоминается Lu-ba-an^{kl}, который, видимо, находился в районе Алалаха в низовьях реки Оронт ('Аси)⁸⁶. Поэтому Сидаму следует искать в Северной Сирии, возможно, между Эблой и побережьем.

б) Гоморра якобы встречается в форме I-та-ар. Приведены две ссылки: одна из них явно ошибочная, так как на самом деле в тексте ТМ.75.G.2233 (о поставках изделий из ткани) на лицевой стороне VIII 3 написано I-tar^{kl}. Он входит здесь в следующий список топонимов: I-tar^{kl} (1.3), 'A-ṣu-mu^{kl} (1.6), Ḫa-ga-an^{kl} (1.11), Sa-par-zu-lum^{kl} (1.16)⁸⁷. Как показывает упоминание Харрана, все эти города должны были находиться в северных и восточных районах.

В ТМ.75.G.1570 л. I—II 1 читаем: 1 gu₄/e n/I-ta-ar^{kl}/1 gu₄/Zú-ba-LUM/1 gu₄/I-šar/6 gu₄/e n/(II 1) Kak-mi-um^{kl} 'один бык: (поставка, m u-t ú m) царя Эмара; один бык: (поставка) Zuba-LUM'a; один бык: (поставка) Ишара; 6 быков: (поставка) царя Какмиума'. Какмиум находился, вероятно, вблизи Тигра (см. RLA V, s. v.). Кроме всего прочего, совершенно ясно, что I-та-ар^k представляет собой всего лишь обычное в Эбле написание для Эмара⁸⁷, города, расположенного недалеко от современного города Мескене, на правом берегу Евфрата⁸⁸. В Мари, во II тысячелетии до н. э., это наименование пишется I-та-(a)-ar^{kl}, в Алалахе—E-та-ар^{kl} (Lev. VII), E-tar^{kl} (Lev. IV). Клинописная передача наименования библейского города 'Amōgāh должна была бы читаться *'imāg-at⁸⁹. Таким образом, топоним I-tar/I-ta-ar^{kl} не соответствует топониму, засвидетельствованному в Библии, также и с точки зрения графики.

с) Сигор (в др.-евр. тексте Šō'ar). За соответствующее эблаитское написание принимается Za-é-ar^{kl} (то есть Za-'à-ar^{kl}). Петтинато ссылается на два текста, из которых один касается поставки изделий из ткани, а другой — поставок (m u-t ú m) серебра.

В тексте ТМ.75.G.1323 л. V 15—VII 3 сказано: Зизу из города Тубы; Гибар-Губи из города I-NI-bu; (платья, которые являются) побором Арми для (in) Za-'à-ar^{kl}; царь I-NI-bu; царь Иритума. Упоминание Тубы и Иритума (Ирриди II тысячелетия до н. э.) указывает на область к северо-востоку от Эблы⁹⁰.

ТМ.75.G.1586 л. IX 2—12: '30 (сиклей) серебра: поставка АḪ-га-Малика города Гухатума; 20 (сиклей) серебра: поставка города Заһара; 35 (сиклей) серебра, платье: поставка города Абшу'. Пос-

ледный топоним (встречаются также написания Абсу и Абзу), вероятно, следует отождествить с Абзу вблизи Кинзы (Кадеша): КВо I л. 42=2 л. 23 и сл. (договор между Суппилулиумой и Шаттивазой).

К этим двум текстам мы можем также присоединить ТМ.75.G.1527 об. IV 6—II: TAR b a r₆: kù/m u - t ú m /I-na-ar/Za-'à-ar^{kl}/in/Ḫa-lam^{kl} '30 (сиклей) серебра: поставка Инара (из) Заһара для Халама'. Следующим упоминается Какмиум (IV 16) и за ним Санапулум (V 3), которые бесспорно должны быть отнесены к району восточнее Эблы. Наименованию Халам несколько раз предшествует в текстах сочетание «топоним + in», так же, как в тексте ТМ.75.G.2070 об. III 1—5: l m a - n a b a r₆: kù/m u - t ú m /Ir-itu^{kl}/in/Ḫa-lam^{kl} '1 мина серебра: поставка Иритума для Халама'. Здесь Халам связан с Иритумом, городом вблизи Харрана в Верхней Месопотамии.

Следует также учесть, что древнееврейское написание для Сигора — š'g или šw'r (šō'ar), а в Эбле знак E='A употребляется для /h/ и /h/, тогда как /' / и /' / передаются знаком A⁴¹.

Таким образом, ни один из топонимов, перечисленных Петтинато, не может быть отождествлен с «городами долины Сиддим» у Мертвого моря.

[Далее автор дает алфавитный список топонимов из приведенных им текстов, а также уточнение прорисовок некоторых знаков.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написания Лагаша со знаком KUL и Шуруппака со знаком GAR вместо KUR больше нигде не встречаются, см. Edzard, Farber, Sollberger 1977, s.v. Аналогичный список см. AS 463: здесь в первой строке, вероятно, следует восстановить слово «Урук» — так в предварительном порядке предлагает Биггс, см. Biggs 1966, с. 77, прим. 32.

² См. Biggs 1974, с. 71—78. Текст из Эблы протранскрибирован Дж. Петтинато, см. Pettinato 1978, с. 50—73.

³ Следует иметь в виду, что дубликат из Абу-Салабиха не содержит соответствия для tilum^{kl} и имеет лауну в графе, где упоминается iubanu^{kl}.

⁴ Это не может не привлечь внимания, хотя собрание топонимов, которым я располагаю, не является полным.

⁵ См. некоторые из этих текстов, касающиеся приобретения крупного рогатого скота, в моей статье Archi 1980, с. 6—8, 17 и сл. (оттиск).

⁶ Не может считаться твердо установленным, что часто встре-

чающийся топоним 'à-та представляет собой вариант топонима 'à-ma-du^{kl}.

⁷ Так же и в большом топонимическом списке ТМ.75.G.2231 под № 257 следует, вероятно, читать du-lum^{kl}.

⁸ Некоторым топонимам северного района посвящена моя статья Агсн 1979.

⁹ Оно сделано Петтинато, см. Pettinato 1976, с. 48.

¹⁰ Решая вопрос о написании, прежде всего следует учесть, что в III тысячелетии до н. э. šur₆/šur₆ также пишется составным знаком LAL/LĀL+LAGAB, которому во II тысячелетии приходит на смену знак šur₁₀: LAL+SAR, см. Powell 1974, с. 398—403. В весьма предварительном порядке можно рассматривать BAR как тару емкостью 1 sila, соответственно, учитывая чередование r/l, хорошо засвидетельствованное в Эбле (см. Fronzagli 1980), SILA может иметь фонетическое чтение šil/r(a).

¹¹ LXX: Γάζα; но у Steph. Byz.: Αζα. По поводу других написаний в клинописных текстах см. RIA, sub Gaza; Pagnola 1970, с. 159, sub HAZAT. Относительно передачи /g/ в староаккадском см. Gelb 1961, с. 119. Westenholz, Westenholz 1977, с. 207, интерпретируют ru-úh-ti в староаккадском заклинании как rugti. [В масоретском тексте Библии 'Azzā, по-арабски al-gazza(tu); ср. также библ. 'āmog(r)ā, в греческом тексте LXX Γόμορα. В обоих случаях еврейская и греческая транскрипция передают фонему гауп (/g/ или /γ/), не имеющую ничего общего с семитским g (арабское «дж»).— Прим. ред.]

¹² Другие написания см. Knudtzon, EA II, с. 1578.

¹³ См. ниже, раздел 3.

¹⁴ На об. III 10 порядок чтения знаков несомненно тот же, что приведен здесь. По поводу IV 3 следует заметить, что знак для 'à похож на знак для sa.

¹⁵ Писец сперва начал писать знак LÚ, потом стер его и сверху написал al-KU. Fronzagli 1979, с. 9 и сл., читает здесь al-dur 'находится, есть' и приводимый им текст согласуется с этим чтением. Префикс al- весьма часто употребляется с другим глагольным корнем, см. al-gál. Ср. текст ТМ.75.G.2068:

л. I 1) 2 li-im 4 mi-at 50 l á-3 t ú g-t ú g 2) 30 'à-da-um-t ú g-2
II 1) 2 mi-at 30 l á-3 í b-3-t ú g-ša-g ù n 2) 61 í b-3-t ú g-g ù n 3)
a l-g á l об. I 1) é-s í k 2) (без текста) II (без текста)

Перевод (букв.)

I 1) 2447 тканей, 2) 30 второсортных тканей-hadaum, II 1) 227 лучших пестрых поясов «3», 2) 61 пояс «3», 3) имеются; об. I 1) Дум шерсти.

¹⁶ Gelb 1961, с. 62. Упоминания крупных мер площади, содержащиеся в текстах III тысячелетия до н. э., собраны М. Пау-

элом, см. Powell 1972, с. 218, 220. См. также TSS³ 242 (текст, возможно, представляет собой школьное упражнение): UNKEN.KI/ 2400 LĀ 402 GĀNA/a d a b^{ki}/u m m a^{ki}-ta/3120 LĀ 10 GĀNA/UNKEN [KI]/l a g a š^{ki}-ta/UNKEN.KI/3980 2 GĀNA/š u n i g i n/3980 2 GĀNA/l a g a š (транслитерация Д. О. Эдварда, см. E d z a r d 1977, с. 173).

¹⁷ См. Pettinato 1979a; этим томом открывается Series Maior, издаваемая Seminario di Studi Asiatici Института востоковедения Неаполитанского университета (Istituto Universitario Orientale), «который охотно принял на себя финансовые издержки и бремя ответственности, связанные с этим изданием» (с. VII). Однако коллектив ученых названного Института, и в частности востоковеды, упомянутые с признательностью на с. VII, весьма сдержанно высказались о достоинствах данной книги (не без умысла посвященной крупному ученому). Сказанное выше, в разделе 2, не расходится с этой оценкой, которая еще раз подтверждается тем фактом, что автор книги позволил себе употребить написание Chefrem для имени знаменитого фараона IV династии (см. с. XXVIII, а также повторно в другой книге того же автора, цит. выше, на с. 112).

¹⁸ В настоящее время четыре текста находятся в Дамасском музее.

¹⁹ Опубликованы на с. 93 каталога под № 1107.

²⁰ Автор ошибочно принял знак BA за IGI (=š) см. также на об. II 3.

²¹ См. Archi 1980, с. 16 (оттиск), № 20.

²² Ф. Тюр-Данжен (Thureau-Dangin 1899, с. 1—3) видит различие между BAD (AŠ+U) и IDIM (AŠ+AŠ). Б. Ландсбергер (MSL 9, с. 116) по этому поводу говорит: «До сих пор не отмечалось, чтобы в тщательно написанных табличках начала старовавилонского периода... продолжали соблюдать [это] различие». С точки зрения М. Пауэлла (Powell 1974, с. 399), различия между BAD и IDIM не было и раньше; он пишет: «Напрасно было бы искать это различие в шумерских текстах III тысячелетия до н. э.». Эблаитские писцы различают знаки AŠ×U (U пересекает AŠ): и AŠ+U: Первый из них, тот самый, ко-

торый в рассмотренном выше тексте, вероятно, соответствует знаку til, несомненно имеет также чтение ug₆, (ug, по Боргеру, см. Borger 1978); ср. TM.75.G.2306 л. III 4 и об. I 2: u d u u g₆; TM.75.G.1574: л. III 4 — об. I 4: l u g a l ma-rj^{ki} u g₆ ù e p [ka]k-mi-um^{ki} [u]l g₆, см. Archi 1980, с. 22, 26 (оттиск). Второй знак употребляется при написании имени бога: ^oBE (весьма сходного с Даганом), часто упоминаемого в личных именах; ср. ep-na-BE,

ruzig₁-ga-VE и т. д. Весьма вероятно, что VE представляет собой аббревиатуру от bēlu, эпитета, возможно, употреблявшегося в долине Евфрата, где существовали крупные центры культа Дагана; в Эбле же слово 'господин' звучит ba'al, что соответствует западносемитскому словоупотреблению; ср. ЛИ ep-na-ba-al.

²³ Pettinato 1976, с. 1—15, в особенности, с. 10, где автор читает AL как al и ошибочно переводит 'город'.

²⁴ Петтинато неправильно прочел топонимы в А, л. I 1 и 3.

²⁵ Нередко вместо Lu₁-a-tum^{kl} бывает написано Lu-a-tim^{kl} (например, в ТМ.75.G.1858). Возможно, это написание не отражает род. пад. Топонимы типа Ir-i-tum^{kl} и I-NI-tum^{kl} не склоняются.

²⁶ Фонема /t/ должна соответствовать акк. или эбл. /š/. Однако надо иметь в виду чередование ʕu-bu-ša-an^{kl} и ʕa-bù-sa-an^{kl} в А и В, упомянутое выше, которое также засвидетельствовано и в более часто встречающемся топониме: Ab-zu^{kl}, Ab-su^{kl}, Ab-šu^{kl}.

²⁷ Текст см. Archi, ARET I, в печати.

²⁸ Archi 1980, с. 11—16; это текст ТМ.75.G.1669. См. перевод статьи в наст. сб.

²⁹ См. ТМ.75.G.1558 в Archi 1980, прим. 5, с. 17 и сл.

³⁰ Например, см. относительно Гасы: Archi 1980, с. 5 и сл. (см. перевод статьи в наст. сб.).

³¹ Это слово снабжено глоссой в словарном списке ТМ.75.G.1426 л. III 8 и сл.: giš-gu-gíd:kak/hi-tum (по-видимому, может быть увязано с акк. ʕaṭṭum; в текстах ТМ.75.G.2000+ и ТМ.75.G.5653+, наоборот, не имеет глоссы).

³² ТМ.75.G.2377, л. V 1=2379 об. II 1: Da-ri-in^{kl} см. Archi 1979, с. 108.

³³ ТМ.75.G.1452, см. Fronzagli 1980, с. 33—52; перевод статьи см. в наст. сб. с. 236—254.

³⁴ По поводу Arugadu см. Archi 1980, с. 110; относительно Šadau и Udulum см. ТМ.75.G.2377 л. III 2 и IV 2=2379 л. III 3 и IV 3 (U-du-rúm^{kl}).

³⁵ Pettinato 1980, с. 48. В этой статье Петтинато снова позволяет себе оскорбительные выпады по моему адресу. Однако доводы, приводимые им в защиту своей точки зрения, несостоятельны.

³⁶ В Pettinato 1979b, с. 157 порядок обратный, а 'A-šu-tu приведено ошибочно.

³⁷ В Pettinato 1979b, приводится 26 ссылок.

³⁸ Относительно Эмара см. отчет о раскопках, принадлежащий Маргерону: Margueron 1975, с. 53—85.

³⁹ Об этой проблеме см. Fronzagli 1977, с. 151.

⁴⁰ Относительно Dub^{kl} = Tuba см. Matthiae 1979, с. 115—118.

⁴¹ См. Fronzagli, CRAA, 25.

Табличка ТМ.75.G.1970, лицевая сторона и нижний край лицевой стороны
(Табличка в традиционном положении)

ЗНАЧЕНИЕ ЭБЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

I ОТКРЫТИЕ ЭБЛЫ

В 1974—1975 гг. итальянская археологическая миссия в Сирии, руководимая Паоло Маттиэ, совершила одно из наиболее замечательных открытий последнего времени в археологической науке и в науке о древней истории, обнаружив город Эблу второй половины III тысячелетия до н. э. Тем самым было разрушено ставшее в течение столетий догмой мнение, будто первые цивилизации человечества слагались и могли слагаться только в долинах великих рек, на основе речной ирригации — на Ниле, на Евфрате, на Инде, где это произошло в самом конце IV — III тысячелетия до н. э. Известны были, правда, и такие очень древние цивилизации, которые с речной ирригацией никак не были связаны. Но хеттская цивилизация сложилась на тысячу лет позже египетской и нижнемесопотамской, а культуры астеков, майя и инков в Америке так и не достигли уровня Египта или Шумера.

Теперь перед глазами археологов раскрылись остатки государства III тысячелетия до н. э., центр которого находился в 75 км от ближайших рек¹ — да и то непригодных для собственно речной ирригации, — и это государство по уровню своего развития не уступало своим современникам в Египте и в Шумере. Были обнаружены архивы глиняных плиток («табличек») — более 17 тысяч, — испи-санных шумерскими клинообразными знаками, но на совершенно неизвестном ранее языке.

В советской и зарубежной науке до тех пор господствовало мнение о том, что, хотя Палестина и Сирия лежали на большом торговом пути между Египтом, Малой Азией и Месопотамией, уровень классового общества (или, в западной терминологии, «городской

¹ Оронта (аль-'Аси) и Евфрата. Однако речь идет о Евфрате в среднем его течении, где он не может использоваться для ирригации на широких площадях (или не мог до постройки плотин уже в наше время).

цивилизации») был достигнут в этих странах (так же как в Малой Азии, на Армянском и Иранском нагорьях) только во II тысячелетии до н. э. под влиянием более развитых «речных» цивилизаций. С этим не мог согласиться молодой итальянский археолог Паоло Маттиэ. Он решил искать древнейшую цивилизацию Сирии. Обследовав земляные городища северо-западной Сирии (к западу от Евфрата: восточная Сирия, лежащая к востоку от Евфрата, в древности считалась Верхней Месопотамией), он остановился на большом городище Тель-Мардих как на наиболее перспективном.

Значительных поздних отложений на городище не было. Наиболее важные поздние слои, с которых и начали археологи, относились к так называемому периоду Средней бронзы — ко II тысячелетию до н. э., примерно ко времени вавилонского царя Хаммурапи. Вскоре находка надписи «Ибби-Зикир, царь Эблы» подсказала археологам древнее название города — как оказалось, оно было уже известно из надписей Саргона Древнего и Нарам-Суэна, царей Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.), но не поддавалось локализации.

В расположенном ниже слое затем была сделана главная находка — столица самостоятельного государства III тысячелетия до н. э., его архивы, памятники искусства...

Чтение ранних клинописных текстов — тем более, как в данном случае, текстов на еще неизвестном, хотя, несомненно, семитском языке, родственном арабскому, аккадскому, финикийскому, ивриту, эфиопскому и другим, — требует большой сноровки и, я даже бы сказал, хитроумия. Зная другие виды клинописи (шумерский, аккадский разных периодов, хеттский и т. п.), читать эблаитские тексты «с глины» еще нельзя. Требуются годы кропотливой работы для установления правил чтения именно данных текстов. Этим пренебрег эпиграфист экспедиции Дж. Петтинато, хотя он уже имел немалый опыт в чтении шумерских и аккадских текстов, почему к его сообщениям, естественно, отнеслись с доверием. Петтинато впервые обнаружил в Эбле словарные тексты — обломки шумерско-эблаитских словарей. В эблаитской части этих фрагментов он обнаружил семитские слова, известные из древнееврейского и арабского, но не известные из аккадского (ассиро-вавилонского). Разбирая в первый раз тысячи хозяйственных документов Эблы, он обнаружил — или так ему показалось — названия многих городов, упоминаемых и в ассиро-вавилонских текстах: Ашшур на р. Тигре, Каниш в центре Малой Азии — и в Библии: Сихем, Мегиддо, Самария, Газа, Содом и Гоморра, Сигор. Древнееврейский рассказ о сожженных богом Содоме и Гоморре из мифа превратился едва ли не в историческую реальность! Создалось впечатление, что Эбла была не просто городом-государством, а столицей империи, границы ко-

торой простирались от Газы на самом юге палестинского побережья и Содома к югу от Мертвого моря до центра нынешней Турции. Эбла уже не называлась иначе как «империей» — Дж. Петтинато назвал свою первую книгу об Эбле «Эбла — империя, отгиснутая на глине», и П. Маттиэ тоже: «Эбла: вновь найденная империя»². Один из эблаитских текстов Петтинато отождествил как договор между Эблой и Ашшуром, столицей и ядром Ассирии, о существовании которого в III тысячелетии до н. э., да еще в роли значительной политической силы (поскольку он на равных заключал договоры с империей Эблы), не было до тех пор никаких надежных данных. Гипотеза империи, казалось бы, подтверждалась находкой документа, согласно которому царь города Мари посылал царю Эблы дары серебром и золотом — не иначе как дань! Мари хорошо известен историкам по французским раскопкам 30—70-х гг.: это был важный город на торговых путях из Сирии и Малой Азии в Месопотамию, стоявший на среднем Евфрате, недалеко от г. Абу-Кемаль у самой сирийско-иракской границы (городище Телль-Харири). Там был найден громадный дворец конца III — начала II тысячелетия до н. э. и огромный царский архив, до сих пор изданный далеко не полностью.

Число поспешно написанных работ, откликнувшихся на историческую сенсацию, спешивших с новыми, небывалыми выводами, все росло и за несколько лет превысило сотни названий; издавались они за рубежом, издавались и у нас.

Все оказалось, однако, совсем по-другому — и проще, и сложнее. Археологи, изучив материал Эблы, нашли, что он относится к уже ранее известной археологической культуре северо-западной Сирии и Верхней Месопотамии середины — конца III тысячелетия до н. э., зарегистрированной на приевфратских городищах Хабуба-Кебира, Селенкахие, Мескене (древний Эмар, часто упоминаемый в документах из Эблы) и других. Целому ряду историков гипотеза империи с самого начала показалась сомнительной: империи — явление поздней, а не ранней древности. Смертельный удар этой гипотезе нанесла кропотливая работа филологов по установлению значения каждого отдельного клинообразного знака в текстах из Эблы: Каниш оказался, видимо, другим Канишем, не находившимся в центральной Малой Азии³, исчез при строгой проверке клинописных

² Pettinato G. Ebla. Un impero inciso nell'argilla. Milano, 1979; Matthiae P. Ebla. Un impero ritrovato. Torino, 1977.

³ Он входит в число населенных и укрепленных пунктов, числом более пятидесяти, подчинявшихся г. Лу'атум (по нашему предположению, следует читать /Lu'attum/ <*Lu'āt-um, форма ж. р. от *Lu'āt-; возможно, то же, что L'š (Lu'ās) I тысячелетия до н. э., хурр. Nuḫašše к востоку от Хамата. В числе поселений,

знаков и их чтений Ашшур, исчезли Газа, Содом и Гоморра, Сигор, Сихем и Мегиддо. Что же касается Мари, то нашлись документы, доказывающие, что не только царь Мари посылал дары царю Эблы, но и царь Эблы — царю Мари. Царство Эбла оказалось большим для эпохи Ранней бронзы городом-государством — вроде прославленного шумерского Лагаша, — но все же только городом-государством: иного и нельзя было ожидать для столь раннего классового общества, для III тысячелетия до н. э. Город Хамат (ныне Хама в южной Сирии, на реке аль-'Аси, древнем Оронте) и город Эмар (ныне Мескене на большой излучине Евфрата) оказались уже имевшими своих собственных независимых царей; государство Эблы простиралось в период наибольшего расцвета от Оронта до западной части Верхней Месопотамии, километров на 180—200 по оси ⁴.

Итак, обещанная археологами империя пала, не успев возникнуть. Что же осталось? Осталась новая северносирийская неречная цивилизация, сверстница речных цивилизаций Египта и Шумера, третья цивилизация среди начинательниц великих культур древнейшего Ближнего Востока еще в III тысячелетии до н. э. Остался новый письменный язык, о существовании которого никто не подозревал.

II

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭБЛАЙТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Прежде чем перейти к той исторической и языковедческой информации, которую дают нам открытия в Эбле, нужно ясно представить себе те проблемы, которые вставали и встают перед исследователями, задавшимися целью интерпретировать эблаитские тексты. Для этого нужно прежде всего помнить, что эблаитские тексты написаны шумерским клинообразным письмом.

Идея передачи мыслей с помощью рисунков и условных значков приходила в голову еще людям разных неолитических племен. Однако, казалось, не было возможности воспроизводить этим способом стройное изложение мыслей так же систематично, как оно передается звуками речи. Отдельные значки или картинки, служившие для

принадлежавших Лу'атуму, был и Каниш (Ga-ni-šu), который, однако, нельзя отождествить с Канишем, знаменитой торговой факторией в Малой Азии, потому что среди десятков остальных поселений и укреплений Лу'атума не встречается ни одного малоазийского.

⁴ В документах, посвященных торговым операциям со скотом, упоминаются города Каркемиш (эбл. Кар-Камиш 'пристань бога Камиша', на излучине Евфрата выше Эмара), Ирридум и Харран (на р. Белих), однако пока не вполне ясно, идет ли речь о постулении скота оттуда или об отправке его туда. Эти города, видимо, имели собственных царей.

напоминания того или иного события или сообщения, вероятно, изобретались произвольно, от случая к случаю. Но даже когда для передачи понятий и стало складываться нечто вроде постоянной системы знаковых обозначений, это не было еще настоящей письменностью, то есть системой графической передачи связанной звучащей речи.

В этом смысле не были письменностью и первые шумерские знаки в Нижней Месопотамии: ими нельзя было еще однозначно передавать каждое слово речи — ни подсказывать их звучание в каждом отдельном случае, ни различать падежи, вид, лицо и другие грамматические формы слов, ни даже отличать одно слово от другого, сходного с ним по значению, но не по звучанию: ведь знак передавал содержание понятия, а не его звуковую форму. Поэтому слова, звучавшие одинаково (омонимы — а их в шумерском было великое множество), писались по-разному, а слова, звучавшие по-разному, но близкие по значению, — одинаково. Знак имел мнемонический («напоминательный») характер, то есть был скорее приблизительной подсказкой говорящему, сигналом для лучшего запоминания и воспроизведения какого-то сообщения.

Знаки были конкретными рисунками предметов, животных и людей: с их помощью нельзя было, например, написать слово «принести» в отличие от «принеси» или «принес» или даже в отличие от «пришел» или «прийти» — содержание подсказывалось «читающему» только рисунком ноги.

Выдавливались знаки на плитке из чистой глины (так называемой таблетке или табличке) тростниковой палочкой: выдавленные ребром ее среза черточки складывались в рисунок бараньего рога (u d u 'баран'), или ноги (g u b 'стоять', d u, (a)g á, r e, g e n 'приходить, ходить, идти, пойти', t ú m 'приносить'), или колоса (š e 'ячмень'), или головы человека (s a g 'голова, главный'), или заштрихованного полукруга, изображавшего темный небосвод (g [lg], m i 'тьма, темный, ночь; черный; болезнь, больной' и т. п.) Обратной, закругленной стороной палочки или отдельной круглой палочкой выдавливались на глине круги и полукружия, означавшие цифры (десятки и единицы). Лицо, принимавшее отчет о расходе в храме, должно было сообразить, что знак ноги, четыре полукружия и знаки колоса и бараньего рога означают 'принесли, взнос) четыре меры ячменя для баранов'. Заштрихованное полукружие рядом с рисунком козьего вымени, конечно, значило 'черные козы' (хотя этот же знак мог в других контекстах иметь еще десяток других чтений) ⁵.

⁵ Для понимания текстов, цитируемых в тексте сборника, следует упомянуть правила транслитерации клинописи:

Однако, даже когда обстоятельства дела были в целом ясны, могли возникать трудности, для разрешения которых нужно было идти на ухищрения. Как, например, по грубому рисунку на глине отличить колос ячменя от колоса пшеницы? Или как рисунком передать содержание глагола «вернули, возместили недостачу»? Чтобы выйти из затруднения, вместо колоса пшеницы рисовали упоминавшееся выше полукружие со значением 'ночь' (g í g) и пририсовывали к нему два зернышка — это читалось g í g 'пшеница', — а чтобы на ум читающему пришла глагольная форма/miṣanegi/ ('он ему ее там вернул', корень g i₄), писали знак тростника g i. Таким образом, иногда прибегали к способу ребуса.

Существовали и другие трудности при мнемоническом подказывании сообщений. Например, иногда было удобнее помещать два знака рядом, чем вписывать один в другой. Так, глагол k ú 'есть, кушать' обозначался головой человека (s a g) с заштрихованным ртом (для подчеркивания, что речь идет не обо всей голове, но лишь о рте, k a), а в этот составной знак врисовывался еще знак 'тарелка для каши, хлеб' (n í g, n í n d a)⁶. Сложнее обстояло дело, скажем, со словом d a m 'жена, супруга'. Естественно, что знак для этого понятия должен был быть составным, включая знак «женщина»; но последний (очевидный значок пола) с трудом поддавался вписыванию в него еще второго знака, поэтому d a m 'жена' писалось знаком «женщина» и рядом знаком «сидение» d u r, t u š, (остальные женщины дома, кроме супруги, должны были, очевидно, в присутствии хозяина стоять?).

В противоположность широко распространенному мнению И. Е. Гельба, шумерские знаки были *идеограммами*, то есть передавали понятия, а не слова: или отдельное понятие, или любое из группы понятий, ассоциативно связанных с тем, которое непосредственно было выражено рисунком (как, например, «стоять», «приносить», «приходить» по связи с «ногой» и т. д.). Звучащие же

Шумерограммы пишутся латинским прямым шрифтом в разрядку; знаки, конкретное чтение которых неясно (в данном контексте или вообще), пишутся латинским прямым прописным шрифтом; за основу берется наиболее частое чтение данного знака или, для редких знаков, то, которое первым засвидетельствовано словарными списками, составившимися самими шумерами и аккадцами; составные знаки, если их чтение в целом точно не установлено, пишутся прописными или строчными латинскими буквами, причем знак + означает, что составляющие знаки расположены в том порядке, в котором читаются, или, если чтение составного знака не установлено, в том порядке, в котором его составляющие написаны в тексте; знак × означает, что второй знак вписан внутрь первого; знак : означает, что знаки переставлены в подлиннике и должны читаться в обратном порядке.

Части текста, написанные по-семитски syllabически читаемыми знаками, пишутся без разрядки (так в нашем сборнике) или латинским курсивом (так чаще всего в специальной литературе).

⁶ Этот же знак имел еще значение g a r 'класть'.

слова как таковые шумерские знаки в принципе не могли передавать, хотя, конечно, каждое понятие выражалось по-шумерски определенно звучащим словом. Только в тех случаях, когда понятие нельзя было передать непосредственно рисунком, а приходилось прибегать к помощи ребуса, знак действительно выражал вполне определенное шумерское слово, то есть был его *логограммой*. Если же ребусный способ передачи понятия оказывался ненужным, то о передаче звучания слова — и тем более его грамматических форм — совершенно не заботились.

Таково было первичное шумерское мнемоническое письмо.

Для передачи простейших хозяйственных сообщений хватало и этих несложных средств. Но более содержательное сообщение иногда могло оказаться абсолютно непонятным, если не отразить на письме падежей существительного, приставок и окончаний глагола, если отсутствуют наречия, выражающие обстоятельства действия. Тут вновь вернулись к принципу ребуса. Например, если форма от глагольной основы *ge n* 'приходить' (рисунок 'ноги') звучала */ipegen/* 'онтуда пришел' или */gena/* 'пришедший', то в первом случае писец мог нарисовать 'сосуд' (*n i*) для 'кунжутного масла' (*i*) перед знаком 'ноги', а во втором — вырисовать знак 'камень' (*n a*) после этого знака; в этом случае идеографические знаки применялись в ребусно-звуковом значении как *силлабограммы*.

Естественно, что, поскольку в качестве силлабограмм применялись те же идеографические знаки, которые сами уже были многозначны (так, уже упоминавшийся знак 'сосуд для кунжутного масла' имеет чтение *n i*, *i*, *ià* и *z a l*), постольку и силлабограммы оказались многозначными⁷. Мало того, поскольку омонимы (которых было много) писались разными знаками, постольку они порождали силлабограммы одинакового чтения, но разного написания. Такие «омофоны» (одинаково звучащие знаки) в транслитерации обозначаются индексами в порядке их примерной частоты во всем корпусе клинописных текстов от III до I тысячелетия до н. э.: вместо индексов *1* и *2* ставятся знаки ударения ' и ` (таким образом, *du*, *dú*, *dù*, *du₁*, *du₂*, *du₃*, *du₄*, *du₅*, *du₆*, *du₇*, *du₈*, *du₉*, *du₁₀*, *du₁₁*, *du₁₂*, *du₁₃* и т. д.).

Правда, канцелярии каждой эпохи обычно отбирали лишь вполне определенные (но разные в разные периоды) знаки для силлабического употребления. Набор слоговых знаков в Эбле (это преимущественно

⁷ Слововым образом можно было выписывать и конец слова, «зашифрованного» идеограммой, чтобы выбрать нужное значение идеограммы из нескольких возможных, — явление так называемого «индикатора», или «фонетического компонента». Например, шум. *k i* значит 'земля' (аккад. *eršetum*, род. п. *eršetim*), 'место' (*ašgim*), 'у' (*ištu*) и др. Поэтому аккадцы писали *k i^{im}* для *eršetim*, но просто *k i* в других случаях.

щественно знаки типа С [согласный] + V [гласный]) сильно отличается от набора других писцовых школ; он ближе всего к староаккадскому, но отличается и от него⁸.

Однако, каковы бы ни были силлабические знаки, корень слова по-шумерски писали всегда идеографически (причем идеограмма могла быть простой или составной), и только если это было абсолютно необходимо — ребусным способом, а грамматические показатели еще долго обозначали (ребусным же способом) далеко не все, а только те, которые почему-либо казались писцу более важными для подсказки правильного прочтения сообщения. Лишь около 2500 г. (в начале Раннединастического периода III — РД III) в Нижней Месопотамии стали отмечать уже большинство грамматических показателей, да и сами знаки стали располагать почти всегда в том порядке, в каком их надо было читать. Начиная с текстов этого периода мы можем более или менее связно прочитывать не только хозяйственные, но и появляющиеся в это время довольно сложные повествовательные и даже поэтические тексты.

К этому же времени писцы условились обозначать при некоторых словах категорию понятий, к которой данное слово относится. Для этого они писали до или после слова (идеограммы) нечитаемый знак, так называемый *детерминатив*, обозначивший более общую категорию понятий, чем сама идеограмма. Например, писали 'дерево + плуг' (^garip = /arip/) для слова 'плуг', но 'человек + плуг' для слова 'пахарь' (^lengag = /engar/). Транслитерации arip и engag здесь передают разные чтения одного и того же знака; если мы не уверены в точном произношении знака в каком-либо случае или оно нас по каким-либо соображениям в данном случае не интересует, мы транслитерируем его прописными буквами: ^gARIP, ^lAGAG; если не уверены, является ли первый знак детерминативом или отдельным произносимым знаком, то можно написать GĪŠ + ARIP.

Чтобы текст не был хаотическим, табличку предварительно разлиновывали сверху вниз на лицевой стороне и снизу вверх на оборотной⁹ на горизонтальные полосы, а полосы в свою очередь разлиновывались справа налево на вертикальные «графы», иначе «ячейки» или «коробочки» (cases; в транслитерации обычно соответствуют строкам и нумеруются арабскими цифрами). В пределах ячейки умещалось либо одно слово (в том числе имя собственное), либо слово с цифрой, либо слово с определением, очень редко — с предикатом, иногда занимая одну, а иногда две вертикальные строки внутри «коробочки» (в транслитерации это не отмечается).

⁸ Связок слоговых знаков, применявшихся в Эбле, еще предстоит установить.

⁹ За исключением итогов и «колофона» (соответствовавшего нашему заголовку, но помещавшемуся в конце), которые писались так же, как на лицевой стороне.

При письме, чтобы не размазывать влажную глину, табличку поворачивали на 45° или даже на 90°; впоследствии — по-видимому, уже во II тысячелетии до н. э. — их стали поворачивать на 90° и при чтении: горизонтальные полосы превратились теперь в вертикальные столбцы (в ассириологии они нумеруются римскими цифрами), заполнявшиеся знаками слева направо. По традиции все клинописные тексты, в том числе и самые ранние, на фотографиях и в прорисовках воспроизводят именно в этом (позднем) положении.

Одновременно с усложнением системы письма (с точки зрения содержания ее знаков) шло и упрощение их внешних форм. Вырисовывать каждый знак со всей необходимой для его узнавания подробностью было нелегко, а писать приходилось со временем все быстрее и быстрее. К тому же на вязкой глине плохо получались кривые линии. Постепенно каждый знак превратился в комбинацию прямых черточек. Черточку делали нажимом ребра прямоугольной или косоугольной палочки, которую держали не вертикально, а так, чтобы один угол среза входил в глину глубже и оставлял более широкий след на одном конце нажима; поэтому черточки превратились в клинообразные углубления, а шумерские рисунки-иероглифы — в клинопись. Некоторое время их продолжали еще вычерчивать на камне, но на глине рисунки-иероглифы стали клинописью почти тогда же, когда система знаков превратилась в подлинную письменность, иначе говоря, когда стали систематически обозначать не только понятия, но и большинство грамматических показателей тех слов, которые эти понятия выражали, то есть примерно с середины III тысячелетия до н. э., на грани Раннединастического периода II (РД II) и Раннединастического периода III (РД III).

Таким образом, клинописные знаки как бы «собираются» из клинышков, причем допускались сначала пять их видов: (1) горизонтальный, (2) вертикальный сверху вниз, (3) наклонный сверху вниз, (4) «углышек», (5) наклонный снизу вверх и (6) вертикальный снизу вверх. Все они еще сохраняются в эблаитских текстах, но (6) исчез в Месопотамии около конца периода РД III, а (5) — к концу III тысячелетия до н. э.

Рисунки в их «клинописном» облике стало невозможно отождествлять с изображенными предметами, да это и не пытались делать: любой знак стал просто условным сочетанием особым образом расположенных углубленных клиньев с определенным условным рядом словесных и звуковых значений; возникали различные писцовые школы, различные принятые наборы слоговых знаков, различные канцелярские письменные пошибы, различные индивидуальные почерки, но принципы сложившейся шумерской системы письма более не менялись.

Такое письмо было придумано для шумерского языка. Однако

уже в первой половине III тысячелетия до н. э. его стали приспособлять для чтения по-семитски. Пока запись была сплошь рисуночной, ее сообщение в принципе можно было пересказывать на любом языке. Этому мешали лишь некоторые ребусные написания, вроде g i 'тростник' для g i₄ 'возвращать(ся)', которые были понятны только на том языке, для которого были созданы. Но коль скоро все знаки стали лишь условными комбинациями черточек и узнавать рисунок как таковой больше было не надо, любую идеограмму оказалось возможным прочесть на любом языке, лишь слегка подправляя синтаксис при устной передаче (если в этом была нужда).

Когда же шумерские писцы стали пользоваться ребусными написаниями для грамматических показателей, для служебных, а иногда и знаменательных слов, то то же самое сделали и семиты. Только вместо показателей и служебных слов на шумерском языке они стали выписывать их на своем языке. Так, например, если в тексте встречается выражение 'его жена' — по-шумерски /dam-ani/, — то шумерский писец после знака 'женщина + сидение' (MI + TUŠ=d a m) рисовал сосудик для кунжутного масла (NI = n i, i, i à); а семитский писец после того же первого знака писал знак, о котором теперь уже точно не известно, что он изображал (возможно, растянутую кожу), и который имел слоговое значение su; все сочетание он читал по-аккадски /'att-at-su/ (/ 'att-at-u(m)/ 'жена', /-šu/ 'его'). Нередко семитоязычный писец не помнил написания некоторых нужных ему слов (или они могли иметь в шумерском языке по сравнению с аккадским значением неточные эквиваленты), тогда он ребусными слоговыми знаками вписывал целое слово на своем языке — правда, этого он старался избежать, и не менее 90% староаккадского или эблаитского текста состоит из 'шумерограмм'. При этом взамен нужного староаккадского слова можно было написать либо одну идеограмму как таковую, как если бы она передавала только глагольную основу, или же целую шумерскую спрягаемую глагольную форму. Это не значило, что переводиться она должна ее семитским грамматическим эквивалентом: например, i-n a-s u m шум. 'он ему дал' может в эблаитском тексте означать и 'дал', и 'передача'; š u-m u-d ū b по-шумерски означает '(сюда) ссыпал', а по-эблаитски — 'передал, передача' и т. п.

По-видимому, соседствовавшие с шумерами семиты-аккадцы первыми переняли у них письмо, а семиты-эблаиты пользовались уже опытом староаккадских писцов. Это видно из того, что аккадцы правильно передавали значение шумерских идеограмм (например, l u g a l = šarr-um 'царь', d a m = 'att-at-um 'жена'), а эблаитские писцы придавали этим же знакам не их шумерское (и аккадское) значение, а то, которое получалось по-эблаитски, если принять готовое аккадское чтение значка. Например, у аккадцев šarr-um

означало 'царь', и они именно так читали шумерскую идеограмму l u g a l 'царь'; 'at-tat-um у аккадцев означало 'жена, супруга', и они именно так передавали шум. d a m — с тем же значением. Но по-эблаитски ba-g-um означало 'вельможа', а 'an-tat-um — 'женщина' и специфически — 'рабыня', поэтому шумерские идеограммы l u g a l, d a m эблаитские писцы использовали для обозначения 'вельможи' и 'рабыни', а для обозначения 'царя' и 'супруги' они должны были применять другие идеограммы.

Эти два примера были раскрыты просто; но, по-видимому, и в ряде других случаев эблаиты по тем же причинам не могли употреблять шумерские идеограммы в их общепринятом значении, а заменяли их другими, интерпретация которых составляет для исследователей дополнительную трудность.

Кроме того, И. Е. Гельбом, Р. Д. Биггзом и другими установлено, что эблаитская канцелярия была связана не с хорошо известными науке канцеляриями южного Шумера — Ура, Урука, Лагаша, — а с канцеляриями северного Шумера — Киша, а также неизвестного города, скрывающегося под городищем Абу-Салабих, и отчасти Ниппура. Этим тоже объясняется иной выбор идеограмм, нежели в привычных нам южношумерских хозяйственных текстах, что делает часто даже совершенно простые хозяйственные тексты невразумительными или двусмысленными для нас — по крайней мере на нынешней стадии развития наших знаний о культуре Эблы.

Изучение эблаитских текстов показывает, что репертуар применяемых знаков заимствован из северошумерского письма в конце периода РД II, но что ход развития шел, на той же раннединастической шумерской основе, совершенно параллельно развитию староаккадского письма. Орфографические правила в основном совпадают со староаккадскими. Что касается староаккадских текстов, то наиболее старые из них относятся еще к периоду РД II и частично РД III; однако в эти периоды в Нижней Месопотамии в подавляющем большинстве случаев писали по-шумерски, хотя аккадский язык все более внедрялся в быт населения. Широкое распространение аккадские тексты получили только при Аккадской династии (в правления Саргона, Римуша, Маништушу, Нарам-Суэна и Шаркалишарри — с конца XXIV в. по начало XXII в. до н. э.), а затем уже лишь после падения «царства Шумера и Аккада» (III династии Ура), около 2000 г. до н. э.

Расцвет Аккадской династии почти совпадает (слегка запаздывая) с расцветом Эблаитского царства периода Ранней бронзы II.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ЭБЛАИТСКИХ ТЕКСТОВ

О политической истории города-государства Эбла мы до сих пор знаем очень мало. Ее корни скрыты в нижних слоях городища, которые пока широко не вскрывались, поскольку археологи были, естественно, заняты тщательным изучением слоя РБ IIВ, содержащего остатки города эпохи его самостоятельного расцвета. Однако разведочный зондаж показал, что городище было уже обитаемо в конце IV тысячелетия до н. э. («Мардих I»). Более подробно обследованные слои относятся к периодам Ранней бронзы III и IV («Мардих IIА, IIВ1, IIВ2», примерно 2750—2200 гг. до н. э.) и Средней бронзы (начало II тысячелетия до н. э.). Надписей правителей Эблы пока почти не обнаружено. Из документов государственного архива мы имеем сведения о межгосударственном и торговом обмене Эблы преимущественно с соседними государствами, прежде всего с Урша'умом (позже Уршу, Урушше) на севере, недалеко от современного г. Биреджик, с Мари на юго-востоке (Телль-Харири около г. Абу-Кемаль на Евфрате) и с Хаматом (ныне Хама на Оронте, или аль-'Аси).

Так же как на юго-западе Эбла соседствовала с Хаматом, так на северо-западе она соседствовала с Эмаром (ныне Мескене на излучине Евфрата); но у нее были контакты и с другими городами-государствами Верхней Месопотамии, например с Абарсалем (как показал Э. Солльберже, именно так следует читать название города, заключившего с Эблей найденный археологами договор, название, которое эблантологи долго читали «Ашшур»). Цари городов, расположенных в полосе между реками Евфратом и Белихом, — Ирридума и Харрана, — видимо, даже подчинялись Эбле. Кроме того, важные культурные и торговые связи имела Эбла с более отдаленным юго-востоком — с Какмиумом и Гасуром за р. Тигром (Гасур, позже хурритский город Нузи, ныне Иорган-тепе около г. Киркука) и в особенности с Кишем в северной части Нижней Месопотамии. По-видимому, наряду с Мари именно Эбла обеспечивала месопотамским торговцам путь к лесам Ливана и Амана и к серебряным и медным рудникам Малой Азии. Не случайно победа над Кишем открыла «пути по Тигру и Евфрату от Нижнего до Верхнего моря» урукскому царю Лугальзагеси (около 2336—2310 гг. до н. э.), а после его поражения, нанесенного Саргоном, царем города Аккаде (2316—2261 гг. до н. э.), последний мог совершить поход в северо-западную Сирию вплоть до «серебряных гор» Тавра, и при этом, согласно его надписи, «бог Даган (города Туттуль на среднем Ев-

фрате.— И. Д.) дал ему Мари, Ярмути ¹⁰ и Эблу ¹¹. Впрочем, следов реального господства Саргона в Эбле пока не найдено.

Обменные связи Эблы доходили на юге и до Египта; предполагается, что посредником был Библ (финик. Губла, ныне Джебейл) на финикийском побережье, имевший связи с Египтом начиная едва ли не от 3000 г. до н. э.; однако название города Библа, в противоположность поспешным выводам Дж. Петтинато, в эблаитских текстах пока не обнаружено. Возможно, между Библом и Эблой действовал еще один посредник — скорее всего, какой-то южносирийский город: Тунип, Катна или Хамат, державший в руках выходы через перевалы Ливана с финикийского побережья; все они упоминаются в эблаитских текстах. Это тем более вероятно, что финикийские города в них не встречаются ¹²; даже сравнительно близкий, весьма важный в торговом отношении и очень древний Угарит упомянут лишь раз, в учебном географическом списке. Видимо, путь к морю на Угарит перегораживало какое-то другое важное государство-город — может быть, Халеп или же упоминаемый Нарам-Суэном Аккадским вместе с Эблой Арманум.

Тем не менее обмен у Эблы с Египтом Древнего царства был, хотя и через посредников. Во дворце найдены обломки алебастровых сосудов с именами фараонов IV династии Хафра (Хефрена, около 2600 г. до н. э.) и VI династии Пиопи I, а также материалы времени Пиопи II; последний был современником расцвета и гибели Эблы в XXIII в. до н. э.

По опубликованным пока данным складывается впечатление, что в торговле Эблы главную роль играли не ее собственные, а чужестранные купцы, во множестве скапливавшиеся в городе. Тексты называют их по-шумерски l ú-k a g, т. е. 'людьми гавани или рынка': шум. k a g, аккад. kaḡitum — это и речная пристань, и торговый рынок, и организация купцов, в большей или меньшей степени зависевшая (или в большей или меньшей степени независимая) от местной царской власти или царской власти города, откуда они были родом. Торговые пути — через посреднические звенья — тянулись на тысячи километров, и, например, Эбла была обильна афганистанским лазуритом и оловом для сплава его с медью ¹³. Но основ-

¹⁰ Ярмути до сих пор надежно не локализован; об Армануме см. с. 334.

¹¹ Sollberger E., Kurper J.-R. Inscriptions royales sumériennes. Paris, 1971, II A 4 b, e, q.

¹² За исключением малозначительной Иркаты и, может быть, более важного Арвада, если правильно отождествление эбл. Harwad/t = финик. 'Arwad.

¹³ Waetzoldt H. Zur Terminologie der Metalle in den Texten aus Ebla.— In: «La lingua di Ebla», Cagni L. (ed.). Napoli, 1981, p. 366 sqq., 373 sqq. Указание Ветцольдта на то, что медь по-эблаитски, возможно, называлась karagum (ka-rá-LUM), что может быть, якобы, связано с названием о-ва Кипра, сомнитель-

ным импортом с юго-востока были ткани — вероятно, в значительной мере перепродававшиеся далее на запад, юго-запад и север.

О структуре общества Эблы в целом говорить рано — надо дожидаться публикации всех документов и лучшего понимания их терминологии. Однако трудно ожидать, чтобы они дали нам действительно полную картину социальных отношений. Ведь все документы происходят из государственных архивов, а поэтому вряд ли могут касаться частно-общинного сектора. Из статьи А. Арки в нашем сборнике можно было бы сделать вывод, что вся экономика Эблы была подчинена царю. Но здесь легко вновь совершить ошибку, которая один раз уже была сделана, когда изучалось шумерское общество Лагаша. Кропотливейшее исследование документов показывало — как казалось таким крупным исследователям, как А. Даймель и А. Фалькенштейн, — что весь Лагаш был занят единственным, центрально управлявшимся храмовым хозяйством. Однако любые хозяйственные документы, как бы их ни было много, рисуют только то хозяйство, из которого они происходят. Несколько десятков документов о продаже земли, хотя они и противостояли десяткам тысяч документов из храмовых архивов, со всей бесспорностью показали, что наряду с государственным, храмово-царским сектором в Лагаше и в других шумерских государствах существовал и другой, частно-общинный сектор, и в него-то и входило, видимо, большинство хозяйств граждан города-государства, которые не вели архивов.

Однако надеяться на находку документов, свидетельствующих о сделках купли-продажи земли в Эбле, трудно: на Ближнем Востоке в эпоху ранней древности земля повсеместно считалась неотчуждаемой частью самой общины — не только ее собственностью — и находилась в ненарушимом владении глав больших семей внутри общины. Если отчуждение такой земли и допускалось иногда, то либо временное, либо под могучим давлением каких-то исключительных политических сил. Кроме того, подобные документы скорее должны были бы сохраняться в частных архивах, а таковые из Эблы пока до нас не дошли.

Во главе государства Эблы стояло должностное лицо, обозначаемое шумерограммой е п, что по-эблайтски переводится как *pa-li-ku-m*. В южной части Нижней Месопотамии термином е п обозначался определенный вид жреца или жрицы, партнер божества в ритуале священного брака; в некоторых случаях именно на е п'а возлагались царские обязанности и привилегии. Однако чаще в роли главы

но. Слово *ga/kà-ba-gum*_x (так читать!), вероятно, соответствует аккадскому *k/gubāgum* 'слиток'; переход аккадского -и- в эблайтское -а- был довольно распространен.

шумерского города-государства выступало другое должностное лицо, обозначаемое шумерограммой $l u g a l$ 'большой человек; хозяин'. Именно эта шумерограмма передавалась по-аккадски как $\mathit{\text{šagum}}$, что с течением времени, с возникновением при Аккадской династии деспотической царской власти, стало синонимом нашего понятия «царь». А. Арки, видимо совершенно справедливо, считает, что эблаитские писцы восприняли это $\mathit{\text{šagum}}$, эквивалент шумерского $l u g a l$, как свое слово $\mathit{\text{šagum}}$, что на их языке означало 'вельможа'. Действительно, шумерограммой $l u g a l$ в текстах архива Эблы обозначаются «начальники» отдельных ведомств государственного хозяйства, подчиненные $e n' u = malikum' u$. (В аккадском соответствующее слово $malikum$ встречается только в поэзии как синоним для $\mathit{\text{šagum}}$ 'царь' и в более общем, не терминологическом значении 'государь, правитель, особенно чужестранный'.)

Значит ли, однако, то обстоятельство, что эблаитские писцы выбрали для своего слова $malikum$ 'царь' именно шумерограмму $e n$, что эблаитский царь наряду с административными и военными полномочиями имел также и сакральные обязанности, свойственные $e n' u$, например обязанность участвовать в обряде священного брака? Всякий царь в те времена имел сакральные обязанности — это несомненно; подобные обязанности имел и шумеро-аккадский царь, $l u g a l = \mathit{\text{šagum}}$; но что сакральная должность эблаитского $e n' a = malikum' a$ была связана именно с обрядом священного брака, сейчас утверждать нельзя. Вообще сакральные обязанности царя пока весьма слабо выявляются по текстам государственного архива Эблы.

Заметим еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: те цари, которые у себя на родине титуловали себя $\mathit{\text{šagum}}$ (то есть говорили по-аккадски), обозначаются и в эблаитских текстах шумерограммой $l u g a l$, а не $e n$. Это отнюдь не указывает на их более низкий статус, но, видимо, может помочь определить, где проходила граница западносемитского и восточносемитского языков (западносем. 'царь' = $malikum$, восточносем. 'царь' = $\mathit{\text{šagum}}$). Данная особенность эблаитского языка разделяется им с другими северо-западными семитскими языками, например: угарит. mlk , финик. mlk , др.евр. $mālāk$, араб. $malik(un)$ 'царь', угарит. $bn šrm$ 'сыны вельмож', др.евр. $\mathit{\text{šār}}$ (<* $\mathit{\text{šagr}}$ -'вельможа').

Эблаитский царь ($malikum$) правил государством не вполне единолично; рядом с ним, хотя и несколько ниже его, стояли два или три должностных лица, обозначаемые шумерограммой $AB \times \mathit{\text{ĀŠ}}$. Эблаитологи переводят этот термин, основываясь на шумеро-аккадских аналогиях, как 'старейшина'. Это, по-видимому, не совсем точно, так как $AB \times \mathit{\text{ĀŠ}}$ в Эбле получают довольствие наряду с государственными чиновниками, чего никогда не было со

старейшинами в Нижней Месопотамии; кроме того, совет старейшин никогда не состоял только из двух-трех человек ¹⁴. $AB \times \dot{A}\dot{S}$ в Эбле скорее не «старейшины», а «советники (царя)», хотя в других современных ей городах это могут быть и старейшины.

Тот же институт $AB \times \dot{A}\dot{S}$ — советников царя или старейшин — существовал и в других сирийских государствах того времени, например в Мари: взаимные дары посылаются каждый раз «e n' u и $AB \times \dot{A}\dot{S}$ 'ам», или же «l u g a l'ю и $AB \times \dot{A}\dot{S}$ 'ам».

По-видимому, хозяйственными делами ведало должностное лицо, обозначенное неизвестной ранее идеограммой (предположительное шумерское чтение ZAx , предположительное эблайтское чтение 'adā-pi(m) 'господин').

Государственное сельскохозяйственное хозяйство не было сосредоточено в одном месте: документы свидетельствуют о получении продукции с «начальников» (u g u l a) ¹⁵ отдельных «хуторов» или «полевых станов» (é-d u g u), причем скотоводческие хозяйства, сдававшие скот (в том числе, очевидно, жертвенный), шерсть, кожу и молочные продукты, были территориально отделены от сельскохозяйственных хозяйств, сдававших зерно, бобы, горох, муку, виноград, оливки и т. д. В числе работников é-d u g u, получавших пайки, а также земельные участки для прокормления, числятся «работники, молодцы» (g u g u š), старшие пахари (e n g a r) и рабы (i r₁₁); иногда упоминаются просто «люди» (na-si₁₁); последние четко отличаются от «рабов» (i r₁₁).

«Полевые станы» или «хутора», видимо, объединялись в «кварталы» (шум. k á = аккад. babum 'ворота') и входили во «внешнюю территорию города» (u g u-b a r).

Ряд документов посвящен раздаче «земель», или «урочищ», различным вельможам — например, царевичам и l u g a l'ям. Хотя это и называется «пожалованием» (n i g-b a), но речь идет не о передаче земли во владение или собственность, а (как показал Арки) о передаче права на сбор поступлений (возможно, податей) с этих урочищ на срок или на неопределенное время.

¹⁴ В «Обелиске Маништушу» $AB \times \dot{A}\dot{S}$ ašag_x означает 'свидетели (сделки о покупке) поля', они же главы семейств, вероятно — старейшины общины, см. Дьяков И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, 72—74. AB , что синонимично $AB \times \dot{A}\dot{S}$, мог, видимо, выделяться для руководства храмовыми пахотными работами в Протописьменном периоде (там же, с. 94). Обычным шумерским обозначением старейшины общины ('города', u g u) было a-b-b a, а b-b a u g u; см. там же, с. 132, прим. 58; Koschaker P. OLZ, 1956, Sp. 151. Однако в новошумерских юридических документах упоминается одиночный a-b-b a u g u, вероятно, глава совета; см. Falkenstein A. Neusumerische Rechtsurkunden.— Abh. der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, NF, 40. München, 1956.

¹⁵ U g u l a — не профессиональное, а функциональное обозначение; в некоторых случаях мы узнаем, что тот или иной u g u l a носил звание l u g a l.

Государственное хозяйство Эблы не следует рассматривать как личное хозяйство царя. Оно обозначалось не термином $\dot{e}-g a l$, как в Нижней Месопотамии, а особым термином $SA.ZA_k^{kl}$, который в прямом смысле обозначал все здания, учреждения, склады, расположенные в цитадели, а возможно, и вокруг нее, но в центре города, в противовес окранным, и $g u-b a g$. Повсюду на Ближнем Востоке государственный (храмово-царский) сектор возникал как выдел из общинной земли, обеспечивавший городской общине содержание войска, администрации и продовольственный резерв для обмена и на случай стихийных бедствий. Таков был характер так называемых «дворцов» не только в Шумере Протописьменного периода и периодов РД I и II, но и позже — например, в г. Эшнуне в бассейне р. Диялы восточнее Тигра и в хурритском государстве II тысячелетия до н. э. — Аррапхе (совр. Киркук) ¹⁶. Характерно, что главный зал эблаитского «дворца G» являлся одновременно и площадью, по-видимому, как для торговли, так и для общинных городских мероприятий типа заседаний совета и/или народного собрания. Так называемый «дворец» не был единым архитектурно оформленным зданием, а представлял собой сооружение «агглютинирующего типа», постоянно расширявшееся за счет различных пристроек; в этом он был подобен критскому «дворцу» Кносса и «дворцовым» зданиям той же Аррапхи. Он не был даже замкнут границами цитадели на центральном холме, а спускался и в нижний город.

Об идеологии царства Эблы мы пока знаем мало. О его религии мы знаем только из теофорных (т. е. включающих имя бога) личных имен и из документов о жертвоприношениях. Пантеон Эблы в целом не отличался от пантеонов других западносемитских городов и племен III—II тысячелетий до н. э.; он включал безымянного бога Иля ('III-um] 'bog'), важнейшую роль играл бог дождя и града Хадда (Hadda) и богиня 'Ettar. Но во главе городского пантеона стоял ранее неизвестный нам местный бог, имя которого пишется ^dKu-ga (о произношении знаков см. в следующем разделе статьи).

Из архивов Эблы дошло несколько шумерских литературных текстов. В их числе гимн к Господину неба и земли, отрывок эпического текста, упоминающего героя Гильгамеша и дальний город Аратту, и несколько заклинаний ¹⁷, в том числе на эблаитском языке.

¹⁶ См. Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. ВДИ 4, 1968, с. 24, прим. 95.

¹⁷ См. Biggs R. D. Ebla and Abu-Salabikh: the Linguistic and Literary Aspects.— In: «La Lingua di Ebla». L. Cagni (ed.). Napoli, 1981, p. 121 sqq.

ке. Что же касается эблаитского искусства, то оно в основном следует шумеро-аккадским канонам, хотя во многом самобытно. Особенно замечательны «составные» рельефы из разных материалов, соединяющие горельефную и круглую скульптуру, а также скульптура, резанная из дерева, и др. Сохранились эти памятники искусства, к сожалению, плохо; реставрация их не закончилась, и опубликовано еще не все.

Военно-политические события, в которые могла быть вовлечена Эбла, из ее собственных архивов нам не известны. Сначала считали, что один из документов описывает поход царя Эблы против Мари и завоевание этого города; но в дальнейшем выяснилось, что в данном тексте царь (I u g a l) Мари Энна-Даган сообщает царю Эблы о собственных деяниях в районе, довольно отдаленном от эблаитского царства. О походах на Эблу сообщают два царя нижнемесопотамской династии Аккаде: Саргон Древний (2316—2261 гг. до н. э.) и Нарам-Суэн (2236—2200 гг. до н. э.). Видимо, именно Нарам-Суэн совершенно разрушил «Эблу и Арманум» и уничтожил эблаитское царство около 2225 г. до н. э. при его последнем царе Ибби-Зикире (ранее неправильно читали: Ибби-Сипиш).

После разрушения Эбла была вновь восстановлена около 2000 г. до н. э., но население ее сменилось; теперь здесь был распространен другой, типологически несколько более поздний западносемитский язык — аморейский, а также несемитский хурритский. Эбла играла определенную роль в течение первой половины II тысячелетия до н. э., но затем была опять разрушена и более уже не возродилась.

Наш сборник посвящен исключительно Эбле слоя Телль-Мардих IВ1 (периода Ранней бронзы, примерно 2500—2225 гг. до н. э.), когда в ней жило самобытное население, говорившее на новооткрытом древнесемитском — эблаитском языке.

Амореи, впрочем, обитали в районе Эблы (как показывают собственные имена) уже в период IВ1. Менее вероятно в те времена наличие здесь хурритов. Дж. Петтинато ссылается на упоминания в эблаитских текстах четырех хурритских имен божеств — Адамма'у, Аштапи, Хебат и Ишхары. Первые два действительно входят в названия эблаитских месяцев, однако Адамма'у был, вероятно, заимствован хурритами из субстрата, так как его имя трудно объяснить с точки зрения хурритского словообразования; то же может быть верно в отношении Аштапи. Ишхара — богиня дохурритского субстрата, хорошо известная в районах, никогда не заселявшихся хурритами, например в Уруке (Шумер). Что касается имени Хебат, то тут мы, видимо, опять имеем дело с неправильным прочтением знаков. Поэтому можно заключить, что хурриты, хотя ко второй половине III тысячелетия и достигли долины Тигра и некоторых

районов Верхней Месопотамии (а если считать их носителями хирбет-керакской и куро-араксской культур, то и Южной Сирии и Северной Палестины), в северо-западной Сирии в это время еще не появлялись.

С другой стороны, И. Е. Гельб справедливо указывает на то, что топонимика эблаитских текстов не хурритская, не шумерская и не семитская (мы могли бы прибавить — и не индоевропейская), а указывает на какой-то более древний этнический субстрат, пока совершенно загадочный¹⁸.

В некоторых околону научных кругах исключительный интерес вызвало название соседнего с Эблой сирийского города Агтапит, а также нередко встречающегося в текстах топонима (?) или этнонима (?) аг-тi^{ki}, и возникла надежда — нельзя ли видеть здесь предков армян? На это следует заметить, (1) что топоним Агтапит построен по правилам семитского словообразования, (2) что ни в многочисленных личных именах из Эблы, ни в топонимике нет и намека на армянский или какой-либо иной индоевропейский лингвистический элемент, (3) что топонимы, как общее правило, не называются по этнонимам, (4) что никогда в течение своей истории сами армяне себя так не называли, (5) что еще неясно, является ли аг-тi^{ki} силлабическим написанием, которое так и нужно читать, или же шумерограммой, которую следует читать совершенно иначе.

Термин перс. *Arminiya*-, греч. *Αρμένιοι*, несомненно, был создан соседями армян-*hauk* по какому-то топониму на южной окраине их обитания (сами армяне, как уже отмечено, его не употребляли); нет причин, почему бы этот топоним не мог существовать здесь намного раньше, за тысячелетия до образования армянского этноса. Но в то же время надо сказать, что звукосочетание *агт- настолько распространено почти во всех языках мира, что топонимы, включающие его, встречаются на Земле буквально повсюду, и связывать их с одним определенным этносом, да еще с таким, который сам себя так не называл, логически неправильно.

Предположение о существовании армян в Сирии III тысячелетия до н. э. не представляется вероятным; оно, во всяком случае, должно основываться на значительно более веских доводах, чем случайное (и неполное) созвучие между названием древнесирийского семитского города III тысячелетия до н. э. и названием, которое дают с VI в. до н. э. армянскому народу чужестранцы. Миф об армянах, упоминаемых в эблаитских текстах, обречен растаять так же, как миф о библейских городах. Что касается этнонима аг-тi^{ki} (если это действительно этноним, что сомнительно), то более вероятно, что в

¹⁸ Gelb I. J. *Ebla and the Kish Civilization*. — In: «*La lingua di Ebla*», L. Cagni (ed.). Napoli, 1981, p. 64 sqq.

нем нужно видеть название жителей г. Арманум, или же известный семитский этноним агпī, агатī, агатпī. Он не относился изначально к арамеям, т. е. к определенной, засвидетельствованной с конца II тысячелетия до н. э. группе семитов, язык которых отличался некоторыми характерными специфическими чертами фонологии, морфологии и лексики. Дело в том, что этноним Агати (откуда притяжательная форма агатī, агпī и т. д.) упоминается уже в аморейских генеалогиях начала II тысячелетия до н. э., а также в Библии в качестве эпитета предка древних евреев, арамеев и арабов и, видимо, означал «номады» вообще, так как ни амореи, ни евреи, ни арабы никогда не говорили на том семитском языке, который сейчас в науке называется арамейским.

IV

ЯЗЫК ЭБЛЫ

Прежде чем обсуждать эблаитский язык, необходимо добраться до него сквозь эблаитскую письменность. Будучи заимствованным из шумерского протописьма периода РД II, еще носившего в значительной мере мнемонический характер, эблаитское письмо тоже все еще не ставит себе целью точно воспроизводить поток речи со всеми его фонетическими, фонологическими и морфологическими признаками и особенностями. Шумерограммы, которыми обозначено более 90% текста не считая некоторых заклинаний и имен собственных, передают, в сущности, не слово, а только стоящее за ним понятие и не выражают грамматической формы слова в данном контексте (даже тогда, когда сама шумерограмма состоит из группы клинописных знаков, по-шумерски выражающих какую-то определенную морфологическую форму шумерского слова). Еще более показателен следующий характерный прием эблаитского письма: для передачи множественного числа имени эблаитский писец повторяет основу слова целиком (m u - t ū m - m u - t ū m 'взносы'). Это объясняется тем, что в шумерском языке существовало несколько типов образования множественного числа, в том числе так называемое дистрибутивно-обобщающее множественное (u d u - u d u 'все бараны, каждый по отдельности'). Однако в эблаитском письме прием удвоения применяется не только к шумерограммам, но и к семитским словам в силлабическом написании (например, na-si₁₁-na-si₁₁ 'люди'), что не имеет никакой аналогии в языках семитской семьи. Дело заключается в том, что шумерские знаки в эблаитском фонетическом (силлабическом) употреблении не приспособлены для передачи долготы ни гласных, ни согласных, а именно долгота являлась в ряде случаев средством различения единственного и множествен-

ного числа в эблаитском. Далее, так же как в шумерографическом тексте написание одной основы может заменять полную флективную форму слова, так изредка и силлабически написанное эблаитское слово может, кажется, передавать не флективную его форму, а тоже только одну основу: ḫa-za-an š u - b a₄ - t i 'градоначальник взял' (по Петтинато²⁹) вместо *ḫazānum *yimḫur (если текст прочтен правильно).

Семитские языки, как известно, имеют два бинарных противопоставления в фонологии согласных — «глухие : звонкие» и «эмфатические (глоттализированные или веляризованные): неэмфатические», что дает в результате три ряда согласных, например в арабском /t, ṭ, d; ṭ, z, d; s, ṣ, z/; звонкость или глухость эмфатического согласного в фонологическом плане иррелевантна. Шумерский язык имел только одно бинарное противопоставление, по-видимому между слабым (например, /t(h)/) и интенсивным (/t'/); это противопоставление шумеро-аккадские словари передают как противопоставление звонких (типа /d/) и глухих (типа /t/); соответственно и в наборе шумерских силлабических значений клинописных знаков в принципе различались слоги типа t(h)V (где V — гласный) и типа t'V, что аккадцы в своих словарях воспринимали как dV и tV.

Однако ни в староаккадской, ни в еще более архаичной эблаитской орфографии согласные внутри одного ряда не различаются по каким бы то ни было фонетико-фонологическим противопоставлениям; графический знак обозначает только звук определенного ряда, но не его звонкость, глухость или эмфатичность. При этом для передачи слога, содержащего согласный данного ряда, произвольно берутся знаки или для шумерского слабого (аккадского звонкого), или для шумерского сильного (аккадского глухого). Например, для /da, ṣa, ta/ обычно берется знак da, для /gu, qu, ku/ — обычно знак gú, но для /di, ṭi, ti/ берется знак ti, и т. п. Кроме того, в эблаитской письменности нет полного комплекта знаков типа VC (где V — гласный, а C — согласный), поэтому эблаитяне пишут ti-ni-tum, вероятно имея в виду tintum 'фига', gi-zi-lum — возможно, /qizum/ 'связь', ú-mi-mi — несомненно, /'ummu(m)/ 'мать', ši-ri-mi-nu — /ṭirmī-nu(m)/ 'кипарис', a-ni-nu-ru₄-tum — /annurūtu(m)/ (значение неизвестно) и т. п. Чаше долгота (удвоение) согласного вообще никак не обозначается, как и долгота гласного. Наконец, подобно множеству других архаических письменностей, эблаитское письмо часто не передает /-п/ и /-т/ в конце слога (la-ḫa = /laḫān/) ³⁰, а также дифтонгов /-aw-/ и /-ay-/ (ba-da-a = /baytāy/). Знак а сам по себе может читаться (')а, ау или уа, и т. п.

²⁹ G. Pettinato. Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh — Ebla. Napoli, 1979, N 6424—6430.

³⁰ Ср. также ниже о мимации/нунации.

В настоящее время мы можем довольно уверенно реконструировать систему праафразийских согласных; меньше ясности в отношении прасемитской системы согласных; автор настоящей статьи склонен считать, что она мало отличалась от праафразийской. Чтобы внести ясность в вопрос о возможной реконструкции эблаитской фонологии, ниже мы приведем три таблицы: I) реконструируемая система афразийских согласных, II) система рядов согласных фонем (обозначаются прописной буквой), различных с помощью эблаитских слоговых знаков, III) система согласных в арабском языке, сохранившем наибольшее число согласных фонем из живых семитских языков, не считая бесписьменных южноаравийских (данные их приведены в примечании под таблицей).

I. Праафразийская система согласных

—	p	p̄	b	—
f	—	—	—	m
—	t	t̄	d	—
s	ts	t̄s	dz	n
š	tš	t̄š	dž	r
š	tš	t̄š	—	l
—	k	k̄	g	i
—	k ^w	k̄ ^w	g ^w	u
b	kḅ	qḅ	gḅ	—
b ^w	?	?	?	h ^v
ḅ	—	—	—	'
h	—	—	—	—

II. Эблаитская орфографическая передача согласных слоговыми знаками

—	BV	BV	BV	—
BV	—	—	—	MV
—	DV	DV	DV	—
ŠV	ZV	ZV	ZV	NV
ŠV ^a	ŠV	ZV	ŠV ^b	LV/RV
SV	SV ^a	ZV	—	LV
—	GV	GV	GV	I, A
—	—	—	—	WV
HV	?	?	HV ^r	ø
'A ^x	—	—	—	ø
'A ^x	—	—	ø	—

^a В раннем староаккадском здесь особая серия знаков.

^b В староаккадском ZV.

^в В эблаитском, как и в староаккадском, праафраз. *š и *š совпали в *š.

^г Написание BIR,ḪA-SUM для /pīṛašum/ 'блоха' доказывает наличие /gh > γ/ в эблаитском и, очевидно, уже в прасемитском.

^д Иначе транскрибируется é.

Заметим, что эта орфографическая система почти полностью совпадает со староаккадской. Единственное различие состоит в том, что в староаккадском праафр. *dž = араб. ḏ передается не знаками ŠV, а знаками ZV, и в том, что сочетания r + V не пишутся знаками типа LV.

III. Арабская система согласных

—	f	b	b	—
f	—	—	—	m
	t	t	d	—
š	s	š	z	n
'/-h/-s	t	z	d	r
š ^а	š/s ^а	q ^а	—	l
—	k	q	ğ	l
b	ʔ	ʔ	γ	u, 'u
h	—	—	—	'
h	—	—	'	—

^а В южноаравийских сохраняются латеральные š, š (или l). Рассматривая эти таблицы, нужно задаться следующими вопросами:

1) Имела ли эблаитская фонология ровно столько согласных фонем, сколько было силлабических знаков для их различения? Вопрос этот стоял уже перед исследователями староаккадской письменности и решается отрицательно. Дело в том, что примерно с XIX в. до н. э. в аккадском была введена новая орфография, гораздо лучше дифференцирующая согласные, а именно:

IV. Позднеаккадская слоговая орфография

—	PV	PV	BV	—
PV	—	—	—	MV
—	TV	TV	DV	—
šV	SV	SV	ZV	NV
šV	šV	šV	ZV	RV
šV	šV	šV	—	LV
—	KV	QV	GV	YV
ḪV	—	—	ø(+e)	WV, V
ø+e	—	—	—	ø+e
ø	—	—	ø, 'V	—

Так как фонемы /p/, /t/, /ʃ/, /k/, /q/, /s/ и т. д. не могли дифференцироваться спонтанно — тем более, что они без исключения соответствуют r/i, t, ʃ, k, q, а также эмфатическим сибиллянтам в других независимо развившихся семитских языках, — то ясно, что эти фонемы должны были существовать уже и в староаккадском, хотя и не имели специфических знаков для своего графического выражения.

И. Е. Гельб полагает, что в староаккадском не дифференцировались праафраз. *s, *š, *š̄ (которые он обозначает символом š̄), а также праафраз. *ʃs, *ʃš, *ʃš̄ (которые он обозначает символом š̄). Он исходит из того, что эти фонемы не обнаруживаются и в позднейшей аккадской орфографии. Поэтому он не считает их прасемитскими, а полагает, что они вторично дифференцировались из фонем /š/ и /s/, так же как /y/ из /i/, что давно уже утверждали чехословацкие лингвисты Р. Ружичка и К. Петрачек. Соответственно И. Е. Гельб отрицает наличие фонем, коррелирующих с праафраз. *s, *š, *š̄ и *ʃs, *ʃš и в эблантском.

Нам кажется, что рассуждение И. Е. Гельба не выдерживает критики. Действительно, не только соответствия обсуждаемым сибиллянтам и сибиллянтным аффрикатам уже не возникают в позднеаккадской орфографии, но не возникают и соответствия праафраз. *ʃ, *h и ʃ, существование которых в староаккадском не вызывает сомнения. Если эти фонемы могли исчезнуть из языка между XXVI—XXIII вв. до н. э. (временем раннестароаккадских записей) и XIX в. до н. э. (временем создания поздней орфографии), то разве не могло произойти то же самое с фонемами, соответствующими праафраз. *ʃs, *ʃš? Кроме того, даже поздняя аккадская орфография не передает различий между /-p/ и /-b/, между /-t/, /-ʃ/ и /-d/, между /-k/, /-q/ и /-g/, между /-s/ (и часто /-š/), /-s̄/ и /-z/ в конце слога, а в некоторых случаях не различает эти фонемы и в других комбинациях (например, ʃu можно, но не обязательно, отличать от du = ʃu, а ʃi от di = ʃi, зато ʃa и da всегда пишутся одним и тем же знаком). Поэтому не может быть никакой уверенности в том, что и поздняя аккадская орфография передает все имевшиеся в языке согласные фонемы. Наконец, регулярный переход аккад. št, šd > lt, ld показывает, что три простых праафразийских сибиллянта (/s/ по Гельбу) совпали в аккадском не в /š/ (т. е. «ш») — такое написание не более как дань традиции, идущей от XIX в., — а в /š/ латеральное (вроде «шь»). А это означает, что /š/ существовало и в староаккадском. Что касается /y/, то оно явно имелось уже в эблантском, а не развилось из /i/, по Ружичке. Правда, Гарбини выводит /y/ из /h/.

Заметим, наконец, что принятое сейчас в науке произношение фонем, регистрируемых в позднеаккадской орфографии, ничем не

доказано, а просто перенесено из арабского языка в середине XIX в. Сейчас есть весьма веские данные²¹, заставляющие реконструировать обозначаемые в традиционной транслитерации через š, s, š, z, позднеаккадские сибиллянты как /s/ /ts/ /tʃ/ /dz/, и такое произношение следует постулировать и для староаккадского.

Вернувшись еще раз к сопоставлению таблиц I и II, мы обнаружим, что всюду, где эблаитская (и староаккадская) орфография дает знаки типа ZV, в праафразийском мы находим аффрикаты: ts, ʃs, dz, tʃ, tʃ. То обстоятельство, что предполагаемое аккадское s²² (= др.-евр. /s/, араб. /s/) передается не знаками для чистых сибиллянтов ŠV, а знаком для аффрикат ZV, заставляет думать, что и в эблаитском сохранялись праафразийские аффрикаты ts, ʃs, dz (несомненно) и /tʃ/, /tʃ/ (вероятно) на месте арабских s, š, z, ž, ġ.

Примечательно, однако, что праафразийские фонемы, реконструируемые как *tʃ и *dʒ (тоже аффрикаты), передаются в староаккадском соответственно как ŠV (то есть особым рядом знаков, применяемых только для данной фонемы) и ZV (рядом знаков для аффрикат), а в эблаитском обоим этим фонемам соответствует написание ŠV. Иногда в обоих этих языках вводится особый ряд знаков SV для праафразийского *š.

Здесь надо учесть, что праафразийская фонема *š из семитских сохранилась лишь в арханческих языках: аккадском и эблаитском и в минеемском диалекте южноаравийского эпиграфического. В других же языках она превратилась в ' , -h-, -s# (в арабском) или h (в древнееврейском) и т. п.²³ Соответственно в тех же языках имело место развитие: tʃ > th > t (межзубное), tʃ > th > z (тоже межзубное), dʒ > dh > d (межзубное); или, в арамейском, tʃ > th > t, tʃ > th > t, dʒ > dh > d. В эблаитском и аккадском, где перехода *š > h не произошло, нет основания реконструировать и межзубные в том же ряду; вероятно, в эблаитском пал взрывной элемент аффрикаты (*tʃ > š, *dʒ > ž; такое же развитие предполагает И. Е. Гельб для аморейского языка); в аккадском, возможно, tʃ, dʒ сохранили аффрикативность, но tʃ > š или š (и далее, вероятно, > s).

²¹ См. пока Diakonoff I. M. Towards the pronunciation of a dead language: Akkadian.— In: «Assyriological Miscellanies», I. Copenhagen, 1981, p. 7—12.

²² В древнеегипетском предполагаемое древнесемитское /s/ (на самом деле /ts/) транскрибируется не как s, хотя это было бы возможно, а как t (читать /tʃ/). Так же в хурритском II тыс. до н. э. и т. п.

²³ Впрочем, *š- иногда сохраняется также в арамейском (по крайней мере частично — под аккадским влиянием), в угаритском (в каузативных глаголах) и в архаичной ономатике в аморейском; см. Diakonoff I. M. Father Adam.— In: «Archiv für Orientforschung», Beiheft 19. Graz, 1982, S. 16—24.

Эблаитская орфография различает четыре гласных: а, і, u, е. Последний гласный, однако, не является фонемой, так как встречается только в позиции соседства с фонемами /h/ и /'/, которые в данном случае графически не выписываются, а лишь восстанавливаются по этимологическим соображениям. Наличие знаков типа E, EN является сигналом о наличии /h/ или /'/' в данном слого, но ничего не говорит о действительном произношении гласного. Так же как и в аккадском, транслитерация е означает «какой-то гласный, менее открытый, чем [a], и более задний, чем [i]»; это может быть, например, звук типа русского «ы», а не обязательно «э».

Из этого довольно пространный изложения видно, что реконструкция эблаитской фонологии (и тем более фонетики) является делом весьма трудным. Эблантологи пользуются как «слитной транскрипцией» (обыкновенно в косых скобках), так и «транслитерацией по знакам». Однако при «слитной транскрипции» они условно реконструируют фонетику арабского типа (например, 'à-da-šu /ħadāṣu(m)/, хотя допустимо было бы и /ħadācu(m)/ и т. п.), а при «транслитерации по знакам» все же проводят частичную субъективную реконструкцию произношения, например пишут kà-rá-gum_x, где kà передает знак GA, rá — знак BA, а gum_x — знак LUM. Пользующийся транслитерациями читатель-неспециалист должен быть чрезвычайно осторожен и воздерживаться от поспешных выводов.

Остановимся вкратце на эблаитской морфологии.

1. Личные самостоятельные местоимения

- 1 л. общ. р. ANA^{na} /anā/
 2 л. м. р. AN-DA /antā/, вин. п. GŪ-WA-TI /kuwāti/, дат. п. GŪ-WA-SI /kuwāši(m)/; мн. ч. AN-DA-NU /antanu/
 3 л. м. р. SU-WA /šuwā/, вин. п. SU-WA-TI /šuwāti/, дат. п. SU-WA-SI /šuwāši(m)/; мн. ч. SU-NU /šunū/
 3 л. ж. р. SI-A /šiyā/

2. Суффиксальные местоимения

- 1 л. общ. р. род. п. -I /-iyV/, вин. п. -NI /-ni/
 2 л. м. р. род./вин. п. -GA /-ka/, дат. п. -KUM /-kum/
 2 л. ж. р. род./вин. п. -GI /-ki/
 3 л. м. р. род./вин. п. -SŪ, -SU /-šu/, дат. п. -SU-UM /-šum/;
 мн. ч. -SU-NU /šunu/
 3 л. ж. р. род. п. -SA /-šā/; мн. ч. -SI-NA /-šina/
 вин. п. -SI-NA-AT /-šināt/

Формы с -š- в 3 л., совпадающие с аккадскими, — архаизмы, и потому ничего не говорят о классификации эблаитского языка.

Все формы прямого падежа и притяжательные, с учетом этой архаической особенности, совпадают с западносемитским (более всего — с арабским: араб. *ana, antā, huwā, hiyā, humū, -ī/-ya, -ka, -ki, -hū, -hā*, ср. аккад. *anaku, attā, šū, šī, šunu, -ī/-ya, -ka, -ki, -šu, -ša*). Наличие форм винительного и дательного падежа *kuwāti, šuwāti, -šipāi; kuwaši(m), šuwaši(m); -kum, -šum*, совпадающих со староаккадским, следует также расценивать как архаизм. Ср. пережиточные формы *hwī (*huwāti)* в угаритском и южноаравийском эпиграфическом, *wə'ətū (<*h^wə'ətū < *hu'atu)* в эфиопском, *hmt (< *himāti)* в финикийском и южноаравийском эпиграфическом.

3. Определительно-относительные местоимения

Ед. ч.	м. р.	им. п.	ŠU	род. п.	ŠI	вин. п.	ŠA
	ж. р.		ŠA-DU		ŠA-TI		?
Мн. ч.	м. р.		?		ŠU-TI		?
	ж. р.		ŠA-DU		ŠA-TI		?

Неизвестно, следует ли читать на староаккадский лад — *īū* (или *tšū*), *īī* (*tšī*), *īā* (*tšā*); *īātu* (*tšātu*), *īāti* (*tšāti*), или же на западносемитский — *dū* (*džū*), *dī* (*dži*), *dā* (*dža*); *dātu* (*džātu*), *dāti* (*džāti*). Как упомянуто выше, эблайтская орфография допускает оба чтения, и потому неясно, имеем ли мы здесь эблайтско-аккадскую или эблайтско-западносемитскую изоглоссу; последнее кажется мне вероятнее.

В эблайтских текстах относительное местоимение часто заменяется шумерограммой LÜ 'человек'; это слово играет и в шумерском роль подчинительного слова, но (в отличие от эблайтского) только когда речь идет о людях мужского пола, а не о женщинах или вещах.

4. Вопросительные местоимения

Одушевл. им. п. MA-N(V), MA-NU /mappu/, вин. п. MA-NA /mappa/. Неодушевл. им. п. MI- /mīn/, MI/MI-NU /mīnu/, дат. п. MI-NE-IŠ /mīniš/.

Система вопросительных местоимений в эблайтском совпадает в общих чертах с аккадской системой, и то же более или менее верно в отношении неопределенных местоимений.

5. Имя

Имя в эблайтском имеет два рода (м. р. -ø-, ж. р. -(a)t-) и шесть падежей: ед. ч. им. п. -u(m), род. п. -i(m), вин. п. -a(m), дат.-лок. п.

-iš, по-видимому, локатив-адвербиалис на -um²⁶ и, кроме того, абсолютный падеж -a/-ø. Последний выражает имя в роли предиката (или вне грамматической связи, как в именах собственных, например Hadda — имя божества грозы, аккад. Addu или Adad). Обычно семитологи относят этот падеж к категории состояний (status praedicativus и status absolutus). Исследователи эблантского языка пытаются различать в эблантском status praedicativus (чаще на -a) и status absolutus (чаще на -ø), но нам кажется, что формы на -a и на -ø являются алломорфами или даже аллографами.

Все перечисленные падежи, если не считать локатива-адвербиалиса, существовали ранее во всех семитских языках. Как известно, к I тысячелетию до н. э. потеряли внешнюю падежную флексию все семитские языки, кроме арабского, сохранившего им. п. -u(n), род. п. -i(n) и вин. п. -a(n) (для некоторых имен, как и в аморейском, только прямой п. -u и косв. п. -a). Однако почти повсюду сохранились следы более полной падежной системы (правда, в западносемитских локативный падеж был на -aš > -ah, а не -iš).

Вместо абс. п. -a ряд языков имел -ø²⁶, см. об. этом ниже. Мн. ч. м. р. прямой п. -ū, косв. п. -ī, двойств. ч. пр. п. -ān, косв. -ajn²⁶, ж. р. прямой п. -āt-um, косв. п. -āt-im, двойств. ч. пр. п. -āt-ān.

В данном случае наблюдается полное совпадение между эблантским и аккадским.

Окончание -m (-n), так называемая мимация/ нунация²⁷, является пережитком постпозитивного артикля, поэтому она отсутствует, если имя определено другим именем (так называемое сопряженное состояние, или status constructus)²⁸. В прочих отношениях мимация/нунация в эблантском, как и в староаккадском, начала

²⁶ Иногда употребляется с предлогом šī-in. Элемент -m несет в этом показателе собственно падежную функцию (как показывает сопоставление с некоторыми кушитскими языками, а также невыпадение этого элемента перед определением), хотя в аккадском он был воспринят как мимация (см. ниже) и разделал ее судьбу, т. е. был в дальнейшем утерян. Ср. H e t z r o n R. Les affixes casuels couchito-sémitiques. Groupe linguistique des études chamito-sémitiques, 22. Paris, 1977, p. 219—233.

²⁷ К нулевой форме нужно отнести и эблантские формы a-bu_z 'отец', a-ḥu_z 'брат', где -u относится не к флексии, а к основе. Однако засвидетельствованы параллельные формы a-ba, a-ḥa.

²⁸ В графике двойственное число нередко обозначается цифрой '2' с опущением морфологического показателя. Элемент -n является «нунацией».

²⁷ Ср. нунацию -n в арабском и первоначально, вероятно, в арамейском и некоторых других западносемитских языках, а также в формах двойственного числа в эблантском и аккадском и как пережиток еще в немногих аккадских формах.

²⁸ По характеру образования status constructus (видимо, архаичному, а поэтому не являющемуся классификационным признаком) эблантский ближе всего к арабскому и затем к староаккадскому.

терять свою детерминирующую функцию и служила скорее для более четкого различения единственного числа на -и от множественного числа на -й при существовавшей тенденции к стяжению долготы в быстрой речи. В эблайтской графике мимазия (как и конечное -п, даже в основах) часто опускается, но, по-видимому, по той же причине, почему в конце слова вообще часто не выписываются носовой звук или сонанты у, w, т. е. по орфографическим, а не по морфонологическим соображениям.

6. Глагол

По данным И. Е. Гельба, к которым — по-видимому, более осторожно — склоняется и П. Фрондзароли, в эблайтском языке, как в аккадском и эфиопском, отчасти в современных южноаравийских, существовало две видо-временные категории, выражавшиеся префиксально-суффиксальным личным субъектным спряжением: для эблайтского это форма *yi-qtul (yi-qtīl, yi-qtal) и форма *yi-qatta/il. По аналогии с аккадским языком можно предполагать, что первая выражала действие совершенное, а также, возможно, юссив (пожелательное наклонение), вторая же — действие несовершенное, хотя не исключены и различные временные коннотации этих форм.

Показатели спряжения:

Ед. ч.	1 л. общ. р.	'a-...	Мн. ч.	1 л. общ. р.	?
	2 л. м. р.	ta-...		2 л. м. р.	?
	2 л. ж. р.	?		2 л. ж. р.	?
	3 л. м. р.	yi-...		3 л. м. р.	yi-...-й
	3 л. ж. р.	ta-... ³⁰		3 л. ж. р.	ta-...-ā(?)

Форма префикса 3 л. м. р. yi- вместо ya- характерна также для аккадского, ханаанейского, арамейского. В остальном парадигма не отличается от древнейшей общесемитской.

Наряду с префиксально спрягаемыми глагольными формами существовала и суффиксально спрягаемая, аналогичная аккадскому ставу (предикату состояния) и западносемитскому перфекту (форме совершенного вида). Общеизвестно, что эта форма в семитских языках являлась первоначально именным предикатом в абсолютном падеже и соответственно имела окончание либо -a (в арабском, частично в аморейском, по-видимому, в угаритском),

³⁰ В теофорных именах собственных, представляющих собой в древнесемитских языках развернутые глагольные предложения, женский род глагола употребляется и при субъекте — божестве мужского рода, если носительница имени — женщина.

либо -ø (в ханаанейских, частично в аморейском). В эблаитском эта форма имеет преимущественно нулевое окончание, хотя, по-видимому, встречаются и формы с окончанием -а. Ср. выше об абсолютном падеже.

Имея в виду, что эблаитский сохраняет противопоставление старого перфектива **yi-qtul* и старого имперфектива **yi-qattal* (правда, в основном судя по ономастическому, то есть наиболее архаичному материалу), можно было бы ожидать, что суффиксальная форма означала бы стative, как в аккадском, а не перфектив. Но это, по-видимому, не так, и данная форма может выражать действие (например, *BA-NA-A /baṇaʾa/* 'создал'), а не только состояние, т. е. как в позднейших западносемитских языках. Изогlossой с западносемитскими языками является и более частая огласовка по типу *la2a3(a)* (как для переходных, так и для непереходных глаголов), чем по типу *la2i3*, столь характерному для аккадского.

Императив в эблаитском образуется так же, как в аккадском. Вопрос о наклонениях еще недостаточно исследован.

Спрягаемой формы пассива в эблаитском нет (он вообще позднее явление в семитских языках).

Подобно большинству архаичных семитских языков, эблаитский имеет мало пород⁸⁰. Безусловно засвидетельствованы породы G, D, Š и двойная порода DŠ; формы с инфиксом -*ta-* могут рассматриваться либо как породные, либо (подобно аккадским) как видо-временные; на последнее, возможно, указывает сочетание элемента T не только с G но и с DŠ.

Похоже, что породы N в эблаитском (как и в арамейском, но в отличие от аккадского) не было. Одна-две формы, которые могли бы быть отнесены сюда, возможно, относятся к аморейской, а не эблаитской ономастике или должны вообще интерпретироваться иначе.

Характерны отглагольные имена: инфинитив породы G **qatal-* (как в аккадском, аморейском и ханаанейском, включая еврейский), но от глаголов с первым *w/y ši'-um (wš')*, *da'-um (jd')*; инфинитивы пород D и Š **qattul-*, **ša-qtul* (как в ассирийском диалекте аккад-

⁸⁰ Породой называются парадигматически связанные группы производных глагольных основ, выражающие отличия в образе действия (повторное, усиленное, факitivное, каузативное, совместное, возвратное и т. п.). Каждая порода имеет полную парадигму личного спряжения, видо-временных форм и отглагольных именных форм. Семитологи применяют самые различные условные обозначения для пород. У нас приняты: G — основная порода, D — порода с полностью или частично удвоенной основой, A — с инфиксом -*ā-* или -*ay-*, T — с префиксом или инфиксом -*ta-*, Š — каузативная порода с префиксом *šV-, N — возвратно-пассивная порода с префиксом *pa-(i)ḥ-* и т. д. Имеются и породы с двумя и тремя породными признаками.

ского); активные причастия G *qātil- (как во всех семитских языках, кроме самых южных), D *mu-qatīl-, DŠ *mušaqatīl- (mušaka- "inim = аккад. muškēnum 'илот', пассивное причастие G qatīl- (как в западносемитских), qatal- (в других семитских языках обычно эта модель имеет уменьшительно-ласкательное или иное, но не пассивное значение). В других породах пассива нет; спрягаемых пассивных форм вообще нет (черты архаизма).

7. Предлоги и частицы

Известны следующие, нетипичные для других семитских языков предлоги: ĀŠ-DU 'из', ĀŠ-TI 'с, от', ĀŠ-DĀ 'на, у, от' (сохраняют склонение как след своего именного происхождения, имеют параллели в аккадском); EŠ = дательному падежу на -iš, имеет параллели в других афразийских языках; IN 'в; из', есть параллель в аккадском; IŠ-KI 'для', имеет параллели в эфиопских языках, например эфиоп. 'əskā 'до'; GA /ka/ 'как, словно' (подобно южно- и западносемитским, кроме аморейского; в аморейском и аккадском ki); NI-NA (чтение i-на 'к, для'; вероятно, падежная форма к in). SI-IN передает главным образом дательный падеж, может быть связан с южноаравийским эпиграфическим s, n 'к, ради'.

Отсутствуют (как и в аккадском) распространеннейшие семитские проклитические предлоги bi- 'в', li- 'к', а также предлог min 'из'.

Союзы: wu (по Гельбу), ar (как в западносемитских) и постпозитивное -ta (как в аккадском).

Завершая этот краткий грамматический обзор, мы должны еще раз предостеречь читателя, указав на то, что значительная часть приведенного материала извлечена не из текстов, а из личных имен (ономастики); ономастика же, во-первых, может отражать более архаический пласт языка, чем тексты, а во-вторых, видимо, содержит значительный слой не эблантских, а аморейских имен. Отметим, что шумерских, аккадских, хурритских и индоевропейских слов эблантская ономастика, судя по доступному пока материалу, не содержит. Что касается топонимики, то она, как отметил И. Е. Гельб, и семитских имен содержит мало.

8. Лексика

Интерес к эблантскому языку был вначале вызван публикацией отдельных выдержек из шумеро-эблантских словарей, показывавших не менее 50% изоглосс с западносемитскими языками и 50% изоглосс со всеми семитскими или только с аккадским. Однако публикация более обширных выдержек из шумеро-эблантского словаря²¹ разочаровывает. Большая часть лексики кажется хотя и

²¹ Pettinato G. I vocabulari bilingui di Ebla.— In: «La lingua di Ebla» L. Cagni (ed.). Napoli, 1981, p. 241 sqq.

семитской, но чисто местной, эблаитской; к тому же упоминавшиеся нами выше ограничения, накладываемые на понимание текстов замысловатой и несовершенной эблаитской орфографией, часто делают невозможной однозначную интерпретацию синлабически написанного эблаитского слова, а уже предложенные интерпретации превращают в весьма гипотетичные. Встречаются интересные параллели с несемитскими афразийскими языками ²¹.

9. Выводы

По имеющимся сейчас данным, эблаитский — чрезвычайно архаический язык семитской семьи афразийской языковой надсемьи. По-видимому, почти равное число изоглосс связывает его с аккадским (северо-восточным семитским) и с западносемитскими (по мнению Э. Липинского — с арамейским, по мнению М. Дахуда — с ханаанейскими; следует также обратить внимание на очень важные изоглоссы с арабским и с южными семитскими языками). Все это показывает, что эблаитский являлся частью общего прасемитского диалектного континуума, занимая в нем место между аккадским (восточносемитским) и западносемитскими диалектами; он, очевидно, весьма недавно отделился от общесемитского праязыка, но его изоглоссы с западносемитскими языками (включая арабский) следует, видимо, считать более инновативными и поэтому более показательными для классификации.

И. Дьяконов

²¹ Например, *u1-š1n* 'он узнал'; корень распространен во всех семьях афразийской надсемьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Albright 1965; Albright W. F. Some remarks on the archaeological chronology of Palestine.— In: «Chronologies in Old World archaeology». Chicago, 1965.

Amiet 1960: Amiet P. Notes sur le répertoire iconographique de Mari à l'époque du Palais.— «Syria», 37, 1960.

Amiet 1961: Amiet P. La glyptique de Mari à l'époque du Palais: note additionnelle.— «Syria», 37, 1961.

Amiran 1970: Amiran R. The Egyptian alabaster vessels from Ai.— «IEJ», 20, 1970.

Archi 1979: Archi A. An administration practice and the «Sabbatical Year» at Ebla.— «SEb», 1/5—6, 1979.

Archi 1979 a: Archi A. The epigraphic evidence from Ebla and the Old Testament.— «Biblica», 60, 1979.

Archi 1979b: Archi A. Diffusione del culto di NI-da-kul.— «SEb», I, 1979.

Archi 1980a: Archi A. Allevamento e distribuzione del bestiame ad Ebla.— «AnEb», I, 1980.

Archi 1980b: Archi A. Considerazione sul sistema ponderale di Ebla.— «AnEb», I, 1980.

Archi 1980b: Archi A. Ancora su Ebla e la Biblia.— «SEb», II, 1980.

Archi 1980c: Archi A. Notes on Eblaite geography.— «SEb», II, 1980.

Archi 1981: Archi A. I rapporti tra Ebla e Mari.— «SEb», IV, 1981.

Archi a: Archi A. Sull'organizzazione del regno di Ebla nel III millennio a. C.— «AnEb», (a nevaru).

Archi b: Archi A. ARET, I, (в печати).

Archi, Pecorella, Salvini 1971: Archi A., Pecorella P. E., Salvini M. Gaziantep e la sua regione. Roma, 1971.

Astour 1963; Astour M. Place-Names from the Kingdom of Alalah in the North Syrian List of Thutmose III: A study in historical topography.— «JNES», 22, 1963.

Astour 1973: Astour M. Note toponimique à la tablette A. 1270 de Mari.— «RA», 67, 1973.

Astour 1977: Astour M. Tunip-Hamath and its region. A contribution to the historical geography of central Syria.— «Or NS», 46, 1977.

Bauer 1972: Bauer J. Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch. Roma, 1972.

Baumgartner 1967: Baumgartner W. Hebräisches und aramäisches Lexicon zum A. T. Leiden, 1967.

Barla 1976: Barla W. Die erste Zwischenzeit im Spiegel der pessimistischen Literatur.— «SEOL», 24, 1976.

- Beckerath 1954: Beckerath (von) J. Untersuchungen zur politischen Geschichte der zweiten Zwischenzeit in Ägypten. Glückstadt, 1964.
- Beeston 1962: Beeston A. F. L. A descriptive grammar of epigraphic South Arabian. London, 1962.
- Beeston 1976: Beeston A. F. L. Qahtan. Studies in old South Arabian epigraphy, III. Warfare in Ancient South Arabia (2nd—3rd centuries A. D.). London, 1976.
- Benz 1972: Benz F. L. Personal Names in the Phoenician and Punic inscriptions. Roma, 1972.
- Bermant, Weitzmann 1979: Bermant Ch., Weitzmann M. Ebla. Neu entdeckte Zivilisation im alten Orient. Frankfurt am Main, 1979.
- Biggs 1966: Biggs R. D. The Abu Salābīkh tablets. A preliminary survey (The literary texts — the lexical texts — the exercise tablets — the economic texts).— «JCS», 20, 1966.
- Biggs 1974: Biggs R. D. Inscriptions from Tell Abu Salābīkh.— «OIP», 99, 1974.
- Biggs 1980: Biggs R. D. The Ebla tablets: An interim perspective.— «BA», 43, 1980.
- Bissing 1907: Bissing (von) F. Q. Steingefäße (= Catalogue général du Caire, 18065—18793). Vienne, 1907.
- Bisson de la Rouge, Conteneau, Chapouthier 1953: Bisson de la Rouge F., Conteneau G., Chapouthier F. Le Trésor de Tôd. Le Caire, 1953.
- Biau 1977: Biau J. «Weak» phonetic change and the Hebrew «in».— «Hebr-AnR», 1, 1977.
- Boehmer 1974: Boehmer R. M. Orientalische Einflüsse auf verzierten Messergriffen aus dem prädynastischen Ägypten.— «AMJ», 7, 1974.
- Boehmer 1974—1975: Boehmer R. M. Das Rollsiegel im prädynastischen Ägypten.— «Arch. Anz.», 4, 1974—1975.
- Borchardt 1913: Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sahu. Leipzig, 1913.
- Borger 1978: Borger R. Assyrisch-babylonische Zeichenliste. Kevelaer/Neukirchen-Vluyn, 1978.
- Bothmer 1971: Bothmer (von) B. A bust of Ny-user-Ra from Byblos, in Beirut, Lebanon.— «Kémis», 21, 1971.
- Bottéro 1968: Bottéro J. Syria before 2200 B. C. Cambridge, 1968.
- Bounni 1977: Bounni A. Preliminary report on the archaeological excavations at Tell al-'Abt and 'Arab al-Sabinah (Euphrates) 1971—1972.— «AASOR», 44, 1977.
- Bounni, Matthiae 1980: Bounni A., Matthiae P. Tell Fray, ville frontière entre Hittites et Assyriens au XIIIe siècle av. J.-C.— «Archaeologia», 140, mars 1980.
- Braidwood, Braidwood 1960: Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations in the plain of Antioch I: The earlier assemblages, Nhasas A — J. Chicago, 1960.
- Breasted 1906: Breasted J. H. Ancient records of Egypt, I. New York, 1906.
- Brockelmann 1908—1913: Brockelmann C. Grammatik der semitischen Sprachen, I—II. Berlin, 1908—1913.
- Brockelmann 1928: Brockelmann C. Lexicon Syriacum². Halls Sax., 1928.
- Buccellati 1966: Buccellati G. The Amorites of the Ur III Period. Napoli, 1966.
- Buccellati 1977: Buccellati G. The Old Babylonian linguistic

analysis project: Goals, procedures and first results.— In: «Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics». Pisa, 1977.

Buccellati 1979: Buccellati G. Comparative graphemic analysis of Old Babylonian and Western Akkadian. Schaeffer volume.— «UF», 11, 1979.

Buccellati 1979a: Buccellati G. (ed.). *Cybernetica Mesopotamica*. Malibu, 1979.

Butzer 1972: Butzer K. *Environment and archaeology*. Chicago, 1972.

CAD A. I. Chicago, 1964.

CAD A. II. Chicago, 1968.

CAD B. Chicago, 1965.

CAD D. Chicago, 1959.

CAD E. Chicago, 1958.

CAD G. Chicago, 1956.

CAD H. Chicago, 1956.

CAD I. J. Chicago, 1960.

CAD K. Chicago, 1971.

CAD M, 1—2. Chicago, 1977.

CAD Z. Chicago, 1961.

Cahiers de Mari: «Cahiers de Mari», I, II (в печати).

Castellino 1972: Castellino G. R. *Ewo Sulgi Hymns (BS)*. Roma, 1972.

Chéhab 1969: Chéhab M. *Noms de personnalités égyptiennes découvertes au Liban*.— «BMB», 22, 1969.

Civil 1973: Civil M. *The Sumerian writing system: some problems: approaches to the study of the Ancient Near East*.— «Or NS», 42, 1973.

Cohen 1970; Cohen D. *Dictionnaire des racines sémitiques*. Paris-La Haye, 1970.

Courtois 1973: Courtois J. C. *Prospection archéologique dans la moyenne vallée de l'Oronte. El Ghab et Er Roudj (Syrie du Nord-Ouest)*.— «Syria», 50, 1973.

Dahood 1978: Dahood M. *Congress Volume Göttingen 1977*. Leiden, 1978.

Dahood 1978a: Dahood M. *Ebla, Ugarit and the Old Testament: Congress Volume*.— «VTS», 29, 1978.

Dahood, Pettinato 1977: Dahood M., Pettinato G. *Ugaritic ršp gn and Eblaite rasap gunu(m)^{kl}*.— «Or NS», 46, 1977.

Deimel 1922: Deimel A. *Die Inschriften von Fara*.— «Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft». Leipzig, 1922.

Delougaz 1952: Delougaz P. *Pottery from Diyala Region*.— «OIP», 63, 1952.

Delougaz, Lloyd 1942: Delougaz P., Lloyd S. *Pre-Sargonic Temples in the Diyala Region*.— «OIP», 58, 1942.

Dever 1973: Dever W. G. *The EB IV — MB I horizon in... Southern Palestine*.— «BASOR», 210, 1973.

Diakonoff 1965: Diakonoff I. M. *Semito-Hamitic languages*. Moscow, 1965. (Перевод книги: Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. Опыт классификации. М., 1965).

Dornemann 1977: Dornemann R. H. *Tell Hadidi: A millennium Bronze Age city occupation*.— «AASOR», 44, 1977.

Dossin 1938: Dossin G. *Les archives épistolaires du Palais de Mari*.— «Syria», 19, 1938.

Dossin 1955: Dossin G. *L'inscription de Fondation de Jahdun-Lim, roi de Mari*.— «Syria», 32, 1955.

Dossin 1970: Dossin G. *La route de l'étain en Mésopotamie au temps de Zimri-Lim*.— «Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale», 64, 1970.

- Dunand 1937: Dunand M. Fouilles de Byblos, I—II. Paris, 1937, 1954, 1958.
- Dunand, Thureau-Dangin 1936: Dunand M., Thureau-Dangin F. Til Barsib. Paris, 1936.
- Edzard 1957: Edzard D. O. Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonien. Wiesbaden, 1957.
- Edzard 1976: Edzard D. O. Hamtu, marû und freie Reduplikation beim sumerischen Verbum (Schluss).—«ZA», 66, 1976.
- Edzard 1981: Edzard D. O. Der Text TM.75.G. 1444 aus Ebla.—«SEb», IV, 1981.
- Edzard 1981a: Edzard D. O. Verwaltungstexte verschiedenen Inhalts (aus dem Archiv L. 2769).—«ARET», 2, 1981.
- Edzard 1981b: Edzard D. O. Sumerisch 1 bis 10 in Ebla.—«SEb», III, 1981.
- Edzard, Farber, Sollberger 1974: Edzard D. O., Farber G., Sollberger E. Répertoire géographique des textes cunéiformes, II (IIIrd Dynasty of Ur). Wiesbaden, 1974.
- Edzard, Farber, Sollberger 1977: Edzard D. O., Farber G., Sollberger E. Répertoire géographiques des textes cunéiformes, I (Pre-Sargonic and Sargonic periods). Wiesbaden, 1977.
- El-Sayed 1979: El-Sayed R. Quelques précisions sur l'histoire de la province d'Edfou à la 2e période intermédiaire (études des stèles JE 38917 et 46988 du Musée du Caire).—«BIFAO», 79, 1979.
- Emery 1961: Emery W. B. Archaic Egypt. London, 1961.
- Fakhry s.a.: Fakhry A. The monuments of Sneseru at Dahshur. II, 2. Appendix.
- Falkenstein 1956: Falkenstein A. Die neusumerischen Gerichtsurkunden, I. Einleitung und systematische Darstellung. München, 1956.
- Falkenstein 1957: Falkenstein A. Die neusumerischen Gerichtsurkunden, III. Nachträge und Berichtigungen, Indizes und Kopien. München, 1957.
- Fischer 1972: Fischer W. Grammatik des Klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972.
- Fronzaroli 1968: Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico, V.—«ANLR», 23, 1968.
- Fronzaroli 1969: Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico, VI.—«ANLR», 24, 1969.
- Fronzaroli 1971: Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico, VII.—«ANLR», 26, 1971.
- Fronzaroli 1977: Fronzaroli P. L'interferenza linguistica nella Siria settentrionale del III millennio.—In: «Interferenza linguistica. Atti del convegno della Società Italiana Glottologica (Perugia 24—25 aprile 1977)». Pisa, 1977.
- Fronzaroli 1977 a: Fronzaroli P. West Semitic toponymy in Northern Syria in the third millennium B. C.—«JSS», 22, 1977.
- Fronzaroli 1978: Fronzaroli P. Report to «CRRA», Berlin, 1978.
- Fronzaroli 1979: Fronzaroli P. The Concord in Gender in Eblaite Theophoric Personal Names.—«UF», II, 1979.
- Fronzaroli 1979 a: Fronzaroli P. Problemi di fonetica eblaita, I.—«SEb», I, 1979.
- Fronzaroli 1979 b: Fronzaroli P. Un atto reale di donazione dagli archivi di Ebla (TM.75.G.1766).—«SEb», I, 1979.
- Fronzaroli 1979 c: Fronzaroli P. La contribution de la langue d'Ebla et la connaissance du sémitique archaïque.—«RAI», 20, 1979.
- Fronzaroli 1980: Fronzaroli P. Materiali per il lessico eblaita, I.—«AnEb», I, 1980.

- Fronzaroli 1980a: Fronzaroli P. Il verdetto per A'mur-Damu e sua madre (TM.75.G.1430).— «SEb», III, 1980.
- Fronzaroli 1980b: Fronzaroli P. Gli equivalenti di EME-BAL nelle liste lessicali eblaita.— «SEb», II/6, 1980.
- Fronzaroli 1980c: Fronzaroli P. Note sul contatto linguistico a Ebla.— «VO», 3, 1980.
- Fronzaroli 1981: Fronzaroli P. La congiunzione eblaita *ap*.— «SEb», IV, 1981.
- Fronzaroli: Fronzaroli P. The concord in gender in Eblaita theophoric personal names.— «Festschrift C. F. A. Schaeffer», в печати.
- Fugmann 1958: Fugmann H. Hama. Fouilles et recherches 1931—1938: II—1. L'architecture des périodes pré-hellénistiques. Copenhagen, 1958.
- Gaebelin 1977: Gaebelin P. W. Graphemic analysis of Old Babylonian letters from Mari. Malibu, 1977.
- Garbini 1972: Garbini C. Le lingue semitiche. Napoli, 1972.
- Garbini 1978a: Garbini C. Pensieri su Ebla.— «AION», 38, 1978.
- Garbini 1978b: Garbini C. La lingua di Ebla.— «PdP», 181, 1978.
- Gardiner 1909: Gardiner A. H. The admonition of an Egyptian sage, from a hieratic papyrus in Leiden. Leipzig, 1909.
- Gardiner, Peet, Černý 1955: Gardiner A. H., Peet T. E., Černý J. The inscriptions of Sinai, I—II. Oxford, 1955 (II ed.).
- Garelli: Garelli P. Remarques sur les noms géographiques des Archives d'Ebla (русский перевод см. в наст. сб.).
- Gelb 1952: Gelb I. J. Sargonic texts from the Diyala Region. Materials for the Assyrian dictionary I. Chicago, 1952.
- Gelb 1957: Gelb I. J. Glossary of Old Akkadian. Materials for the Assyrian dictionary, III. Chicago, 1957.
- Gelb 1958: Gelb I. J. La lingua degli Amoriti.— «ANLR», VIII, 13, 1958.
- Gelb 1961: Gelb I. J. Old Akkadian writing and grammar. Materials for the Assyrian dictionary, II². Chicago, 1961.
- Gelb 1969: Gelb I. J. Sequential reconstruction of Proto-Akkadian. Chicago, 1969.
- Gelb 1970: Gelb I. J. Comments on the Akkadian syllabary.— «Or NS», 39, 1970.
- Gelb 1970a: Gelb I. J. Sargonic texts in the Ashmolean Museum, Oxford. Materials for the Assyrian dictionary, V, Chicago, 1970.
- Gelb 1977: Gelb I. J. Thoughts about Ibla: a preliminary evaluation. March 1977.— «SMS», I, 1977.
- Gelb 1980: Gelb I. J. Computer-aided analysis of Amorite. Chicago, 1980.
- Gelb 1980a: Gelb I. J. apud Sollberger 1980.— «SEb», III, 1980.
- Giveon 1967: Giveon R. Royal seals of the XIIth Dynasty from Western Asia.— «RdE», 19, 1967.
- Giveon 1978: Giveon R. The XIIIth Dynasty in Asia.— «RdE», 30, 1978.
- Goedicke 1978: Goedicke H. Another remark about the Byblos cylinder seal.— «Gött. Misz.», 29, 1978.
- Gophna 1976: Gophna R. Egyptian immigration into Canaan during the First Dynasty? — «Tel Aviv», 3, 1976.
- Gröndahl 1967: Gröndahl F. Die Personennamen der Texte aus Ugarit. Roma, 1967.
- Guigues 1938: Guigues P. E. Lebe'a, Kafer Ġarra, Qrayé.— «BMB», 2, 1938.
- Hackmann 1958: Hackmann G. G. Sumerian and Akkadian administrative texts from Predynastic times to the end of the Akkad Dynasty.— «BIN» 8, 1958.

Haines 1971: Haines R. Excavations in the Plain of Antioch, II — the structural remains of the later phases in Chatal Hüyük, Tell al-Judaidah, and Tell Taynat.— «OIP», 45, Chicago, 1971.

Harding 1971: Harding G. L. An index and concordance of Pre-Islamic Arabian names and inscriptions. Toronto, 1971.

Heidel 1949: Heidel A. A special usage of the Akkadian term šadû.— «JNES», 8, 1949.

Heinrich et al. 1969: Heinrich E. et al. Bericht über die... im Euphrattal bei Aleppo begonnenen archäologischen Untersuchungen.— «MDOG», 101, 1969.

Heinrich et al. 1970: Heinrich E. et al. Zweiter vorläufiger Bericht über die... in Habuba Kabira und in Mumbaqaat unternommenen archäologischen Untersuchungen.— «MDOG», 102, 1970.

Heinrich et al. 1971: Heinrich E. et al. Dritter vorläufiger Bericht über die... in Habuba Kabira und in Mumbaqaat unternommenen archäologischen Untersuchungen.— «MDOG», 103, 1971.

Heinrich et al. 1973: Heinrich E. et al. Vierter vorläufiger Bericht über die... in Habuba Kabira und in Mumbaqaat unternommenen archäologischen Untersuchungen.— «MDOG», 105, 1973.

Helck 1971: Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien in 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden³, 1971.

Helck 1976: Helck W. Ägyptische Statuen im Ausland. Ein chronologisches Problem.— «UF», 8, 1976.

Helck 1979: Helck W. Einige Betrachtungen zu den frühesten Beziehungen zwischen Ägypten und Vorderasien.— «UF», 11, 1979.

Heusch 1977: Heusch J.-C. Tell Habuba Kabira im 3. und 2. Jahrtausend — Die Entwicklung der Baustruktur.— in: Margueron 1977. Strasbourg, 1977.

Hilprecht 1896: Hilprecht H. V. Old Babylonian inscriptions chiefly from Nippur.— In: «BE», 1, 1896.

Hirsch 1963: Hirsch H. Die Inschriften der Könige von Agade.— «AfO», 20, 1963.

Holland 1975: Holland T. A. An inscribed weight from Tell Sweyhat, Syria.— «Iraq», 37, 1975.

Holland 1976: Holland T. A. Preliminary report on excavations at Tell es-Sweyhat, Syria 1973—1974.— «Levant», 8, 1976.

Holland 1977: Holland T. A. Preliminary report on excavations at Tell es-Sweyhat, Syria, 1975.— «Levant», 9, 1977.

Huffman 1965: Huffman H. B. Amorite personal names in the Mari texts. Baltimore, 1965.

Ingholt 1940: Ingholt H. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie (1932—1938). Copenhagen, 1940.

Jacobsen 1939: Jacobsen T. The Sumerian King-list. Chicago, 1939.

Jacobsen 1957: Jacobsen T. Early political development in Mesopotamia.— «ZA», 52, 1957.

Jacobsen 1970: Jacobsen T. Towards the image of Tammuz. Cambridge Mass., 1970.

Jéquier 1933: Jéquier G. Les pyramides des reines Neit et Apouit. Le Caire, 1933.

Kayser 1969: Kayser H. Ägyptisches Kunsthandwerk. Braunschweig, 1969.

Keiser 1919: Keiser C. E. Selected temple documents of the Ur Dynasty.— «YOS», IV, 1919.

Kelly-Buccellati 1977: Kelly-Buccellati M. Towards

the use of quantitative analysis in Mesopotamian sphragistics.— «Mesopotamia», 12, 1977.

Kelly-Buccellati: Kelly-Buccellati M. Iconographic and formal analysis of Mesopotamian cylinder seals: a system description.— In: «Proceedings of the Ugarit Conference, Latakiah, 1979» (в печати).

Kenyon 1960: Kenyon K. M. Excavations at Jericho, I. London, 1960.

Kienast 1962: Kienast B. Das System der zweiradikaligen Verben im Akkadischen (Ein Beitrag zur vergleichenden Semitistik).— «ZA NF», 21, 1962.

Kienast 1980: Kienast B. Der Feldzugsbericht des Ennadagan in literarhistorischer Sicht.— «OA», 19, 1980.

Klengel 1965: Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.Z., I. Berlin, 1965.

Klengel 1970: Klengel H. Geschichte Syriens, III. Berlin, 1970.

Klengel 1974: Klengel H. Königtum und Palast nach den Alalah-Texten.— In: «Le Palais et la Royauté», Paris, 1974.

Klengel 1976: Klengel H. Vorderasien und die Induskultur. Zum Stand der Forschung.— «Wiss. Zeitschr., Humboldt-Univer. Berlin», 25, 1976.

Klengel 1979: Klengel H. Staats- und Tempelwirtschaft im alten Nahen Osten.— In: «State and temple economy in the Ancient Near East». Leuven, 1979.

Klengel 1979a: Klengel H. Zum Bewässerungsbau am Mittleren Euphrat nach den Texten von Mari.— «AoF», 7, 1979.

Klengel: Klengel H. Das mittlere Orontestal (Ghāb) in der Geschichte des vorhellenistischen Syrien.— «AoF», 9, (в печати).

Kobayashi 1975: Kobayashi Y. Graphemic analysis of Old Babylonian letters from Southern Babylonia.— «UCLA», 1975.

Kraus 1965: Kraus F. R. Könige, die in Zelten wohnten. Amsterdam, 1965.

Krecher 1967: Krecher J. Die pluralischen Verben für «gehen» und «stehen» im Sumerischen (A. «gehen»: I. pluralisch su_6 -b (präsentlich); II. pluralisch [ere] (präterital und kohortativisch); B. «stehen»: I. pluralisch $su_6/šu_6$ -g «stehen»; II. Verwechslung «stehen» — «gehen»).— «WO», 4, 1967.

Krecher 1974: Krecher J. Neue sumerische Rechtsurkunden des 3. Jahrtausends.— «ZA», 63, 1974.

Kühne 1976: Kühne H. Die Keramik vom Tell Chuera...— In: «Vorderasiatische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung», I. Berlin, 1976.

Kühne 1980: Kühne H. Das Rollsiegel in Syrien.— In: «Ausstellungskataloge der Universität Tübingen», 14, Tübingen, 1980.

Kühne, Orthmann 1974: Kühne H., Orthmann W. Mumbaqat 1973.— «MDOG», 106, 1974.

Kupper, Sollberger 1971: Kupper J. R., Sollberger E. Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes. Paris, 1971.

Kuryłowicz 1961: Kuryłowicz J. L'apophonie en sémitique. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961.

Kutscher 1965: Kutscher E. Y. Contemporary studies in North-Western Semitic.— «JSS», 10, 1965.

Kutscher 1977: Kutscher E. Y. b'qbwt [In the footsteps of] Ugaritica V: Hebrew and Aramaic studies.— «Ugaritica», V, 1977.

Kužvarí 1960: Kužvarí M. Der Einfluss der klimatischen Veränderungen in Quartär auf die Besiedlungen in Nordafrika und Arabien.— «ArOr», 28, 1960.

Lane 1863—1893: Lane E. W. An Arabic-English lexicon. London, 1863—1893.

Liere 1963: Liere (van) W. J. Capitals and citadels of Bronze—Iron Age Syria in their relationship to land and water.— «AAS», 13, 1963.

- Lipíński 1979: Lipíński E. Sale, transfer and delivery in Ancient Semitic terminology.— «*Akkadica*», 14, 1979.
- Liverani 1965: Liverani M. I tell pre-classici.— In: «*MAIS 1964*». Roma, 1965.
- Liverani 1968: Liverani M. Variazioni climatiche e fluttuazioni demografiche nella storia siriana.— «*OA*», 7, 1968.
- Loon 1977: Loon (van) M. 1974 and 1975 preliminary results of the excavations at Selenkahiye near Meskene, Syria.— «*AASOR*», 44, 1977.
- Loon 1979: Loon (van) M. 1974 and 1975 preliminary results of the excavations at Selenkahiye.— «*AASOR*», 46, 1979.
- Margueron 1975: Margueron J. Quatres campagnes de fouilles à Emar (1972—1974), un bilan provisoire.— «*Syria*», 52, 1975.
- Margueron 1977: Margueron J. (ed.). Le Moyen Euphrate, Zone de contacts et d'échanges. Actes du colloque de Strasbourg 10—12 mars 1977. Strasbourg, 1977.
- Margueron 1982: Margueron J. Recherches sur les palais mésopotamiens de l'âge du Bronze. Genève, 1982.
- Margueron: Margueron J. A propos des temples de Syrie du Nord, sanctuaires et clergés.— In: «*Études d'histoire des religions du Centre de Recherches d'Histoire des Religions de l'Université de Strasbourg*», (в печати).
- M.A.R.I.: «*M.A.R.I.*» 1, 2 (в печати).
- Marrassini 1978: Marrassini P. Considerazione sulle sibilante semitiche: il caso della šn.— «*EVO*», 1, 1978.
- Matthiae 1975: Matthiae P. Unité et développement du temple dans la Syrie du Bronze Moyen.— In: «*Le temple et le culte, Rencontre Assyriologique, Leiden, 1972*». Istanbul, 1975.
- Matthiae 1977: Matthiae P. Ebla. Un impero ritrovato. Torino, 1977.
- Matthiae 1979: Matthiae P. DU-UB^{ki} di Mardikh II B 1 = Tuba^{ki} di Alalakh VII.— «*SEB*», I, 1979.
- Matthiae et al. 1978: Matthiae P. et al. Tell Rif'at 1977. Preliminary report of an archaeological survey.— «*Iraq*», 40, 1978.
- Maxwell-Hyslop et al. 1942: Maxwell-Hyslop R. et al. An archaeological survey of the Plain of Jabbul.— «*PEQ*», 74, 1942.
- MDOG 1970: MDOG, 102, 1970.
- MDOG 1971: MDOG, 103, 1971.
- Mellaart: Mellaart J. The Later Prehistoric and the Early Historic Periods in the Near East. London (в печати) (ср. русский перевод: Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982).
- Mellink 1965; Mellink M. J. Anatolian chronology.— In: «*Chronologies in Old World archaeology*». Chicago, 1965.
- Milano 1980: Milano L. Due rendiconti di metalli da Ebla.— «*SEB*», II, 1980.
- Montet 1928: Montet P. Notes et documents pour servir à l'histoire des relations entre l'Égypte et la Syrie. V. Moyen Empire.— «*Kêmi*», 1, 1928.
- Montet 1929: Montet P. Byblos et l'Égypte. Paris, 1929.
- Moorgat 1964: Moorgat A. Tell Chuera in Nordost-Syrien, 3-e campagne 1960, 4-e campagne 1963, et 5-e campagne 1964. Wiesbaden, 1964.
- Morgan 1895: Morgan (de) J. Fouilles a Dahchour, mars — juin 1894. Vienne, 1895.
- Müller 1962: Müller W. W. Die Wurzeln Mediae und Tertiae y/w im Altsüdarabischen. Tübingen, 1962.
- Munn-Rankin 1956: Munn-Rankin J. N. Diplomacy in Western Asia in the early second millennium B. C.— «*Iraq*», 18, 1956.
- Naumann 1914: Naumann R. Architektur Kleinasiens, 1914.

Newberry 1938: Newberry P. E. Three travellers to Byblos and Pwene.— «JEA», 24, 1938.

Nissen 1966: Nissen H. J. Zur Datierung des Königsfriedhofes von Ur. Bonn, 1966.

Nougayrol 1956: Nougayrol J. Le palais royal d'Ugarit, IV. Textes accadiens des Archives Sud (Archives internationales). Paris, 1956.

Oates 1958—1967: Oates D. The excavations at Tell al Rimah.— «Iraq», 19—29, 1958—1967.

Oppenheim 1956: Oppenheim A. L. The interpretation of dreams in the Ancient Near East. Chicago, 1956.

Oren 1973: Oren E. D. The EB IV Period in Northern Palestine.— «BASOR», 210, 1973.

Orthmann 1976: Orthmann W. Mumbaqt 1974.— «MDOG», 108, 1976.

Orthmann 1977: Orthmann W. Burial Customs of the 3rd Mill. B. C. in the Euphrates Valley.— In: Margueron 1977. Strasbourg, 1977.

Orthmann 1981: Orthmann W. Halawa 1977—1979. Saarbrücken, 1981.

Parpola 1970: Parpola S. Neo-Assyrian toponyms.— «AOAT», 6, 1970.

Parrot 1956: Parrot A. Le temple d'Ishtar.— «MAM», 1, 1956.

Parrot 1967: Parrot A. Les temples d'Ishtar et de Ninni-Zaza.— «MAM», III, Paris, 1967.

Parrot 1968: Parrot A. Trésor d'Ur.— «MAM», IV, Paris, 1968.

Parrot 1974: Parrot A. Mari, capitale fabuleuse. Paris, 1974.

Payne 1968: Payne J. C. Lapis lazuli in Early Egypt.— «Iraq», 30, 1968.

Petraček 1963: Petraček K. Die innere Flexion in den semitischen Sprachen, IV.— «ArOr», 31, 1963.

Pettinato 1975: Pettinato G. Testi cuneiformi del 3. millennio in paleocananeo rinvenuti nella campagna 1974 a Tell Mardikh-Ebla.— «Or NS», 44, 1975.

Pettinato 1976: Pettinato G. The royal archives of Tell Mardikh-Ebla.— «BAR», 39, 1976.

Pettinato 1976a: Pettinato G. ÈD LU E ad Ebla. La ricostruzione delle prime 63 righe sulla base di TM.75.G.1488.— «OA», 15, 1976.

Pettinato 1976b: Pettinato G. Aspetti amministrativi e topografici di Ebla nel III millennio av.Cr.— «RSO», 50, 1976.

Pettinato 1974—1977: Pettinato G. Il calendario di Ebla al tempo del re Ibbi-Sipiš sulla base di TM.75.G.427.— «AFO», 25, 1974—1977.

Pettinato 1977: Pettinato G. Relations entre les royaumes d'Ebla et de Mari au troisième millénaire, d'après les archives royales de Tell Mardikh-Ebla.— «Akkadica», 2, 1977.

Pettinato 1977a: Pettinato G. Gli archivi reali di Tell Mardikh-Ebla: riflessioni e prospettive.— «RBiblt», 25, 1977.

Pettinato 1978: Pettinato G. Liste presargoniche di uccelli nella documentazione di Fara ed Ebla.— «OA», 17, 1978.

Pettinato 1978a: Pettinato G. L'Atlante geografico del Vicino Oriente antico attestato ad Ebla ed Abū Šalābīkh.— «Or NS», 47, 1978.

Pettinato 1979: Pettinato G. Ebla. Un impero inciso nell'argilla. Milano, 1979.

Pettinato 1979a: Pettinato G. Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh-Ebla. Napoli, 1979.

Pettinato 1979b: Pettinato G. Culto ufficiale ad Ebla durante il regno di Ibbi-Sipiš, Con una appendice di P. Mander.— «OA», 18, 1979.

Pettinato 1979c: Pettinato G. Il commercio internazionale di

Ebla: Economia statale e privata.— In: «State and Temple Economy in the Ancient Near East», Leuven, 1979.

Pettinato 1980: BAR interviews Giovanni Pettinato.— «BAR», VI, 5, 1980.

Pettinato 1980a: Pettinato G. Ebla e la Bibbia.— «OA», 19, 1980.

Pettinato 1980b: Pettinato G. Testi amministrativi della biblioteca L. 2769. Parte I. Napoli, 1980.

Pettinato 1980c: Pettinato G. Bolletino militare della campagna di Ebla contro la città di Mari.— «OA», 19, 1980.

Powell 1973: Powell M. A. Sumerian Area Measures and the Alleged Decimal Substratum.— «ZA», 62, 1973.

Powell 1974: Powell M. A. Graphic criteria for dating in the Old Babylonian Period.— «Or NS», 43, 1974.

Prag 1974: Prag K. The Intermediate Early Bronze — Middle Bronze Age.— «Levants», 6, 1974.

Reade 1968: Reade J. Tell Taja. Summary Report.— «Iraq», 30, 1968.

Reiner 1973: Reiner E. How we read cuneiform texts.— «JCS», 25, 1973.

Reisner 1931: Reisner G. A. Mycerinus. Cambridge Mass., 1931.

Reisner 1955: Reisner G. A. The tomb of Hetepheres the mother of Cheops. Cambridge Mass., 1955.

Renfrew 1972: Renfrew C. The emergence of civilisation. The Cyclades and the Aegean in the third millennium B. C. London, 1972.

Renger 1971: Renger J. Überlegungen zum akkadischen Syllabar.— «ZA», 61, 1971.

R L A: Ebeling E. und Meissner B. (et. al.) Reallexicon der Assyriologie. Berlin-Leipzig, 1932—

Roberts 1972: Roberts J. J. M. The earliest Semitic pantheon. Baltimore-London, 1972.

Röllig, Soden 1976: Röllig W., Soden (von) W. Das akkadische Syllabar. Roma, 1976.

Safar 1950: Safar F. Eridu. A preliminary report on the third season's excavations, 1948—1949.— «Sumer», 6, 1950.

Scandone-Matthiae 1976: Scandone-Matthiae G. Uno scarabeo del Secondo Periodo Intermedio da Tell Mardikh — Ebla.— «OA», 15, 1976.

Scandone-Matthiae 1979: Scandone-Matthiae G. Un oggetto faraonico della XIII dinastia dalla «Tomba del Signore dei capridi».— «SEb», I, 1979.

Scandone-Matthiae 1979a: Scandone-Matthiae G. Vasi iscritti di Chefren e Pepi I nel Palazzo Reale G di Ebla.— «SEb», I, 1979.

Scandone-Matthiae: Scandone-Matthiae G. Le relazioni tra la Siria e l'Egitto dall'Antico al Medio Regno (русский перевод см. в наст. сб.). Schaeffer 1939: Schaeffer C. F. A. Ugaritica I. Paris, 1939.

Schulman 1976: Schulman A. R. The Egyptian seal Impressions from 'En Besor.— «Atiqot, Eng. Ser.», II, 1976.

Smith 1965: Stevenson W. Smith. Interconnections in the Ancient Near East. New Haven, 1965.

Soden 1952: Soden (von) W. Grundriss der Akkadischen Grammatik. Roma, 1952.

Soden 1959—1981: Soden (von) W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959—1981.

Sollberger 1952: Sollberger E. Le système verbal dans les inscriptions royales présargoniques de Lagas. Genève, 1952.

Sollberger 1956: Sollberger E. Corpus des inscriptions royales présargoniques de Lagaš. Genève, 1956.

Sollberger 1972: Sollberger E. Ur-III society: Some unanswered questions. München, 1972.

Sollberger 1980: Sollberger E. The so-called treaty between Ebla and Ashur.— «SEb», III, 1980 (русский перевод см. в наст. сб.).

Stadelman 1967: Stadelman R. Syrisch-Palästinensische Gottheiten in Ägypten. Leiden, 1967.

Strommenger 1969: Strommenger E. Die Funde.— In: Heinrich et al. 1969. «MDOG», 101, 1969.

Strommenger 1970: Strommenger E. Keramik.— In: Heinrich et al. 1970. «MDOG», 102, 1970.

Strommenger 1971: Strommenger E. Keramik.— In: Heinrich et al. 1971. «MDOG», 103, 1971.

Sürenhagen 1973: Sürenhagen D. Friedhöfe in Habuba Kabira-Süd.— In: Heinrich et al. 1973. «MDOG», 105, 1973.

Syria 1938: «Syria», 19, 1938.

Tawfik 1978: Tawfik S. Die Alabasterpalette für die sieben Salböle im Alten Reich.— «Gött. Micz.», 30, 1978.

Thureau-Dangin 1899: Thureau-Dangin F. Recherches sur l'origine de l'écriture cunéiforme. Paris, 1899 (et Suppl.).

Tosi, Riperno 1973: Tosi M., Riperno M. Lithic technology behind the ancient lapis lazuli trade.— «Expedition», 16, 1973.

Vercoutter 1975: Vercoutter J. Le roi Ougaf et la XIIIème dynastie sur la IIème cataracte (stèle de Mirgissa IM.375).— «RdE», 27, 1975.

Ward 1963: Ward W. A. Egypt and the East Mediterranean from Predynastic Times to the End of the Old Kingdom.— «JESHO», 6, 1963.

Ward 1979: Ward W. A. Remarks on some Middle Kingdom statuary found at Ugarit.— «UF», 11, 1979.

Watson 1965: Watson P. J. The chronology of North Syria and North Mesopotamia.— In: «Chronologies in Old World archaeology». Chicago, 1965.

Weinstein 1974: Weinstein J. M. A statuette of the princess Sobeknefru at Tell Gezer.— «BASOR», 213, 1974.

Weinstein 1975: Weinstein J. M. Egyptian relations with Palestine in the Middle Kingdom.— «BASOR», 217, 1975.

Westenholz, Westenholz 1977: Westenholz A., Westenholz J. Help for rejected suitors. The Old Akkadian love incantation. MAD V 8.— «Or NS», 46, 1977.

Wirth 1971: Wirth E. Syrien. Eine geographische Landeskunde. Darmstadt, 1971.

Woolley 1914: Woolley C. L. Hittite burial customs.— «LAAA», 6, 1914.

Woolley 1955: Woolley L. Alalakh, an Account of the Excavations at Tell Atchana in the Hatay, 1937—1949. Oxford, 1955.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории (Москва).
AAAS — Annales archéologiques Arabes Syriennes.
AASOR — Annual of the American School of Oriental Research (New Haven, Conn.).
AbB — Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung
ABZ — Borger R. Assyrisch-babylonische Zeichenliste. Kevelaer / Neukirchen-Vluyn, 1978.
Akkadica — Akkadica. Périodique bimestriel de la Fondation Assyriologique Georges Dossin / Tweemaandelijks periodiek van de Assyriologische Stichting Georges Dossin (Bruxelles).
AE — AnEb.
AIO — Archiv für Orientforschung (Graz).
AHW — Soden (von) W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959—1981.
AION — Annali dell'Istituto Orientale di Napoli (Napoli).
AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran, neue Folge (Berlin).
AnEb — Annali di Ebla (Studi sulle culture della Siria preellenistica).— Missione Archeologica Italiana in Siria, Università degli Studi di Roma (Roma).
ANLR — Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche (Firenze).
AnOr — Analecta Orientalia (Roma).
AO — Tablets in the collection of the Musée du Louvre (Paris).
AOAT — Alter Orient und Altes Testament. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte des Alten Orients. Herausgegeben von Kurt Bergerhof — Manfred Dietrich — Oswald Loretz.
AoF — Altorientalische Forschungen (Berlin). [Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie, Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients].
AOS — American Oriental Series (Chicago).
Arch. Anz. — Archäologischer Anzeiger (Berlin).
ARET — Archivi Reali di Ebla Testi.
ArOr — Archiv Orientální (Praha).
AS — Abu Salabikh (inventory number).
'Atiqot, Eng. Ser. — 'Atiqot, Journal of the Israel Department of Antiquities (Jerusalem), English Series.

- BAR — Biblical Archaeology Review (Washington).
- BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research (New Haven, Conn.).
- BE — Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, Series A: Cuneiform Texts.
- Biblica — Biblica. Commentarii editi cura Pontificij Instituti Biblici (Roma).
- BIFAO — Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire (Le Caire).
- BIN — Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies.
- BMB — Bulletin du Musée de Beyrouth (Paris).
- CAAA — Gelb I. J. Computer-Aided Analysis of Amorite. Chicago, 1980.
- CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956— (издание не завершено).
- Corpus — Sollberger E. Corpus des inscriptions royales présargoniques de Lagas. Genève, 1956.
- CRRA 25 — Compte Rendu, 25 Rencontre Assyriologique Internationale.
- DRS — Cohen D. Dictionnaire des racines sémitiques. Paris-La Haye, 1970.
- EA — Knudtzon J. A. Die El-Amarna-Tafeln (VAB 2) Rainey A. F. El Amarna Tablets (AOAT 8).
- EVO — Egitto e Vicino Oriente. Rivista dell' Istituto di Storia Antica, Università degli Studi di Pisa (Pisa).
- Gött. Misz. — Göttinger Miscellen. Beiträge zur Ägyptologischen Diskussion (Göttingen).
- GLECS — Groupe Linguistique d'Études Chamito-Sémitiques, Comptes rendus des Séances (Paris).
- HAL — Baumgartner W. Hebraisches und aramäisches Lexikon zum A.T. Leiden, 1967.
- Hebr. AnR. — Hebrew Annual Review (Ohio State University)
- IEJ — Israel exploration journal (Jerusalem).
- Iraq — Iraq. Published by the British School of Archaeology in Iraq (London).
- JCS — Journal of Cuneiform Studies (New Haven, Conn.)
- JEA — Journal of Egyptian Archaeology (London).
- JEOL — Jaarbericht van het Vooraziatischen-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux» (Leiden).
- JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient (Leiden).
- JNES — Journal of Near Eastern Studies (Chicago).
- JSS — Journal of Semitic Studies (Manchester).
- KBo — Keilschrifttexte aus Bogazköi. Berlin, 1927 — (издание не завершено).
- KUB — Keilschriftsurkunden aus Bogazköi. (Berlin).
- LAAA — Association of Archaeology and Anthropology of the University of Liverpool (Liverpool).
- LAK — Deimel A. List der Archaischen Keilschrifttexten aus Fara. Leipzig, 1922.
- Levant — Levant. Journal of the British School of Archaeology in Jerusalem (London).
- MAD — Materials for the Assyrian Dictionary.
- MAIS — Missione archeologica italiana in Siria.

- MAM — Mission archéologique de Mari (Paris).
 MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft (Berlin).
 MEE — Materiali Epigrafici di Ebla (Napoli).
 Mesopotamia — Mesopotamia. Rivista di archeologia a cura del Centro di Ricerche Archeologiche e Scavi di Torino per il Medio Oriente e l'Asia. Università di Torino, Facoltà di Lettere e Filosofia (Torino).
- MSL — Materialien zum sumerischen Lexikon; Materials for the Sumerian Lexicon. Roma, 1951 — (издание не завершено).
- NSGU — Falkenstein A. Die neusumerische Gerichtsurkunden, I—III. München, 1956—1957.
- OA — Oriens Antiquus. Rivista del Centro dell'arte del Vicino Oriente (Roma).
 — Oriental Institute Publications (Chicago).
 — Orientalia. Nova Series (Roma).
 — OA.
 — La parola del passato (Napoli).
- OIP — Oriental Institute Publications (Chicago).
 Or NS — Orientalia. Nova Series (Roma).
 OrAn — OA.
 PdP — La parola del passato (Napoli).
 PEQ — Palestine Exploration Quaterly (London).
 PRU — Nougayrol J. Le Palais Royal d'Ugarit, I—IV. Paris, 1956.
- RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale (Paris).
 RA1 — Rencontre Assyriologique Internationale.
 RBibIt — Rivista Biblica Italiana (Brescia).
 RdE — Révue d'Égypte (Paris).
 REC — Thureau-Dangin F. Recherches sur l'origine de l'écriture cunéiforme. Paris, 1899.
- RGTC — Edzard D., Farber G., et Sollberger E. Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes, I—II. Wiesbaden, 1974—1977.
- RLA — Ebeling E. und Meissner B. et al. Reallexikon der Assyriologie, Berlin—Leipzig, 1932 — (издание не завершено).
- RSO — Rivista degli Studi Orientali (Roma).
 SEb — Studi Eblaïti (Missione Archeologica Italiana in Siria), Università degli Studi di Roma (Roma).
- SMS — Syro-Mesopotamian Studies [Monographic Journal of the Near East] (Malibu, Cal.).
- Sumer — Sumer. A Journal of Archaeology and History in Iraq. The Republic of Iraq. Directorate General of Antiquities (Baghdad).
- Syria — Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie (Paris).
 UF — Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas (Neukirchen-Vluyn).
- VAB — Vorderasiatische Bibliothek.
 VTS — Vetus Testamentum, Supplementum (Leiden).
 WO — Die Welt des Orients. Wissenschaftliche Beiträge zur Kunde des Morgenlandes (Göttingen).
- ZA — Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie (Berlin).
 ZA NF — Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie, Neue Folge (Berlin).

СОДЕРЖАНИЕ

Раскопки Эблы 1964—1982 гг.: итоги и перспективы. Введение. П. Маттиэ. <i>Перевод с английского И. М. Дунаевской</i>	6
---	---

I. Археология

Дж. Меллаарт. Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000—1500 гг. до н. э.). <i>Перевод с английского Л. С. Горбовицкой</i>	20
П. Маттиэ. Царский дворец G в Эбле и протосирийские архитектурные традиции. <i>Перевод с английского И. М. Дунаевской</i>	34
М. Н. ван Лоон. Конец периода Ранней бронзы в Сирии: проблемы хронологии и интерпретации. <i>Перевод с английского Л. С. Горбовицкой</i>	52
В. Ортманн. Керамика Ранней и Средней бронзы на Среднем Евфрате и ее связи с керамикой Хамы и Эблы. <i>Перевод с немецкого Л. С. Горбовицкой</i>	61
Г. Скаядоне-Маттиэ. Связи между Эблой и Египтом в период Ранней и Средней бронзы. <i>Перевод с итальянского Е. А. Глинки</i>	82
Ж.-К. Маргерон. Мари — самобытность или заимствования? <i>Перевод с французского И. М. Дунаевской</i>	96

II. Язык и письмо

Дж. Вуччеллати. Очерки эблантской графематики. <i>Перевод с английского И. М. Дунаевской</i>	114
Э. Соляберже. Заметки о палеографии текстов из Эблы. <i>Перевод с французского И. М. Дунаевской</i>	133
П. Фрондзароли. Проблемы эблантской фонетики. <i>Перевод с итальянского Е. А. Глинки</i>	141
П. Фрондзароли. К трактовке эблантской морфологии. <i>Перевод с итальянского Е. А. Глинки</i>	163
А. Арки. Двухязычные словарные тексты из Эблы. <i>Перевод с французского И. М. Дунаевской</i>	191
Д. О. Эдгард. К типологии административных текстов из Эблы. <i>Перевод с немецкого И. М. Дунаевской</i>	200

III. История

Х. Кленгель. Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы. <i>Перевод с немецкого И. М. Дунаевской</i>	206
А. Арки. Об организации государства Эблы в III тысячелетии до н. э. <i>Перевод с английского И. М. Дунаевской</i>	219
П. Фрондзароли. Царское судебное решение из архивов Эблы. <i>Перевод с итальянского Е. А. Глинки</i>	238
Э. Солльберже. Так называемый договор между Эблой и «Ашшуром». <i>Перевод с английского И. М. Дунаевской</i>	257
Д. О. Эдцард. Кто был Энна-Даган, лугаль Маря? <i>Перевод с немецкого И. М. Дунаевской</i>	263
А. Арки. Связи Эблы и Маря. <i>Перевод с итальянского Е. А. Глинки</i>	272

IV. Географический кругозор Эблы

П. Гарелли. Замечания по топонимике из архивов Эблы. <i>Перевод с французского И. М. Дунаевской</i>	280
А. Арки. Заметки о географическом кругозоре текстов Эблы III тысячелетия до н. э. <i>Перевод с английского И. М. Дунаевской</i>	297
Значение Эблы для истории и языкознания. <i>Заключительная статья И. М. Дьяконова</i>	318
Библиография. <i>Составил И. Ф. Нафтумев</i>	351
Список сокращений	362

ДРЕВНЯЯ ЭБЛА

ИБ № 13286

Редактор *В. Д. Мазо*
Младший редактор *Р. И. Алимова*
Художник *В. Ю. Новиков*
Художественный редактор *Ю. В. Булдаков*
Технический редактор *Г. В. Лазарева*
Корректор *Н. И. Мороз*

Сдано в набор 12.04.84. Подписано в печать 31.01.85.
Формат 60×84^{1/8}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,39
печ. л. 0,17 вклеек. Усл. кр.-отг. 21,73. Уч.-изд.
л. 21,78. Тираж 4500 экз. Заказ № 594. Цена 2 р.
Изд. № 36128

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy
бульвар, 17.

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской
Революции и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва,
Валовая, 28.

Отпечатано в Ленинградской типографии № 2 го-
ловном предприятии ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградского объединения «Техниче-
ская книга» им. Евгения Соколовой Союзполиграф-
прома при Государственном комитете СССР по
делам издательства, полиграфии и книжной тор-
говли. 199052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский
проспект, 29